

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[190]
ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(125)

Редакционный совет:

академик РАО, д. и. н., проф. Л.С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д. и. н., проф. С.П. Карпов (сопредседатель);
д. и. н., проф. Н.С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. Л.И. Бородкин;
д. и. н., проф. А.Г. Голиков; д. и. н., проф. С.В. Девятов;
д. и. н. О.Е. Казьмина; д. и. н. А.Р. Канторович;
гл. н. с., д. и. н. Л.В. Кошман; Н.В. Литвина; д. и. н., проф. Г.Ф. Матвеев;
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. С.В. Мироненко; к. э. н. С.В. Орлов;
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. Е.И. Пивовар;
д. и. н. А.В. Подосинов; д. фил. н., проф. О.В. Раевская;
к. и. н. Ю.Н. Роголев; д. и. н. С.Ю. Сапрыкин;
член-корреспондент РАН, д. иск., проф. В.В. Седов;
д. э. н., проф. В.В. Симонов; к. и. н. О.В. Солопова;
к. и. н. А.А. Тальзина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ**

Выпуск VI

**OPVSCVLA CATHEDRAE
LINGVARVM ANTIQVARVM**

Fasc. VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2020

УДК 378.4(470-25).096:94:81'02(091)(082)

ББК 74.483я43 + 81.04я43

Т 78

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
от 18 ноября 2020 г. (протокол № 6)*

Рецензенты:

д. и. н., заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *С.Ю. Сапрыкин*

д. и. н., заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН, проф. *А.А. Масленников*

Редакционная коллегия:

д. и. н. *А.В. Подосинов* (ответственный редактор),

к. ф. н. *Е.В. Приходько*, к. и. н. *И.Ю. Шабига*

Т 78 Труды кафедры древних языков. Вып. VI / Отв. редактор А.В. Подосинов. — М.: Индрик, 2020. — 328 с. — (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 190. Сер. II: Исторические исследования, 125).

ISBN 978-5-91674-609-9

Настоящий сборник научных статей, подготовленный сотрудниками кафедры древних языков исторического факультета МГУ, посвящен различным проблемам классической филологии, античной истории, культуры, географии и этнографии, средневековой литературы. В книге впервые публикуются переводы некоторых древнегреческих, латинских и ирландских сочинений. Традиционно в сборник включены некоторые учебно-методические разработки, связанные с преподаванием античной литературы.

Для историков и филологов, преподавателей и студентов вузов, а также для всех, интересующихся античной культурой.

На обложке — мощеная улица в центре города Патары в юго-западной Ликии (фото Е.В. Приходько)

УДК 378.4(470-25).096:94:81'02(091)(082)

ББК 74.483я43 + 81.04я43

ISBN 978-5-91674-609-9

© Исторический факультет МГУ, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство «Индрик», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот очередной VI выпуск «Трудов кафедры древних языков» коллектив кафедры посвящает трем своим сотрудникам, которые в 2020 году отпраздновали свои юбилеи. Это Ольга Викторовна Смыка, Ирина Юрьевна Шабага и Ирина Владимировна Кувшинская — преподаватели древнегреческого и латинского языков, которые много лет своей жизни посвятили просвещению российского юношества на историческом факультете МГУ.

Ольга Викторовна Смыка пришла на кафедру почти сразу после окончания отделения классической филологии филологического факультета МГУ в 1968 г. Ее стаж работы на кафедре насчитывает почти полвека! Она воспитала несколько поколений антиковедов, которыми гордится, с которыми на протяжении многих лет поддерживает теплые отношения и которые «козыряют» тем, что учили древнегреческий «у самой Смыка». Я это слышал много раз от

Ольга Викторовна Смыка

самых именитых антиковедов страны. Но больше всего Ольга Викторовна поражает, пробуждая во всех нас творческий импульс, своими замечательными переводами древнегреческих и византийских авторов. Она переводила «Аргонавтику» Аполлония Родосского, орфическую «Аргонавтику», Гомеровские гимны, Орфические гимны, гимны Прокла и Синезия, произведения Софокла, Каллимаха, Арриана, Диона Хрисостома, Филострата Старшего, Намациана, Менандра, Квинта Смирнского, Мануила Фила, Константина Манасси, Алексея Комнина и др. (список публикаций см. в V выпуске «Трудов кафедры»). В этом Выпуске «Трудов кафедры» читатель может познакомиться с последними переводами Ольги Викторовны. В настоящее время Ольга Викторовна успешно продолжает свою педагогическую и переводческую деятельность.

Ирина Юрьевна Шабага

Наиболее значимым в ее переводческой практике можно считать перевод латинских панегириков, опубликованный в 2017 г. с приложением латинского текста и комментариев. Кроме того, Ирина Юрьевна перевела некоторые речи Оптациана Порфирия, Аврелия Симмаха и Либания, отдельные книги «Естественной истории» Плиния Старшего, а также трактат Л. Вруни «О правильном переводе» и др. Научные труды Ирины Юрьевны посвящены политической истории позднеримской империи и основаны на тщательном историко-филологическом анализе исторических источников. Ирина Юрьевна многие годы является заместителем заведующего кафедрой древних языков, выполняя огромный объем работы по организации учебного процесса.

Ирина Владимировна Кувшинская училась на историческом факультете МГУ, который закончила в 1981 году. Ее стаж работы на кафедре составляет почти 40 лет. Ирина Владимировна преподает латинский язык самым разным студентам — историкам, искусствоведам, юристам. Пожалуй, самое близкое ей увлечение и направление научной работы заключается в сопряжении текста (как правило, латинского) и образа, будь то русский храм Знамени в усадьбе Дубровицы с латинскими надписями, или фрески Пьеро делла Франческа в церкви Святого Франциска в Ареццо с целой

Ирина Юрьевна Шабага закончила кафедру древнего мира исторического факультета МГУ в 1974 г. и с тех пор работает на кафедре древних языков. Руководителем ее кандидатской диссертации был зав. кафедрой истории древнего мира В.И. Кузицин. Преподавая древнегреческий и латинский языки, в которых она, написавшая немало учебных пособий, считается одним из лучших специалистов кафедры, Ирина Юрьевна много переводит с этих языков.

Ирина Владимировна Кувшинская

изобразительной программой, подкрепляемой латинскими текстами, или латинские надписи Сиенского собора. Несколько работ Ирины Владимировны посвящено истории Немецкой слободы в Москве в XVII–XVIII вв. с особым вниманием к латинской составляющей этой истории. Как и большинство сотрудников кафедры, Ирина Владимировна много внимания, сил и времени уделяет переводам с латинского: ею переведены «Житие Святого Эгидия», «Книга чудес Святого Эгидия», «Рассказ Магистра Григория Оксфордского о чудесах города Рима», «Истории о непостоянстве Фортуны» Поджо Браччолини и жемчужина средневековой литературы «Золотая легенда Иакова Ворaginiнская» в двух томах, которую много лет ждали искусствоведы и которую она перевела и издала в сотрудничестве с И.И. Аникьевым. Пристальное внимание к образу и образности в мировом искусстве в сочетании с латинской основой сделали преподавание латыни для студентов-искусствоведов их любимым предметом.

Наши юбиляры — великолепные специалисты и прекрасные люди, вносящие в общий букет сотрудников кафедры свои неподражаемые краски, черты и интонации, без которых кафедральная жизнь была бы не такая яркая и интересная. Коллектив кафедры искренне желает им многих лет жизни, здоровья, оптимизма, творческих успехов и любимых и талантливых учеников!

* * *

Сборник трудов кафедры древних языков содержит статьи и публикации всех сотрудников кафедры, включая юбиляров, и показывает научные интересы каждого, которые очень разнообразны. Несмотря на то, что авторы научных статей касаются различных тем — истории, филологии, мантики, археологии, эпиграфики, этнографии, философии, искусства, теологии — их объединяет одно: любовь к слову, филологическая акрибия, всесторонняя интерпретация текста. Так же разнообразны переводы, помещенные в этот выпуск, — это и переводы из Горация, и речи Симмаха к римским императорам Валентиниану I и Грациану, и поэма Коллуфа «Похищение Елены», и трактат Поджо Браччолини «Истории о непостоянстве Фортуны». Завершается выпуск рецензией на французскую книгу, посвященную молитве в платонической традиции, и программой спецкурса «Античная литература», который читается сотрудниками кафедры для историков древнего мира и всех желающих на историческом факультете.

Я надеюсь, что и этот, 6-й, выпуск «Трудов кафедры древних языков» будет благосклонно принят читателями и доставит им интеллектуальное удовольствие, будь это профессиональные антиковеды или любители античности.

Октябрь 2020 г.

Зав. кафедрой древних языков
исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова
д. и. н., проф. А.В. Подосинов

А.О. Корчагин

ИМЯ БОГА ШАДДАЙ И ЕГО ТРАКТОВКА В СЕПТУАГИНТЕ

Среди ряда имен Бога в Ветхом Завете присутствует имя Шаддай (שַׁדַּי). Это имя встречается в Танахе 48 раз. При этом 7 раз оно дано в форме Эль-Шаддай¹ (אֱלֹהֵי שַׁדַּי), первый элемент которой, несомненно, указывает на то, что Шаддай — имя Бога).

Впервые имя Шаддай зафиксировано в 17-й главе книги Бытия, где Бог является под этим именем Аврааму. В дальнейшем это имя упоминается в 9 книгах Ветхого Завета (в книге Бытия, в Исходе, Числах, в книге Руфь, книге Иова, в Псалтири, в книгах пророков Исайи, Иезекииля и Иоиля). Чаще всего имя Шаддай встречается в книге Иова (31 раз). Каково точное значение этого имени? Дать ответ на этот вопрос чрезвычайно трудно, и среди ученых существует ряд гипотез на этот счет.

Наиболее популярной, возможно, является гипотеза, предложенная еще в конце позапрошлого века Ф. Деличем² и поддержанная У. Олбрайтом³, согласно которой имя Шаддай связывается с аккадским словом *shadû* «гора», таким образом, первоначально Шаддай — это Бог гор. Согласно точке зрения Олбрайта, изначально Шаддай — это месопотамское божество, бог священной горы, чей культ был впоследствии принят в Израиле, а черты и атрибуты, присущие этому божеству, соединились в сознании народа с чертами, присущими Яхве. В пользу этой гипотезы можно привести эпизод из 3-й Книги Царств (в иудейской традиции — 1-я Книга Царей). В 21-й главе этой книги рассказывается о битве сирийского царя Бен-Хадада с войском Израиля при Шомроне (Самарии). Битва была проиграна Сирией. Сирийцы из войска Бен-Хадада объясняют свое поражение тем, что израильский Бог — это Бог гор, поэтому битва в гористой местности принесла Израилю победу⁴.

---

¹ Быт. 17:1, 28:3, 35:11, 43:14, 48:3, Исх. 6:3, Иез. 10:5.

² Delitsch 1896, 642–643.

³ Albright 1968, 94.

⁴ 3 Цар. 21:23.

Связь Бога и гор прослеживается в Библии достаточно четко. Так, общеизвестно, что на горе Синай Моисей получил божественное откровение и на Синае был дарован Закон⁵. Бог велит взойти Аврааму на гору Мориа и там принести в жертву Исаака⁶. Илия беседует с Богом на горе Хорив⁷. В Псалтири прямо говорится: אֱלֹהֵי צוּרִי («мой Бог — моя скала»)⁸. Скала здесь служит обозначением твердости, крепости, то есть метафорически это обозначает «мой Бог — моя твердыня». В связи с этим С.С. Аверинцев предлагает переводить имя Шаддай как «крепкий»⁹. Кроме того, в книге Чисел зафиксировано личное имя Цуришаддай¹⁰, которое в переводе означает «скала (или твердыня) моя — Шаддай».

Однако существуют и иные гипотезы относительно этимологии имени Шаддай. Так, согласно М. Вайшперту¹¹, слово שַׁדַּי связано со словом שָׂדֵה, которое обозначает «поле», причем дикое, невозделанное поле. Таким образом, согласно этой теории, Шаддай — это Бог поля, а точнее — покровитель полевых зверей, как доказывает Вайшперт в упомянутой статье. Той же точки зрения придерживается Эрнст Кнауф¹², который считает, что аккадское *shadû* («гора») и еврейское שַׁדַּי являются однокоренными словами и обозначают открытое пространство, место, где отсутствует земледелие и животноводство, место для обитания диких зверей и для охоты. Разницу в фонетическом облике слов שַׁדַּי и שָׂדֵה Кнауф объясняет тем, что слово שָׂדֵה проникло в иудейский говор из северных, израильских диалектов.

Согласно еще одной точке зрения, имя Шаддай может быть производно от глагола שָׁדַד («разрушать, губить»), таким образом имя Шаддай трактуется как Бог, несущий разрушение и гибель. Такую точку зрения высказывал в середине XIX в. знаменитый немецкий библиист Вальтер Гезениус, который возводил имя Шаддай к вышеупомянутому глаголу и сопоставлял его с арабским прилагательным *shadid* («сильный», также данное слово можно трактовать как «насильник, губитель»)¹³. Некоторые места Ветхого Завета могут служить подкреплением этой точки зрения. Так, например, Шад-

⁵ Исх. 19:20.

⁶ Быт. 22:2.

⁷ 3 Цар. 19:8–18.

⁸ Пс. 17/18:3.

⁹ Аверинцев 1998, 95.

¹⁰ Чис. 1:6, 2:12, 10:19.

¹¹ Weippert 1976, 873–881.

¹² Knauf 1999, 749–753.

¹³ Gesenius 1850, 1036.

дай трактуется как губитель у Исаяи¹⁴ и у Иоиля¹⁵. Однако данная точка зрения в современной науке в основном отвергнута, так как фонетически арабскому «шин» в древнееврейском должен в данной позиции соответствовать не «шин», а «син». Что касается вышеупомянутых контекстов у Исаяи и Иоиля, где Шаддай назван губителем, то Эрнст Кнауф считает, что в данном случае имеет место игра слов, игра смыслов¹⁶, тем более нужно учитывать, что серьезных и точных этимологических исследований в древности еще не было.

Кроме того, существует гипотеза, согласно которой имя Шаддай возводится к слову שָׁדַי — «женская грудь»¹⁷. Таким образом, согласно этой этимологии Шаддай предстает как Бог-кормилец, Бог плодородия. Данная версия происхождения слова нашла отражение в некоторых местах книги Бытия. Так, Исаак, благословляя своего сына Иакова, говорит ему: «Да благословит тебя Шаддай, да расподит Он и да размножит тебя»¹⁸. В свою очередь Иаков, давая благословение Иосифу, говорит: «Да благословит тебя Шаддай... благословениями сосцов (שָׁדַיִם) и утробы»¹⁹. Однако данная этимология также спорна. В слове שָׁדַיִם («грудь, сосцы»), в отличие от слова שָׁדַי, отсутствует срединный *dagui*, и удвоение буквы *dalet* здесь не предполагается. В рассматриваемых местах из Бытия также, возможно, имеет место игра слов и реэтимологизация²⁰.

Согласно еще одной версии, впервые предложенной Редфордом, имя Шаддай не является исконно семитским, но заимствовано из древнеегипетского языка. Согласно этой теории, имя Шаддай происходит от египетского слова šd, которое означает «помощник»²¹. Эту точку зрения разделяет также Гёрг²². Однако данная гипотеза также спорна, поскольку с точки зрения фонетики соотнести имя Шаддай с древнеегипетским словом достаточно трудно²³.

Наконец, упомянем еще об одной гипотезе, особенно распространенной в раввинистической традиции. Согласно этой точке зрения, имя Шаддай состоит из двух элементов: подчинительного союза שֶׁ («который») и наречия יָרַי («достаточно, довольно»). Смысл дан-

¹⁴ Иса. 13:6

¹⁵ Иоиль 1:15.

¹⁶ Knauf 1999, 751.

¹⁷ Dhorme 1922, 230–231.

¹⁸ Быт. 28:3.

¹⁹ Быт. 49:25.

²⁰ Knauf 1999, 750.

²¹ Redford 1970. 129.

²² Görg 1981, 13–15.

²³ Knauf 1985, 97; Niehr, Steins 2004, 412.

ной этимологии раскрывается, например, в талмудическом трактате «Хагига»²⁴: после того, как Бог сотворил мир, Он сказал: «Достаточно» (אֵין), будучи довольным тем миром, который Он сотворил. Данная гипотеза явно ошибочна и вряд ли может рассматриваться как научная, однако такое понимание имени Шаддай нашло место в греческом переводе книги Руфь, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, как мы видим, существует множество различных трактовок имени Шаддай, некоторые из которых имеют разумное основание, а некоторые вызывают споры или являются явно ошибочными. Тем не менее, точная этимология слова до сих пор неизвестна и, как констатируют Нир и Стайнс, «до сих пор не представлено убедительной этимологии слова Шаддай, и решение вопроса о его этимологии заставляет ждать появления дополнительных материалов, имеющих отношение к данной проблеме»²⁵.

Не менее интересно рассмотреть способы перевода рассматриваемого имени в греческом переводе Семидесяти толковников, известном как Септуагинта (далее сокращенно — LXX). В разных частях LXX имя Шаддай передается по-гречески по-разному и обнаруживает разные способы понимания этого имени.

Как известно, в ряду ветхозаветных книг на греческий язык первым было переведено Пятикнижие. В древнееврейском Пятикнижии это имя Бога чаще всего встречается в форме אֱלֹהֵי שָׁדַי. Данное словосочетание в Пятикнижии передается обычно словом θεός («Бог») с генетивом личного или указательного местоимения: θεός μου («Бог мой») в Быт. 28:3, 43:14, 48:3, θεός σου («Бог твой») в Быт. 17:1, 35:11, в Исх. 6:3 — θεός ὢν αὐτῶν («Сущий Бог их»; в этом случае добавлено причастие от глагола εἶμι («быть»)). В Быт. 49:25 титул Эль-Шаддай передан словом θεός с притяжательным местоимением ἐμός («мой»). Всякий раз выбор местоимения обусловлен контекстуально: в Быт. 17:1 имя употреблено в речи Бога, обращенной к Аврааму, в Быт. 35:11 слова Бога обращены к Иакову, в Быт. 28:3 имя встречается в благословении Исаака, в Быт. 43:14, 48:3, 49:25 — в речах Иакова (Исаак и Иаков соответственно называют Шаддая «Бог мой»). В Исх. 6:3 имя используется в речи Бога, обращенной к Моисею, где Бог говорит о Своем явлении Аврааму, Исааку и Иакову и называет себя «Богом их». В книге Чисел, где имя встречается в форме אֱלֹהֵי שָׁדַי, оно передается просто словом θεός («Бог»). Возможно, как пишет Рессель, передача древнееврейского имени существительным θεός с родительным падежом местоимения

²⁴ Хагига 12а.

²⁵ Niehr, Steins 2004, 422.

говорит о том, что переводчики прочли в имени арамейскую частицу ׀, которая может использоваться для выражения генетивных отношений²⁶. Так это или нет, проверить трудно, однако не вызывает сомнения тот факт, что переводчики Пятикнижия, используя подобную стратегию, хотят подчеркнуть в переводе особую близость человека и Бога, их тесные взаимоотношения.

Иная стратегия прослеживается в греческом переводе книги Руфь, где имя Шаддай встречается дважды в речи Ноемини²⁷. После того, как Ноеминь потеряла обоих сыновей, она говорит, что нужно называть ее теперь не Ноеминью, а Марой²⁸, потому что Шаддай принес ей огорчение. Возможно, упоминание имени Шаддай в этом контексте позволяет говорить о трактовке этого имени как «Бог, посылающий несчастья, огорчения». Оба раза в речи Ноемини в LXX слово передано по-гречески как *ικανός* («достаточный», «удовлетворенный»), но также это слово можно понимать как «способный», «могучий»). Возможно, в данных контекстах имя Шаддай было понято как производное от слов ׀ («который») и наречия ׀ («достаточно»), таким образом, переводчик Руфи понимает имя как «Бог, которому достаточно».

На то, что здесь имеет место именно такое понимание, настаивает, в частности, Райсс²⁹. Данная точка зрения на происхождение имени Шаддай, о которой нами было сказано выше, получила широкое распространение в раввинистической традиции. Если в греческом переводе книги Руфь имеет место именно такая трактовка, то можно говорить, что подобная концепция была известна еще в период эллинизма.

Особенного внимания заслуживает рассмотрение перевода книги Иова, в которой имя Шаддай встречается чаще, чем в других книгах Ветхого Завета (31 раз). При анализе этой книги в переводе LXX можно обнаружить, что рассматриваемое имя Бога в ней по-гречески передается по-разному. Чаще всего Шаддай передается здесь по-гречески как *παντοκράτωρ* («Всемогущий», «Вседержитель»), всего — 16 раз³⁰. Подобный перевод имени отражает его богословское толкование и указывает на подчеркнуто универсальную концепцию веры в Бога в переводе LXX³¹. Отметим, что во

²⁶ Rösel 1991, 374.

²⁷ Руфь 1:20, 21.

²⁸ Несомненная игра слов: Ноеминь (др.-евр. נְעֻמִי) — «сладкая», Мара (др.-евр. מָרָה) — «горькая».

²⁹ Reiss 1975, 67.

³⁰ Иов 5:17, 8:5, 11:7, 15:25, 22:17, 25, 23:16, 27:2, 11, 13, 32:8, 33:4, 34:10,12, 35:13, 37:23.

³¹ Niehr, Steins 2004, 446.

многих более поздних переводах Библии имя Шаддай трактуется на основании перевода книги Иова как Всемогущий (Omnipotens в Вульгате, Almighty в King James Bible, «Всемогущий и Вседержитель» в Синодальном переводе). Нередко имя Шаддай передается в книге Иова как κύριος («Господь»)³², то есть используется слово, характерное в основном для перевода имени Бога יהוה. Трижды имя передано как ἰκανός³³. Таким образом, в данных контекстах LXX Иова применена та же стратегия, что и в переводе книги Руфь. Наконец, один раз у Иова имя передано описательным выражением ὁ τὰ πάντα ποιήσας («сотворивший все»)³⁴. Такое обилие разных переводов имени Шаддай в одной книге может быть объяснено особым местом и особым стилем книги Иова в переводе LXX. Давно отмечено, что греческий перевод книги Иова занимает уникальное место в корпусе LXX и отличается большим художественным разнообразием³⁵, что можно видеть и на примере передачи имени Шаддай.

В Псалтири имя Шаддай встречается дважды: первый раз — в 67/68 Псалме³⁶, во второй раз — в знаменитом 90/91 псалме («Живущий в помощи Вышнего»)³⁷. Первый раз в LXX оно передано как ἐλουράνιος («Небесный», «обитающий на небесах»), второй раз — как θεὸς τοῦ οὐρανοῦ («Бог небесный»). Таким образом, в обоих случаях переводчик Псалтири понимает имя Шаддай как «Бог, живущий на небесах».

Наконец, имя Шаддай четырежды встречается в книгах пророков. В греческом переводе Исаяи имя передано как θεός («Бог»)³⁸; у Иезекииля оно упомянуто дважды³⁹. В первом случае в LXX имя Шаддай оставлено без перевода, а во втором дается прямая транслитерация Σαδδαι. Из этого видно, что понимание имени Бога вызвало у переводчика большие затруднения. Наконец, имя Шаддай встречается в книге пророка Иоиль⁴⁰, где по-гречески оно передано словом *καταστροφή* («несчастье, бедствие»). Выбор данного варианта обусловлен, скорее всего, контекстуально: у Иоиль Шаддай трактуется как Бог-разрушитель, поэтому в LXX заметна тенденция к этимологизации имени.

³² Иов 6:4, 14, 13:3, 21:20, 22:3,23, 26, 24:1, 31:35.

³³ Иов 21:15, 31:2, 40:2.

³⁴ Иов 8:3.

³⁵ Orłinsky 1958.

³⁶ Пс. 67/68: 15.

³⁷ Пс. 90/91:1.

³⁸ Иса 13:6.

³⁹ Иезек. 1:24, 10:5.

⁴⁰ Иоиль 1:15.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Загадочное и до сих пор не этимологизированное имя Бога Шаддай не имеет точного эквивалента в LXX, и переводчики разных книг трактуют его по-разному. В ряде случаев заметна тенденция этимологизировать имя Шаддай (в переводах книги Руфь, пророка Иоиля, в некоторых контекстах LXX книги Иова), в ряде контекстов слово оставлено без перевода или дается прямая транслитерация (в переводе Иезекииля), но чаще всего перевод базируется на интерпретациях, кажущихся переводчику наиболее близкими. Данные интерпретации имени основываются прежде всего на божественных функциях Шаддая.

Литература

- Аверинцев С.С.* Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию // Новый мир. 1. 1998. С. 94–97.
- Albright W.* Yahweh and the Gods of Canaan. London, 1968.
- Delitsch F.* Assyrisches Handwörterbuch. Leipzig, 1896.
- Dhorme P.* L'Emploi metaphorique des noms de parties du corps en Hebreu et en Akkadien // Revue Biblique. 3. 1922.
- Gesenius W.* Hebrew and Chaldee Lexicon to the Old Testament Scriptures. London, 1850.
- Görg M.* Šaddaj Ehrenrettung — eine Etymologie // Biblische Notizen. 16. 1981. S. 13–15.
- Knauf E.* El Šaddaj — der Gott Abrahams? // Biblische Zeitschrift. 29. 1985. S. 97–103.
- Knauf E.* Shadday // Dictionary of Deities and Demons in the Bible. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 749–753.
- Niehr H., Steins G.* שָׁדַי // Theological Dictionary of the Old Testament. Grand Rapids, 2004. Vol. XIV. P. 418–446.
- Orlinsky H.M.* Studies in the Septuagint of the Book of Job // Hebrew Union College Annual. 29. 1958.
- Redford D.B.* A Study of the Biblical Story of Joseph (Genesis 37–50) // Supplementum to Vetus Testamentum. 20. 1970.
- Reiss W.* Zur Deutung von “el Shadday” in der rabbinischen Literatur // Frankfurter Judaistische Beiträge. 3. 1975. S. 65–75.
- Rösel M.* Die Übersetzung der Gottesnamen in der Genesis-Septuaginta // Ernten, was man sät. Festschrift K. Koch. Neukirchen; Vluyn, 1991. S. 357–377.
- Weippert M.* Šaddaj (Gottesname) // Theologisches Handwörterbuch zum Alten Testament. II. München; Zürich, 1976. S. 873–881.

Е.В. Приходько

ОРАКУЛ АПОЛЛОНА В ПАТАРАХ И ЕГО ИЗРЕЧЕНИЕ СИДИМАМ

Патара мѣсто ликииск[ое]
во асии, в немже аполонов[а]
црковь славна была,
яже давал вѣты,
которые поетов ли-
кииских вѣществы
нарицали-
ся.

*Маргинальные глоссы
Андрея Курбского*

*на полях рукописи
«Жития Николая Мирликийского»¹*

Город Патары, или Ptara, как его называли ликийцы (ТАМ I 44а, 43), был, согласно Страбону, одним из шести самых крупных городов Ликии (XIV 3, 3). Тит Ливий называет его столицей Ликийского союза (XXXVII 15, 6). Но далеко за пределами Ликии прославились Патары в античное время как город, где прорицал оракул Аполлона, а в византийское время как город, где родился Николай Чудотворец. Однажды в патарском храме было возведено прорицание, обращенное к жителям соседнего города Сидим, и едва ли тогда кто-то мог предположить, что именно этому изречению будет суждено представлять Патарский оракул два тысячелетия спустя.

Надпись из Сидим: история изучения

В горах, возвышающихся над юго-западным побережьем Ликии, на высоте приблизительно 560 м над уровнем моря существовал в древности крупный город Сидимы (рис. 1). В наши дни эта земля относится к находящейся неподалеку турецкой деревне Додурга, и прямо среди руин города расположились от-

---

¹ Калугин 2003, 46.

дельные сельские дома. Последовательные археологические работы на территории Сидим никогда не проводились, но изучение руин города началось еще в первой половине XIX века. 15 апреля 1840 г. развалины Сидим обнаружил Чарльз Феллоуз и по имеющимся там надписям смог установить название города². После него в Сидимах побывали разные путешественники, например, 11 января 1842 г. руины осмотрели Томас Спратт, Эдвард Форбе и Эдвард Томас Дэниэлл³. Однако нас будет интересовать надпись, найденная в Сидимах несколькими десятилетиями позже.

В 1881 г. профессор классической археологии Венского университета Отто Бенндорф, профессор архитектуры Георг Ниманн, доктор медицины Феликс фон Лушан и фотограф Вильгельм Бургер отправились в Ликию, чтобы вновь найти античный город Трисы и возведенный там героон, украшенный двумя лентами рельефного фризa. Этот героон обнаружил 20 декабря 1841 г. возле деревни Гёльбашы Юлиус Шёнборн, но точное местоположение этого выдающегося памятника им зафиксировано не было. Официальное содействие экспедиции должен был оказывать колесный пароход Его Величества «Taurus», и 6 апреля корабль вместе с учеными на борту покинул порт Смирны, достиг с остановками в Карию и на Родосе южного берега Ликии и встал на якорь в бухте Кекова. После успешной экспедиции в глубь страны и вторичного обнаружения руин Трис с их герооном австрийские исследователи вернулись на пароход и 20 апреля отправились в Макри⁴. В Макри они покинули корабль, намереваясь совершить сухопутную поездку по древним городам юго-западной Ликии и потом, добравшись до Айдына, вернуться в Смирну по железной дороге.

1 мая Бенндорф и его спутники приехали в Сидимы. Во время осмотра центра города из груды развалин на месте форума они извлекли три каменных блока (A, B и D), на которых была вырезана очень длинная надпись. Загадочный текст надписи побудил путешественников искать остальные ее части, но отсутствие каких-либо инструментов, необходимых для разбора завалов и проведения раскопок, помешало им добиться желаемого результата. Три года спустя, весной 1884 г., фон Лушан снова посетил Сидимы и во время предпринятых им раскопок ему повезло обнаружить еще две плиты с частями этой же надписи (C и E). Впервые весь найденный текст был опубликован Бенндорфом и Ниманном в

² Fellows 1841, 151–158.

³ Spratt, Forbes 1847, I 17–20.

⁴ Современный город Фетхие.

первом томе «Путешествий по юго-западной Малой Азии», вышедшем в свет в 1884 г. (рис. 2)⁵.

Все каменные блоки, на которых была вырезана надпись, имели 0,58 м в высоту и 0,23 м в ширину, что говорило об их принадлежности одному ряду горизонтальной кладки стены какой-то постройки, скорее всего, зала агоры. Блок А, где располагалось начало надписи, был с левой стороны украшен орнаментом, очень похожим по форме на ушки табличек, которые обычно вырезались на гробницах, — так называемых *tabulae ansatae*. Верхняя часть этого блока была отбита, и у него отсутствовала вся правая сторона — длина оставшегося фрагмента составляла 0,52 м, — из-за чего надпись лишилась своего начала, а каждая вырезанная на этом блоке строка — своих последних слов. Части В и С оказались кусками одного, некогда целого блока, но еще один фрагмент этого блока так и не был найден, и пять строк надписи были либо полностью, либо частично утрачены. Блок В-С длиной 1,09 м и не разломанный на части блок D длиной 1,1 м были оформлены одинаково: у каждого из них рабочая поверхность была разделена посередине вертикальной полосой, и такая же полоса шла по всему периметру блока, в результате чего образовались два обведенных рамкой прямоугольника, похожих на разворот книги, и внутри них была последовательно вырезана надпись. Блок Е имел такую же длину, что и блок В-С, но на «страницы» он поделен не был, причиной чему явился, судя по всему, сам расположенный на этом блоке текст — ведь в отличие от прозаического текста всей надписи, здесь были вырезаны длинные строки гекзаметрических стихов. Последняя строка этого блока не сохранилась, и нам остается только гадать, заканчивалась ли вся надпись на этом блоке, или существовал еще один блок, с таким же завершающим орнаментом по типу *tabula ansata*, какой украшал блок А.

Первые издатели дали подробное описание всех сложных для понимания мест этой надписи, но не стали предлагать своей реконструкции утраченных частей и лишь дополнили последнюю строку блока А, связав ее с начальной строкой блока В-С. В дальнейшем текст надписи несколько раз переиздавался, причем каждый раз предпринимались новые попытки восстановить ее утраченные части.

В 1920 г. надпись из Сидим была повторно издана Эрнстом Калинкой в первом фасцикуле второго тома собрания *Tituli Asiae Minoris*. Калинин попытался восстановить утраченные части строк

⁵ Benndorf, Niemann 1884, 75–77.

Рис. 1. Сидимы. Два саркофага и гробница. Фото автора

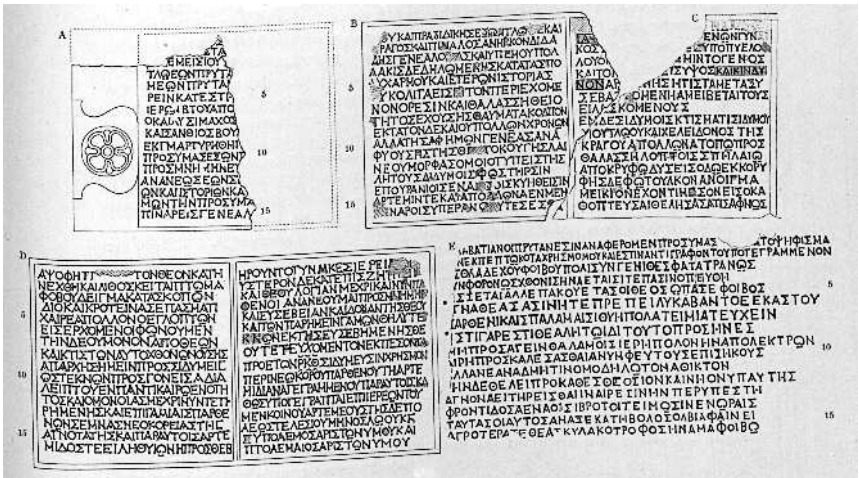

Рис. 2. Надпись из Сидим в издании Бенндорфа и Ниманна

с блоков А и С и привлек к обсуждению возможных вариантов своих коллег Р. Хэбердея, А. Вильгельма, Л. Радермахера и Й. Цингерле. При этом в последней строке блока А Калинка сохранил реконструкцию первого издания и, следовательно, был готов признать, что эта строка непосредственно предшествовала первой строке блока В-С⁶.

В 1978 г. несколько соображений по поводу восстановления начальных строк надписи высказал Луи Робер⁷. Но совершенно новый подход к реконструкции текста блока А предложил в 1988 г. Ангелос Ханиотис. Ханиотис обратил внимание на то, что все предыдущие редакторы исходили из того, что ширина текста на блоке А должна была быть такой же, как и ширина текста на обеих «страницах» блока В-С и блока D. Однако, если длина блока А совпадала с длиной остальных блоков, то длина утраченной части составляла 0,57 м. Тогда блок А так же, как и следующие два блока, мог иметь две колонки текста, которые, правда, из-за начального орнамента должны были быть уже, нежели колонки на других блоках. В таком случае между первой колонкой на блоке А и блоком В-С существовала еще одна колонка текста, и не следует пытаться соединить последнюю строку блока А с первой строкой блока В-С. Основываясь на этом рассуждении, Ханиотис предложил свою реконструкцию текста, где для каждой строки он восстанавливал не 23–29 букв, как Бенндорф и Калинка, а лишь 18–20 букв. Он также сделал первый литературный перевод надписи⁸.

Работа Ханиотиса не внесла, однако, итоговой ясности в понимание текста надписи из Сидим, а, скорее, вскрыла дополнительные сложности, ускользнувшие от внимания его предшественников. Действительно, не зная точной длины блока А и лишь предполагая, что все блоки, на которых была вырезана надпись, имели одинаковые размеры, не имея возможности привлечь к рассмотрению так и не найденный блок с завершающим орнаментом и лишь теоретически рассуждая о том, как присутствие орнамента могло отразиться на расположении текста на блоке А, мы едва ли владеем достаточной доказательной базой для окончательных построений, и, кроме того, не будем забывать, что блок E не был поделен на страницы, а значит, создатели надписи не придерживались какого-то одного строгого принципа оформления. Пожалуй, самым главным выводом Ханиотиса является констатация возможного разрыва текста между блоками А и В-С, что отменяет необ-

⁶ ТАМ II.1 174.

⁷ Robert 1978, 45.

⁸ Chaniotis 1988, 75–85.

ходимость связывать последнюю строку блока А с первой строкой блока В-С.

Все варианты реконструкции текста надписи собрал вместе Райнхольд Меркельбах. Не отдавая предпочтения всецело одному варианту, Меркельбах приводит отдельные части надписи параллельно по изданию Калинки и по изданию Ханиотиса, предоставляя читателю возможность самому сравнить предлагаемые реконструкции. Лишь в одном вопросе Меркельбах однозначно становится на сторону Ханиотиса, а именно в вопросе существования утраченного текста между остатком блока А и блоком В-С. Он даже идет дальше и готов допустить, что между этими двумя сохранившимися частями надписи мог быть не только текст, вырезанный на отломанной половине блока А, но и текст еще одного, а то и двух целых утраченных блоков. Меркельбах также представляет свой перевод надписи, но старается в нем следовать тексту только реальному, а не гипотетическому⁹.

Гиерон цитирует в своей речи прорицание Патарского оракула

Текст надписи начинается с того, что в такой-то год (строки утрачены) в месяц Артемисий пританы и, возможно, совет и народ города Тлоса обращаются, видимо, с письмом к пританам и, возможно, совету и народу города Сидим, сообщая им о том, что перед ними выступил с речью Гиерон, сын Гиерона, внук Апо[лл...], он же Лисимах, гражданин Тлоса и почетный гражданин Ксанфа, пожелавший засвидетельствовать родство и доброжелательные отношения между Тлосом, Пинарами и Сидимами. Далее следует лакуна, после которой в тексте надписи появляется первое лицо «я», и значит, в потерянном тексте заканчивалось собственно само письмо пританов Тлоса к пританам Сидим, и начиналась речь Гиерона, ради передачи которой и было написано это письмо. Гиерон напоминает жителям о родословной основателей их городов, рассказывает о чудесных событиях недавнего времени, когда Гея явила каменные фигуры, похожие на близнецов Лето, и затем переходит к связывающему города совместному служению богине Артемиде, в жрицы которой выбирались девушки не только из Сидим, где находилось само святилище, но и из Тлоса, и приводит изречение оракула Аполлона Патарского, повелевшего сидимцам допускать к служению в храме Артемиды только непорочных дев. На этом сохранившийся текст надписи обрывается.

⁹ Merkelbach 2000; Merkelbach, Stauber 2002, 26-33.

Гиерон, безусловно, явно был мужем ученым и начитанным. В своей речи он ссылается на историка Полихарма из Навкратиса (II в. до н. э.), автора «Ликийской истории» (F.Gr.Hist 770 F 5). Желая, видимо, продемонстрировать свое риторическое искусство, Гиерон строит фразы в виде длинных периодов с большими абсолютными причастными оборотами, разделяет связанные между собой по смыслу слова и вводит в речь разнообразные неологизмы. Всё это создает трудный для понимания авторский текст, и потеря из-за плохого состояния каменных блоков отдельных строк и слов делает полноценный перевод речи Гиерона задачей практически невыполнимой. Поэтому и в переводе Ханиотиса, и в переводе Меркельбаха есть домысливания, обтекаемые выражения и пропуски. Меркельбах полагает, что надпись с речью Гиерона была вырезана на камне и установлена на всеобщее обозрение в Сидимах не только по желанию самого Гиерона, но и за его счет¹⁰.

Сложности, возникшие при реконструкции и переводе текста надписи, перетянув на себя основное внимание исследователей, оставили в тени последнюю, не столь проблемную в понимании часть надписи — процитированное Гиероном изречение оракула, и именно о нем пойдет речь в данной работе.

Гиерон приводит изречение оракула не по памяти и не понаслышке. За 129 лет до его выступления в Тлосе (эту дату указал сам Гиерон) сидимцы получили изречение Аполлона Патарского, которое было вырезано на камне и установлено в городе. В процессе работы над своей речью Гиерон съездил в Сидимы и переписал весь текст той надписи, который он счел разумным процитировать полностью. Именно этот текст и занял последние четыре с половиной строки блока D и всю поверхность блока E (ТАМ II.1 174, Db 12 — E 16)¹¹:

ἐπὶ ἱερῶν τοῦ
μὲν κοινῷ Ἀρτεμείους τῆς δὲ πό-
λεως Τελεσίου μηνὸς Δάφου κς΄.
Εὐπόλεμος Ἀριστωνύμου καὶ
Πτολεμαῖος Ἀριστωνύμου

¹⁰ Merkelbach 2000, 115; Merkelbach, Stauber 2002, 26.

¹¹ Текст надписи приводится по изданию Калинки с добавлением подписной йоты в тех формах, где это требуется по правилам грамматики, — именно так поступили Ханиотис и Меркельбах. Никаких принципиальных разночтений в других изданиях нет. Ханиотис только восстанавливает грамматически более правильный вариант написания двух слов в строке E 12: вместо προκαθέσθ(ε) ὀσίον он дает προκαθ(ῆ)σθ(αι) ὀσί(ω)ν. Меркельбах исправляет в строке E 11 ὁμο(ι) δηλωτόν на ἀκηλίδωτον, но прорисовка текста надписи оснований для такого исправления не дает.

[Κα]λβατιανοὶ πρυτάνεσιν ἀναφέρομεν πρὸς ὑμᾶς [κατ]ὰ τὸ ψήφισμα
[τὸ]ν ἐκτεπτοκῶτα χρησμόν οὗ καὶ ἔστιν ἀντίγραφον τὸ ὑπογεγραμμένον·

[ἐ]σθλὰ δέχου Φοῖβου πόλι συνγενὶ θέσφατα τρανώε,
[σ]ύνφορον ὡς χθονὶ σῆ ναέταισι τε πᾶσιν ὁ πεύθη
[ἔ]σσεται· ἀλλ' ἐπάκουε τά σοι θεὸς ὄπασε Φοῖβος.
[ἀγ]νὰ θεᾶς ἀσιγῆ τε πρέπει λυκάβαντο(ς) ἐκάστου
παρθενικαῖς παλάμαισι θυηπόλα τείμα τεύχειν·
ἔστι γάρ, ἔστι θεᾶ Λητωῖδι τοῦτο προσηνές
μὴ προσάγειν θαλάμοις ἱερηπόλον, ἦν ἀπὸ λέκτρων
αἰρή προσκαλέσσασθαι ἀνυμφεύτους ἐπὶ σηκοῦς,
ἀλλὰ νέαν ἀδμητῖν – ὁ μο(ι) δηλωτόν – ἄθικτον·
[τ]ήνδε θέλει προκαθέσθ(ε) ὁσίον καὶ νηὸν ὑπ' αὐτῆς
ἀγνὸν ἀεὶ τηρεῖσθαι, ἵν' αἴρεσιν ἦντερ ὑπέστη
φροντίδος ἀενάουσι βροτοὶ τεμῶσιν ἐν ὄραις.
ταῦτά σοι αὐτὸς ἀναξ ἑκατηβόλος ὄλβια φαίνει
ἀγροτέρη τε θεᾶ σκυλακοτρόφος, ἦν ἅμα Φοῖβφ...

«При жреце [Ликийского] союза Артеме и при жреце города Телесии 26-го числа месяца Лоя мы, Евподем, сын Аристонима, и Птолемей, сын Аристонима, калабатицы, в соответствии с постановлением принесли к пританам возвещенное вам изречение оракула, копией которого является написанное ниже:

Родственный город, внимай превосходным пророчествам Феба
Вдумчиво! Будет твоим и земле, и народу ко благу
То, что узнаешь. Так слушай, что бог тебе Феб назначает.
Чистые и без изъяна почетные жертвы богине
Девичьи руки должны неизменно творить год от года.
Мило ведь, мило одно Летоиде богине, пусть жрица
Входит в покои ее, но не та пусть, которую, выбрав,
С ложа семейного ты призываешь к безбрачному храму.
Юной должна быть — наказ мой — нетронутой, неукрощенной.
Жрицу такую желает, чтоб тайнства все возглавляла,
Храм непорочным хранила всегда, чтобы выбор богини
На вековечное время заботливо смертные чтили.
Это на счастье являет тебе Дальновержец владыка
Сам и охотница дева пестунья щенят, ее с Фебом...».

На этом месте сохранившийся текст надписи заканчивается, и изречение оракула обрывается. Однако, судя по содержанию прорицания, в двух последних стихах которого уже подводится итог сказанного, утраченной оказалась, скорее всего, лишь одна последняя строка.

Какой оракул возвестил сидимцам это прорицание? Вероятно, это было настолько очевидно, что Гиерону даже не пришлось в голову отдельно на этом останавливаться. Пританам Сидим это изрече-

ние привезли Евполом и Птолемей, жители Калабатии. Калабатия, или Калабантия, как называет ее автор «Стадиасма Великого моря» (250–251), была небольшим прибрежным поселением на территории Сидим и служила для этого города портом (рис. 3). Жители Калабатии должны были иметь гражданство Сидим и вполне могли выполнять разные поручения городских пританов. Поэтому в том, что они привезли в Сидимы изречение оракула, нет ничего удивительного. Оракул, возвестивший это изречение, принадлежал Аполлону, о чем совершенно определенно сказано в самом тексте прорицания. Если бы сидимцы посылали посольство в какое-либо далеко расположенное прорицалище — будь то Дельфы или Дидимы, — Гиерон непременно упомянул бы о таком длинном пути, проделанном ради получения божественного откровения. Но рядом с Сидимами находился город Патары с древним и прославленным прорицалищем Аполлона, и жители Сидим, как и жители других городов юго-западной Ликии, имели счастливую возможность пользоваться помощью своего местного оракула, а потому авторство цитируемого Гиероном изречения не вызывало сомнений и без каких-либо дополнительных указаний.

Кроме того, только Аполлон Патарский мог обратиться к Сидимам как к «родственному городу», ведь легендарные основатели Патар и Сидим были кровными родственниками. Согласно Гекатею Милетскому, город Патары получил свое название от Патара, сына Аполлона и Ликии, дочери Ксанфа (F.Gr.Hist 1 F 256). Эпический поэт Паниассий из Галикарнасса рассказывает, что у Тремила, жившего возле реки Сибра (то есть Ксанфа), и Праксидики, дочери Огига, родилось четыре сына: Тлос, Ксанф, Пинар и Краг (Fr. 18 Kinkel, Matthews = Fr. 23 Bernabé). Также и Гиерон, автор найденной в Сидимах речи, называет сыновьями Тремила и Праксидики Тлоса, Крага и Пинала¹² (B 1–2), а потом добавляет, что Сидим, основатель города Сидим, был сыном Тлоса и Хелидоны, дочери Крага (C 9–11). Получается, Сидим был по отцу двоюродным дядей Патара, а по матери — его троюродным братом.

Итак, если происхождение процитированного Гиероном изречения можно считать доказанным, то это изречение по праву следует признать памятником уникальным, поскольку оно является единственным прорицанием Патарского оракула, сохранившимся до наших дней, причем прорицанием, чья достоверность — на что особо обращает внимание Г. Парк¹³ — не вызывает сомнений. Хо-

¹² В надписи присутствует такой вариант имени Пинара.

¹³ Parke 1985, 191–192.

Рис. 3. Руины Калаба(н)тии. Фото автора

Рис. 4. Патары. Мощеная улица в центре города. Фото автора

тя слава об оракуле Аполлона в Патарах уже в классическое время распространилась далеко за пределами Ликии и само прорицалище ставилось в один ряд с самыми посещаемыми и почитаемыми прорицалищами Аполлона, наше знание об этом святилище, его устройстве, подвизавшихся в нем служителях и практиковавшемся там методе прорицания едва ли можно признать удовлетворительным. Античные авторы не только не оставили нам подробного описания этого прорицалища, но и не процитировали ни одного возвещенного в нем прорицания. Всю имеющуюся информацию о Патарском оракуле приходится собирать буквально по крохам, и при такой ситуации трудно переоценить значение приведенного Гиероном изречения.

Прорицалище Аполлона в Патарах

1. Поиски храма Аполлона

Изучение жизнедеятельности Патарского оракула сталкивается с целой вереницей трудностей, и отрывочный характер литературных свидетельств оказывается далеко не самой главной проблемой. Значительно печальнее то, что эти литературные свидетельства на данный момент являются единственным источником информации о патарском прорицалище и не подкреплены результатами археологических работ¹⁴. Раскопки в Патарах начались в 1988 г. под руководством профессора Фахри Ышыка (рис. 4), и с первых дней археологам пришлось отвоевывать каждую постройку то у засыпавших ее песков, то от подступающих вод болота. Дело в том, что в древности Патары были расположены на берегу глубокого залива, удобного для функционирования городского порта. Но со временем береговая линия сильно изменилась — подобные процессы можно наблюдать во многих местах южного и западного побережья Малой Азии. Песчаные дюны перекрыли узкое горло залива, и отрезанная от моря бухта Патар постепенно превратилась в обширное болото, где растут тростники чуть ли не вдвое выше человеческого роста.

Археологические работы в Патарах продолжаются и сейчас, но местоположение святилища Аполлона до сих пор так и не установлено, и фундамент храма — а его существование засвидетельствовано многими авторами — так и не обнаружен. Собственно, единственный не уничтоженный временем храм на территории Патар, чьи стены возвышаются еще в свой полный рост, датируется временем Антонинов и условно по коринфским капителям называется

¹⁴ Işık 2000, 22; Curnow 2004, 143–144; Şahin 2009, 337.

археологами «Коринфским» (рис. 5), но со святилищем Аполлона его никто из ученых не связывает¹⁵. Сильная засуха 1990 г. позволила археологам изучить остатки строений по краю отступившего болота, и было установлено, что портовая базилика была возведена на месте античного храма III в. н. э.¹⁶. Возможно, остатки храма Аполлона также следует искать под одной из византийских базилик (рис. 6) или под какой-либо другой поздней постройкой, но этот вопрос пока остается открытым. Неудачи в поисках храма Аполлона в центре Патар подвигли С. Шахина высказать предположение о том, что прорицалище находилось не в самом городе, а севернее Патар в ущелье Кысык Богазы и что обнаруженное там сооружение с арочными конструкциями (рис. 7), при более детальном изучении может оказаться не мостом, а одной из построек святилища¹⁷. Однако Э. Ёнер и Х. Акбулут провели палеографическое и геоархеологическое исследование долины реки Эшен Чайы — античного Ксанфа — и доказали, что в древности по ущелью Кысык Богазы протекала река и сохранившаяся там конструкция со сводами должна принадлежать именно мосту через эту реку¹⁸.

2. Свидетельства о святилище и храме Аполлона в Патарах

Пока раскопки в Патарах продолжаются, еще есть надежда, что хотя бы фундамент храма Аполлона все же будет найден. Но давайте не будем уповать только на *sperata victoria* и попробуем проанализировать всю ту информацию об оракуле Аполлона в Патарах, которая уже есть в нашем распоряжении. Здесь, правда, нельзя забывать о том, что уже Гомер воспевал Ликию как страну, где родился и царствует Аполлон. Аполлона поэт величал эпитетом Λυκηνεὺς — «Рожденный в Ликии» (П. IV 101, 119). Главк, моля Аполлона об исцелении раненой руки, допускает, что тот может находиться в Ликии: «Услышь, владыка, ты, который сейчас пребываешь среди богатого народа Ликии или в Трое...» (П. XVI 514–515). Именно Аполлону поручает Зевс забрать с поля битвы тело Сарпедона и, омыв его и облачив в божественные одежды, передать его Сну и Смерти, дабы они отнесли его в Ликию (П. XVI 667–675). Вакхилид называл Аполлона владыкой ликийцев: троянцев на лагерь ахейцев вели «Арес с мощным копьём и владыка ликийцев

¹⁵ Işık 2000, 117–121.

¹⁶ Işık 2000, 78–80.

¹⁷ Şahin 2009, 344–346.

¹⁸ Öner, Akbulut 2015.

Рис. 5. Коринфский храм в Патарах. Фото автора

Рис. 6. Городская базилика возле болота — бывшего залива. Фото автора

Рис. 7. Один из сводов постройки в ущелье Кысык Богазы. Фото автора

Рис. 8. Гробница Опрамой в Родиаполе. Фото автора

Локсий Аполлон» (XIII 146–148). Поэтому упоминание у того или иного автора об Аполлоне Ликийском (Λύκιος) — этот эпитет зафиксирован в литературе с V в. до н. э. — не может быть признано свидетельством об оракуле Аполлона в Патарах, если не поддерживается соответствующим контекстом.

Существование в Ликии святилища Аполлона констатируется античными авторами с V в. до н. э. В приписываемой Еврипиду трагедии «Рес» хор троянских стражников обращается к Аполлону: «О Аполлон Тимбрейский, и Делосский, и входящий в храм Ликии (Δυκίας ναὸν ἐμβατεύων Ἄπολλον)...» (224–226). Хор сначала величает Аполлона Тимбрейским, поскольку он владел святилищем в Троаде в городе Тимбре рядом с тем местом, где река Тимбрий впадает в Скамандр (*Strab.* XIII 1, 35) — но прорицалища в Тимбре никогда не было. Затем хор называет его Делосским, ведь на Делосе, где, согласно традиционной версии мифа, родились Аполлон и Артемида, находилось одно из самых почитаемых святилищ Аполлона — но вопрос о существовании там именно оракула Аполлона не имеет пока однозначного решения¹⁹. И, наконец, хор утверждает, что Аполлон входит «в храм Ликии». Город Патары здесь не назван, но информации о каком-либо другом столь же почитаемом храме Аполлона в Ликии в V–IV вв. до н. э. у нас просто нет.

Аполлоний Родосский в «Аргонавтике» сравнивает идущего через толпу Ясона с Аполлоном, когда тот «шествует из благоухающего фимиамом храма по священному Делосу, или по Кларосу, или по Пифо, или по просторной Ликии у потоков Ксанфа» (I 307–309). Поэт выносит вперед словосочетание ἐκ τοῦο θυώδεος — «из благоухающего фимиамом храма», что указывает на то, что оно относится к каждому из перечисленных далее мест, а значит, в каждом из них у Аполлона был свой храм. Хотя сам город Патары Аполлоний Родосский не упоминает, но современный левый берег реки Ксанфа лежит всего в шести километрах от Патар, так что ничего не мешало Аполлону прогуляться из патарского прорицалища до потоков Ксанфа. Правда, в двух километрах от правого берега Ксанфа расположен Летоон — святилище Лето, Аполлона и Артемиды, где у Аполлона тоже был свой храм, но хозяйкой этого святилища все же была его мать, и было бы весьма странно, если бы поэт решил поставить храм Аполлона в Летооне в один ряд с его знаменитыми прорицалищами.

¹⁹ Фонтенроуз (Fontenrose 1978, 225) считает, что на Делосе оракула Аполлона не было. Т. Керноу (Curnow 2004, 53–55), напротив, признает его существование. Беглый обзор этой проблемы можно найти в статье Р. ден Аделя (Adel 1983).

Диодор Сицилийский рассказывает о том, как с острова Родоса прибыл в Ликию Лик, один из тельхинов, и «основал там у реки Ксанфа святилище Аполлона Ликийского (Ἀπόλλωνος Λυκίου ἱερόν)» (V 56, 1). Страбон связывает возникновение этого святилища с деятельностью Патара: «За Ксанфом расположены Патары, тоже большой город, имеющий гавань и святилище Аполлона (ἱερόν Ἀπόλλωνος), творение Патара» (XIV 3, 6). А поэт III в. Трифиодор повествует в поэме «Взятие Илиона» о том, как покинул обреченную на гибель Троию один из главных ее защитников: «А Феб Аполлон, скорбя о великих стенах, отправился из Илиона к богатому храму (ἐπὶ πλούσιον νηόν) Ликийи» (508–509).

Во всех этих сообщениях говорится о святилище или храме Аполлона в Ликийи или в Патарах, но при этом о существовавшем там оракуле речь вообще не идет. Однако не будем забывать, что подобные примеры нельзя рассматривать изолированно, вне общекультурного контекста. Ко времени жизни Аполлония Родосского и, тем более, Диодора Сицилийского и Страбона оракул Аполлона в Патарах был уже настолько известен, что даже простое упоминание о святилище или храме Аполлона в Ликийи сразу ассоциировалось в восприятии слушателей или читателей с патарским прорицалищем.

3. Оракул, или вещей дух Патар

Однако что, по мнению эллинов, превращало обычное святилище в прорицалище? Святилище почиталось прорицалищем, если в нем незримо обитал оракул — вещей дух места. Для его обозначения в древнегреческом языке было два синонимичных слова *μαγτεῖον* и *χρηστήριον*. По верованиям эллинов оракул был таким же анимистическим существом, что и даймоны и керы. Все они занимали промежуточное положение между миром богов и миром людей и отвечали за установление контактов между этими двумя мирами. Правда, функции у всех этих существ были разными: керы связывали человека с его судьбой, даймоны следили за осуществлением предназначенной человеку жизни, а оракулы выступали посредниками при передаче божественного откровения. В процессе вопрошения бога и получения его ответа выстраивалась своего рода мантическая коммуникативная цепь из трех звеньев: вопрос шел от жреца или жрицы через оракула к богу, и затем тем же путем только в обратную сторону спускался на землю ответ божества. То есть именно благодаря посредничеству оракула не обладавшие обычно особым пророческим дарованием жрец или жрица вступали в контакт с богом и получали от него возможность открыть смертным части-

цу высшего знания. Большинство оракулов было порождено Геей, и жизнь такого вещего духа всегда протекала в месте его рождения. Служил оракул только одному богу-повелителю, в то время как один бог мог владеть неограниченным количеством оракулов и через каждого из них посылать людям свои прорицания. Удостоверившись в существовании в том или ином месте оракула, люди основывали там святилища и строили храмы, и только то святилище, внутри которого незримо обитал вещий дух места, считалось настоящим прорицалищем²⁰. Поэтому, если мы хотим доказать, что в Патарах действительно функционировало прорицалище Аполлона, мы должны найти свидетельства существования там вещего духа места.

Самым важным свидетельством об устройстве прорицалища Аполлона в Патарах, которое не обходит молчанием практически ни одна работа, посвященная культуре Аполлона в Ликии или вообще в Малой Азии, является короткое сообщение Геродота, написанное им не ради повествования о самом оракуле Патар, а для иллюстрации похожими примерами рассказа о храме Зевса Бела в Вавилоне. Геродот пишет: «На последней башне находится большой храм, а в этом храме стоит большое ложе, красиво устланное, и рядом с ним стоит золотой стол. Никакой статуи, однако, здесь внутри не установлено, и никто из людей не проводит здесь ночи, за исключением единственной женщины из местных, которую, как говорят халдеи, являющиеся жрецами этого бога, из всех выбирает для себя бог. Они же утверждают — но у меня это не вызывает доверия, — что сам бог приходит в храм и отдыхает на этом ложе. То же самое происходит, как рассказывают египтяне, и в Фивах Египетских — ведь и там в храме Зевса Фиванского ложится спать женщина, и обе они, как говорят, никогда не вступают в связь с мужчинами. Точно так же и в Патарах в Ликии прорицательницу бога (ἡ πρόρωςτις τοῦ θεοῦ), всякий раз как появляется — ведь не всегда находится здесь оракул (οὐ γὰρ ὄν αἰεὶ ἐστὶ χρῆστήριον αὐτόθι), — а всякий раз как он появляется, тогда и ее запирают с ним на ночь внутри храма» (I 181–182).

Считая необходимым описать в своем труде храм Зевса Бела, Геродот, тем не менее, открыто высказывает свое недоверие к рассказам халдейских жрецов и пытается подобрать для сравнения святилища с аналогичной культовой практикой. Он вспоминает о храме Зевса в Фивах Египетских и о храме Аполлона в Патарах. Действительно, все эти святилища объединяет присутствие ночью в храме женщины, но ее статус и цель ее появления в храме в Патарах

²⁰ Приходько 1999, 218–239, 294–295.

оказываются принципиально иными, нежели в двух других святилищах. Дело в том, что храм Бела в Вавилоне и храм Зевса в Фивах Египетских никогда не функционировали как прорицалища. Жрецы оставляли в них на ночь женщину (γυνή) для священного союза с богом (θεός). Эта женщина не была жрицей святилища и не должна была получать от бога никаких прорицаний для передачи их утром согражданам. Когда же Геродот переходит к описанию святилища Патар, он сразу же использует два строго определенных по своему значению мантических термина. Там в храме на ночь запирали не простую женщину, а жрицу-прорицательницу, для обозначения которой в греческом языке неизменно служил термин πρόμαντις. Этот термин указывал на то, что жрец или жрица прорицалища выступали в роли пророка-мантиса (отсюда и приставка про- — «от имени», «вместо»), получавшего от бога, настоящего пророка-мантиса, ответы на те вопросы, с которыми люди обращались в прорицалище²¹. В храме Патар жрица встречалась ночью не с охваченным страстью богом, а с его оракулом (χρηστήριον), помогавшим ей воспринять откровения Аполлона. Как просители задавали свои вопросы богу, каким образом, во сне или наяву, общалась жрица с оракулом и богом, как потом она возвещала полученные ответы — все эти детали мантического ритуала патарского прорицалища Геродот, видимо, не счел важными для своего повествования и не стал излагать.

И все же даже в таком фрагментарном виде сообщение Геродота, где в одной фразе без каких-либо натяжек, вполне естественно и гармонично перечисляются все три участника мантической коммуникативной цепи: жрица-прорицательница (ἡ πρόμαντις), оракул (χρηστήριον) и сам бог (τοῦ θεοῦ), — должно быть признано безоговорочным доказательством существования в Патарах в V в. до н. э. полноценного прорицалища Аполлона.

Другое поразительное свидетельство о Патарском оракуле сохранила для нас надпись Опрамой. Эта надпись была впервые обнаружена 1 апреля 1842 г. Спраттом, Форбсом и Дэниэллом среди руин Родиаполя, города юго-восточной Ликии. Вырезана она была на больших каменных блоках, составлявших когда-то стены полуразрушенной постройки. Размеры надписи, покрывавшей и остатки здания, и валявшиеся вокруг блоки, настолько поразили путешественников, что они через десять дней снова вернулись в Родиаполь ради работы с этой надписью и все равно полностью скопировать ее не смогли²². Дальнейшее изучение текста надписи пока-

²¹ Приходько 1999, 80–81.

²² Spratt, Forbes 1847, I 165, 181–182.

зало, что она была вырезана на стенах монументальной гробницы Опрамоя, сына Аполлония, внука Аполлония и правнука Каллиада, гражданина Родиополя и Коридалл и почетного гражданина Мир и Патар. Воздвигнута эта гробница была в центре Родиополя возле сцены театра и имела вид храма в антах (рис. 8). Опрамой жил в Родиополе во II в. н. э. и прославился как человек необыкновенной щедрости, ставший благотворителем практически для всех городов Ликии. Он постоянно помогал жителям разных городов, посылая им деньги на строительство новых храмов и общественных зданий или на восстановление и ремонт старых, на содержание святилищ богов и на проведение общенародных празднеств и спортивных соревнований. В 136 г. его даже избрали верховным жрецом Императоров (ТАМ II.3 905, VIII 22). Вырезанная на стенах его гробницы надпись представляла собой подборку декретов и писем, в которых была отражена вся общественная деятельность Опрамоя. В целом, все составляющие эту надпись документы датируются временем между 123 и 152 гг., но для некоторых из них удалось даже установить точный год создания²³.

О благодеяниях Опрамоя ликийцы неоднократно сообщали императору Антонину Пию, отправляя ему принятые ими декреты. В трех таких декретах, написанных после 141 г., когда сильнейшее землетрясение превратило Ликию в страну руин, но до 149 г. — в этот год при верховном жреце Императоров Верании Тлепоleme из Ксанфа был принят уже шестой декрет — говорится и об оракуле Аполлона в Патарах. Согласно «Третьему декрету ликийцев, посланному Антонину Пию», Опрамой сначала устроил в Патарах «всенародное празднество отеческого бога Аполлона (πανήγυρις θεο[ῦ πατρὸς]οῦ Ἀπ[όλλ]ωνος) и владыки Императора», а затем предоставил «патарцам другие двадцать тысяч денариев на почитание Императоров и на древний их и неложный оракул (ἐπὶ [τὸ ἀ]ρχαῖον αὐτῶν καὶ ἀψευδὲς [μαντεῖον])» (ТАМ II.3 905, XIII 42–46)²⁴. Текст «Четвертого декрета ликийцев, посланного Антонину Пию» в новом варианте прочтения, предложенном Х. Коккиния, гласит: «... когда бог после долгого молчания снова начал пророчествовать (πάλιν ἀρξ[αμέ]νου μετὰ πολὺν [σιωπ]ῆς χρόνον θεοσ[ί]ζειν τοῦ θε[ο]ῦ), сразу же, в соответствии с благочестием этого мужа [т. е. Опрамоя. — Е. II.] и радуясь удачному моменту, город патарцев попросил восстановить оракул (τὸ μαντεῖον) и отеческое празднество, и он согласился» (col. XIV E 6 — XIV F 2, ср. ТАМ II.3 905, XIV 45–57)²⁵.

²³ Kokkinia 2000, 5.

²⁴ Kokkinia 2000, 56.

²⁵ Kokkinia 2000, 60–61.

Также и в «Пятом декрете ликийцев, посланном Антонину Пию» сказано, что Опрамой предоставил «патарцам на нужды отеческого бога Аполлона — так как молчавший в течение некоторого времени его оракул снова начал пророчествовать (ἐπεὶ χρόν]φ σ[ι]γῆσαν τὸ μαυτε[ῖον] αὐτο[ῦ] πάλλιν ἦρ]ξατο θεσπέζειν) — двадцать тысяч денариев и пообещал также и другие деньги на постройку возле их гавани портика, а когда патарцы попросили, чтобы он взял на себя также и все расходы, он согласился и на это» (ТАМ II.3 905, XVII 65–73)²⁶.

Итак, перед нами три декрета — три официальных документа, составленных ликийским народом и предназначенных для прочтения императором. Каждый подобный документ не имел индивидуального авторства и отражал реальную картину жизни региона, причем в том виде, как ее воспринимала основная масса жителей. В нем строго излагались реальные факты и не было места для поэтических фантазий, легенд и суеверий. И вот три таких декрета свидетельствуют нам о том, что в Патарах существовал древний и неложный вещий дух — τὸ ἀρχαῖον καὶ ἀφευδὲς μαυτεῖον. Мало того, мы узнаем, что в течение какого-то долгого времени оракул хранил молчание, и прорицалище не работало, а потом оракул снова начал функционировать, и, соответственно, бог получил возможность возобновить свою пророческую деятельность. Обрадованные такой благой переменой патарцы занялись восстановлением храма и получили на это финансовую помощь от Опрамой. Причиной, заставившей на определенное время замолчать Патарский оракул, явилось, скорее всего, землетрясение 68 г., когда на южные земли Ликии обрушилось цунами, затопившее все прибрежные города. О нем писал, например, Дион Кассий: «...море, сильно отступив от Египта, охватило большую часть Ликии» (LXIII 26, 5), — и о нем же говорилось в одном из предсказаний «Книг Сивилл»: «...однажды черная вода моря при громах и содроганиях земли покроеет шум нечестивых Патар» (IV 112–113).

Следует также обратить внимание на то, что в тексте декретов находит отражение и представление о мантической коммуникативной цепи: молчание является одновременно как действием бога, так и действием оракула, и глагол θεσπέζω — «прорицать» обозначает то действие бога, то действие оракула, поскольку и молчать, и пророчествовать они могли только вместе. Кроме того, в тексте декретов, несмотря на его принципиально другую жанровую принадлежность, используются не только отдельные мантические термины, но и устойчивая мантическая формула ἀφευδὲς μαυτεῖον —

²⁶ Kokkinia 2000, 67.

«неложный оракул». Изначально эпитет «неложный» либо в положительной, либо в превосходной степени был традиционным эпитетом пророка-мантиса, который должен был обладать самым истинным знанием: «Зевс среди богов пророк самый неложный (μάντις ἀψευδέστατος)» (*Eur.* Fr. 1110 Nauck), «Главк, пророк Переея, неложный бог (ἀψευδής θεός)» (*Eur.* Or. 363-364), у Феба Аполлона «божественные неложные уста (ἀψευδές στόμα), исполненные ведовским искусством» (*Aesch.* Fr. 350, 5-6 Radt). Но затем, подчеркивая важность посредничества оракула и его способности точно передавать божественное откровение, эпитет «неложный» стал одним из самых главных характеристик оракула: Амфиарай, как установил Крез, «приобрел неложный оракул (μαντήιον ἀψευδές)» (*Hdt.* I 49), в городе Буто в прорицалище Лето «находится самый неложный оракул (μαντήιον ἀψευδέστατον) у египтян» (*Hdt.* II 152), боги «владеют неложными оракулами (ἀψευδέα μαντήια)» (*Hdt.* II 174), в Оробиях на острове Эвбее «был самый неложный оракул» (μαντείον ἦν ἀψευδέστατον) Аполлона Селинунетского (*Strab.* X 1, 3), «в Малле в Киликии есть оракул Амфилоха, самый неложный из всех оракулов моего времени» (*Paus.* I 34, 4), в источнике перед святилищем Деметры в Патрах «обитает неложный оракул» (μαντείον ... ἀψευδές) (*Paus.* VII 21, 12), в Беотии на горе Птоон «был неложный оракул» (μαντείον ἦν ... ἀψευδές) Аполлона (*Paus.* IX 23, 6) и т. д.

Необычное употребление этой формулы применительно к Патарскому оракулу принадлежит схолиям к «Илиаде». Объясняя эпитет Аполлона Λυκηνεής, схолиаст пишет: «Λυκηνεεῖ: рожденный в Ликии, ибо в Ликии было самое неложное святилище (ἀψευδέστατον ἱερόν) Аполлона» (IV 101b). Желая, видимо, показать свою ученость, схолиаст решил воспользоваться традиционной для описания оракула формулой, но, судя по всему, запутался и, сам того не замечая, заменил слово «оракул» на слово «святилище», которое в подобных контекстах никогда не использовалось. Единственным исключением (если не считать подмену схолиаста), где эпитет «самый неложный» формально относится именно к святилищу, является рассказ Страбона о Дельфах: «Итак, величайшая слава пришла благодаря оракулу к этому святилищу, признанному самым неложным из всех (τῷ ἱερῷ τούτῳ διὰ τὸ χρηστήριον συνέβη δόξαντι ἀψευδεστάτῳ τῶν πάντων ὑπάρξαι)...» (IX 3, 6). Но в этом пассаже рядом со словом «святилище» стоит слово «оракул», и святилище признается самым неложным именно по той причине, что таким был обитавший в нем оракул, то есть Страбон, воспользовавшись метонимией, не нарушает, а просто преломляет привычную формулу.

Современником Опрамая был Ясон, сын Никострата, знатный и богатый человек из города Кианей. В 139 г. он тоже исполнял должность верховного жреца Императоров и благодаря своим щедрым пожертвованиям снискал себе любовь и расположение ликийцев. В Кианеях сохранилась надпись с текстом декрета, который приняли в честь Ясона жители Патар. В нем они особо отмечают его благочестивое отношение к их отеческому богу Аполлону, чье «святилище (τὸ ἱερόν) он украсил выдающимися приношениями, в которых проявляется постоянное его благочестие по отношению к богу и уважение к городу» (IGR III 704 Π Β). Составители декрета предпочли употребить более уместное в данном контексте слово ἱερόν, ведь речь идет об украшении святилища, то есть храма и его территории, а не оракула.

Латинским эквивалентом греческого термина μαντεῖον/χρηστήριον было слово *oraculum*, и оно также встречается при описании патарского прорицалища. Римский географ I в. Помпоний Мела в своей «Хорографии» отмечает, что Патару (название дано в единственном числе и женском роде) «сделало знаменитой святилище (*delubrum*) Аполлона, некогда богатствами и доверием к оракулу (*oraculi fide*) подобное дельфийскому» (I 82). Это короткое замечание, во-первых, вновь подчеркивает присутствие в святилище оракула, а во-вторых — что весьма примечательно, — ставит Патарский оракул на один уровень с Дельфийским. Слово *oraculum* использовал, видимо, при описании святилища Аполлона в Патарах и Секст Помпей Фест (II в.), поэтому, излагая его текст, Павел Диакон (VIII в.) в «Эпитоме сочинения Секста Помпея Феста „О значении слов“» пишет следующее: «Оракул Аполлона в Ликии пользовался величайшей славой из-за убийства волков. Ведь λύκος — это волк» (s.v. *Lusii*).

Античные авторы любили, если это было уместно и соответствовало стилю и задачам произведения, составлять целые списки наиболее прославленных святилищ и прорицалищ. Нередко в таких перечнях встречается и прорицалище Аполлона в Патарах, и тогда, даже если термин μαντεῖον или χρηστήριον не относится непосредственно к нему, по общему смыслу контекста становится понятным, что автор признавал патарское святилище настоящим прорицалищем с живущим в нем вещим духом места. Так, в диалоге Лукиана «Любители лжи, или Невер» Эвкрат предлагает Тихиаду обсудить вопрос о пророчествах и судьбоносных откровениях, «сколько многое выкрикивают одержимые богом, или что слышится из святого святилища, или как дева, вещая в стихах, предсказывает будущее». Эвкрат побывал в разных местах и те-

перь намерен рассказать собеседникам о том, что он услышал от Амфилоха в Малле, а затем по порядку, что он «увидел в Пергаме и что услышал в Патарах». Свое повествование он начинает так: «Ведь когда я возвращался домой из Египта, услышав, что этот оракул в Малле явственнейший и правдивейший (τὸ ἐν Μαλλῶ τοῦτο μαντεῖον ἐπιφανέστατον τε καὶ ἀληθέστατον εἶναι) и возвещает ясно по делу, отвечая на любой вопрос, какой бы кто-нибудь, написав на дощечке, ни отдал пророку, я подумал, что будет ко благу по дороге испытать этот оракул (πειραθῆναι τοῦ χρηστήριου) и посоветоваться с богом о чем-то касательно будущего» (38). Однако Тихиад не захотел поддержать разговор на предложенную тему и своим уходом прервал рассказ Эвкрата, в результате чего мы лишились возможности узнать, какой информацией об оракуле Аполлона в Патарах владел Лукиан и, соответственно, мог бы сообщить нам устами своего персонажа. Скорее всего, Эвкрат, который уже в начале разговора перечислил те места, о которых собирался повествовать, стал бы описывать его в той же манере, что и прорицалище в Малле, а значит, в его рассказе неминуемо появились бы опять слова μαντεῖον и χρηστήριον как свидетельство о вещем духе патарского храма. Заметим, что Эвкрат, характеризуя оракул Амфилоха как «явственнейший» и «правдивейший», снова, как это было с эпитетом «неложный», наделяет оракул эпитетами бога-мантиста, лишняя раз подчеркивая его роль в передаче божественных откровений и сопричастность скорее миру небожителей, чем миру людей.

В диалоге «Дважды обвиненный, или судебное разбирательство» Лукиан вкладывает в уста Зевса сочувственные слова в адрес измученного Аполлона: «...и вот сейчас ему надо быть в Дельфах, чуть погода он бежит в Колофон, оттуда перемещается в Ксанф и снова мчится на Делос или к Бранхидам. И куда бы прорицательница, пьющая священную воду, жующая лавр и трясущая треножник, ни приказала ему явиться, тотчас необходимо без промедления прибыть, непрестанно возвещая прорицания, иначе распрощается он со своей пророческой славой» (1). Зевс перечисляет пять самых знаменитых прорицалищ Аполлона: в Дельфах, в Кларосе возле Колофона, в Ксанфе, на Делосе и в Дидимах около Милета, где прорицателями служили Бранхиды. Но в Ксанфе, пожалуй, самом известном ликийском городе, никогда своего оракула не было, а расположен Ксанф очень близко от Пагар, и некоторые авторы стали называть патарское прорицалище Ксанфом. Поэтому под таким своеобразным псевдонимом в Зевсовом перечне оракулов Аполлона оказывается также и Патарский оракул.

Ксанфом именуется патарское прорицалище и Максим Тирский в рассуждении «О даймоне Сократа»: «Что же тогда ты этому удивляешься, а случайной дельфийской женщине в Пифо, или феспротскому мужу в Додоне, или ливийцу у Аммона, или ионийцу в Кларосе, или ликийцу в Ксанфе, или беотийцу у Исмения, этим всем ты не удивляешься, хотя они столько дней общаются с божеством и узнают не только, что им самим следует делать, а что нет, но и всем остальным пророчествуют и частным лицам, и государствам?» (VIII 1b). Здесь патарское прорицалище опять представлено среди тех прорицалищ, чьи оракулы в силу своего статуса не требовали никаких дополнительных рекомендаций. Когда же дальше Максиму Тирскому понадобилось коснуться малоизвестного прорицалища Трофония, он дает небольшую справку об этом святилище, в которой сразу же появляется слово *μαυτεῖον* — очевидное и, тем самым, излишнее для начального перечня и принципиально важное для описания не столь прославленного святилища: «Ведь этот оракул героя Трофония находится в Беотии возле города Лебадии» (VIII 2a).

Во всех рассмотренных контекстах перечисление прорицалищ было вызвано общим смыслом повествования, поскольку авторы или их персонажи рассуждали именно об этом направлении мантического искусства. Но уже с V в. до н. э. возникает традиция величания Аполлона по его культовым местам и его оракулам, при том что в целом ни о каком возвещении прорицаний речь не идет. Взятые изолированно, эти контексты едва ли могут претендовать на роль свидетельств о Патарском оракуле, но в русле общего рассмотрения они явно оказываются отголосками знания о патарском прорицалище и почитания Аполлона Патарского. Приведенные выше контексты из «Реса» и Аполлония Родосского было бы уместно повторить и здесь. Пиндар, призывая покровительство Аполлона к недавно основанному городу Этне, обращается к нему такими словами: «О Феб Ликийский, и правящий на Делосе, и любящий Касталийский источник на Парнасе...» (Puth. I 39). Общее содержание оды пророческой деятельности Аполлона совсем не касается, а Дельфы, Делос и Ликия выбраны поэтом как места особого почитания Аполлона — в Дельфах был самый прославленный оракул, а Делос и Ликия оспаривали друг у друга право считаться родиной сына Лето. Поэтому эпитет Ликийский, как уже было сказано, далеко не всегда может подразумевать труды Аполлона в патарском прорицалище.

Диодор Сицилийский рассуждает о том, что Аполлон в течение очень долгого времени являл себя на Делосе, в Ликии и в Дельфах и от этих мест, а также по совершенным там делам получил свои

культовые имена Делосский, Ликийский и Пифийский (V 77, 6). У Овидия в «Метаморфозах» Аполлон, стараясь остановить убегающую от него Дафну, восклицает: «Не знаешь ты, безрассудная, не знаешь ты, от кого бежишь, и поэтому убегаешь — мне служит и Дельфийская земля, и Кларос, и Тенедос, и Патарская твердыня» (I 514–516). В этом списке вместо привычного Делоса появляется Тенедос, где находился очень древний, известный уже Гомеру (II I 38, 452 и т. д.) храм Аполлона, но при этом оракула никогда не было. Собственно, пытаясь произвести впечатление на нимфу, Аполлон не столько подчеркивает свое пророческое дарование, сколько славу и почет, которыми его окружают смертные в разных святилищах.

Пространный перечень прославившихся благодаря культу Аполлона мест есть и в «Фиваиде» Стация. Там Адраст призывает воспеть сына Лето и начинает с того, что Аполлона «почитают патарские чащи на снежных хребтах Ликии» (I 696–697), а затем переходит к Дельфам, Тимбре и Делосу, но о пророческой деятельности Аполлона ничего не говорит.

С III в. до н. э. в литературе появляется эпитет Аполлона *Παταρεύς* — «Патарский», указывавший уже не на рождение или царствование Аполлона в Ликии, как эпитет «Ликийский», а на его возведение прорицаний в святилище в Патарах. Однако и этот эпитет встречается в контекстах, далеких от мантики. Кассандра у Ликофрона предсказывает, что река «Кратий увидит курган погибшего [Филоктета] сбоку от святилища Алея Патарского, где Навет извергается в морские волны» (919–921). Действительно, после падения Трои Филоктет приплыл в южную Италию и построил там в Кримиссе храм Аполлона Алея. Оракула в этом храме никогда не было, а эпитетом Патарский Ликофрон просто заменил имя Аполлона. Объясняя эту замену, схолиаст добавляет: «Ведь Аполлон почитается в Патарах».

Гораций, повествуя о том, кто из богов участвовал в битве с титанами, не забывает и об Аполлоне: «... и никогда не снимающий с плеч лука, тот, который чистой водой Касталии моет распущенные волосы, тот, который владеет чащами Ликии и родным лесом, Делосский и Патарский (*Patareus*) Аполлон» (III 4, 59–64). И опять ни слова о прорицаниях. Даже в Дельфах как бы самым важным оказывается омовение Аполлона в Касталийском источнике. Поэтому и комментатор Горация, грамматик Помпоний Порфирион (нач. III в.), тоже ничего не добавляет об оракулах Аполлона: «Делосским называется по острову Делосу, Патарским по городу Патарам, который находится в Ликии» (III 4, 64).

4. Внутреннее устройство и мантический механизм патарского прорицалища

Итак, мы убедились в том, что святилище Аполлона в Патарах всегда функционировало как настоящее прорицалище, и теперь обратимся к вопросу о его внутреннем устройстве. Сразу следует сказать, что восстановление детальной картины мантического механизма любого прорицалища — задача сложная и полностью невыполнимая. Дельфийский оракул, например, был известен буквально каждому эллину и многим варварам, и, видимо, поэтому ни одному автору не пришла в голову мысль подробно описать процедуру его вопрошения, в результате чего в научном мире до сих пор не прекращаются споры о том, каким образом Пифия возвещала ответы Аполлона, тысячелетие определявшие для эллинов нормы благочестия и морали.

Первый вопрос — это вопрос о **структуре патарского жречества**: его составе и распределении функций. Согласно Геродоту, в Патарах была жрица-прорицательница (πρόμαντις), которую для общения с оракулом запирали на ночь в храме. Кто и как определял, в какую ночь в храме появится оракул, кто отводил туда жрицу, и кто встречал ее утром, Геродот не поясняет. По аналогии с устройством дельфийского святилища вполне можно предположить, что все эти действия входили в обязанности одного или нескольких жрецов прорицалища, которых обычно называли профетами. Об одном таком профете, жившем, правда, почти на пять столетий позже Геродота, сообщает почетная надпись, найденная в Патарах в конце XIX в. около входа в театр. Эта надпись, датруемая 18–37 гг. н. э., состоит из десяти строк и начинается такими словами: «Народ патарцев [почтил] Полиперхонта, сына Полиперхонта, внука Деметрия, патарца, на протяжении всей своей жизни верховного жреца явственных богов Германика Цезаря [и Агриппины] и всего их дома и профета отеческого Аполлона (προφήτην τοῦ πατρῶου Ἀπόλλωνος), исполнившего жреческое служение богу...», — и затем перечисляются все остальные заслуги Полиперхонта перед Патарами и Ликийским союзом (ТАМ II.2 420).

По мнению Парка, эта надпись свидетельствует о том, что в Патарах в какой-то момент произошло изменение мантического механизма: в V в. до н. э. в храме служила жрица-прорицательница, а во время правления Тиберия там уже подвизался жрец-профет²⁷. Однако Парк не учитывает того, что термин *προφήτης* использовался в практике прорицалищ в двух принципиально разных значениях.

²⁷ Parke 1985, 192.

Если этот термин применялся к жрецу (или жрице), который также был *πρόμαντις* и выступал при посредничестве оракула в контакт с божеством, то он указывал на вторую половину единого пророческого дарования: в качестве *πρόμαντις* жрец получал откровение и в качестве *προφήτης* объявлял его людям в доступной для понимания форме. Если же этот термин применялся к жрецу, который не принимал непосредственного участия в получении откровения и не был *πρόμαντις*, то он указывал просто на сам факт служения богу. Такие пророфеты занимались организацией всей жизни прорицалища и отвечали за проведение процедуры вопрошения оракула: они принимали посетителей, совершали жертвоприношения, отводили в храм жрицу-прорицательницу, присутствовали в храме во время вопрошения и возвещения ответа бога, могли, в случае необходимости, записать полученный ответ и передать его посланникам того человека, кто не смог приехать в святилище лично. Именно так было устроено прорицалище в Дельфах: волю Аполлона возвещала Пифия, бывшая одновременно и *πρόμαντις*, и *προφήτης*, а обеспечение всей жизнедеятельности святилища лежало на плечах двух пророфетов²⁸.

Тогда никакого противоречия между описанием Геродота и текстом надписи нет. Полиперхонт служил именно жрецом Аполлона и отвечал за функционирование прорицалища, а откровения бога получала такая же жрица-прорицательница, о какой писал Геродот. Конечно, было бы желательно, чтобы это теоретическое построение было подтверждено свидетельствами служения в патарском храме пророфетов в V в. до н. э. и прорицательницы в начале I в., но пока таких свидетельств в нашем распоряжении нет.

Второй вопрос касается **времени возвещения прорицаний**: функционировало ли прорицалище круглогодично или с определенными перерывами, и были ли в нем запретные для прорицания дни? Геродот подчеркивает, что жрицу запирали в храме не каждую ночь, а только тогда, когда в храме появлялся оракул. С какой периодичностью это могло происходить, нам неизвестно. Как Аполлоний Родосский сравнивал Ясона с шествующим Аполлоном, так же и у Вергилия в «Энеиде» Эней выступал на охоту столь же решительно, сколь и Аполлон, «когда он покидал служившую зимним пристанищем Ликию (*hibernam Lyciam*) и потоки Ксанфа и посещал материнский Делос», где в его честь устраивалось пышное празднество (IV 143–150). Комментируя эти строки, Мавр Сервий Гонорат (к. IV в.) пишет: «Ведь известно, что Апол-

²⁸ Приходько 1999, 111–152.

лон шесть зимних месяцев возвещает ответы (*dare responsa*) в Патаре (название дано в единственном числе), городе Ликии — откуда Аполлон и называется Патарским, — а шесть летних месяцев на Делосе» (IV 143). Дельфийская теология утверждала, что оракул молчит три зимних месяца, когда Аполлон гостит у гипербореев, но распространившаяся, видимо, самое позднее в эллинистический период делосская традиция, которую и излагает Сервий, разделяла годовое пророческое служение Аполлона на две половины: шесть холодных месяцев Аполлон проводил в Патарах, а шесть жарких — на Делосе. Можно предположить, что именно это отсутствие Аполлона в Патарах в летние месяцы побудило Геродота написать, что оракул находился в храме непостоянно, но подобное предположение не имеет под собой никаких весомых доказательств²⁹.

Третий вопрос побуждает нас разобраться со **способами получения откровения**. Основным способом получения откровения в прорицалищах всегда считался прямой контакт жрицы с божеством при посредничестве оракула. Сообщение Геродота, бесспорно, свидетельствует именно о нем. Однако существует мнение (обсуждать его в целом мы сейчас не будем³⁰), что в практике некоторых прорицалищ в дополнение к основному способу прорицания могли использоваться еще и жребии. О применении жребиев в мантическом ритуале Патар говорит, как полагает Парк³¹, дважды встречающееся в нашей надписи из Сидим причастие глагола ἐκλήτω: τὸν ἐκλεσόντα χρησμόν и [τὸ]ν ἐκλεττοκότα χρησμόν — «выпавшее прорицание». Правда, Парк сразу же уточняет, что сам текст изречения слишком хорошо обработан, чтобы быть готовым ответом, написанным еще до вопрошения, и поэтому он был составлен профетом после того, как общий смысл изречения был получен неким другим способом. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что глагол ἐκλήτω никоим образом не указывал на получение прорицания посредством жребиев.

Среди изречений Дельфийского оракула можно найти целый ряд примеров, в которых возвещенное прорицание вводится через глагол ἐκλήτω, хотя известно, что оно было возвещено лично Пифией. Так, Диодор Сицилийский повествует о том, как ахеец Мискелл из Рип «прибыл в Дельфы и спросил бога о рождении детей, а Пифия возвестила (ἡ δὲ Πυθία ἀνεῖλεν) ему следующее:

²⁹ Parke 1985, 186–187.

³⁰ Общий обзор мнений о возможности существования клеромантики в Дельфах см. Приходько 1999: 349–350.

³¹ Parke 1985, 192.

Любит тебя, о горбатый Мискелл, Аполлон Дальновержец,
 Даст и потомство тебе, только прежде велит поселиться
 В граде Кротоне великом на пахотных землях прекрасных».

Не зная, куда ему следует отправиться, Мискелл снова спросил Пифию, и она объяснила ему, как добраться в назначенное богом место. Но очарованный по дороге землей у Сибариса Мискелл захотел поселиться там, «и ему выпало такое прорицание (καὶ ἐξέλεσε χρῆσιμός αὐτῷ οὗτος):

Просишь, горбатый Мискелл, ты у бога другого решения —
 Ищешь несчастий, приветствуй же дар, посылаемый богом».

(VIII 17, 1)

Как видим, последнее изречение Диодор Сицилийский ввел словами «и выпало ему такое прорицание», хотя прорицание это возвестила все та же Пифия. Более подробно об этом третьем вопрошении Мискелла рассказывает со ссылкой на Антиоха Страбон (правда, он не упоминает о Дельфах, и второй стих изречения у него немного отличается): Когда бог в прорицании повелел ахейцам основать город Кротон, Мискелл отправился посмотреть нужное место и, увидев уже основанный у одноименной реки город Сибарис, решил, что этот город удобнее для жизни. Вернувшись назад, «он спросил бога, будет ли лучше заселить вместо того города этот, и бог ответил (ἀνέλετ'ν) ему (а Мискелл был горбатым):

Просишь, горбатый Мискелл, ты у бога другого решения —
 Ищешь несчастий, приветствуй же дар, от кого бы он ни был».

(VI 1, 12)

Страбон оформляет весь оракульный контекст по привычным правилам: он излагает причину обращения к оракулу, передает формулировку вопроса, указывает, кто возвестил ответ, и приводит само изречение. Ни о каких жребиях речь здесь не идет³².

Каким образом могли возвещаться в прорицалищах ответы бога с использованием жребиев, мы не знаем. Подобная процедура детально в литературе не описывается. Дж. Фонтенроуз уверен, что в Дельфах жребии участвовали в процедуре вопрошения оракула только в том случае, когда посетители приносили их с собой и просили Пифию выбрать из предполагаемых вариантов один единственно правильный³³. Но выбор, например, одной из двух ваз,

³² Все три изречения Мискеллу включают в свои каталоги изречений Дельфийского оракула как Парк и Уормелл № 43, 44, 45 (Parke, Wormell 1956, II 19–20), так и Фонтенроуз Q28, Q29, Q30 (Fontenrose 1978, 278–279).

³³ Fontenrose 1978, 219–224.

где были запечатаны два возможных варианта судьбы священного участка земли, или выбор десяти эпонимов для триб из ста имен традиционных героев, предложенных Пифии Клисфеном³⁴, не подразумевают броска, при котором что-то может «выпасть». Даже десять жребиев с именами легче было вынуть из сосуда, чем вытряхивать, как-то частично прикрывая его горлышко. С таким выбором одного или нескольких из предлагаемых вариантов предположительно связывают возникновение мантического значения у глагола ἀναίρειν — «поднимать», который, особенно в форме аориста ἀνεῖλε, уже в классический период функционировал как самостоятельный устойчивый термин для ввода пророческой речи и не указывал на только что состоявшийся выбор жребия³⁵.

Жребии, как и обозначавшие их слова, были разными. Одним из видов жребиев, активно использовавшимся в практике прорицания, были астрагалы — кости из лодыжки животных с раздвоенными копытами: коз, овец и телят. Надписи из нескольких пограничных областей Малой Азии: Писидии, Памфилии, Фригии и Ликии, — сохранили текст оракула по пяти астрагалам, что дает нам возможность сравнить изречения астрагальной мантики с нашими прорицаниями из Патар и Дельф³⁶. При броске пяти астрагалов получалось пятьдесят шесть комбинаций, и для каждой комбинации заранее было составлено прорицание в трех гекзаметрических стихах. Но содержание этих прорицаний принципиально отличается от содержания патарского и дельфийского изречений. Все прорицания оракула по пяти астрагалам носят общий характер и лишены какой-либо личностной, территориальной или временной привязки: каждое из них представляет собой совет делать что-либо или воздержаться от задуманного, который вполне может оказаться уместным в самых разных жизненных ситуациях. Задача же оракула при вопрошении путем броска пяти астрагалов состояла в том, чтобы обеспечить выпадение той комбинации астрагалов, которая указала бы просителю именно на то прорицание из общего списка, какое выбрал для него сам бог.

Изречение, приведенное Гиероном, как и изречение Пифии Мискеллу, напротив, носят индивидуальный характер: они обращаются к определенному городу или к конкретному человеку («Родственный город», «О горбатый Мискелл») и объясняют ему,

³⁴ H21 и Q125, Fontenrose 1978, 251, 310.

³⁵ Приходько 1999, 349–351.

³⁶ Тексты всех сохранившихся оракулов по пяти астрагалам собраны вместе в издании Й. Нолле: Nollé 2007. См. также издание оракула по пяти астрагалам из города Адад с переводом и комментариями в работе: Приходько 2016.

как по благословию бога он должен правильно вести себя в его личных конкретных обстоятельствах. К другому городу или другому человеку применить такое прорицание уже было невозможно. Кроме того, размер прорицания Сидимам минимум в пять раз превосходит размер каждого прорицания по пяти астрагалам, и из дельфийской практики тоже можно было бы привести достаточно длинные поэтические изречения, о которых было сказано, что они «выпали».

Важно отметить и тот факт, что в самом тексте оракула по пяти астрагалам, где каждое прорицание предваряет гекзаметрический стих с описанием выпавших при этом броске сторон астрагалов, глагол ἐκλήπτο — казалось бы, ожидаемый здесь как ни в каком другом месте — вообще не используется. Падение астрагалов обозначается через глагол λήπτο без приставки, а действие самого этого броска, то есть возвешение с его помощью прорицания бога, как и действие бога, передается через глаголы φράζω, ἀδδάω и λέγω: τάδε φράζει — «возвещает следующее» (1, 2; 43, 2; 45, 2; 46, 2; 52, 2; 54, 2), θεὸς ἀδδᾶ (15, 2)/τάδε σοι θεὸς ἀδδᾶ (18, 2; 50, 2) — «бог возвещает тебе следующее», ταῦτα λέγουσιν — «[выпавшие астрагалы] говорят следующее» (49, 2).

Можно посмотреть на обсуждаемую проблему и с совершенно другой точки зрения. Любое прорицание — это речевое высказывание, а глагол ἐκλήπτο обозначал в античных текстах не только действие «прорицания», но и действие других «высказываний», при возникновении которых никакая ситуация бросания жребиев не предусматривалась. Так, Полибий пишет о постановлении сената: «Когда это решение было объявлено (ταύτης δὲ τῆς ἀλοκρίσεως ἐκλεσοῦσης)...» (XXX 32, 10). Согласно Плутарху, «когда Красс выступал с речью перед народом, у него вырвались слова (ἐξέλεσε φωνή), приведшие войско в страшное замешательство» (Crass. 19, 6); после битвы римлян с этрусками «роща сотряслась, и из нее раздался громкий голос (ἐκ δ' αὐτοῦ φωνήν ἐκλεσεῖν μεγάλην), возвещающий, что этрусков погибло в битве на одного больше, чем римлян» (Publ. 9, 6), а Клеомен нанес такое сокрушительное поражение ахейскому войску, что «среди эллинов распространилась молва (φήμην ἐκλεσεῖν) о гибели Арата» (Agis, Cleom. 26).

Толкования античных и византийских грамматиков тоже не связывают глагол ἐκλήπτο с прорицанием посредством жребиев. Юлий Поллукс в «Ономастиконе» (II в.) перечисляет все устойчивые выражения, которыми передавалось возвешение или получение прорицания, и среди них как синонимичное он дает «выпало, то есть явилось прорицание»: ἦκεν ἐκ θεοῦ φήμη, ἦκε μάντευμα

ἐκ θεοῦ, ἦκε λόγιον, ἐξέλεσε χρησμός, ἠνέχθη μάντευμα, ἀνεῖλεν ὁ θεός, ἀνεῖλεν ὁ θεός, ἀναφθέγγατο ἀμέτρως, ἐν ἑξαμέτρῳ τόνῳ, καὶ τὰ τοιαῦτα, — «пришло откровение от бога, пришло пророчество от бога, пришло изречение, выпало прорицание, было принесено пророчество, провозгласил бог, возвестил бог, произнес прозой, гекзамером и тому подобное» (I 19). А словарь «Суда» объясняет причастие ἐκτεσών через причастия ῥηθεῖς — «сказанный» и δοθεῖς — «данный» и затем добавляет: «А прорицание возвещенное (χρησμός δὲ ἐκτεσών) об Евдокии фракийце» (E566, s.v. ἐκτεσών).

Универсальный характер выражения «выпало прорицание» позволил Лукиану применить его сразу ко всем изречениям трех разных прорицалищ: «А все остальные прорицалища — в Дидимах, и в Кларосе, и в Дельфах — действительно ли имеют пророчествующим [твоего] отца Аполлона, или ложны выпадающие там ныне прорицания (οἱ νῦν ἐκλίπτοντες ἐκεῖ χρησμοί)?» (Alex. 43).

Итак, если в Патарах когда-то и давались прорицания с использованием жребиев, то появление в надписи из Сидим причастий глагола ἐκλίπτο этим никак обусловлено не было. Также нельзя признать свидетельством существования в Патарах клеромантики и употребляемое Вергилием слово *sortes*, одним из значений которого было «жребии». В третьей книге «Энеиды» поэт подробно рассказывает о посещении Энеем и его спутниками острова Делоса и о прорицании Аполлона, повелевшего троянцам поселиться в той земле, откуда некогда возник их род (79–109), но позже в разговоре с Дидоной, желая обосновать свой неожиданный отъезд, Эней, словно стремясь подкрепить изречение Делосского оракула авторитетом других оракулов, говорит: «Но ныне Аполлон Гринийский, ныне ликийские жребии приказали (*Luciae iussere ... sortes*) спешно отправиться в великую Италию» (IV 345–346). И чуть позже разгневанная Дидона с иронией повторяет, частично перефразируя, слова Энея: «Ныне прорицатель Аполлон, ныне ликийские жребии (*Luciae sortes*), ныне посланный самим Юпитером вестник богов несет по небу страшные приказы!» (IV 376–378).

Слово *sortes* могло обозначать и сами жребии, и полученные с их помощью ответы бога, и просто любые изречения оракула. Словарь Льюиса и Шорта предлагает именно для этих двух контекстов значение «прорицания Аполлона Ликийского»³⁷. Сервий вообще не счел необходимым прокомментировать здесь слово *sortes*, а значит, не видел в нем никакого особого значения, кроме привычного «изречения оракула». Его намного больше заинтересовало не ожи-

³⁷ Lewis, Short 1958, 1733.

данное для данного контекста слово *Lusiae*, поскольку Эней не плавал в Ликию и не вопрошал там оракул, и выбор Вергилием такого слова требовал, по его мнению, дополнительных разъяснений: «Не отсюда он получил ответ, но сказал „ликийские“ так, словно если бы сказал „Аполлоновы“» (IV 346). Кстати, в другом месте Сервий замечает, что в Патарах «в древности была священная роща Аполлона, где Аполлон возвещал ответы — отсюда он и был назван Патарским» (IV 377), — но при этом ни о жребиях, ни о методе прорицания ничего больше не добавляет.

Тому же Сервию принадлежит рассказ о жребиях, подаренных городу Патарам: «Икадий, сын Аполлона и нимфы Ликии, когда вступил в зрелый возраст, сначала назвал ту область, где он родился, Ликией по имени матери, а затем основал в ней город в честь Аполлона, посвятил жребии и треножник (*sortes et cortinam*) и, чтобы засвидетельствовать, что тот является его отцом, назвал город Патарами» (III 332). Скорее всего, жребии и треножник были все же преподнесены святилищу Аполлона, но о нем здесь Сервий не упоминает. Кроме того, и жребии, и особенно треножник, всегда пользовавшийся особым почитанием в культе Аполлона, были традиционными посвятельными дарами и нередко служили просто для украшения храма.

Для полного рассмотрения данных о мантическом механизме патарского прорицалища надо еще упомянуть о достаточно темном свидетельстве из «Книг Сивилл». В самой ранней части этого произведения, датируемой II в. до н. э., имеется предсказание о гибели Патарского оракула: «И Краг — высокая гора Ликии, с ее вершин, когда скала разверзнется расщелинами, будут с шумом низвергаться воды, пока не уничтожат вещие знаки (*μαντήια σήματα*) Патар» (III 439–441). О каких «вещих знаках» Патар говорит это пророчество? Указывает ли здесь слово *σήματα* на определенный способ получения советов бога, или его появление в тексте всего лишь дань образному поэтическому языку, и оно просто заменяет собой слово «храм» или «святилище»? Все эти вопросы пока остаются без ответов.

Еще одну версию возникновения в Ликии культа Аполлона и происхождения названия города Патар излагает Александр Полигистор: «Девушка Салакия из Офиониды несла в корзине (*ἐν πατάρα*) жертвы Аполлону. Это были вышеченные фигурки из теста: лиры, луки и стрелы, — подобные тем, с какими играют дети. По дороге она поставила ношу, чтобы отдохнуть, но налетевший ветер сбросил корзину в море. Заплакав, девушка вернулась домой, а корзину течением принесло к полуострову ликийцев. Некий чело-

век из числа тех, кто был изгнан из Салакии, найдя корзину, сжег все лежавшие в ней фигурки [в качестве жертвы], в результате чего полуостров был посвящен Аполлону, а земля по названию корзины „патара“ была названа Патары — переводится ведь „патара“ на греческий как „корзина“» (*Steph. Byz. s. v. Πάταρα*). Этот рассказ дает основание Парку предположить, что в культовой практике святилища Аполлона в Патарах мог существовать обряд сжигания в жертву богу выпеченных из теста фигурок предметов Аполлонова обихода — лир, луков и стрел³⁸. Что же касается предлагаемой Александром Полигистором этимологии, связывающей название Патары с хеттским словом *pattar* — «плетеная корзина, короб», то полного признания у ученых она не находит³⁹.

Традиционная для античного мира практика украшать почитаемые святилища **посвятельными дарами** не обошла и патарское прорицалище. Казалось бы, говорить о посвятельных дарах, не зная даже местоположения храма, едва ли разумно, но, как минимум, два из этих даров нам известны. Память о первом из них сохранил Павсаний: «Ликийцы же в Патарах в храме (ἐν τῷ ναῷ) Аполлона показывают бронзовый кратер, утверждая, что это — посвятельный дар Телефа и творение Гефеста» (IX 41, 1). Телеф, сын Геракла и Авги, царствовал в Мисии и обращался к Аполлону Патарскому с вопросом о своей незаживающей ране. Второй посвятельный дар был обнаружен археологами в 1994 г. где-то в 200 метрах к северо-западу от театра Патар. Этот дар представляет собой треугольное в разрезе основание высотой 0,51 м с нижним и верхним профилем (рис. 9). На верхней поверхности у него со-

Рис. 9. Посвятельный дар Флавия Басца Аполлону Отеческому. Опуз 2001, 169

³⁸ Parke 1985, 188–189.

³⁹ Neumann 2007, 288; Parke 1985, 188–189; Zgusta 1984, 476–477.

хранились крепежные отверстия — три из них расположены по углам треугольника и одно в центре. Надпись, вырезанная на одной из сторон, сообщает следующее: «Флавий Басс, примипиларий, [посвятил] внемлющему богу Аполлону Отеческому подставки со светильниками в качестве благодарственного дара»⁴⁰. Эта надпись датируется второй половиной II в., и значит, Флавий Басс решил отблагодарить Аполлона за помощь, полученную уже после того, как прорицалище возродилось после десятилетий молчания. Треугольная форма основания и отверстия на его верхней поверхности наводят на мысль о том, что подставка, на которой располагались лампы, имела форму треножника, неизменного атрибута прорицателя Аполлона.

Изречения Аполлона Патарского

Мы рассмотрели все доступные на данный момент (возможно, еще какие-то эпиграфические памятники и артефакты были найдены во время раскопок, но до сих пор не изданы и не описаны в публикациях) свидетельства о внутреннем устройстве и мантическом механизме патарского прорицалища, и теперь настало время обратиться к возвещенным в нем прорицаниям. И тут мы оказываемся лицом к лицу с таким малоутешительным фактом, как то, что ни один из античных авторов не счел нужным, интересным или важным для своего произведения процитировать хотя бы одно изречение Аполлона Патарского. Причин тому может быть множество, но главная — это удаленность Патар от материковой Греции, где было достаточно своих не менее чтимых оракулов. Кому пришлось бы на ум отправиться за советом к далекому оракулу Аполлона Патарского, когда рядом были оракулы Аполлона Дельфийского, Аполлона Птойского, Аполлона Исменского, Аполлона Селинунтского и т. д.? И эллины западного побережья Малой Азии, скорее, обращались в Дидимы или в Кларос, чем ехали в Патары. Так и получилось, что Патарский оракул не принимал активного участия в основных событиях греческой истории, а потому у его изречений оказалось несравнимо меньше шансов попасть в то или иное литературное повествование и вместе с ним продлить свою жизнь на многие столетия вперед.

Однако для Ликии, где также были оракулы еще и в Суре и в Кианеях, Патары всегда оставались главным пророческим центром, и в почетной надписи в честь патарца Тиберия Клавдия Александра,

---

⁴⁰ Onur 2001, 170.

Рис. 10. Постамент с надписью в честь Тиберия Клавдия Александра, он же Марк Элий. Фото автора

он же Марк Элий, сына Марка Элия, он же Эпигон — эта надпись I-II в. н. э. была вырезана на прямоугольном основании высотой 1,49 м, найденном в 1992 г. и стоящем сейчас в центре города у начала мощеной улицы (рис. 10), — Патары названы не только метрополией, но и ἀρχιπροφήτης ликийского народа (рис. 11)⁴¹. Формула ἡ μὴτρόπολις τοῦ Δυκίων ἔθνους встречается в надписях часто, но добавленный в этой надписи титул ἀρχιπροφήτης больше ни в одной надписи Малой Азии не зафиксирован, и поэтому трудно с уверенностью сказать, какое из значений слова προφήτης — мантическое или культовое — следует выбрать при его переводе: Патары величаются либо главным центром прорицательства (что более вероятно), либо главным центром служения богам.

1. Изречение Сидимам

В итоге единственным сохранившимся прорицанием Патарского оракула является, как уже было сказано, изречение, процитированное в надписи из Сидим. Если оценивать это прорицание по системе классификации, предложенной Фонтенроузом при составлении каталога дельфийских изречений — а он делил все изречения на исторические, квазиисторические, легендарные и фиктивные, — то оно, безусловно, должно быть признано **изречением историческим**, поскольку было задокументировано в надписи, изготовленной сразу после его получения. Гиерон лично видел эту надпись в Сидимах и полностью ее переписал. Существование в Сидимах чтимого и влиятельного святилища Артемиды, об устройстве жреческого служения в котором давал предписания Аполлон в своем прорицании, также подтверждается надписями. Именно Артемиде Сидимской (Ἀρτέμιδι Σιδυμικῆ) должны были выплачивать штраф нарушители покоя гробниц, если были изблечены (ГАМ II.1 214, 244). Обычно хозяин гробницы при составлении погребальной надписи сам по своему собственному усмотрению указывал, кому он доверяет контролировать неприкосновенность своей гробницы и взимать штраф в случае ее осквернения, и таким гарантом соблюдения прав собственности люди, как правило, выбирали либо крупное местное святилище, либо органы городского управления. Поэтому назначение штрафа в пользу Артемиды Сидимской говорит о том, что святилище этой богини находилось или в самом городе, или в непосредственной близости от него, и что это святилище было достаточно могущественным для защиты прав своих доверителей.

⁴¹ Marek 1994, 97–98; SEG 44: 1211.

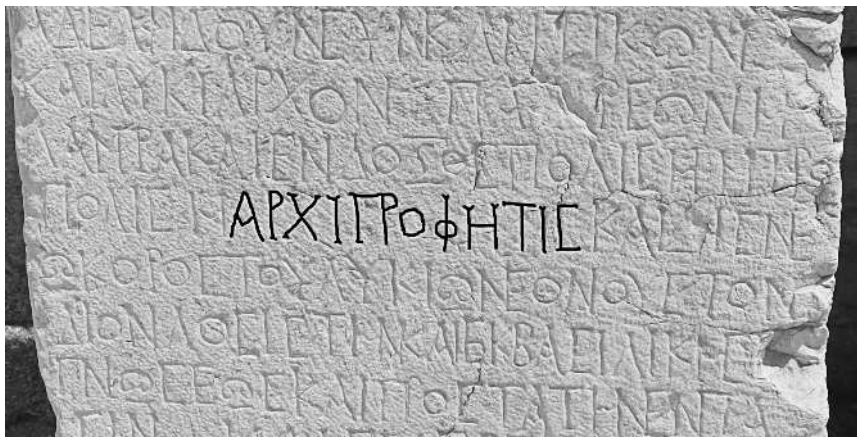

Рис. 11. Слово ἀρχιτροφήτις в надписи в честь Тиберия Клавдия Александра, он же Марк Элий

Гиерон сообщает, что цитируемое им изречение было возведено 129 лет назад, и, если бы первые строки надписи из Сидим, где стояла дата, не были уничтожены, мы могли бы совершенно точно определить год появления этого прорицания. Но коли сделать это уже не представляется возможным, давайте попробуем очертить **время возвещения** хотя бы приблизительно. Бенндорф отмечает, что по характеру письма надпись из Сидим похожа на надпись с постановлением, принятым в этом же городе при императоре Коммоде (180–192 гг.).⁴² Ханиотис также датирует эту надпись концом II в.⁴³ Меркельбах обращает внимание на то, что в первой, более древней надписи с изречением год указан по жрецу союза, а это, по его мнению, говорит о ее создании после образования в 43 г. провинции Ликия, и, следовательно, год выступления Гиерона надо рассчитывать по формуле $43+x+129$.⁴⁴ А вот авторы «Словаря греческих личных имен» считают, что и сам Гиерон, он же Лисимах, и его отец Гиерон жили во II–III вв.⁴⁵

Мы знаем, что после землетрясения 68 г. оракул безмолвствовал и снова начал передавать откровения Аполлона перед землетрясением 141 г. или даже в результате этого события. Тогда можно было бы предположить, что прорицание сидимцам было получено и вырезано на камне незадолго до землетрясения, то есть самое позднее

⁴² Benndorf, Niemann 1884, 75.

⁴³ Chaniotis 1988, 75.

⁴⁴ Merkelbach 2000, 121; Merkelbach, Stauber 2002, 32.

⁴⁵ LGPN V.B p. 211, Ἰέρων 37, 38.

в 67 г. Однако в это время Ликия уже была римской провинцией, и каждая создаваемая на ее территории надпись датировалась по имени верховного жреца Императоров (*ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν*), который избирался сроком на один год. «Первым верховным жрецом ликийцев» (*τοῦ α Λυκίων ἀρχιερέως*) (видимо, титул тогда еще только начал формироваться) был Иреней из Ксанфа (SEG 54: 1464), служение которого, как показывает Д. Райтценштайн, проходило при императоре Клавдии, то есть почти сразу после образования провинции Ликия⁴⁶. В переписанной же Гиероном надписи год создания, напротив, указан не по верховному жрецу Императоров, а по жрецу Ликийского союза и по жрецу города. Такой системой датировки «по федеральному и по городскому эпониму» пользовались еще в независимой Ликии. Поэтому Райтценштайн уверена, что изречение Патарского оракула сидимцам следует датировать периодом позднего эллинизма, и даже готова допустить, что надпись, которую видел Гиерон, была копией более древней надписи⁴⁷.

Последнее предположение кажется маловероятным, поскольку Гиерон позиционировал себя знатоком ликийской мифологии и истории и, точно указывая на 129 лет, отделявшие его речь от возведения прорицания, не мог совершить такую чудовищную ошибку и принять копию более древней надписи за оригинал. Кроме того, повеление оракула повлекло за собой изменение принципа выбора жриц для святилища Артемиды Сидимской, а жрицами становились девушки как из Сидим, так и из родного для Гиерона Тлоса, и Гиерон должен был очень хорошо знать всю историю изменения культовой практики этого святилища и едва ли, повторюсь, мог настолько запутаться в датах. Тогда нам следует остановиться на том, что изречение сидимцам было возведено не позже 42 г., но при этом и ненамного раньше. Не будем забывать, что, если оно датируется 42 г., то речь Гиерона должна датироваться 171 г., то есть временем правления Марка Аврелия, а не Коммода. Поскольку датировка надписи с речью Гиерона основана на форме букв, то изменение ее на одно-два десятилетия вполне допустимо. Но если мы вслед за Райтценштайн сдвинем дату возведения оракула, например, на 30 г. до н. э., то речь Гиерона автоматически передвинется на 99 г., а это уже едва ли приемлемо.

Можно принять в расчет и такое соображение: Гиерон вряд ли стал бы привлекать изречение оракула в качестве одного из основных аргументов своей речи и даже цитировать его полностью, если

⁴⁶ Reitzenstein 2011, 166–167.

⁴⁷ Reitzenstein 2011, 76–77.

бы в тот момент патарское прорицалище не работало, оракул считался бы погибшим, и вся его пророческая слава осталась бы в прошлом. Совершенно по-другому звучало изречение пострадавшего от землетрясения, но преодолевшего все препятствия и снова явившего свою пророческую силу оракула. Поэтому речь Гиерона должна датироваться временем, когда восстановленное на средства Опрамоя прорицалище Патар вернуло себе свою былую славу. Оракул снова начал вещать за несколько лет до или сразу после землетрясения 141 г., но в святилище царило запустение, требовались ремонтные работы, а произошедшее землетрясение, разрушив многие городские постройки, заставило патарцев вести восстановление святилища параллельно с восстановлением всего города. В речи Гиерона о постигшем Ликию бедствии ничего не сказано, значит, боль от пережитого уже утихла, и, следовательно, от землетрясения ее отделял достаточно длинный временной промежуток, позволивший ликийцам вернуться к привычной жизни. Представим, что прошло минимум десять лет. В таком случае Гиерон выступил перед пританами и народом Тлоса между 151 и 171 гг., а оракул Сидимам был возведен между 22 и 42 гг. Конечно, эти выкладки не претендуют на исчерпывающую точность, и, возможно, в Ликии или даже в самих Сидимах еще будет обнаружена надпись, информация которой внесет в эти расчеты серьезные коррективы. Но и сейчас можно говорить об ошибке в датировках, допущенной авторами «Словаря греческих личных имен», причем не только по отношению к Гиерону и его отцу, но и по отношению к Евполему, сыну Аристонима, и Птолемею, сыну Аристонима, калабатийцам, принесшим в Сидимы изречение оракула. Скорее всего, они жили в первой половине I в. н. э., а словарь указывает для них I–II вв.⁴⁸

Поэтическое дарование жрицы⁴⁹, выразившей ответ Аполлона в гекзаметрах, достойно особой оценки. Напомним, что жрица-прорицательница не случайно называлась одновременно и *πρόμαντις*, и *προφήτις*: первый термин указывал на ее способность получить божественное откровение, а второй — на ее умение выразить это откровение словами, так подобрав нужные образы, метафоры и сравнения, чтобы они наиболее точно передавали посылаемое богом знание. Об авторстве жрицы рассуждал Плутарх в моралии «О том, что Пифия более не прорицает стихами»: «Ведь не богу принадлежат и голос, и речь, и выразительность, и ритм, а жен-

⁴⁸ LGPN V.B p. 165, Εὐπόλεμος 33, p. 368, Πτολεμαῖος 31.

⁴⁹ Поскольку у нас нет никаких данных о смене способа прорицания в Патарах после времени Геродота, мы будем называть автором прорицания именно жрицу, а не жреца, хотя полной уверенности в этом, конечно же, быть не может.

щине; он лишь дает образы и зарождает в душе ее свет, открывающий будущее, — ведь это и есть вдохновение» (Mor. 397 с (Pyth. Or. 7)). Нередко изречения оракулов строились из устойчивых поэтических формул и даже цитировали отдельные стихи эпоса, как это было, например, в ответе Пифии спартанцу Главку, когда она закончила свое прорицание целым стихом из Гесиода (*Hdt.* VI 86 γ, *Hes. Erga* 285). Но прорицание Сидимам не обращается к эпическим формулам и демонстрирует нам недюжинный талант своего создателя, подобравшего для выражения ответа бога редкие слова, новые эпитеты, непривычные по значению или вообще не использовавшиеся прежде сочетания обычных слов.

В прорицании фигурируют два божества — Аполлон и Артемида. Аполлон привычно величается «Фебом» и «владыкой Дальновержцем». Правда, эпитет ἄναξ ἑκατηβόλος можно признать привычным с некоторой натяжкой, поскольку он состоит из двух эпитетов, употребительных по отдельности, но стоящих вместе до изречения Сидимам только два раза у Гомера (*Od.* VIII 339) и в гомеровском гимне к Аполлону Делосскому (140). Артемида называется «богиней Летоидой» и «богиней охотницей пестуньей щенят». Если Аполлон Летоид встречается в десятках контекстов, то применительно к Артемиде эпитет Ἀρτωΐς — «Летоида», то есть дочь Лето, употреблялся крайне редко: 4 случая в литературе и 4 в надписях⁵⁰. Артемида охотница (ἀγροτέρα) почиталась в Аттике и во многих других областях античного мира, о ней писали Ксенофонт, Аристофан, Павсаний и другие авторы, но в Ликии был распространен культ Артемиды Элевтеры — ее святилище было в Мирах, — чтили Артемиду Китанаврскую, а эпитет ἀγροτέρα в надписях из Ликии, кроме нашего оракула, больше нигде не встречается. Что же касается эпитета σκυλακωτρόφος — «пестунья щенят», то его всецело можно признать творением нашей жрицы, ибо в изречении Сидимам это слово встречается вообще впервые. В более поздних текстах его употребление ограничено всего несколькими контекстами: у Опшиана в «Галиевтике» и в схолиях к нему это — эпитет ложа, где родились щенята (I 719), а у Нонна Панополитанского это — эпитет Пана (XVI 187), Селены (XLIV 195) и Артемиды (XLVIII 415), то есть в поздней античности устойчивым эпитетом Артемиды это слово тоже не было.

Если разбить прорицание Сидимам на смысловые словосочетания, то среди них оказывается весьма внушительное количество

⁵⁰ Поиск случаев употребления того или иного слова производился для литературных произведений по TLG, а для надписей по сайту <https://inscriptions.paskhum.org>. Полное перечисление обнаруженных контекстов будет указываться только тогда, когда их количество не превышает трех.

словосочетаний, состоящих из обычных, постоянно встречающихся в других контекстах слов, которые при этом ни у одного автора не были соединены друг с другом⁵¹. Таковы: *δέχου θέσφατα* — «прими откровения», *ἔσθλὰ θέσφατα* — «превосходные откровения», *δέχου τρανῶς* — «прими со вниманием», *πόλι συγγενί* — «о родственный город», причем такая форма звательного падежа от прилагательного *συγγενής* больше ни в одном тексте, будь то литература или эпиграфика, не зафиксирована, *χθονί... ναέταισί τε* — «земле и жителям», *λυκάβαντος ἑκάστου* — «каждый год», *τίμα τεύχειν* — «творить почести», *ἀγνὰ τίμα* — «чистые почести», *ἀσινῆ τίμα* — «непорочные почести», *θυηλόλα τίμα* — «жертвенные почести», *ἔστι γάρ, ἔστι* — «есть ведь, есть», *προσάγειν ἱερητόλον* — «жрица приближается», *προσάγειν θαλάμοις* — «приближается к покоям», *ἀπὸ λέκτρων αἰρή* — «ты выбираешь с ложа» и даже просто *ἀπὸ λέκτρων* встречается только у авторов, живших позже прорицания Сидимам, *προσκαλέσασθαι ἐπὶ σηκούς* — «призвать в святилище», *ὁ μοι δηλωτόν* — «какое мною явлено», причем прилагательное *δηλωτός* встречается в литературе всего 4 раза, *προκαθῆσθαι ὁσίῳν* — «возглавлять священнодействия», *ἄρεσιν ὑλέστη* — «сделала выбор» (позже встречается один раз в «Церковной истории» Созомена (VII 25, 6)), *φροντίδος τιμῶσιν* — «почитают предметом заботы», *ταῦτα ὄλβια φαίνει* — «являет это, несущее счастье». Выражение *νηὸν (ναὸν) τηρεῖσθαι* — «хранить храм» появилось в изречении Сидимам впервые, но впоследствии часто использовалось в христианской литературе. Выражение *βροτοὶ τιμῶσιν* — «смертные почитают» (в прорицании: «чтобы смертные почитали») зафиксировано только у Феогида (I 523), *παρθενικαῖς παλάμαισι* — «девичьими руками» — только у Эвена Афинского (AP IX 602, 1), а выражение *Φοίβου θέσφατα* — «откровения Феба» трижды использовал Еврипид (Suppl. 220, Or. 276, IT 937).

Весьма интересны два более нигде не встречающихся словосочетания, в которых эпитетами существительных выбраны прилагательные, никогда при таких существительных не употреблявшиеся: *ἀνυμφεύτους ἐπὶ σηκούς* — «в безбрачное святилище» и *ἀνείαιοις ἐν ὄραις* — «в вечнотекущие времена». Очень редкое в классике и эллинизме прилагательное *ἀνυμφεutos* — «не вступивший в брак» служило у Софокла (El. 165)⁵² и Ликофрона (1153), а также позже в

⁵¹ При поиске подобных сочетаний мы не ограничивались строго формами из прорицания Сидимам, но пытались найти соответствующие сочетания, меняя как падежи и числа существительных, так и формы глагола.

⁵² В «Антигоне» Софокл сделал его эпитетом слова «рождение»: *ἀνυμφευτον γονάν* — «происшедшее от несчастного брака рождение» (980).

двух надписях из Малой Азии⁵³, у Марка Аргентария (АР IX 229, 5) и у Гелиодора (II 4, 3; VI 8, 4) определением девушек и никогда не соединялось со словом, обозначающим какую-либо постройку. В эпитет святилища его превратила именно патарская жрица. В дальнейшем у Нонна Панополитанского (32 случая употребления, в несколько раз больше, чем у всех авторов до него) это прилагательное еще больше расширило сферу определяемых субъектов и один раз, действительно, оказалось при слове «дом»: ἀνυμφεύτοισι δόμοις — «в безбрачном доме». Напротив, в христианской литературе этому слову суждено было стать одним из постоянных эпитетов Богородицы: Χαίρε νύμφη ἀνυμφεύτε — «Радуйся, Невесте Невестная!».

Очень употребительное прилагательное ἀέναντος — «вечнотекущий» в первую очередь было определением рек, источников, волн, но также и слез, материи, огня, света, сияния Луны, облаков, природы, памяти, славы, слов, бега, жизни, счастья, милости и т. д. Эпитетом Хроноса его сделал автор обращения к Мусею, предвещающего «Орфические гимны»: Χρόνον ἀέναντον (29), — после которого это выражение дважды повторил Нонн Панополитанский, правда, уже применительно к обычному времени (XXVI 298, XXXV 77). Однако в изречении Сидимам вечнотекущими названы не единое время χρόνος, а ὄραι — «периоды времени, времена года», и такое соединение слов принадлежит исключительно патарской жрице.

Даже используя устойчивые словосочетания, жрица сумела внести в них что-то новое. Выражение σύμφρονόν ἐστι — «полезно» впервые появляется у Феогнида (I 457) и затем встречается у многих авторов либо в презенсе, либо, что значительно реже, в имперфекте. Однако только в нашем прорицании это выражение поставлено в будущее время да еще и с эпической формой глагола быть: σύμφρονον ἔσεται — «будет полезно». Глагол δάζω — «даровать» только в форме аориста ὤλασε появляется почти в трех сотнях контекстов, действующим лицом при нем нередко стоит Аполлон или другой бог, но выражение ὤλασε Φοῖβος — «Феб даровал», кроме патарского изречения, употребил лишь Еврипид (Med. 425–426), а выражения ἐλάκουε τά σοι ὤλασε — «выслушай, что даровал тебе» нет ни у одного автора.

Стремилась патарская жрица вставить в свои стихи и просто редкие слова: λεύθη, форма второго лица единственного числа от глагола λεύθωμαι — «узнавать», встречается только 4 раза, а прилагательное ἀδμήτις — «неукрошенная» можно найти только в позд-

⁵³ MAMA VII 336, 4; CIRB 125, 12.

них толковых словарях. Но не пренебрегала она и привычными выражениями, когда они соответствовали смыслу передаваемого ею откровения: ἔστι προσήγες — «приятно» или ἄγνός ναός — «священный храм».

2. Изречение Телефу

И все же, если бы мы сейчас составляли «Каталог изречений Патарского оракула», мы бы включили туда не одно изречение, а два. Прорицание Сидимам, действительно, единственное документально подтвержденное прорицание этого оракула. Однако Аполлону Патарскому принадлежало также и еще одно изречение — Фонтенроуз, скорее всего, определил бы его как легендарное. Само это изречение было настолько хорошо известно всему античному миру, что в итоге стало пословицей, в то время как его авторство постепенно стерлось из людской памяти и теперь может быть восстановлено лишь по косвенным свидетельствам. Подробное рассмотрение этого материала уже выходит за рамки данной работы⁵⁴, но основные положения, безусловно, должны быть приведены.

Телеф, сын Геракла и Авги, получил после смерти царя Тевфранта его царскую власть и стал править в Мисии. Когда ахейцы первый раз поплыли к Трое, они по незнанию высадились в Мисии и стали грабить эту страну, полагая, что разоряют земли Трои. Телеф, дабы защитить свои владения, выступил против них с войском и в битве был ранен Ахиллом в бедро, причем не простым копьём, а копьём кентавра Хирона, изготовленным им из пелионского ясеня. Осознав свою ошибку, ахейцы вернулись в Аргос, а Телеф остался с незаживающей раной, которую не удавалось вылечить никакими средствами. Тогда он отправился к оракулу Аполлона, и тот возвестил ему: ὁ τρώσας ἰάσεται — «Ранивший исцелит». Повинуясь повелению бога, Телеф был вынужден просить помощи у своего врага, и Ахилл вылечил его рану ржавчиной, соскобленной с копья Хирона. В благодарность за исцеление Телеф показал ахейцам дорогу к берегам Трои.

К жизнеописанию Телефа обращались многие античные авторы, и каждый период его жизни имеет самые разные варианты изложения. Но при этом практически все источники молчат о том, какой оракул Аполлона спросил Телеф. Либаний (Decl. V 1, 9) и создатели схолий к «Облакам» Аристофана (919) и одной из речей Демосфена (XVIII 134c Dilts) попытались приписать полученное Телефом прорицание Дельфийскому оракулу, что, скорее, является просто

⁵⁴ Весь этот материал полностью изложен в работе: Приходько 2020.

данью традиции и не имеет под собой никаких оснований. Однако при детальном анализе всего имеющегося материала можно найти доказательства того, что Телеф обратился за помощью к оракулу Аполлона Патарского.

Во-первых, Евстафий сообщает, что Телеф «плывет к Ахиллу самой короткой дорогой» (П. Vol. 1 р. 75), и у Диктиса Критского Телеф «поспешно поплыл в Аргос» (П 10). Если бы Телеф спросил Дельфийский оракул, то отправился бы оттуда к Ахиллу в Аргос по суше, а не через море. К тому же и Аполлодор утверждает, что Телеф «прибыл из Мисии в Аргос» (Bibl. Ер. III 20), и автор схолий к Демосфену уверен, что Телеф находился за пределами Эллады, когда получил спасительное пророчание, и потом, «отправившись в Элладу, он пришел к нему (Ахиллу)» (XVIII 134b Dilts).

Во-вторых, у Еврипида была трагедия «Телеф», и среди сохранившихся фрагментов есть стих с обращением к Аполлону Ликийскому. Телеф (или кто-то другой из действующих лиц трагедии) восклицает: «О Феб Аполлон Ликийский, что же ты со мной сделаешь?» (Fr. 700 Nauck, ср. Fr. 106 Austin). Пародировав эту трагедию, Аристофан во «Всадниках» вкладывает эти слова в уста Клеона (1240) — так он выражает удивление, услышав от Колбасника, что в палестре тот учился, украв, давать ложную клятву и обманывать, смотря в глаза. Это своеобразное цитирование комментирует схолиаст: «Этот стих из Телефа Еврипида» (Schol. *Aristoph.* Eq. 1240a). Действие трагедии Еврипида разворачивалось в Греции, куда приплыл Телеф, чтобы исполнить повеление Аполлона и получить от Ахилла столь долгожданное исцеление. По какой другой причине далекий и малоизвестный в тех местах Аполлон Ликийский мог стать объектом молитвенного призыва, если только не по той, что он через свое изречение был непосредственно связан с сюжетной линией трагедии — все происходящее в ней события случились именно в результате того, что он своим пророчанием отправил Телефа искать помощи Ахилла?

В-третьих, о посещении Телефом патарского прорицалища свидетельствуют отдельные артефакты, упомянутые в письменных источниках, и географические названия. Мы уже приводили сообщение Павсания о том, что в храме Аполлона в Патарах хранился бронзовый кратер, который, как утверждали служители, был посвященным даром Телефа и творением Гефеста (IX 41, 1). Надпись с острова Родоса, датируемая 99 г. до н. э., перечисляет дарителей, украсивших храм Афины в Линде своими посвященными приношениями, среди которых значится и Телеф: «Телеф — златоомфальную чашу, на которой написано: 'Телеф Афине в качестве

Рис. 12. Источник Телефа. Фото автора

искупительного дара, как повелел Ликийский Аполлон⁵⁵) (I. Lindos II 2, В 48–50). Получается, что Аполлон Ликийский не только указал Телефу путь исцеления, но и определил, какие дополнительные искупительные дары тот должен принести.

Грамматик Элий Геродиан и Стефан Византийский цитируют весьма интересное сообщение историка IV в. до н. э. Менехма из Сикиона: «В семи стадиях от Патар показывают источник Телефа, названный так из-за того, что Телеф промыл в нем свою рану. Существует также телефийский народ» (Pros. Cat. Vol. 3.1 p. 119 и Ethn. 620 = F.Gr.Hist. 131 F 11). Источник Телефа не только не иссяк⁵⁵, но и в наши дни продолжает лечить людей. Он находится рядом с шоссе D400 возле поворота на Патары (рис. 12). Воды источника наполняют маленький естественный прудик, глубина которого не достигает даже уровня колена. Вокруг него всегда многолюдно, и каждый посетитель стремится лечь на дно, чтобы полностью погрузиться в воду. Один молодой турок рассказывал мне прошлым летом, что вода этого источника весьма успешно лечит его от кожной болезни.

⁵⁵ Şahin 2009, 345.

Парк, правда, полагает, что идея об особом отношении Телефа к Аполлону Патарскому стала активно развиваться перед подъемом правящей династии Пергама, которая объявила Телефа своим прародителем — ведь Пергам никогда не имел власти над Ликией⁵⁶. Однако эти политические аспекты не в силах изменить тот факт, что и восклицание из трагедии Еврипида, и сообщение историка Менехма по времени старше Пергамского царства, а между тем они свидетельствуют о приезде Телефа в Патары.

В истории Ликии в целом остается много спорного и недостаточно хорошо изученного, регион привлекает к себе все новых и новых исследователей, разные команды археологов работают одновременно в нескольких ликийских городах, и в Патарах раскопки еще не окончены, поэтому пока еще очень рано ставить точку в изучении истории патарского прорицалища и деятельности его оракула. Любая вновь найденная надпись может предоставить новый и самый неожиданный материал в коллекцию уже существующих свидетельств и заставить по-другому оценить известные прежде факты, «Каталог изречений» может пополниться новыми прорицаниями, и храм Аполлона или хотя бы его фундамент может снова увидеть свет солнца и обрести свое место на карте города.

Литература

- Калугин В.В.* «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. М., 2003.
- Приходько Е.В.* Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М., 1999.
- Приходько Е.В.* Оракул по пяти астрагалам из города Адады в Писидии // Труды кафедры древних языков IV. (Труды исторического факультета МГУ 83. Серия III. Instrumenta studiorum 27). М., 2016. С. 72–166.
- Приходько Е.В.* Какой оракул возвестил Телефу: «Ранивший исцелит»? // Номо omnium horarum: Сб. статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / Под ред. А.В. Белоусова, Е.В. Илюшечкиной. М., 2020. С. 447–468.
- Adel R. den.* Apollo's Prophecies at Delos // *Classical World*. 76.5. 1983. P. 288–290.
- Benndorf O., Niemann G.* Reisen in Lykien und Karien // *Reisen im südwestlichen Kleinasien*. Bd. I. Wien, 1884.
- Chaniotis A.* Historie und Historiker in den griechischen Inschriften. Epigraphische Beiträge zur griechischen Historiographie // *Heidelberger Althistorische Beiträge und Epigraphische Studien*. Bd. 4. Stuttgart, 1988.
- Curnow T.* The Oracles of the Ancient World: A Comprehensive Guide. London, 2004.

⁵⁶ Parke 1985, 189.

- Fellows Ch.* An Account of Discoveries in Lycia, being a Journal kept during a second Excursion in Asia Minor. 1840. London, 1841.
- Fontenrose J.* The Delphic Oracle: Its Responses and Operations with a Catalogue of Responses. Berkeley; Los Angeles; London, 1978.
- Işık F.* Patara. The History and Ruins of the Capital City of Lycian League. Antalya, 2000.
- Kokkinia Ch.* Die Opramoas-Inscription von Rhodiapolis. Euergetismus und soziale Elite in Lykien // Antiquitas. Reihe 3. Abhandlungen zur Vor- und Frühgeschichte, zur klassischen und provinzial-Römischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums. Bd. 40. Bonn, 2000.
- Lewis Ch.T., Short Ch.* A Latin Dictionary. Oxford, 1958.
- Marek Ch.* 1992 Çankırı ve Kastamonu'da Araştırmalar, Kaunos ve Patara Kazılarında Epigrafik Araştırma // Araştırma Sonuçları Toplantısı. 11. 1994. S. 85-104.
- Merkelbach R.* Der Glanz der Städte Lykiens. Die Festrede des Literaten Hieron (T.A.M. II 174) // Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens. 32. 2000. S. 115-125.
- Merkelbach R., Stauber J.* Steinepigramme aus dem Griechischen Osten. Bd. 4. Die Südküste Kleinasiens, Syrien und Palaestina. München; Leipzig, 2002.
- Neumann G.* Glossar des Lykischen / Überarbeitet und zum Druck gebracht von J. Tischler // Dresdner Beiträge zur Hethitologie. 21. Wiesbaden, 2007.
- Nollé J.* Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München, 2007.
- Onur F.* The lamp-stand offerings of primipilarius Flavius Bassus to Apollo Patroos in Patara // Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens. 33. 2001. P. 169-173.
- Öner E., Akbulut H.* Paleocoğrafik-Jeoarkeolojik Bulgular Işığında Patara Apollon Tapınağının Yerinin Tartışılması: Patara Apollon Tapınağı Kısık Boğazı'nda mıydı? (Eşen Ovası — Muğla/Antalya) // Ege Coğrafya Dergisi. 24/2. 2015. S. 69-106.
- Parke H.W.* The Oracles of Apollo in Asia Minor. London; Sydney; Dover, New Hampshire, 1985.
- Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. Vol. I-II. Oxford, 1956.
- Reitzenstein D.* Die lykischen Bundespriester. Repräsentation der kaiserzeitlichen Elite Lykiens // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. Beihefte. Neue Folge. Bd. 17. Berlin, 2011.
- Robert L.* Les conquêtes du dynaste lycien Arbinas // Journal des Savants. 1978. P. 3-48. = Opera Minora Selecta. T. VII. Amsterdam, 1990. P. 381-426.
- Spratt T.A.B., Forbes E.* Travels in Lycia, Milyas, and the Cibyratis, in Company with the late Rev. E.T. Daniell. Vol. I-II. London, 1847.
- Şahin S.* Kragos Oros, Titanis Petra und der Apollontempel von Patara. Lokalisierungsversuche in der historischen Geographie Lykiens // Die Landschaft und die Religion. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 9, 2005. (Geographica Historica. Bd. 26), Stuttgart, 2009. S. 337-352.

Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti / Enarravit E. Kalinka // TAM.
Vol. II. Fasc. 1-3. Vindobonae, 1920-1944.

Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen // Beiträge zur Namensforschung N.F.
Beiheft 21. Heidelberg, 1984.

А.В. Подосинов

ГЕРАКЛ СКИФСКИЙ И ГЕРАКЛ КЕЛЬТСКИЙ: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕГЕНДЫ*

До нас дошло несколько версий происхождения скифов, две из которых были предложены еще Геродотом. В первой легенде, будто бы происходящей от самих скифов, «отец истории» рассказывает о первом появившемся в этих местах человеке — Таргитае, чьими родителями были Зевс и дочь реки Борисфена. Три сына Таргитая — Липоксай, Арпоксай и Колаксай — стали родоначальниками различных скифских родов; царство получил младший Колаксай, который смог забрать упавшие с неба золотые предметы — плуг, ярмо, секиру и чашу (IV, 5–7)¹.

Рассказав о скифской легенде их происхождения, Геродот добавляет к ней другую, которую он будто бы слышал от понтийских греков и в которой прародителем скифов выступает Геракл (IV, 8–10). Согласно этой версии, Геракл после выполнения 10-го подвига — похищения коров Гериона — прибыл в необитаемую страну, которую позже стали занимать скифы, и там у него пропали кони из его колесницы. После долгих поисков коней Геракл нашел в пещере некое существо — полужмею-полуженщину, которая похитила коней и готова была ему их вернуть, только если он войдет с ней в любовную связь. От этой связи у богини родились три сына — Агафирс, Гелон и Скиф. Когда они выросли, им было приказано, как велел Геракл, натянуть лук, оставленный отцом, и

---

* В основе статьи лежит доклад, сделанный на конференции «Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто» (ИВИ РАН, Москва, 16 апреля 2014 г.). Я благодарен А.И. Иванчику за ценные замечания, сделанные им при обсуждении статьи на редколлегии ВДИ, притом, что наши позиции не везде совпадают.

¹ Толкование этой этногенетической легенды, которая воспринимается как автохтонная в отличие от рассказанной ниже, породило огромную литературу (см. о ней: Доватур и др. 1982, 206–213). Подробное рассмотрение этой легенды см.: Раевский 1977; Ivantchik 1999, 141–192.

надеть его пояс с золотой чашей. Эту задачу смог выполнить только младший брат Скиф, который и стал прародителем всех скифских царей².

Близкие к этой легенде сведения сообщают также Диодор Сицилийский и Валерий Флакк.

Версия Диодора Сицилийского (II, 43) отличается от Геродотовой только тем, что вместо Геракла прародителем Скифа и всех скифов становится Зевс, совокупившись со змееногой богиней. Валерий Флакк называет скифского царя Колакса (Colaxes) сыном Зевса и змееногой нимфы (Argon. VI, 48–52). Важно отметить, что уже в гесиодическом «Каталоге женщин», составленном, вероятно, в VI в. до н. э.³ (Fr. 150, 16 Merkelbach-West), Скиф, согласно наиболее распространенному чтению, назван «сыном мощнейшего Кронида» ([Σκύθησ μὲν γ'ένεθ' ὑὸς ἕτερ[μ]ενέος Κρονίωνος), т. е. Зевса⁴.

Страбон приводит еще одну легенду, в которой Геракл также фигурирует в качестве помощника богини, находящейся в Северном Причерноморье, на этот раз в окрестностях Фанагории, но отождествляемой с Афродитой Апатурой (XI, 2, 10)⁵. Эта легенда, где встречаются Геракл и некая местная богиня, явно связана как-то с Геродотовой⁶, но не имеет у Страбона этногенетического продолжения.

Скифы оказываются, таким образом, народом, не так уж чуждым эллинской цивилизации. Подобные легенды создавались греками, чтобы включить варварский мир в орбиту античной цивилизации. Вообще, в истории греческой колонизации нередки случаи, когда греки-колонисты, заселяя далекую окраину, пытались привязать к этой местности какие-то свои мифы, своих богов и своих героев, заставляя последних оказываться родоначальниками местных на-

² Эта легенда рассматривается (с литературой вопроса) в недавних работах: Иванчик 2001, 324–350; Ivantchik 2001, 207–220; Бухарин 2013, 20–80.

³ См. о датировке: West M.L. 1985, 130–137.

⁴ А.И. Иванчик, исходя из метрических особенностей текста, предпочитает другое чтение этого фрагмента, предполагающее, что сыном Зевса был не сам Скиф, но некий «отец скифов», под которым можно усматривать Геракла Геродотовой легенды (Иванчик 2001, 341–342).

⁵ Об этой легенде и поисках святилища Афродиты Апатуры на Таманском полуострове см. подробнее: Розанова 1951, 210–221; Тохтасьев 1986, 138–145; Кошеленко 1999, 147–160; Кузнецов 2013, 314–329.

⁶ См. Раевский 2006, 77: «Вполне вероятной представляется и гипотеза, что вариантом того же скифского мифа является рассказ Страбона (XI, 2, 10), связанный с боспорским культом Афродиты, владычицы Апатура». Ср., однако, мнение В.Д. Кузнецова: «Вопрос о его (культа Афродиты на Боспоре. — А. II.) связи с местными причерноморскими культами должен быть закрыт» (Кузнецов 2013, 315).

родов⁷. Причина понятна — надо было оправдать обретение новой территории, сделать ее «исконно» своей и приблизить к греческому миру, населив ее персонажами родной мифологии и истории.

Хорошо сказал об этой особенности греческого менталитета Л.А. Ельницкий: «Это лежало, видимо, в психологии древних греков — возводить предков каких-либо далеких народов к своим собственным героическим предкам с целью их большей или меньшей ассимиляции: таково выведение происхождения восточных народов (персов, медийцев) от потомков Гелия — Солнца, скифских народов — от Зевса или Геракла, армян — от аргонавта-фессалийца Армена и т. д.»⁸.

Надо заметить, что Геракл, согласно античной мифологической и географической традиции, совершая свои подвиги, предпринял путешествия, не уступающие по протяженности и разнонаправленности путешествиям Одиссея и аргонавтов⁹. Известно о существовании нескольких эпических «Гераклид», одна из которых, написанная Паниассисом Галикарнаским в 470-е гг. до н. э., пользовалась большой популярностью¹⁰.

Именно поэтому Геракл выступает основателем народов, династий или городов во многих уголках ойкумены — от Индии до Испании. Сохранились свидетельства о 29 городах, названных в его честь Гераклеей (включая Херсонес Таврический, который также носил это имя), и о более чем 120 сыновьях, рожденных от Геракла женщинами в разных регионах мира¹¹.

Возвращаясь к Геродотовой легенде о Геракле, будто бы пригнавшем в Скифию коров Гериона, напомним главную в античности версию путешествия Геракла с этой добычей, рассказанную Аполлодором (II, 5, 10) в повествовании о 10-м подвиге Геракла; близок к этому итинерарий путешествия Геракла, сохраненный Диодором (IV, 17-25). Убив Гериона и завладев его коровами, Геракл переплывает с острова Эрифийи, находившегося в Атлантике, обратно

⁷ Об этой особенности греков см. классическую работу: Bickermann 1952, 65-81.

⁸ Ельницкий 1961, 5; см. также: Суриков 2012, 50-51.

⁹ Как сказал о Геракле Сенека, он «totum orbem terrarum pererraverat et nosse videbatur omnes nationes» (Aprocol. 5, 3). В самой «Одиссее» (XI, 618-619) Геракл, явившийся Одиссеею из Лида, сравнивает свою судьбу с его судьбой. О путешествиях Геракла по окраинам мира см.: Pinney, Ridgway 1981, 141-144.

¹⁰ См.: Мусбахова 2013, 131, где отмечается, что Паниассис «был причислен древней критикой к канону из пяти величайших эпических поэтов вместе с Гомером, Гесиодом, Писандром и Антимахом».

¹¹ Gruppe 1918, 1090-1095. См. список сыновей и дочерей Геракла в *Apollod.* II, 7, 8. Кстати, в этом списке нет Геракловых сыновей Скифа и Кельта, о которых пойдет речь дальше.

в испанский Тартесс, затем проходит мимо города Абдера в юго-восточной Испании, откуда попадает в Лигурию (часть Галлии на северо-западе от Италии) и затем в Тиррению (Этрурию). Оттуда, пройдя на юг Италии, он переправляется на Сицилию. И везде Геракл основывал города и поселения, которые будто бы позже заново обретали греки.

В связи с Геродотовой «местной» легендой о приходе Геракла в Скифию, рассказанной будто бы понтийскими греками и сильно расходящейся с основной версией его путешествия, хочу напомнить о существовании еще одной похожей легенды, связанной с Гераклом и коровами Гериона, но привязанной к другому региону и другому народу, а именно, к кельтам, живущим в той самой Лигурии, где, по общераспространенной версии, как раз и проходил Геракл.

Эту легенду в несколько различающихся версиях донесли до нас Диодор Сицилийский, Парфений из Никеи и анонимный *Etymologicum Magnum*.

Вот как она выглядит у Диодора (V, 24, 1-3):

Итак, в древности в Кельтике царствовал, как говорят, выдающийся муж, у которого была дочь сверхъестественного роста, значительно превосходившая всех красотой. Возгордившись из-за своей телесной силы и восхитительной красоты, девушка отказывала всем, кто сватался к ней, полагая, что никто из [женихов] не достоин ее. (2) Но когда во время похода против Гериона Геракл прибыл в Кельтику и основал там город Алезию, она увидела Геракла, пришла в восторг от его доблести и телесной силы и с величайшей охотой сочеталась с ним, на что согласились и ее родители. (3) От связи с Гераклом она родила сына Галата, который значительно превосходил своих соплеменников и душевной доблестью, и телесной силой. Возмужав и унаследовав принадлежавшую его предкам власть, Галат овладел многими сопредельными землями и совершил великие военные подвиги. Прославившись своей доблестью, он назвал подданных от своего имени галлами (в греч. тексте — галатами. — *А. II.*), а от них и вся страна стала называться Галлией (в греч. тексте — Галатией. — *А. II.*)¹² (перевод О.П. Цыбенко).

¹² Τῆς Κελτικῆς τοίνυν τὸ παλαιόν, ὡς φασι, ἐδυνάστευσεν ἐπιφανὴς ἀνὴρ, ᾧ θυγάτηρ ἐγένετο τῷ μεγέθει τοῦ σώματος ὑπερφυῖς, τῇ δ' εὐπρέπεια πολὺ διέχουσα τῶν ἄλλων. αὕτη δὲ διὰ τε τὴν τοῦ σώματος ῥώμην καὶ τὴν θαυμαζομένην εὐπρέπειαν πεφρονηματισμένη παντὸς τοῦ μνηστεύοντος τὸν γάμον ἀπληρεῖτο, νομίζουσα μηδένα τούτων ἄξιον ἑαυτῆς εἶναι. κατὰ δὲ τὴν Ἡρακλέους ἐπὶ Γηρυόνην στρατείαν, καταντήσαντος εἰς τὴν Κελτικὴν αὐτοῦ καὶ πόλιν Ἀλυσίαν ἐν ταύτῃ κτίσαντος,

Таким образом, кельты, как и скифы, происходят от сына Геракла, рожденного от местной женщины. Интересно отметить, что Диодор, приведя эту «кельтскую» легенду о Геракле, в генеалогической «скифской» легенде, о которой шла речь выше, выводит скифов уже не от Геракла, а от Зевса, как Геродот в первой версии происхождения скифов.

А вот что рассказывает Парфений из Никеи, автор сочинения «О любовных страстях»¹³:

XXX. О КЕЛЬТИНЕ

Говорят, что Геракл, когда гнал с Эрифии коров Гериона, проходя через страну кельтов, прибыл к Бретанну. У него была дочь по имени Кельтина. Влюбившись в Геракла, она спрятала коров и не хотела их ему отдавать, пока он с ней не сойдется. (2) А Геракл, желая и коров выручить, а еще больше сраженный красотой девушки, сошелся с ней. С течением времени у них родился сын Кельт, от которого получили свое название Кельты¹⁴ (перевод В.Н. Ярхо).

Как мы видим, рассказ Парфения в основных чертах совпадает с легендой Диодора: Геракл после борьбы с Герионом возвращается домой через землю кельтов (галлов, галатов), совокупляется с дочерью местного правителя, и родившийся от этой связи сын становится прародителем целого народа (или дает ему свое имя). Новое в этом рассказе — имена (несомненно, кельтские) местного правителя и его дочери, шантаж местной принцессы, укравшей у Геракла коров Гериона и требовавшей за их возвращение любовной связи с героем.

Наконец, в *Etymologicum Magnum* мы читаем о кельтском Геракле (502, 45):

θεασαμένη τὸν Ἡρακλέα καὶ θαυμάσασα τὴν τε ἀρετὴν αὐτοῦ καὶ τὴν τοῦ σώματος ὑπεροχὴν, προσεδέξατο τὴν ἐπιπλοκὴν μετὰ λάσης προθυμίας, συγκατανευσάντων καὶ τῶν γονέων. μιγεῖσα δὲ τῷ Ἡρακλεῖ ἐγέννησεν υἱὸν ὀνόματι Γαλάτην, πολὺ προέχοντα τῶν ὁμοειδῶν ἀρετῇ τε ψυχῆς καὶ ῥώμῃ σώματος. ἀνδρωθεὶς δὲ τὴν ἡλικίαν καὶ διαδεξάμενος τὴν πατρῴαν βασιλείαν, πολλὴν μὲν τῆς προσοριζούσης χώρας κατεκτήσατο, μεγάλας δὲ πράξεις πολεμικὰς συνετέλεσε. περιβόητος δὲ γενόμενος ἐπ' ἀνδρεία τοὺς ὑφ' αὐτὸν τεταγμένους ὀνόμασεν ἀφ' ἑαυτοῦ Γαλάτας· ἀφ' ὧν ἡ σύμπασα Γαλατία προσηγορεύθη.

¹³ *Parthen. Erot. Path.* 30 (Lightfoot).

¹⁴ Λέγεται δὲ καὶ Ἡρακλέα, ὅτε ἀπ' Ἐρυθρίας τὰς Γηρυνόου βοῦς ἦγαγεν, ἀλώμενον διὰ τῆς Κελτῶν χώρας ἀφικέσθαι παρὰ Βρεταννόν· τῷ δὲ ἄρα ὑπάρχειν θυγατέρα Κελτίνην ὄνομα. ταύτην δὲ ἐρασθεῖσαν τοῦ Ἡρακλέους κατακρύψαι τὰς βοῦς μὴ θέλγειν τε ἀποδοῦναι, εἰ μὴ πρότερον αὐτῇ μιχθῆναι. τὸν δὲ Ἡρακλέα τὸ μὲν τι καὶ τὰς βοῦς ἐπειγόμενον ἀνασώσασθαι, πολὺ μᾶλλον μέντοι τὸ κάλλος ἐκπλαγέντα τῆς κόρης συγγενέσθαι αὐτῇ· καὶ αὐτοῖς χρόνου περιήκοντος γενέσθαι παῖδα Κελτόν, ἀφ' οὗ δὴ Κελτοὶ προσηγορεύθησαν.

Кельто, дочь Бретана, влюбившись в Геракла, просит его соединиться с ней, и, сделав это, Геракл оставил ей лук, сказав, что, если родится мальчик, он станет царем, если сможет натянуть лук; и родился сын Кельт, от которого происходит народ кельтов¹⁵.

В этом коротком (энциклопедическая справка!) пассаже автор сохраняет все сведения Парфения, добавив сюда только рассказ о луке, который Геракл оставляет своему будущему сыну и который тот должен натянуть, чтобы стать царем.

Итак, если соединить все элементы этой легенды, рассказанной разными авторами с разной степенью подробности, и предположить, что все они относятся к одному нарративу, получается следующая картина.

В кельтской стране (Галлии) красавица Кельтина (или Кельто), дочь местного правителя Бретана (или Бретанна), влюбилась в проходящего мимо Геракла, гнавшего из Испании в Тиринф коров Гериона, и, чтобы принудить его к любовным сношениям, похитила у него коров. Позже она родила от Геракла сына Кельта (или Галата), которому отдала оставленный Гераклом лук, и который, сумев натянуть отцовский лук, стал царем и прародителем кельтов.

Из этой легенды можно заключить, что кельты (или, скорее, кельтские греки), таким же образом, как и скифы (или понтийские греки), сделали Геракла родоначальником своей истории и генеалогии¹⁶. Считалось, что почитание Геракла кельтами было так глубоко укоренено, что даже свою столицу — город Алезию — они считали основанной Гераклом на пути с острова Гериона (*Diod. V, 24, 2*)¹⁷.

В этой легенде легко узнаются основные черты легенды о приходе Геракла в Скифию (возвращение Геракла с быками Гериона, любовная связь с местной женщиной, которая родила от этой связи

¹⁵ Κελτοί: Κελτῶ, Βρετάνου θυγάτηρ, ἐρασθεῖσα Ἡρακλέους, παρεκάλει αὐτὸν αὐτῇ μῦθῳ· καὶ τοῦτο πράξας Ἡρακλῆς, ἀπέλιπε τὸ τόξον αὐτῇ, εἰπὼν, ἐὰν ἄρρηγ γεννηθῆ, βασιλεύει αὐτὸν γενέσθαι, εἰ δύναται τείνειν τὸ τόξον· καὶ ἐγεννήθη παῖς Κελτός· ἀφ' οὗ Κελτοὶ ἔθνος.

¹⁶ Подробнее см.: Maass 1906, 159–164; Gruppe 1918, 997–998; Aloni 1993, 13–28.

¹⁷ Как и в «скифском» случае, существовали и другие генеалогические версии кельтов (галатов): греки возводили их то к Полифему и Галатее (*Tim. Fr. 69 Jacoby; Appian*. Шут. 2), то к Галату, сыну Аполлона (*Eustath. Comm. ad Dion. Perieg. 69*), то к гиганту Кельту, который правил в Галлии, то к Кельту, сыну Геракла и Астеропы, дочери Атланта (*Dionys. Halicarn. XIV, 1; Etym. Magn. 50, 50*); см.: Niese 1910, 613; Lightfoot 1999, 531–532. Ф. Якоби считал тимееву легенду о происхождении галатов от Галатее «продуктом его преувеличенного сицилийского местного патриотизма» (produkt seines übersteigerten sizilischen lokalpatriotismus — Jacoby 566, Fr. 69. Komm.).

сына, оставление Гераклом лука, его натягивание повзрослевшим сыном, чтобы стать царем и основателем целого народа).

Странно, но в отечественной скифологии я не нашел никакого упоминания «кельтского» варианта легенды, столь близкого «скифскому». Тем не менее, встает вопрос, какие отношения существуют между двумя легендами, в частности, какую легенду следует считать изначальной, а какую — заимствованной. Почему это важно?

В кельтологии мне известна всего одна работа немецкого ученого Э. Маасса 1906 г., в которой подробно сопоставляются две версии этой легенды¹⁸. И если прав Маасс, полагающий, что скифская легенда вторична, а кельтская возникла в VI в. до н. э. и стала образцом для скифской¹⁹, то усилия отечественных и зарубежных скифологов, пытающихся найти в легенде местный скифский колорит или даже считающих ее исконно скифской и весьма древней²⁰, можно было бы расценить как напрасные.

Так, например, виднейший представитель отечественного скифоведения Д.С. Раевский считает, что «эта версия играла значительную роль в идеологии скифского общества... этиологическое содержание последнего горизонта легенды... состоит в утверждении идеи примата военной аристократии в сословно-кастовой структуре скифского общества и в обосновании того, что принадлежащие к этой социальной категории цари объединяют в своем лице военные и жреческие функции»²¹. Отмечу сразу скепсис в отношении скифского происхождения этой легенды, высказанный М.В. Скржинской: «Исследователю античной мифологии доводы скифологов кажутся в большинстве случаев малоубедительными. Ведь они основываются на тексте Геродота, специально подчеркнувшего, что это эллинский миф, а он... не только прекрасно вписывается в контекст древнегреческой мифологии, но даже построен по структуре мифов, рассказывавшихся в Ионии, на родине предков колонистов»²².

¹⁸ Maass 1906, 159–164. Две версии сравнивает также издатель Парфения Дж. Лайтфут (Lightfoot 1999, 532–534).

¹⁹ Maass 1906, 163–164. Дж. Лайтфут придерживается противоположного взгляда на соотношение двух версий (Lightfoot 1999, 533).

²⁰ См., например: Раевский 1970, 90–101; Иванчик 2001, 333: «Итак, вторая Геродотовская легенда, как и первая, восходит к скифской традиции. Эта легенда достаточно рано была заимствована ольвийскими греками и подверглась в их среде эллинизации, а от них ее получил Геродот».

²¹ Раевский 2006, 97 и 99; см. также: Иванчик 2001, 339: «Вторая легенда... отражает древнее индо-иранское представление о царе как представителе всех социальных функций и главе всех трех сословий...». На самом деле лук и чаша, описанные Геродотом, могли бы нести информацию только о двух из них — военную и жреческую.

²² Скржинская 1998, 49.

Показательна в этой связи история поиска пещеры, где будто бы жила змееногая богиня: используя геологические данные о горных породах в Северном Причерноморье, в которых могла находиться пещера, ее локализовали то в долинах рек Молочной или Берды, то около Берислава на правом берегу Днепра, то в Олешских песках²³. Заметим, что эти поиски совершенно аналогичны поискам галльского города Алезии, будто бы основанного Гераклом, в кельтологической литературе²⁴.

Итак, какие же могут быть аргументы «за» или «против» первичности скифского сюжета, которая молчаливо предполагается скифологами?²⁵

Против первичности скифской легенды говорит прежде всего географический фактор: приключение Геракла логичнее привязывать именно к Галлии, через которую он гнал своих быков (в самом деле, знаменитый путь Геракла — ὁδὸς Ἡρακλεία) — от Испании до Тиринфа на Пелопоннесе через Скифию выглядит, мягко говоря, не очень практичным...)²⁶. Замечу, что Геракл оставил множество «следов» в Лигурийской Галлии²⁷: одних только городов или портов его имени насчитывается там не меньше пяти²⁸.

Античным авторам хорошо была известна еще одна легенда о «подвигах» Геракла на кельтской земле. Именно здесь, на каменистом плато в дельте Роны, произошла знаменитая битва Геракла с лигурами (или лигиями)²⁹, о которой, вероятно, знал уже Эсхил. В

²³ См. различные версии в комментарии к этому месту: Доватур и др. 1982, 214. Сами авторы комментария считают, что «пещера упоминается Геродотом при пересказе фантастического сюжета, и поэтому вряд ли оправданы попытки ее локализации».

²⁴ См., например: Harmand 1967. *Passim*.

²⁵ Э. Маасс в связи с нашей проблемой справедливо полагает, что «Das Endziel philologischen Könnens und richtiger Methode ist die Fähigkeit, unter zwei voneinander abhängigen Überlieferungen sowohl nach Form wie nach Inhalt mit Sicherheit zu ermitteln, welche als die zeitlich spätere zu gelten hat» (Maas 1906, 163). Сам Маасс приходит к выводу, что «скифская» легенда произошла из «кельтской» (*ibidem*).

²⁶ Э. Маасс называет северочерноморский маршрут Геракла по Геродоту «geographische Unmöglichkeit» (Maass 1906, 162). Дж. Лайтфут, не соглашаясь с Маасом в целом в вопросе о первичности кельтской легенды, тем не менее здесь признает «the geographical unprobability of the Echidna story» (Lightfoot 1999, 533, n. 366).

²⁷ Ср.: Harmand 1967, 961-962: «C'est l'une des régions du monde méditerranéen où le mythe d'Héraklès a eu l'écho le plus fort, inspirant nombre de legends de fondation et marquant la toponymie de façon durable».

²⁸ Harmand 1967, 962 (с литературой); Ramin 1979, 106.

²⁹ См. *Mela* II, 78: «Это побережье (Лигурии. — А. II.) малоизвестно, его называют Каменистым, поскольку, как рассказывают, Геракл, сражаясь здесь с детьми Нептуна Алебионом и Деркином, когда стрелы кончились, призвал Юпитера на помощь, и тот пролил дождь из камней. И действительно, можно поверить

его «Прометее Освобожденном» Прометей пророчествует Гераклу, отправляющемуся к Гесперидам³⁰:

Предстанут неколеблемые полчища
Лигийцев, и каков ты ни воителен,
Не вступишь в брань, зане судьбой назначено
Стрелам твоим бессилеть здесь, каменьев же
Нет на земле песчаной и податливой.
Но в трудный час отец небесный скалится,
И сгрудит тучу, и обрушит круглые
Каменья градом с неба, их ударами
И расточишь ты полчища лигийские.

(перевод М.Л. Гаспарова)

Несмотря на разные направления похода Геракла (у Эсхила он движется с северо-востока к Гесперидам на юго-западе, у Аполлодора — в обратную сторону из Эритии в Грецию), речь идет, несомненно, об одной и той же битве с лигурами, которые, по Аполлодору, хотели присвоить себе коров Гериона. Лигуры (или лиги), примыкающие к греческой колонии Массалии (совр. Марсель на юге Франции), были хорошо распознаны как кельтское население Страбона, который писал о жителях этой области (IV, 2, 14):

... В прежнее время люди называли их кельтами; я полагаю, что от имени этих кельтов греки и всех галатов целиком называли кельтами благодаря славе кельтов или потому, что массалиоты, как и другие греки-соседи, содействовали этому в силу своей близости к ним (перевод Г.А. Стратановского).

В этом свидетельстве Страбона мы видим и соединение имени кельтов и галатов, которое мы встретили в «кельтской» легенде, и особо близкое знакомство с кельтами массалиотов, от которых могла исходить *interpretatio Graeca* местного сказания. Важно отметить, что в классическое время в городе говорили на трех языках — греческом, латинском и кельтском (см. *Isid. Orig.* XV, 1, 63 со ссылкой на Варрона)³¹.

в этот дождь — до того много камней разбросано широко здесь и там». Легенду о битве Геракла в Лигурии упоминает кратко и Плиний (NH III, 34: *Campi Lapidei, Nerculis proeliorum memoria* — «Каменные поля, память о битвах Геркулеса»); критически отнесся к мифологической версии камнепада на Каменистом побережье Страбон (IV, 1, 7). Аполлодор прямо связывает это сражение с путешествием Геракла с коровами Гериона: «Затем он (Геракл. — А. II.) пересек Абдерию (на юге Испании. — А. II.) и прибыл в Лигурию, где сыновья Посейдона Иалебион и Деркин попытались отобрать у него коров» (*Apollod.* II, 5, 10).

³⁰ *Aesch. Prom. Lib. Frg.* 199.

³¹ Х.Д. Рэнкин считает, что «Massalia... was strongly influenced... by local Celtic culture (Livy 38.17)» (Rankin 1987, 35).

Аргументом в пользу первичности скифской легенды следует рассматривать тот факт, что в обеих легендах Геракл оставляет для испытания своего сына — будущего царя — лук, который тот должен суметь натянуть. Как известно, скифы считались в античности народом лучников *par excellence*. Более того, и сам Геракл был известен как выдающийся лучник, ученик скифа. Автор большого труда о Геракле Геродор из Гераклеи ок. 400 г. до н. э. писал, что Геракл носил с собой скифский лук и был воспитан пастухами своего отца Амфитриона (FGtH 31, F 17–18 Jacoby)³². К. Нойманн, основываясь на этом сообщении, считает, что о встрече Геракла со скифами в Греции рассказывалось уже довольно рано и по-разному³³.

Для кельтов же не было типично метательное оружие — копьё или лук со стрелами, хотя они тоже были, но в основном у крестьян и охотников³⁴. Кельты предпочитали сражаться мечом врукопашную, недаром кельтский меч, как и скифский лук, стали почти нарицательными в античной литературе. Важно отметить, что на галльских монетах никогда не бывает изображения лука, хотя на монетах в принципе часто изображается военное вооружение³⁵.

С другой стороны, логично признать, что Геракл, носивший с собой два лука, не мог оставить «в наследство» своему сыну никакого другого оружия, кроме лука, даже если он находился в Кельтике, где луком пользовались мало. Кстати, и в военном деле скифов меч (акинак) играл большую роль, вспомним, что на знаменитом золотом гребне из кургана Солоха (конец V — начало IV в. до н. э.) скифы сражаются на мечах!

За первичность скифского сюжета может говорить относительно поздняя (в сравнении с Геродотом) фиксация кельтской легенды: Диодор Сицилийский и Парфений из Никеи — авторы I в. до н. э., а *Etymologicum Magnum* — памятник византийской литературы XII в.³⁶ Поэтому возникает соблазн считать их сведения вторичными по отношению к скифской легенде. Кельтологи часто говорят в связи

³² См. подробнее об этом рассказе: Braund 2010b, 381–389. Каллимах (II, 566), Феокрит (XIII, 55 и schol.), Ликофрон (Al. 56 и schol.) называют имя пастуха — это был скиф Тевтар. Так, в схолиях к Ликофрону говорится: «Тевтар, скиф, пастух быков Амфитриона, выучил Геракла стрелять из лука, передав ему и свои луки» — *Τεύταρος Σκύθης βουκόλος Ἀμφιτρίωνος ἐδίδαξε τὸν Ἡρακλέα τοξεύειν παρὰσχὼν αὐτῷ καὶ τὰ τόξα αὐτοῦ*. В схолиях к Феокриту мы читаем: «Геракл пользовался скифскими луками, как говорят Геродор и Каллимах» — *Σκυθικοῖς δὲ ὄπλοις ἐχρήσατο Ἡρακλῆς, ὡς φασὶν Ἡρόδοτος καὶ Καλλιμάχος*.

³³ Neumann 1855, 110, Anm. 1.

³⁴ Jullian 1993, 286–287.

³⁵ Jullian 1993, 980. N. 60.

³⁶ См. о нем: Reitzenstein 1897; Alpers 1990, 14–38.

с геракловой легендой Диодора о «новом, типично эллинистическом способе победить кельтов с помощью мифологических генеалогий и этимологий», т. е. предполагают, что «кельтская» легенда возникла в эпоху эллинизма³⁷. Но при этом возникает вопрос, как же быть с Геродотом, еще до эллинизма рассказавшим точно такую же (тоже «типично эллинистическую»?) легенду о Геракле Скифском?

Давно признано, что многие сведения, известные нам из поздних (даже византийских) сочинений, восходят к очень древним источникам. Так, например, В.Н. Ярхо в предисловии к своему переводу «О любовных страстях» Парфения справедливо отмечает: «Источником этих историй там, где они указаны, служат достаточно разнообразные жанры: иногда трагедия V в. до н. э. (гл. III), но гораздо чаще — поэты эллинистического периода, предшественники Парфения, — среди них встречаем такие значительные имена, как Аполлоний Родосский, Никандр, Гермесианакт, Евфорион. Наряду с этим Парфений находит сюжеты у прозаиков, начиная от логографов V в. до н. э., искавших объяснение историческим событиям в поворотах личной жизни знаменитых людей, и кончая современниками поэта — грамматиками и риториками»³⁸.

Перед многими из тридцати шести рассказов Парфения есть ссылка на автора, откуда заимствовался сюжет; в частности, один из рассказов написан по материалам Ксанфа — предшественника или современника Геродота, другой — Гелланика из Митилены V в. до н. э. Наш рассказ о Кельтине, к сожалению, не имеет такой отсылки, тем не менее вероятность того, что «кельтская» легенда восходит к очень древним временам, существует³⁹.

Диодор также использовал в своем труде многочисленные источники, среди которых им самим названы Гекатей Абдерский, Ктесий Книдский, Эфор, Теопомп, Иероним Кардийский, Дурис, Филист, Тимей, Полибий и Посидоний. Авторы, рассказавшие о кельтском Геракле, ссылаются на своих неназванных предшественников (см. *ὅς φασιν* у Диодора, *λέγεται* у Парфения).

³⁷ См. Birkhan 1997, 40: «eine neue typisch hellenistische Art der literarischen Keltenbewältigung... durch mythologischen Genealogien und Etymologien». См. также Rankin 1987, 81: „This is a typical Hellenistic *aition* or explanatory mythical story. Its origin can hardly be earlier than the Celtic invasion of Greece in 279 BC“. Lightfoot 1999, 531 также считает, что многочисленные легенды, объясняющие эпоним кельтов, были созданы вслед за исследованиями кельтов Пифеем из Массалии (ок. 300 г. до н. э.) и как ответ на начало вторжения кельтов в Грецию и Малую Азию в начале III в. до н. э.

³⁸ Ярхо 1992, 1, 254–255.

³⁹ Предполагается, что рассказ о Кельтине был использован Парфением в его не дошедшей до нас поэме «Геракл» (см. Rankin 1987, 82).

Примером таких книжных заимствований из гораздо более ранних источников может служить рассказ Аммиана Марцеллина о приходе Геракла в Галлию, где от него родилось множество детей; предисловие к этому рассказу содержит следующие «источниковедческие» и «историографические» замечания (XV, 9, 2):

Древние писатели (*scriptores veteres*), не имевшие определенных сведений о происхождении галлов, оставили лишь неясные сообщения (*notitiam... semiplenam*). Но позднее Тимаген с греческой тщательностью и на греческом языке собрал из разных книг данные, долго остававшиеся неизвестными. Полагаясь на него, я изложу с полной ясностью и определенностью собранные им сведения (перевод Ю. Кулаковского при участии А. Сони).

Напомню, что «надежный» источник Аммиана Тимаген, приехавший в Рим из Александрии в качестве пленника и написавший «Историю кельтов», жил здесь во времена Августа, т. е. за 4 столетия до Аммиана, поэтому судить о достоверности и времени возникновения той или иной легенды по времени написания ее источника не представляется правильным.

Таким образом, позднее появление в наших источниках легенды о кельтском Геракле не может твердо свидетельствовать о вторичности этой легенды по сравнению с Геродотовой. Замечу, кстати, что многие писавшие о «кельтской» легенде в изложении Диодора считали ее греческим переложением *местных* легенд (С. Jullian, O.G. Gruppe, M. Gelzer)⁴⁰.

В том, что такие легенды *могли* существовать в среде массалиотов с самого начала, убеждает существование следующего предания об основании колонии, рассказанного Аристотелем в «Массалиотской политике» (Frg. 549) и Юстином в пересказе Помпея Трога (XLIII, 3, 4–4, 12). Когда фокейцы ок. 600 г. до н. э. основывали Массалию, там у местных лигуров, управляемых царем Наном (или Нанном), проходила процедура выбора царской дочерью Петтой (или Гиптис) жениха. Та во время пира протянула одному из фокейских предводителей, приглашенных на праздник, Эвксену, чашу с вином (или водой), что означало, что она выбрала его. Царь выдал дочь за Эвксена, разрешив фокейцам основать город, и от этого брака родился сын по имени Протос (или Протес), к которому в Массалии восходил древний род Протиадов⁴¹. Ю.Б. Циркин, исследо-

⁴⁰ Подробнее и с литературой см.: Nagmand 1967, 958. Сам Ж. Арман считал легенду о Кельто не местного происхождения, так как галлы никогда не почитали Геракла (Ibidem, 970). При этом он отмечает «архаический характер этнографических концепций Диодора относительно этой страны (кельтов. — А. II)».

⁴¹ См.: Maass 1906, 161; Rankin 1987, 36–38; Jullian 1993, 91–92; о «Массалиотской

вавший эту легенду, считает, что «первоначальное ядро предания могло возникнуть уже в VI в. до н. э., т. е. векоре после основания Массалии»⁴². Конечно, эта легенда не имеет отношения к Геродотовой легенде о происхождении скифов, но она показывает, что такого же рода легенда могла появиться у греческих первопроходцев относительно Геракла и кельтской принцессы⁴³.

Э. Маасс предположил, что «кельтская» легенда впервые могла быть зафиксирована в VI в. до н. э. в поэме Стесихора «ГерIONEИДА» (Γηριονεις), в которой речь шла о походе Геракла за коровами Гериона⁴⁴. Эта гипотеза не кажется невероятной, поскольку известно, что Стесихор, живший на Сицилии или в Южной Италии, охотно включал в свои поэмы различные местные легенды, а также любовные истории; так, например, в (приписываемой ему) поэме «Калика» (Κάλικη) он рассказывает легенду, в которой «девушка по имени Калика влюбилась в юношу Эватла и молилась Афродите, чтобы он женился на ней. Когда юноша презрел ее, она бросилась со скалы»⁴⁵. Афиней, пересказавший это произведение Стесихора, добавляет, что «в древности женщины пели какую-то песню „Калика“» (Athen. XIV, 619 D), что может указывать на фольклорное происхождение легенды.

Поддержкой предположения о первичности «скифской» версии легенды могла бы служить загадочная фраза из «Орфической аргонавтики», в которой говорится (1057–1058): «Мы (аргонавты) пришли к (Киммерийскому) Боспору между (Меотийским) болотом и Черным морем, где однажды титан скотокрад, сидя на мощном быке, прорезал проход из заболоченного озера (βοοκλότος ὄβλοτε Τίτάν // ταύρῳ ἐφεζόμενος βριαρῶ λόρον ἔσχισε λίμνης)».

Судя по всему, речь идет о Геракле, который украл коров у Гериона и пришел с ними в Скифию к Боспору Киммерийскому, что могло бы служить подтверждением бытования здесь «скифской»

Политии» Аристотеля см.: Циркин 1990, 11–21. Ю.Б. Циркин считает, что «Аристотель почерпнул свои сведения не непосредственно из массалиотского источника, а через какого-то посредника или цепь посредников, откуда и были заимствованы несвойственные первоисточнику черты. Однако в целом его данные соответствуют местной традиции». О «массалиотском пассаже» Помпей Трога см.: Циркин 1968, 148–150.

⁴² Циркин 1990, 19.

⁴³ Интересно отметить, что один из рассказчиков этой легенды — Помпей Трог — сам был кельтом из племени вонкантиев, чьи дед, дядя по матери и отец служили в армиях Помпея и Цезаря. Рэнкин приписывает поэтому Помпею Трогу «understanding of Celtic way of thought» (Rankin 1987, 40).

⁴⁴ Maass 1906, 164. Фрагменты поэмы в переводе Н.Н. Казанского см.: Стесихор 1985, 226–228.

⁴⁵ Перевод Н.Н. Казанского в: Стесихор 1985, 237, примеч. 57.

легенды о Геракле. Более того, автор «Аргонавтики», как кажется, считает, что Боспор (название этимологизировалось в античности как «коровья переправа») назван вовсе не из-за переправы здесь Ио в образе коровы, как полагало большинство античных авторов, а в память о пребывании в Скифии Геракла с его коровами⁴⁶. Возможно, конечно, что — очень поздний — автор «Аргонавтики» (V в. н. э.) зависит здесь от Геродотовой «скифской» легенды о Геракле⁴⁷.

Замечу, кстати, что о пребывании Геракла в Скифии существует несколько мифологических сюжетов, рассказанных античными авторами⁴⁸, в том числе упоминавшаяся в начале статьи версия Страбона о связи Геракла в Северном Причерноморье с Афродитой Апатурой.

О визите Геракла в Скифию рассказывается в греческой надписи из Рима IG XIV 1293A 94–97, в которой описываются путешествия героя: Геракл пришел в Скифию, победил в борьбе Аракса, женился на его дочери Ехидне и родил двух сыновей: Агафирса и Скифа⁴⁹.

Интересно место, которое в этом документе занимает визит в Скифию: сначала упоминается его поход на Троию, затем он проходит греческие города, Фракию, Скифию, Термодонт (амазонки), Синопу, Индию, Эфиопию, и везде сообщается, сколько сыновей он произвел на свет. Этот текст, таким образом, показывает, что и раньше в Греции существовала версия о приключениях Геракла в Скифии с оставлением после себя потомства, но позже этот его визит был сопряжен с Герионовым подвигом. Эту версию рассказал, вероятно, уже Геродор из Гераклеи Понтийской, написавший

⁴⁶ В переиздании Латышевского свода «Scythica et Caucasia» в ВДИ (1948. 3. 269) Л.А. Ельницкий в комментарии к этому месту увидел в титане-скотокраде не Геракла, а Гелиоса, у которого, по разным версиям мифа, также были стада быков на Эрифии или на Сицилии. Заметим, однако, что воровал быков именно Геракл, а не Гелиос, и непонятно, почему бы Гелиосу, проходящему свои пути по небу, надо было плыть на быке по Керченскому проливу. Дж.Р. Бэкон в своем комментарии к этим строкам орфической «Аргонавтики» тоже видит здесь Геракла, а не Гелиоса: «In 1057 the βοοκλότος Τιτάν may well be Herakles, who is called Τιτάν in the Orphic Hymn to him (XII, 1)» (Bacon 1931, 179).

⁴⁷ Дж.Р. Бэкон также сравнивает этот пассаж с упоминанием Геракла в Скифии Геродотом (Ibidem).

⁴⁸ О Геракле в Северном Причерноморье см.: Толстой 1966, 232–248; Vandiver 1991: 169–181; Скржинская 1998, 45–52; Шауб 2007, 61–68; Шауб 2008, 66–83; Braund 2010a. P. 89–101.

⁴⁹ Α[ρ]ά[ξι]η[ν] μάχα ἐνίκασε τῶν δὲ θυγατρὶ αὐτοῦ συγγενόμενος Ἐχιδναί ἰοῦς Ἀγῶθροσιν ἔθετο καὶ Σκύθων. См. анализ этого текста: Ельницкий 1960, 49; Толстой 1966, 234–235; Раевский 2006, 42.

ок. 400 г. до н. э. историю Геракла в 17 книгах (FGtH 31; F. 1–4, 13–37)⁵⁰.

Река Аракс, с богом которой сражался Геракл и от дочери которого у него будто бы родились будущие скифские цари, вероятно, упомянута здесь не случайно: рассказ Диодора Сицилийского о происхождении скифов также начинается с этой реки как географического репера территории Скифии: «Сначала они (т. е. скифы) жили в очень незначительном количестве у реки Аракса...»⁵¹ (II, 43). В этом пассаже Диодора, несомненно, следует видеть отсылку к Геродоту, который в третьей легенде о происхождении скифов пишет (IV, 11): «Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю...». В данном случае под Араксом следует понимать, по-видимому, реку Волгу⁵², хотя в античности, как известно, Араксом могли называть несколько рек (Дон, Волгу, Сырдарью, Амударью и армянский Аракс).

В пользу первичности «скифской» легенды может свидетельствовать также то обстоятельство, что Геродот, рассказавший в подробностях про скифского Геракла, знает (или сообщает) очень мало информации о кельтах, а именно только то, что они живут на крайнем западе Европы за Геракловыми столпами, и что там находятся истоки Истра (II, 33 и IV, 49). Вообще, упоминания кельтов Геродотом и Гекатеем Милетским (FGtH F. 54, 55, 56) считаются первыми в греческой литературе⁵³. Поэтому перенять уже существующую «кельтскую» версию и трансформировать ее в «скифскую», как кажется на первый взгляд, было бы для Геродота маловероятным.

С другой стороны, после основания ок. 600 г. до н. э. греками-фокейцами Массалии можно было ожидать притока в Грецию сведений о галлах (галатах, кельтах), а также возникновения греческих легенд, связывавших Геракла с местными племенами, как это произошло со скифами в процессе греческой колонизации Северного Причерноморья. Греки и кельты пришли в Южную Францию — Массалию — почти одновременно⁵⁴, прямо как греки и скифы в Северное Причерноморье. Одновременно и там, и там воз-

⁵⁰ Так считает Aly 1969, 120. См. также об Араксе у Диодора как отражении изначального пути миграции скифов из Азии: Граков 1950, 9.

⁵¹ Перевод П.И. Прозорова с дополнениями В.В. Латышева.

⁵² См. подробнее: Подосинов 2007, 70–97.

⁵³ Birkhan 1997, 46.

⁵⁴ Jullian 1993, 11: «L'arrivée, presque simultanée, des Celtes et des Grecs... voilà le point de départ naturel de cette histoire».

никали, должны были возникать и греческие мифы о происхождении местных варваров от греческих героев, в данном случае — от Геракла.

Важно отметить, что уже Гекатей в своем описании Европы (FGtH F. 55) упоминает такие «кельтские» реалии, как город в Кельтике — Массалию, основанную фокейцами, а также лигийцев, Нарбону и три «лигурийских» города. По мнению Э. Маасса, Гекатею были хорошо знакомы Иберия и Южная Галлия, при этом его особенно интересовали рассказы местных жителей, информировавших его об эпонимах различных местностей⁵⁵. А поскольку известно, что в «Скифском логосе» IV книги Геродотовой «Истории» именно Гекатей является одним из важнейших источников⁵⁶, то, следовательно, он мог быть передатчиком известной ему «кельтской» легенды, трансформированной затем Геродотом или его местными информаторами в «скифскую». Предполагается, что Гекатей был источником Геродота и в вопросах фокейской колонизации⁵⁷.

С.А. Жебелев, рассматривая источники скифского рассказа Геродота, справедливо писал относительно второй «скифской» легенды: «Главную роль в греческой легенде играет Геракл; тем самым она входит в цикл многочисленных и разнообразных сказаний, связанных с этим главным героем греческой мифологии... Греческая легенда, поскольку в ней главным действующим лицом является Геракл, уже до Геродота имела своих предшественников в лице логографов, с Гекатеем во главе»⁵⁸.

Поэтому малое будто бы знакомство Геродота с кельтскими сюжетами не является решающим аргументом против кельтского происхождения легенды.

Замечательно, что Диодор Сицилийский привел обе этногенетические легенды — «кельтскую» и «скифскую», причем скифологи считают «скифскую» составной частью, одним из вариантов Геродотовой легенды. Если сравнить эти две легенды, получится следующая картина (полужирным выделены похожие элементы нарратива):

⁵⁵ Maass 1906, 139.

⁵⁶ Ibidem, 164: «Auch im IV. Buch gehört Hekataios' Buch nebst Karte zu den ausgiebig benutzen Quelle des Herodots». Эта точка зрения широко распространена в современном геродотоведении, см., например: Доватур и др. 1982, 9: «Географические и этнографические описания Геродота не оставляют сомнений в том, что он был хорошо знаком с трудом Гекатея Милетского „Описание земли“...».

⁵⁷ Radet 1903, 327.

⁵⁸ Жебелев 1953, 334.

Происхождение скифов (Diod. II, 43)	Происхождение кельтов (Diod. V, 24)
<p>Сначала (τὸ μὲν οὖν πρῶτον) они (скифы) жили в очень незначительном количестве у реки Аракса... Впоследствии, как рассказывают скифы (μυθολογοῦσι Σκύθαι), у них была рожденная землей дева (παρ' αὐτοῖς γενέσθαι γηγενῆ παρθένον), у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя — змеиная. Зевс (по второй легенде Геродота — Геракл после похода против Гериона. — <i>А. II.</i>), от связи с ней, родил сына по имени (ταύτη δὲ Δία μγέντα γεννῆσαι παῖδα Σκύθην ὄνομα) Скиф, который, превзойдя славой всех (γενόμενον ἐπιφανέστατον) своих предшественников, назвал народ от своего имени скифами (τοὺς λαοὺς ἀφ' ἑαυτοῦ Σκύθας προσαγορεῦσαι).</p>	<p>Итак, в древности (τοῖνον τὸ παλαιόν) в Кельтике царствовал, как говорят (ὡς φασιν), выдающийся муж, у которого была дочь сверхъестественного роста (ᾧ θυγάτηρ ἐγένετο τῷ μεγέθει τοῦ σώματος ὑπερφυῆς), значительно превосходившая всех красотой... Когда во время похода против Гериона Геракл прибыл в Кельтику... она с величайшей охотой сочеталась с ним... От связи с Гераклом она родила сына по имени (μυγεῖσα δὲ τῷ Ἴρακλει ἐγέννησεν υἱὸν ὀνόματι Γαλάτην) Галат, который значительно превосходил своих соплеменников и душевной доблестью, и телесной силой (πολὸν προέχοντα τῶν ὁμοθνήων ἀρετῇ τε ψυχῆς καὶ ῥώμῃ σώματος)... Прославившись своей доблестью, он назвал подданных от своего имени галатами (τοὺς ὑφ' αὐτὸν τεταγμένους ὀνόμασεν ἀφ' ἑαυτοῦ Γαλάτας)...</p>

Вся разница в этих двух легендах заключается в том, что за «скифской» легендой Диодора стоят еще три-четыре ее более ранних, в том числе Геродотовых, варианта (отсюда Зевс вместо Геракла), а «кельтская» здесь впервые появляется на свет.

В начале статьи я, соединив три версии кельтской легенды, получил связный рассказ, весьма похожий на скифский. И здесь, как мне кажется, возможны два варианта оценки развития сюжета. С одной стороны, почему бы не предположить, что изначально су-

ществовала полная версия, которая в разных источниках находила разное исполнение, не противоречащее, но дополняющее друг друга⁵⁹. Тогда мое восстановление полной версии имеет смысл. Но возможен и такой вариант, при котором первая версия кельтской легенды, зафиксированная Диодором, была некоторой расплывчатой модификацией Геродотовой легенды (Геракл во время пути от Гериона сошелся с местной принцессой, которая родила от него будущего правителя Кельта), которая у Парфения получила некоторое уточнение в сторону Геродотова рассказа (похищение быков Геракла для принуждения его к соитию), а в *Etymologicum Magnum* сходство с ним было утверждено окончательно (натягивание лука Геракла как условие воцарения Кельта).

При этом надо отметить, что «кельтская» версия вовсе не обязательно должна быть сознательной модификацией Геродотовой легенды. Тема совокупления местной правительницы со странствующим героем (в нашем случае с Гераклом) и рождения ею сына, который должен пройти ритуал инициации (в «скифском» варианте — натягивание лука), чтобы стать царем и прародителем целого народа, была известна фольклору многих народов или приписана им в свете «interpretatio Graeca»⁶⁰. Тимаген, современник Диодора и Парфения, писал даже, что эпонимы различных местностей в Галлии происходят от любовных связей Геракла с местными «принцессами»⁶¹. Кельтская эпонимная легенда также рассказывает о главных людях Кельтики (царе и принцессе).

В этой связи следует учесть, что упоминание Парфением кельтского имени Бретанна представляет, по-видимому, самое раннее свидетельство его существования, хотя это имя в различных вариантах встречается во многих местностях кельтского ареала в надписях и в сочинениях античных авторов (Brittus, Britta, Brittae matres, Βριτόμαρτος, Britomaris, Brittomarus, Βριτόρις, Mars Britorius и др.)⁶². Само же название Британского острова, по-видимому, впервые было

⁵⁹ Ср. тезис Д.С. Раевского о различных вариантах «скифской» легенды: «...Миф, функционирующий в условиях устной традиции, реализуется в многочисленных повествовательных вариантах, расхождения между которыми в пределах стабильной инвариантной семантики могут быть достаточно значительны» (Раевский 2006, 283, курсив автора).

⁶⁰ См. Rankin 1987, 82: «The story of the barbarian princess who compels the wandering hero to sleep with her is a familiar topos. Calypso in the *Odyssey* is an obvious example». Еще один пример: Гесиод, рассказывая о любовной связи Кирки и Одиссея, упоминает их сыновей Агрция и Латина, которые правят тирренцами (т. е. этрусками в Италии) (Theog. 1011–1016).

⁶¹ FGtH 88 F. 2.

⁶² См. подробное исследование «британского» имени: Hübner 1897, 858–879, 862.

названо массалиотским путешественником и автором Пифеем в IV в. до н. э. в форме $\nu\eta\sigma\iota$ Πρταλνικαί (Т 9, Т 13, F 6 Roseman)⁶³. И это позднее появление имени Бретанна может свидетельствовать о довольно позднем включении этого персонажа в легенду. Да и лук, появляющийся в самом позднем свидетельстве *Etymologicum Magnum*, возможно, является прямым отсылком к легенде Геродота.

Надо отметить, что скифская легенда более подробна и имеет некоторые элементы, отсутствующие в кельтской. Так, в ней у Геракла вместо быков Гериона были похищены кони из его колесницы⁶⁴; кельтская красавица превратилась в змееногую богиню⁶⁵; от Геракла родился не один сын, а трое (это число сыновей было указано и в первой легенде о происхождении скифов, рассказанной Геродотом). Снова возникает вопрос, что было раньше — короткая кельтская версия, расширенная и расцвеченная затем Геродотом, или подробный скифский рассказ Геродота, сокращенный впоследствии авторами кельтской легенды. Э. Маасс считает, что «кельтская» легенда была в своем «скифском» варианте обогащена некоторыми местными подробностями, известными нам (и грекам) по другой версии генеалогии скифов, рассказанной Геродотом, где прародителем скифов выступает Зевс и речь идет опять о трех братьях, младший из которых, сумевший овладеть священными предметами, наследует царство отца. Сознательное соединение двух легенд — местной и «кельтской» — дало, по мнению Маасса, легенду о «скифском Геракле»⁶⁶.

Таковы аргументы «за» и «против» первичности скифской легенды. На мой взгляд, ни те, ни другие не дают пока возможности окончательного разрешения этой дилеммы.

* * *

Тем не менее, поскольку большинство скифологов считают «скифскую» легенду Геродота достоверной и, следовательно, первичной (хотя и не знают о существовании «кельтской»), уместно

⁶³ Ibidem 859–860.

⁶⁴ А.И. Иванчик отмечает этот довольно странный факт как свидетельство в пользу скифского происхождения легенды Геродота, учитывая кочевническую жизнь скифов (Иванчик 2001, 338). Д.С. Раевский, напротив, считает, что «упоминание о быках Гериона у Геродота не было случайным заимствованием из греческого мифа, а составляло существенную деталь скифской легенды» (Раевский 2006, 77).

⁶⁵ Э. Маасс считал, что и Кельто/Кельтина изначально должна была быть не красавицей, а тоже ехиднообразным существом, как и женщина в Скифии, коль скоро ей пришлось склонять Геракла к любовной связи таким странным способом (Maass 1906, 160–161).

⁶⁶ Maass 1906, 163–164.

обратиться здесь к общей проблеме достоверности Геродотовых «местных» легенд об основателях и прародителях народов и, в частности, напомнить о взглядах на эту проблему немецкого исследователя Детлева Фелинга.

Известная книга Фелинга об источниках Геродота, вышедшая в 1971 г. под названием «*Quellenangaben bei Herodot. Studien zur Erzählkunst Herodots*», а затем в английском переводе в 1989 г.⁶⁷, вызвавшая в 70-е гг. XX столетия шквал обвинений в гиперкритицизме⁶⁸, со временем стала восприниматься как серьезный поворот в геродотоведении, после которого старая позитивистская позиция в оценке достоверности сообщений Геродота, в особенности о периферийных народах, стала рассматриваться как методологически устаревшая. Так, Р. Бихлер в 1990 г. следующим образом отозвался на английскую версию книги Фелинга: «*Fehling's Buch ist von glänzender analytischer Urteilskraft geprägt und führt souverän eine Kunst vor, die heute allzu gerne als obsolet belächelt wird: konsequente Quellenkritik*»⁶⁹.

В русле этого направления в настоящее время работают Рейнхольд Бихлер, Роберт Роллингер⁷⁰ и другие представители Инсбрукской школы, Стефани Уэст⁷¹, Франсуа Артог⁷², О. Кимбелл Армайор⁷³ и др.⁷⁴ Показательны в этом плане сомнения в аутопсии Геродота в описании скифского котла, высказанные Ст. Уэст⁷⁵.

Укажу также на недавнюю книгу «*Myth, Truth, and Narrative in Herodotus*», изданную в 2012 г. в Оксфорде⁷⁶, где его издатели в «*Introduction: Myth, Truth, and Narrative in Herodotus' Histories*» (р. 1–56) поместили полезный критический обзор проблемы достоверности Геродотовых сведений⁷⁷, на сборник статей «*Lies and Fiction*

⁶⁷ Fehling 1971.

⁶⁸ Эти обвинения были характерны также для советского геродотоведения, см., например, в академическом издании Скифского логоса: Доватур и др. 1982, 316: «Фелинг (*Fehling*, S. 89) в согласии со своей гиперкритической концепцией счел ссылку на информацию Тимна измышлением Геродота»; см. также на с. 78–79 резкую критику «гиперкритика» О. Армайора, усомнившегося в том, что Геродот посетил Ольвию (Армайор 1978, 45–62).

⁶⁹ Bichler 1990, 55.

⁷⁰ Bichler, Rollinger 2000; Bichler 2000.

⁷¹ West St. 1985, 278–305; West St. 1991, 144–160; West St. 2000, 21–22.

⁷² Hartog 1980.

⁷³ Armayor 1978, 45–62.

⁷⁴ См. также работы этого направления: Erbse 1991; Wesselmann 2011 (особенно раздел «*Das Problem der Faktizität*», pp. 316–335).

⁷⁵ West St. 2000, 21–22.

⁷⁶ Baragwanath, De Bakker (eds.) 2012.

⁷⁷ См. *ibidem* 2: «His credibility... depended and still today depends upon the willing-

in the Ancient World», изданный в Экзетере в 1993 г.⁷⁸ и содержащий, в частности, работы Дж.Д. Моулса и Т.З. Уайсмана о достоверности Геродота как историка⁷⁹, а также на издание статей в сборнике «Herodotus — narrator, scientist, historian», вышедшем в 2018 г.⁸⁰

Напомню, что уже в античности высказывались сомнения в достоверности Геродотовой исторической информации⁸¹. Аристотель называл Геродота μυθολόγος (De gen. an. III, 7, 756b 6–7), т. е. «рассказчиком баснословного». Цицерон в знаменитой характеристике Геродота как «отца истории» также отмечает в его труде бесчисленные «сказки» — fabulae (мифы, выдумки, небылицы), см., например, De legibus 1, 5: «И у Геродота, отца истории, и у Феопомпа есть бесчисленные мифы (innumerabiles fabulae), служащие для развлечения (ad delectationem)»; fabulae противопоставляются «истине» (veritas)⁸². То, что под словом fabulae следует понимать именно нечто фиктивное, отличное от veritas, показывает классификация Цицерона этих двух понятий в De inventione (1, 27): «Fabula est, in qua nec verae nec veri similes res continentur... Historia est gesta res ab aetatis nostrae memoria remota». Тит Ливий также различает в историческом предании о времени, предшествующем основанию Рима, poeticae fabulae и incorrupta rerum gestarum monumenta (Praef. 6).

В характеристике Геродота у Цицерона важным представляется сопоставление Геродота с Феопомпом из Хиоса, который был знаменит своими историческими фикциями, включая описание утопической Меропиды; Страбон считал, что Феопомп в своих исторических трудах рассказывал басен (μύθος) больше, чем Геродот (I, 2, 35).

Что касается оценки достоверности Геродотовых легенд об основании царств у Д. Фелинга, она резко критична: «Каждому ясно, что легенды о происхождении — за исключением немногих заурядных примеров — в конечном итоге обязаны своим появлением кухне ионийской псевдоистории»⁸³. Фелинг считает, что все эпонимные легенды — Геродота и не только его — происходят из

---

ness of his audience to believe in his sincerity in presenting the records of his enquiries».

⁷⁸ Gill, Wiseman (eds.) 1993.

⁷⁹ Moles 1993, 88–121; Wiseman 1993, 122–146.

⁸⁰ Bowie 2018. См. статью: Thomas 2018, 265–284 с «говорящим» названием: «Truth and authority in Herodotus' narrative: false stories and true stories».

⁸¹ См. подробнее Nose 2004, 153–174.

⁸² Подробный анализ этого места Цицерона в контексте оценки Геродота как достоверного источника см.: Dunsch 2013, 153–199.

⁸³ Fehling 1971, 31: «Daß sie (Ursprungssagen) letzten Endes aus der Küche der

генеалогий — самого раннего историографического жанра, зачинателем которого является Гесиод. Геродот, следуя канонам этой греческой традиции, сам создает такого рода генеалогии, в которых местные имена служили поводом для построения этногенетических схем⁸⁴ с привязкой их к богам и героям греческой мифологии и частично эпоса⁸⁵.

При этом искусство Геродота и заключается в том, чтобы сделать свое повествование правдоподобным, отсюда ссылки на местные легенды, будто бы услышанные им («relata refero»), которые, по мнению Фелинга, являются в большинстве случаев фиктивными⁸⁶.

В итоге своего исследования Фелинг заключает: «В действительности цитаты (например, «как говорят понтийские греки». — А. II.) придуманы совершенно свободно, а соответствующие пассажи (например, «о происхождении скифов». — А. II.), как правило, творения самого автора»⁸⁷. При этом Фелинг вовсе не собирается обвинять Геродота во лжи или фальсификаторстве: таковы были правила того жанра, в котором работал писатель и который нельзя квалифицировать как научное историописание⁸⁸. В эти правила входили также критика и сомнения в достоверности легенд, придуманных самим автором⁸⁹.

ionischen Pseudohistorie kommen, ist — von einigen unauffälligeren Beispielen abgesehen — jedem klar».

⁸⁴ Ср. Neumann 1855, 110: «Die Griechen erdichteten diese Fabel nach ihrer Weise aus den Namen der ihnen bekannten Volksstämme».

⁸⁵ Fehling 1971, 34–35.

⁸⁶ Ibidem 154: «Er (Herodot) hielt sich streng an gewisse Regeln der Wahrscheinlichkeit... Der Hinweis „relata refero“ und damit die Fiktion von Quellen war für Herodot eine natürliche und fast notwendige Antwort». Замечу, что еще в 1927 г. отнюдь не гиперкритик С.А. Жебелев писал в том же духе о Геродотовой скифской легенде: «Позволительно, впрочем, поставить вопрос, не является ли легенда о Таргитае сочинением самого Геродота, которому в его рассказе о скифах нужно было начать ab ovo, т. е. сказать что-нибудь о происхождении скифов» (Жебелев 1953, 32, примеч. 5; перепечатка статьи 1927 г.).

⁸⁷ Ibidem 179: «In Wirklichkeit sind die Zitate ganz frei erfunden, die betreffenden Passagen in der Regel Neuschöpfungen des Autors».

⁸⁸ Ibidem 179: «Herodot ist aber kein ‚Fälscher‘, sondern folgt den Regeln der Gattung, die freilich nicht die wissenschaftliche Historiographie ist». См. также работу М. Хозе под «говорящим» названием: Am Anfang war die Lüge? Herodot, der «Vater der Geschichtsschreibung», в которой автор показывает особенности далеко не историографического метода Геродота (Hose 2004, 153–174).

⁸⁹ Ibidem 180–181: «Kritik und Zweifel an der selbsterfundnen Erzählung ist ein aus der Lügenliteratur bekannter Trick, die Glaubwürdigkeit zu erhöhen». Ср. Жебелев 1953, 32, примеч. 5: «Недоверие, высказываемое Геродотом к легенде (о Таргитае. — А. II.) в целом или в ее частностях, — образец критических приемов Геродота, имеющих целью вселить в читателя тем большее доверие к тому, чему Геродот верит».

Мне кажется, отечественным скифологам, пытающимся в каждом слове Геродотовых этногенетических легенд увидеть что-то исходящее от самих скифов, стоит еще раз обратить внимание на литературно-критические наблюдения Фелинга и его последователей⁹⁰.

А.И. Иванчик в статье о первой скифской легенде, которая будто бы рассказана Геродоту самими скифами, позиционирует свою работу как ответ гиперкритическим высказываниям Фелинга и Армайора о фиктивности «скифских» легенд Геродота⁹¹. Здесь он показывает иранскую этимологию названных Геродотом персонажей, приводит аналогии в индо-иранском эпосе и ритуальных практиках, показывающие сходные представления о религии, космологии и социальной организации у древних индо-иранцев и Геродотовых скифов. Работа Иванчика, на мой взгляд, убедительно демонстрирует наличие целого ряда таких параллелей⁹², хотя и здесь остаются сомнения в резонности некоторых сопоставлений, которые, вероятно, могут относиться к области общечеловеческих (или, по крайней мере, общегреческих) феноменов.

Так, например, представление о трех братьях, младший из которых оказался достойным царства, едва ли можно рассматривать как показатель скифского происхождения этого элемента Геродотовых легенд⁹³ (три брата, напомним, фигурируют в обеих этногенетических версиях⁹⁴). Существует множество сказок и легенд по всей Европе от Ирландии до России и от Скандинавии до Испании о трех братьях, в которых два старших брата оказываются не способны совершить что-то важное, а младшему это удастся, и он или женится на дочери короля и становится королем, или получает много золота или какие-то еще блага и преимущества⁹⁵.

⁹⁰ Дж.Д. Моулз, говоря о литературном, как правило, характере исторических произведений античности, справедливо замечает: «Modern historians naturally dislike such views, because they challenge the very basis of ancient history as an intellectual discipline, since the 'evidence', at almost all periods, consists overwhelmingly of literary texts» (Moles 1993, 90).

⁹¹ Ivantchik 1999, 142–143.

⁹² Особенно интересным представляется раздел его статьи, посвященный иранской идее *hvarnah* (небесной, огненной сущности царской власти) и ее инкарнации в первой скифской легенде Геродота (Ivantchik 1999, 169–189).

⁹³ А.И. Иванчик посвящает индоиранским параллелям к трехчастности скифского космоса и социальной организации целый раздел своей статьи (Ivantchik 1999, 164–169).

⁹⁴ Выше приводилась древняя, видимо, еще догеродотова легенда о Геракле в Скифии, где от него остались только два сына — Агафирс и Скиф!

⁹⁵ См. об этом подробнее: *Enzyklopädie des Märchens* 2004, 1422.

Уже давно в качестве античных параллелей к скифским трем братьям были указаны трое сыновей в 3-м поколении: Уран > Кронос > Аид, Посейдон, Зевс; Девкалион > Геллен > Дорос, Кеутос, Эол. Приведший эти примеры Фелинг добавляет к ним и другие примеры, например, из того же Геродота (I, 171: братья Кар, Лид и Мисс как основатели трех малоазийских народов — карийцев, лидийцев и мисийцев), из иудейской традиции (Сим, Хам и Иафет) и даже из русской истории (братья Кий, Щек и Хорив и братья Рюрик, Синеус и Трувор)⁹⁶. Известны группы из трех братьев, наследующих хану, в тюркском эпосе «Огуз-наме»⁹⁷. В. Али сравнивает со скифской легендой о трех братьях Геродотову же легенду (VIII, 137–139) о трех братьях Гаване, Аероше и Пердикке, потомках Темена, которые бежали из Аргоса в Иллирию, и младший — Пердикка — оказался самым удачливым и умным, завладев ок. 700 г. до н. э. македонским престолом⁹⁸.

Таким образом, наличие трех братьев является фольклорным топосом, который не следует считать особенностью какой-то отдельной мифологии и мировоззрения.

То же касается вопроса о трехчленности скифского космоса (небо, земля, подводный/подземный мир), который А.И. Иванчик считает особенностью скифской космологии, соотносимой исключительно с индоиранскими космологическими и социальными (деление на три класса/касты) представлениями⁹⁹. Сошлюсь в ответ на это утверждение на авторитетного для Иванчика автора — скифолога Д.С. Раевского, который справедливо утверждал: «Широкое исследование различных мифологических традиций, осуществленное в науке в последние десятилетия, наглядно продемонстрировало высокую степень близости присущих им моделей мира: в самых разных культурах обнаруживается достаточно стабильный набор однотипных ключевых структур. К наиболее выразительным примерам таких универсалий относится представление о трехчленной по вертикали и четырехчленной в горизонтальном срезе структуре пространства, находящее выражение в так называемой концепции мирового дерева, описывающей мироздание во всей совокупности доступных древнему сознанию аспектов»¹⁰⁰.

⁹⁶ Fehling 1971, 34.

⁹⁷ См., например: Dumésil 1978, 202–203.

⁹⁸ Aly 1969, 196–197. Показательно, что Али считает эпизод, сделавший Пердикку победителем (он захватил солнечный свет, очевидно, символизирующий золото), идентичным падению с неба золотых предметов, которыми смог овладеть младший из трех братьев в первой скифской легенде.

⁹⁹ См. Ivantchik 1999, 160–164.

¹⁰⁰ Раевский 2006, 296–297. Ср. сходные высказывания в работах: Иванов, Топоров 1965, 9; 192–193; Дьяконов 1977, 15.

Замечу, что речь в упомянутой статье Иванчика 1999 г. идет почти исключительно о первой скифской легенде, в которой «Геродот сохранил для нас почти аутентичный фрагмент скифской мифологии... использовал аутентичные скифские источники и его отсылки к этим источникам не выдуманы»¹⁰¹.

Интересным в свете наблюдений Фелинга оказывается вопрос об упоминании скифов как потомков Зевса в гесиодическом «Каталоге женщин» (VI в. до н. э., см. об этом выше) и Геракла с Ехидной в «Теогонии» Гесиода (*Theog.* 295 sqq. West). Скифологи считают, что столь раннее упоминание сюжетов, близких Геродотовым, является свидетельством известности Геродотовых легенд уже в столь раннее время и говорят об их аутентичности (см. об этом ниже). Фелинг же полагает, что коль Ехидна появляется в связи с Гераклом уже у Гесиода, легенда о Геракле как прародителе скифов происходит целиком из греческого эпоса¹⁰². Искусственно созданная краткая

¹⁰¹ Ivantchik 1999, 191.

¹⁰² Fehling 1971, 36–37; см. также комментарий к этому месту: West M.L. 1966, 249: «Ἐχιδνά: she too is associated with Heracles, cf. Hdt. 4.9.1, though Hesiod says nothing of it». Кстати, Фелинг указывает, вслед за М.И. Ростовцевым, на принципиально греческий, нескифский изобразительный тип змееной богини, находимый в Северном Причерноморье. См. также: Савостина 2012, 270: «В архаической греческой традиции этот мотив был известен как одно из слагаемых образа порождающей или охраняющей силы»; Ельницкий 1970, 65–66: «Известные изображения змееного женского божества относятся ко времени несколько более позднему, чем рассказ Геродота. Древнейшие из них при этом найдены, видимо, не в Скифии, а во Фракии, и именно в Олинфе, на мозаике раннеэллинистического здания и на металлическом фризе с повторяющимися варваризованными изображениями змееного существа, возникшими под воздействием фракийских культовых представлений. Так что... вряд ли место возникновения как самих представлений о змееном женском божестве, так и иконографической традиции была Приднепровская Скифия. Скорее всего они возникли во Фракии». Скифологи, в свою очередь, настаивают на местном, скифском характере «иконографического материала из Северного Причерноморья, где сохранилось значительное количество изображений женского существа ... со змеевидной нижней частью тела» (Раевский 2006, 64; так же: Артамонов 1961, 65–73; Грантовский 1960, 18, п. 19; Петров, Макаревич 1963, 23–28 и др.). Не сомневается в скифской сущности «змееной» богини и Иванчик 2001, 334: «К той же легенде вне сомнения принадлежит и еще один персонаж геродотовского рассказа: змееногая прародительница скифов. Разные варианты изображений змееной богини весьма часто встречаются в скифском искусстве и вряд ли могут быть сомнения в том, что речь идет о весьма важном для скифского пантеона божестве». Замечу, что многие так называемые «змееногие» богини из Северного Причерноморья на самом деле следует рассматривать как божества с растительным орнаментом вместо ног; см. например, замечание Г.И. Соколова о знаменитой «змееной» богине из Куль-Обы, хранящейся в Эрмитаже: «Замысловата по контуру фигурная бляшка с так называемой (по-видимому, ошибочно, ноги у нее не змеиные, а в виде растительных узоров) змееной богиней, держащей маску силена, похожую на известную по фрескам значительно

генеалогия у Гесиода, призванная показать включенность варваров в эллинский мир богов и героев и лишенная, кстати, элементов местного происхождения (упоминаются только грекам известные и понятные Скиф, Зевс, Геракл и Ехидна), могла стать прекрасным поводом и основой для построения увлекательной истории с «местным» колоритом в устах позднейших ионийских «псевдо-историков»: эти четыре персонажа (Псевдо-)Гесиода стали у Геродота основой двух легенд, рассказанных будто бы самими скифами и местными греками (в первой выступают Скиф и Зевс, во второй — Скиф, Геракл и Ехидна = змееногая женщина).

Гесиод упоминает Ехидну в следующем контексте: рассказываетея, как Геракл убил Герионея на океаническом острове Эрифийи (v. 284–289), затем без всякого перехода говорится, что (v. 290–296)

Кето же в пещере большой разрешилась чудовищем новым,
 Ни на людей, ни на вечноживущих богов не похожим, —
 Неодолимой Ехидной, божественной, с духом могучим,
 Наполовину — прекрасной с лица, быстроглазую
 (ἐλκώλιδα καλλύαρρον) нимфой,
 Наполовину — чудовищным змеем, большим, кровожадным,
 В недрах священной земли залегающим, пестрым и страшным.
 Есть у нее там пещера внизу глубоко под скалою...

(перевод здесь и далее В. Вересаева)

Какой-либо особой связи Геракла и Ехидны, кроме текстуально соседства, здесь на самом деле нет. Но и этого соседства, оказывается, было достаточно для «понтийских греков» или самого Геродота, чтобы сконструировать легенду о «браке» Геракла с Ехидной в Скифии. Кстати, ее «прекрасное лицо» должно было, очевидно, облегчить участь Геракла как сожителя Ехидны. Это существо жило, по Гесиоду, в пещере «глубоко под скалой» (στέρος ἐστὶ κάτω κοίλῃ ὑπὸ λέτρῃ), и, хотя в лесистой и равнинной Гилее скал определено не было, пещера как жилище змееногой девы сохранилась и в новой легенде¹⁰³.

более поздней виллы Мистерий в Помпеях» (Соколов 1999, 195). Ср. там же, с. 358 о керченской «змееногой» богине из Керченского музея: «... Название богини «змееногой» весьма условно, так как победы, за которые она держится, имеют не змеиные, а растительные формы». См. также работы Е.А. Савостиной (1996, 72–82), М.Ю. Вахтиной (2005, 361), М.В. Скржинской (2010, 220–221), Д.В. Журавлева и Е.А. Новиковой (2012, 80–97), в которых авторы говорят об образе «прорастающей», а не «змееногой» богини. Недавно А. Буйских энергично выступила против «змееногости» и связи со скифскими религиозными представлениями всех (!) изображений богинь с растительным орнаментом (Buiskikh 2007, 157–181; см. с. 174: «It would seem that the time has come for a complete rejection of the term ‘snake-legged goddess’»).

¹⁰³ См. Hdt. 4, 9: «ἐνθαῦτα δὲ αὐτὸν εὔρειν ἐν ἄντροι μιξοτάρθενόν τινα ἔχιδναν διφυέα».

Добавлю к процессу возможного сочинения легенды то обстоятельство, что у Гесиода Геракл, умертвив Гериона (v. 286–289),

В тот же направился день к Тиринфу священному с этим
Стадом коровьим Геракл, через броды пройдя Океана
(*διὰ βᾶς λόρον Ὀκεανοῖο*),

Орфа убивши и стража коровьего Евритиона
За Океаном великим и славным, в обители мрачной
(*σταθμῶ ἐν ἡρόεντι λέρῃ κλυτοῦ Ὀκεανοῖο*).

Вспомним, как начинается рассказ Геродота о визите Геракла в Скифию (IV, 8):

Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове в Океане у Гадир за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов (перевод Г.А. Стратановского).

Вставка про Океан, казалось бы, излишняя, опять-таки отражает текст Гесиода, в которой говорится о пути Геракла через Океан, здесь у Геродота упоминаются также встречающиеся у Гесиода Герион, быки, остров Эрифия. Дальше у Гесиода следует текст о Ехидне, и вот она появляется и в рассказе Геродота. Таким образом, краткие генеалогические данные Гесиода могли послужить завязкой этногенетической легенды о скифах, которую Гесиод вовсе не имел в виду.

Отмечу также в рассказе Геродота ссылки на эллинов, которые «остров этот зовут Эрифией», а «Океан, по утверждению эллинов, течет и т. д.». Исходя из знания источника этого пассажа, можно было бы ожидать здесь ремарку «как пишет Гесиод», но цель Геродота была сложнее, надо было выдать эти знания за общеизвестные истины.

* * *

Возможно, скифологи, соглашаясь с тем, что большинство этногенетических эпонимных легенд Геродота и других авторов выдуманно или сильно эллинизировано, скажут, что именно и только в скифских легендах сохранились следы скифского мировоззрения и мифологии.

Такой взгляд на скифские легенды прослеживается, например, в работе Вольфа Али «*Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Eine Untersuchung über die volkstümlichen Elemente der altgriechischen Prosaerzählung*», опубликованной впервые в 1921 г. Здесь Али специально рассмотрел скифские легенды Геродота в их связи со сказочными топосами¹⁰⁴, считая их дающими прекрасное представление о том, как работал Геродот. Вывод Али — в скифских легендах Геродот как нигде больше представляет исконный, необработанный материал¹⁰⁵, т. е. Али признает оригинальное, скифское происхождение легенд. Замечу при этом, что вторая легенда о Геракле как прародителе скифов воспринималась Али¹⁰⁶ и последующими исследователями¹⁰⁷ как нечто противоположное по своему характеру первой.

Не так давно Х.-Ю. Нессельрат выступил с критикой позиции Д. Фелинга, который все три легенды о происхождении скифов объявляет выдумкой (*Erfindung*) самого Геродота¹⁰⁸. Нессельрат считает, что тот не уделил внимания негеродотову источниковому материалу, а ведь по этому поводу существует огромная исследовательская работа, которая отражена, например, в статье Б. Бэблер¹⁰⁹. Нессельрат, как и Иванчик, считает, что «в первой легенде (рассказанной самими скифами) сейчас отчетливо просматриваются ирано-скифские представления, которые Геродот передает с удивительной точностью, даже если он сам их, вероятно, не понимал; во второй (переданной греческими колонистами) явлен типично греческий образ мира, который побуждает Геракла овладевать даже самыми чуждыми странами»¹¹⁰. Создается впечатление, что во второй легенде, составляющей предмет рассмотрения данной статьи, Нессельрат не видит скифских реалий.

¹⁰⁴ Aly 1969, 112, 120–125.

¹⁰⁵ Aly 1969, 113: «...nirgends sonst gibt Herodot das rohe Material mit einer geradezu modern anmutenden Unmittelbarkeit so vollständig, so unverarbeitet».

¹⁰⁶ Aly 1969, 121.

¹⁰⁷ См. Жебелев 1953, 333: «Скифская легенда о происхождении скифов совершенно свободна от каких-либо греческих представлений. Это в полном смысле слова местная легенда. Вполне противоположна ей вторая легенда... слышанная Геродотом „от эллинов, населяющих Понт...“».

¹⁰⁸ Nesselrath 2013, 92. Замечу, что Нессельрат еще в 2001 г. в рецензии на книгу Р. Вихлера 2000 г., в которой защищались и развивались идеи Д. Фелинга, критически отозвался на эту работу (Nesselrath 2001: «In his assumptions about Herodotus' working methods, B[iehler] is very close to the position of Detlef Fehling and others who believe that Herodotus himself invented a large part of the material which he presents, most of all his source citations»).

¹⁰⁹ Bähler 2011, 103–140.

¹¹⁰ Nesselrath 2013, 92.

Э. Бикерманн, обсуждая сочиненные греками легенды о происхождении народов от греческих героев и богов, указывает, что «the Greek world view was aggressive and Hellenocentric»¹¹¹. Обычная повествовательная практика греческого освоения периферии ойкумены — греческий герой приходит к варварам, и его сын от местной женщины дает свое имя целому народу. Кроме легенд о происхождении кельтов и скифов от детей Геракла, мы знаем в античности много других примеров таких этногенетических сказаний о варварских народах.

Так, уже Эсхил называет родоначальником персов (главных врагов эллинов!) греческого героя (из Аргоса) Персея, сына Данаи и Зевса (Pers. 79–80; 185), причем имеется в виду, что основателем династии персидских царей стал Перс, сын Персея, которого родила дочь «местного» царя, на которой он женился. Эту легенду рассказывает и Геродот в VII, 61. Более того в VII, 150 эту генеалогию будто бы упоминает в своей речи, обращенной к аргосцам, сам Ксеркс, желающий склонить Аргос к сотрудничеству («Мы, персы, считаем себя отпрысками Персея, сына Данаи и Андромеды, дочери Кифея. Мы все-таки, быть может, ваши потомки...»).

Однако это не мешает Геродоту в другом месте сообщить о «роде Ахеменидов, от которых произошли персидские цари» (I, 125), и о словах того же Ксеркса о том, что он потомок царя Ахемена (VII, 11). При этом Геродота явно не смущало, что остается неясным, кто же был первым персидским царем — Ахеменид или Персей (очевидно, первую версию следует рассматривать как исходящую от персов, вторую — от греков). В конечном итоге ничего не оставалось, как признать Ахемена сыном Персея, что и было сделано последующими греческими писателями!¹¹²

Пожоую ситуацию мы имеем в скифских легендах: в первой, поведенной скифами, прародитель — Таргитай, «местный» житель, родившийся от Зевса и родивший трех сыновей, ставших родоначальниками трех скифских родов, во второй, рассказанной греками, прародителем выступает греческий герой Геракл, имена его трех сыновей греческие¹¹³.

¹¹¹ Bickermann 1952, 77.

¹¹² См. Bickermann 1952, 68: «The Greeks connected the Persians with Perseus, son of Danae. Having learned of Achaemenes, the eponymous ancestor of the Persian kings, they simply made him an off spring of Perseus». Подробно легенды о Персее и Медее как основателях персов и медийцев рассматриваются в: Vanicelli 2012, 256–268.

¹¹³ Fehling 1971, 180 называет это «griechische Mythologie im Mund epichorischer Quellen».

* * *

Вопрос о том, отражают ли подробности второго скифского рассказа Геродота некие скифские «реалии», считается большинством скифологов — историками, археологами, искусствоведами, иранистами, фольклористами — положительно решенным. К таким реалиям относят обычно испытание трех сыновей в натягивании лука, отражение Геродотова описания этого испытания в северочерноморском искусстве, наличие полудевы-полузмеи, понимаемой как местное хтоническое божество, имеющее иконографическое выражение в местных памятниках, параллели в иранском эпосе и фольклоре, возможное переименование греками скифского прародителя Таргитая местной легенды в Геракла, более близкого грекам¹¹⁴, и некоторые другие.

Последняя, насколько я знаю, серьезная работа, посвященная второй скифской легенде Геродота и содержащая исчерпывающую библиографию проблемы, — статья А.И. Иванчика «Еще раз о „греческой“ легенде о происхождении скифов (Herod., IV, 8–10)», опубликованная в 2001 г.¹¹⁵ К ней мы и обратимся, чтобы оценить «скифскую» составляющую рассказа Геродота. Поскольку она затрагивает все аспекты скифологической трактовки этих легенд, мой обзор будет по необходимости напоминать конспект его статьи с некоторыми критическими примечаниями «на полях».

С самого начала хотел бы отметить, что Иванчик, как и Фелинг (см. выше), оперирует понятием «псевдо-история» (с. 324), но если тот прилагает его к первым двум легендам, то Иванчик называет «псевдо-исторической» третью легенду, которая, на мой взгляд, в отличие от первых двух — мифологических — содержит практически реальные сведения о скифских миграциях, их военных конфликтах с соседними племенами, т. е. вполне «исторична».

Иванчик считает, что наша легенда дошла до нас в сильно «эллинизированной форме» (с. 325) и действительно происходит от местных греков; в частности, все имена греческие, и приход Геракла вписывает этот эпизод в события всеобщей греческой истории (в частности, в один из подвигов героя).

¹¹⁴ См.: Граков 1950, 8, 12–13. См. также: Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 578: «Heracles was especially worshipped in the region and seems to have been *interpretatio Graeca* of a Scythian hero, possibly Targiteus..., while the legend as a whole appears to be an elaboration of local elements into a Greek framework»; Петров, Макаревич 1963, 20–31; Иванчик 2001, 333; Бухарин 2013, 23: «Сопоставляя эллинскую версию с собственно скифской, в этом Геракле легко опознать Таргитая». Критику этой позиции см.: Скржинская 2013, 441–459.

¹¹⁵ Иванчик 2001.

Важным подтверждением существования у местных ольвийских греков этой легенды, о которой мог слышать Геродот, является, по мнению Иванчика, так называемое «письмо жреца», граффито из Ольвии на черепке сосуда, датированное 550–530 гг. до н. э.¹¹⁶ Речь в этой надписи, в частности, идет о том, что алтари Матери богов, Борисфена и Геракла в Гилее «вновь повреждены». Также на граффито первой половины V в. до н. э. мы читаем: «[Матери бо]гов, владычи[це] Гиле[и]»¹¹⁷. Из этих документов Иванчик заключает, что здесь мы имеем подтверждение рассказу Геродота, услышанному им от жителей Ольвии, которую, он, по его словам, посетил.

Изложенные Иванчиком соображения приводят его к следующему выводу (с. 327):

Все эти данные свидетельствуют о том, что пересказанная Геродотом легенда действительно существовала в традиции понтийских, а точнее ольвийских, греков VI–V вв. до н. э., а ее персонажи почитались здесь как божества. Геродотовская ссылка на источник, таким образом, в этом случае должна быть признана достоверной и можно считать более чем вероятным предположение о том, что вторую легенду о происхождении скифов Геродот услышал во время посещения Ольвии от местных греков.

Хотелось бы высказать несколько замечаний по поводу упоминаемых в «письме жреца» божеств. Мать богов автор отождествляет с Ехидной — змееногой девой скифской легенды Геродота (с. 344: «Змееногая прародительница скифов, безусловно почитавшаяся ими как богиня, была отождествлена греками с Матерью богов»), что не очевидно. Мать богов зафиксирована во многих ареалах античного мира (см. ее ипостась в образе Кибелы), пожалуй, во всех, где еще почиталась древнейшая богиня плодородия, в частности в микенских текстах (te-iaí ma-te-re)¹¹⁸. Более того, и сам Иванчик упоминает о почитании «настоящей» Матери богов в самой Ольвии, «где надежно засвидетельствовано существование ее святилища на архаическом теменосе» (с. 344). Считать страшное чудовище Ехидну Великой Матерью богов, воспетой Пиндаром, в гомеровском и орфическом гимнах, увековеченную великим Фидием, было бы кощунственно, если бы мы придерживались языческих верований греков. Приводимая Иванчиком еще одна легенда Геродота о скифском царевиче Анахарсисе (IV, 76–78), который был убит во время приношения жертвы Ма-

¹¹⁶ Первая публикация надписи: Rusjaeva, Vinogradov 1991, 201–202.

¹¹⁷ Русяева 1992, 144–146, No 29: Μητρὶ Θε]ῶν μεδεσ[ό]ν[η] Ὑλα[ί]ης.

¹¹⁸ Казанскене, Казанский 1986, 140.

тери богов в Гилее, также не говорит о тождестве двух женских персонажей.

Замечу, что и культ Борисфена, зафиксированный в «письме жреца», едва ли как-то связан с рассматриваемой легендой Геродота. Почитание бога реки Борисфена (Днепра), которая была важнейшим географическим, экологическим, коммуникационным и экономическим фактором жизни ольвиополитов, относится к традиционным для греков культам крупных рек. Им возводились алтари, приносили жертвы, ставили статуи (вспомним знаменитые статуи бога Нила в Ватикане и бога Тибра в Лувре). Персонификация рек как богов восходит еще к Гесиоду, где они считаются детьми Океана и Тефии (Theog. 332–340). Сам Иванчик тоже признает, что обожествление крупных рек в греческой мифологии было обычным делом, более того приводит три граффити из Ольвии и Березани с посвящениями Борисфену (с. 343).

Да и культ Геракла, как мы неоднократно отмечали выше, является одним из самых распространенных греческих культов греков во всех частях греческой ойкумены и во всем Северном Причерноморье¹¹⁹ и необязательно должен быть связан с его ролью основателя скифского царского дома. Сам Иванчик в другом месте признает, что культ Геракла надежно засвидетельствован в метрополии Ольвии Милете (с. 343).

Поэтому почитание этих трех персонажей ольвиополитами не обязательно свидетельствует о существовании у них культа *скифского* происхождения, описанного Геродотом¹²⁰. Остается также непонятным, почему греки, согласно вышеизложенной интерпретации «письма жреца», должны были (одни или вместе со скифами?) почитать мифологических предков скифов... (с. 343: «этот культ появился здесь под скифским влиянием», т. е. скифы научили греков почитать Геракла?!). Более того, высказывается предположение, что «святилище в Гилее существовало еще до основания греческой колонии, а впоследствии стало скифо-греческим» (с. 344). В конце своей статьи Иванчик приходит к выводу о том, что легенда Геродота представляет собой «храмовую легенду этого греко-скифского святилища», расположенного в Гилее, возможно, в том месте, где располагалась «пещера Ехидны» (с. 345). Предположение, высказанное издателями «письма жреца» А.С. Русяевой, Ю.Г. Вино-

¹¹⁹ См. подробнее: Захарова 2003; Захарова 2006, 389–396.

¹²⁰ См. Farnell 1921, 129 о совмещении культов Геракла и Матери богов как распространенном явлении в Греции, особенно в сельских территориях. В Херсонесе найдено граффито с посвящением Гераклу и Матери богов (Соломоник 1978, № 883) — едва ли имелась в виду Ехидна...

градовым и Л. Дюбуа¹²¹, что алтари Гилейского святилища были повреждены самими скифами из соображений религиозной нетерпимости к греческим культам, Иванчик считает ни на чем не основанным.

Иванчик предполагает, что источником происхождения легенды была скифская традиция; к этому предположению подводит сходство некоторых элементов этой легенды с первой легендой, которая по сравнению со второй признается безусловно скифского происхождения (испытание трех братьев, победа младшего, становящегося царем, происхождение от богинь, связанных с подводно-подземным миром).

Следующий аргумент в пользу скифского происхождения легенды — это сопоставление ее содержания с изображениями на скифских культовых сосудах (в частности, на электроном сосуде из Куль-Обы и серебряных сосудах из Частых курганов у Воронежа и из кургана Гайманова могила), — работа, которую проделал Д.С. Раевский, развивая подходы М.И. Ростовцева и Б.Н. Гракова. На взгляд Иванчика, Раевский «привел решающий аргумент в пользу того, что эта легенда имеет скифское происхождение и в своей первоначальной форме бытовала в скифской среде», и что его сопоставление «вполне убедительно и вряд ли может вызывать серьезные возражения».

Тем не менее здесь возникает целый ряд вопросов. Во-первых, насколько произведения греческих ювелиров¹²² Северного Причерноморья, сделанные для скифской знати, могли отражать мировоззренческие представления самих скифов¹²³? К греческим ювелирам приезжали скифские послы с подробными инструкциями, как изображать их религиозно-мифологические представления и их прародителя Геракла, или сами мастера могли «находиться (постоянно или же временно) при ставках отдельных племенных вождей»¹²⁴? Во-вторых, могут ли считаться отражением Геродотовой

¹²¹ Русева 1987, 147; Виноградов 1989, 66; Rusjaeva, Vinogradov 1991, 202; Dubois 1996, 61.

¹²² См. Раевский 2006, 287: «Конечно, значительная часть этих воплощений (изображений скифов на греческих сосудах. — А. И.) выполнена не собственно скифскими, а античными мастерами, так что, строго говоря, также относится к иноописаниям».

¹²³ Г.И. Соколов, анализируя изображения скифов из Куль-Обы, считает, что «рисунки и „эскизы“ греческим торевтам, надо думать, давали скифские художники — посредники между мастерами и заказчиками... Если допустить, что работали торевты, как предполагается, в Пантикапее, то и сами они хорошо знали местный опыт и вкусы» (Соколов 1999, 194). См. также Вахтина 2005, 390–395 о месте изготовления артефактов «греко-скифского» искусства.

¹²⁴ Вахтина 2005, 393.

легенды многочисленные изображения скифских воинов с луками? Разве это не вполне естественная художническая реакция на широко известную особенность военного дела скифов — самых замечательных в мире лучников? Не эти ли сцены, выполненные на драгоценных металлах с потрясающим реализмом фигур, должны были нравиться скифам? В-третьих, есть ли какие-нибудь реальные совпадения сюжета Геродота с этими изображениями? Где Геракл в объятиях Ехидны? Где три соревнующихся или хотя бы сидящих рядом брата (они изображены или парами, или по одиночке), где победа младшего, как он надевает священный пояс отца с со священной чашей? и т. д. Все, что мы видим на этих сосудах, это различные сцены скифской жизни: там сражаются, лечат (по Раевскому, лечат травмы челюсти и ноги, полученные двумя старшими братьями во время неудачного испытания¹²⁵), пьянствуют, шьют одежду, стреножат коней, доят кобылиц и овец, совещаются, ну и натягивают лук, а что можно с ним еще делать¹²⁶? Как можно увидеть младшего брата в безбородом скифе, которому бородатый персонаж (Геракл!?) передает лук, когда известно, что Геракл не проводил в Скифии много лет, ожидая, когда подрастут сыновья¹²⁷?

На эти вопросы я уже давно не нахожу ответа, поэтому мне эти сопоставления, в отличие от Иванчика, не кажутся особенно убедительными¹²⁸. Кстати, одно из трех сопоставлений, сделанное

¹²⁵ Раевский 2006, 53–54, 283, 287.

¹²⁶ Раевский считал сцену натягивания тетивы лука на сосуде из Куль-Обы отражающей сюжет легенды Геродота, см. *Ibidem* 52: «Вряд ли такое совпадение случайно».

¹²⁷ Иванчик, понимая это противоречие, так объясняет его: Иванчик 2001, 333: «Ольвийские греки, однако, должны были устранить противоречия, возникающие между этим сказанием и другими легендами общегреческого цикла, в который оно включалось: они не могли позволить Гераклу провести всю жизнь в Скифии». Предполагается, что «пришлый» Геракл должен быть отождествлен с Таргитаем первой легенды, который был «местным» основателем скифского царства.

¹²⁸ Я, вероятно, отношусь к тем критикуемым Д.С. Раевским персонам, которые видят в этих изображениях простые «сцены из жизни скифов» или, как писал М.И. Ростовцев, «сцены этнографического реализма» (см. Раевский 2006, 24: «...Абсолютное большинство сюжетных композиций на скифских древностях вошло в литературу под широко принятым названием „сцены из жизни скифов“. Это название отражает понимание их содержания как чисто бытового или, в лучшем случае, меморативного, т. е. воспроизводящего реальные события»; 28: «Сказанное заставляет трактовать все без исключения „сцены из жизни скифов“ как воплощения определенных мифических сюжетов и, следовательно, как ценнейший источник для реконструкции скифского мифологического комплекса»). Ср. мнение А.М. Хазанова (Хазанов 1975, 126) о том, что художник-грек изображает «самых заурядных скифов, да еще в тот момент, когда они заняты самыми немудрёными повседневными делами», не отрицая

Раевским по сосуду из Гаймановой могилы, даже Иванчику показало «не столь убедительным», поскольку «ни один из элементов представленных на сосуде сцен не находит точных параллелей в рассказе Геродота»; вместо жертвоприношений Иванчик увидел здесь сцену скифской попойки¹²⁹! Показательно, что два первых сопоставления Раевского были подвергнуты критике и пересмотру Ж. Дюмезилем, с которым, впрочем, Иванчик решительно не согласен (с. 329–331).

Таким образом, мне кажется, вопрос о соответствии скифских легенд Геродота изображениям на скифских сосудах не так однозначен, и в нем еще стоит разбираться дальше¹³⁰.

Следующим аргументом в пользу скифского происхождения легенды служат монеты скифского правителя Эминака, чеканенные в Ольвии в середине V в. до н. э. и изображающие Геракла в шкуре льва и натягивающего тетиву на лук, а также монеты скифского царя Атея середины IV в. до н. э., тоже с изображением Геракла в львиной шкуре (с. 331–332)¹³¹. Но ведь известно, что Геракл чаще всех других героев античности изображался на золотых, серебряных и бронзовых монетах греческих городов Средиземноморья и Черного моря начиная с V в. до н. э.¹³², да и сам Иванчик предлага-

---

при этом возможности трактовки этих изображений как отражающих скифский эпос (с. 129–134).

¹²⁹ См. с. 328: «...Оба персонажа, которые изображены под ручками сосуда, не находят себе места в изложенной Геродотом легенде. Один из них, безбородый молодой человек, прильнул к большому бурдюку и пьет вино из чаши. Второй ползет на четвереньках, держась рукой за лоб. Интерпретация этих двух персонажей как совершающих жертвоприношение, на мой взгляд, излишне смелая и я не вижу здесь ни одной детали, которая с очевидностью свидетельствовала бы в ее пользу. Скорее можно было бы подумать о том, что эти четыре персонажа участвуют в одной из тех скифских попок, которые вошли в пословицу в греческом мире».

¹³⁰ См. также оценку исследований Д.С. Раевского в издании «Скифского логоса» Геродота (Доватур и др. 1982, 39: «Интересная, хотя и дискуссионная работа Раевского перенасыщена этнографическими параллелями и аналогиями, которые в ряде случаев носят слишком общий характер, чтобы подтвердить то или иное конкретное положение автора»). См. также: Нейхардт 1982, 213: «Задавшись целью во что бы то ни стало доказать, что скифское общество имело свою сложную, развитую религиозную систему, автор, на наш взгляд, вступает в противоречие с данными источников и с археологическими материалами...»; Asheri et al. 2007, 578 о Раевском, что он «fails to convince in his attempt to relate to this legend the scenes represented on the vases from Kul'oba and Voronež».

¹³¹ См. о них также Раевский 2006, 203–207.

¹³² Если рассматривать только Северное Причерноморье, то Геракл изображен, например, на аверсе серебряных тридрахм, чеканенных в Херсонесе Таврическом в 250–230 гг. до н. э. и позже на некоторых других херсонесских монетах, что свидетельствует о его культе в этом городе. Также и на Боспоре уже в V в.

ет относить изображение Геракла на монетах Атея к македонской монетной традиции (с. 332). Справедливости ради хочу напомнить, что монеты Атея, кроме изображения на аверсе головы Геракла, на реверсе показывают конного скифа, стреляющего из лука, что дало Раевскому дополнительный аргумент в пользу гипотезы об использовании Атеем скифской легенды о Геракле как прародителе скифов.

Отсюда Иванчик делает вывод: «Итак, вряд ли можно сомневаться, что вторая легенда Геродота была известна не только ольвийским грекам, но и скифам».

Основываясь на том, что, согласно второй легенде, Скиф должен был не только натянуть отцовский лук (воинская функция царя), но и надеть на себя его пояс с чашей (его жреческая ипостась), Иванчик считает — в рамках постулируемой им и его предшественниками теории о трехчленном делении древнеиранского и скифского общества на три сословия, что «вторая легенда, следовательно, как и первая, отражает древнее индо-иранское представление о царе как представителе всех социальных функций и главе всех трех сословий, хотя символ третьего сословия и не упомянут в этом сильно эллинизированном рассказе» (с. 339). Получается, что символов всего два, но легенда все-таки отражает трехсословность иранского общественного устройства.

Вообще, я вижу некоторое противоречие также в том, что, согласно Иванчику, оказывается, не только Геродот, побывавший в Ольвии, услышал эту легенду от ольвийских греков и первым донес до своих читателей эту странную и редкую для них историю, но и сама она была известна еще до него (через кого? когда? как?). Так трактует исследователь рассказ Альбанской надписи о приходе Геракла в Скифию, его браке с Ехидной и рождении ею от него двух сыновей — Агафирса и Скифа (см. о надписи выше). Он считает, что этот рассказ независим от Геродота и «в конечном итоге восходит к той же ольвийской традиции, что и рассказ Геродота» (с. 341¹³³).

до н. э. на монетах появляются изображения Геракла. На сицилийской серебряной монете конца V в. до н. э. отчеканен Геракл в коленапреклоненной позе, натягивающий тетиву лука (Гос. Эрмитаж, инв. № М 59.1320). На монетах из Фасоса (ок. 410 г. до н. э.) на реверсе изображен Геракл в шкуре льва, стреляющий из лука (Franke, Hirmer 1964, 141, 439; Poole 1877, 219–220, nos. 36–38 (благодарю С.А. Коваленко за помощь в библиографических поисках)).

¹³³ В сноске к этому тексту Иванчик пишет о другой точке зрения на соотношение этих двух известий: «Ж. Дюмезиль (Dumézil 1983, 87) полагает, что этот рассказ зависит от Геродота, но мне представляется невозможным вывести эти детали из его текста».

Более того, оказывается, что «эта легенда была известна в греческой литературе задолго до Геродота». Об этом будто бы свидетельствует текст из догеродотова гесиодического «Каталога женщин», в котором указывается, что Зевс был отцом основателя скифов (см. об этом выше). Вывод: «Можно полагать, что информация автора „Каталога“ в конечном счете восходит к тому же источнику, что и информация Геродота и автора *Tabula Albana*, т. е. к местной ольвийской традиции» (с. 342).

Выше мы уже обсуждали проблему соотношения гесиодических и Гесиодовых текстов с рассказами Геродота и пришли к выводу, что первые тексты содержат только обычные и очень краткие для греческой генеалогической литературы привязки варварских народов к богам и героям, которые позже были превращены греческими писателями, и в том числе Геродотом, в развернутые этногенетические легенды. Гораздо труднее представить себе передачу аутентичной информации о скифских истоках от самих скифов грекам-колонистам и их дальнейшую передачу в материковую Грецию. Между основанием Ольвии в начале VI в. до н. э. и фиксацией Зевса прародителем скифов в «Каталоге женщин» в том же веке совсем небольшой срок, чтобы узнать скифскую версию на месте, эллинизировать ее и передать в Грецию.

Мы видим, как почти каждое утверждение защитников скифского происхождения легенд Геродота наталкивается на определенные возражения. Это и понятно: как писал наш самый известный и заслуженный скифолог Дмитрий Сергеевич Раевский, с которым мы когда-то обсуждали многие из этих проблем, «довольно многочисленные толкования этой легенды, весьма близкие по методике подхода к материалу, зачастую являются взаимоисключающими по сути»¹³⁴.

Показательно замечание самого Раевского относительно кельтской (!) аналогии к получению младшим сыном Скифом плуга, ярма, секиры и чаши: «Заслуживает внимания аналогия этому мотиву скифской легенды в кельтском обычном праве, бытовавшем вплоть до недавнего времени: „Древний закон Уэльса предписывает, чтобы при дележе имения между братьями младший получал усадьбу, все постройки и восемь акров земли, а также *топор, котел и сошник* (курсив *Д. Р.*)...“. Точное соответствие трех названных предметов секире, чаше и плугу с ярмом, полученным

¹³⁴ Раевский 2006, 35. См. также с. 265 о трех особенностях его интерпретаций: их гипотетичности, отсутствии претензии на окончательность выводов и их полемичности.

Колаксаем, не вызывает сомнения»¹³⁵. Замечательный пример типологического сходства определенных обычаев, традиций, практик в различных регионах земли, вызывающий сомнения в исключительно «скифско-иранской» специфике рассказанных Геродотом легенд.

Для иллюстрации этого «скептического» тезиса укажу на выводы вышедшей не так давно в Нью Йорке книги Заура Гасанова «„Царские скифы“. Этноязыковая идентификация „царских скифов“ и древних огузов», в которой автор в личных именах, топонимах, этнонимах, ритуалах и культах, а также в космологии Геродотовых скифов усматривает, в отличие от иранистов¹³⁶, древнетюркские параллели и корни¹³⁷. Более того, Гасанов считает, что «налицо фонетическая и семантическая схожесть между названием народа, известного в мировой науке как скифы, и названием одного из самых древних тюркских народов — гуз, огуз»¹³⁸, а «Огуз-хан — это тот правитель, который привел огузов в Северное Причерноморье, где, согласно греческому мифу о Геракле, родился Скиф, заложивший основы скифского государства»¹³⁹. При всей спорности этих положений налицо стремление и возможность увидеть типологическое или генетическое сходство скифского и тюркского этнокультурного наследия.

* * *

Как мы видели, при всей фундированности исследований Д.С. Раевского и А.И. Иванчика аналогичная «кельтская» легенда

¹³⁵ Раевский 2006, 221.

¹³⁶ А.И. Иванчик, опираясь на предшествующих исследователей, также признает сходство Геродотовой легенды о трех сыновьях с сюжетом о трех сыновьях хана Огуза, предка огузов, в тюркском эпосе «Огуз-наме» (49–88), но считает его единичным заимствованием от ираноязычных номадов, например, саков Центральной Азии (Ivantchik 1999, 189–190).

¹³⁷ Гасанов 2000. См., например, о сыновьях Таргитая с. 274: «Образы сыновей Таргитая являются персонажами тюркского верования, культа предков и отражены в тюркских эпосах»; см. также с. 416: «Тюркские эпосы „Алпамыш“, „Урал-Батыр“, „Деде Коркут“, „Кёроглы“ по своей поэтике, сюжетам, образам основных персонажей, их исторической миссии и подвигам восходят к образам первоскифов — братьев Липоксая/Алпоксая, Арпоксая и Колаксая, а по времени происхождения — к мифическим периодам истории „царских скифов“». Даже Геракл, прародитель скифов, находит у Гасанова тюркскую этимологию в словах: *kerəkļə* — «искать» (украденных коней) и *ker* — «натянуть (веревку, т. е. тетиву)» (Гасанов 2000, 280)!

¹³⁸ Гасанов 2000, 288.

¹³⁹ Гасанов 2000, 300.

остаётся и в их исследованиях за рамками рассмотрения возникновения этой легенды на греко-скифской почве.

Вполне возможно, что кельтская версия легенды вторична, возникла позже и была основана на рассказе Геродота¹⁴⁰. Для такого вывода есть серьёзные основания, как мы видели выше.

Что же касается «скифской» легенды, рассказанной будто бы Геродотом со слов местных греков и даже, скорее всего, созданной (ими или Геродотом?) по образцу уже существующих (например, «кельтской»), то она могла быть обогащена подробностями, ставшими им известными от скифов, с которыми у них были интенсивные отношения¹⁴¹.

Таким образом, грекам были известны разные версии происхождения скифов. Некоторые из них (например, первая Геродотова) могли иметь основу в легендарной истории и мифологии (фольклоре) самих скифов, некоторые же, несомненно, принадлежали грекам, которые могли обрабатывать местные сказания или создавать свои¹⁴², или даже заимствовать их из других регионов и литературных традиций.

Цель настоящей статьи будет достигнута, если она привлечет внимание скифологов к существованию параллельной кельтской легенды о Геракле и местной богине (царевне), от связи которых произошел сын, натягивающий лук Геракла и становящийся прародителем народа. Важно также при анализе такого рода эпонимических легенд учитывать особенности историографического метода Геродота — нашего основного источника по истории скифов.

¹⁴⁰ См.: Lightfoot 1999, 533: «It is surely clear that the Celto story is modelled on that of Echidna (in Scythia. — A. II) and not the other way around». Ср. также о влиянии Геродота на Посейдония: Rankin 1987, 49: «Poseidonius (1st century BC) took Herodotus' account of the Scythians (*Skythikos Logos*) as his model for his description of the Celts of Gaul».

¹⁴¹ См. по этому поводу замечание К. Нойманна: «Die Sage der pontischen Griechen über den Ursprung des Skythenvolks ist nur insofern von Interesse, als sie ein Zeugniß dafür ablegt, mit welcher Klugheit die Griechen durch die Fiction einer Stammverwandtschaft zwischen den Hellenen und den Einheimischen diese an sich heranzuziehen suchten, und wie sie eine solche Erdichtung durch Hineinmischung nationaler Elemente den Barbaren schmackhaft zu machen wussten» (Neumann 1855, 109). См. также Бухарин 2013, 23: «Эту версию скифской генеалогии следует трактовать как приспособление местной истории к греческим канонам, связанное с идентификацией персонажей местной религиозно-философских традиций с греческими богами и героями».

¹⁴² Ср. Скржинская 1998, 51: «...Анализ сказания о Геракле и змееногой богине показывает, что оно представляет собой не „скифский миф в греческих одеждах“, а порождение причерноморского греческого фольклора с включением в него некоторых скифских образов».

Литература

- Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 2. 1961. С. 57–87.
- Бухарин М.Д. Колаксай и его братья (античная традиция о происхождении царской власти у скифов) // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 8. 2013. С. 20–80.
- Вахтина М.Ю. IV в. до н. э. — эпоха расцвета греко-скифской торевтики // Марченко К.К. (изд.). Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 297–399.
- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М., 1989.
- Гасанов З. «Царские скифы». Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. New York, Liberty Publishing House, 2000.
- Граков В.Н. Скифский Геракл // КСИИМК 34. 1950. С. 7–18.
- Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
- Дьяконов И.М. Введение // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 5–54.
- Ельницкий Л.А. Из истории древнескифских культов // СА. 4. 1960. С. 46–55.
- Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
- Ельницкий Л.А. Скифские легенды как культурно-исторический материал // СА. 2. 1970. С. 64–74.
- Жебелев С.А. Геродот и скифские божества // Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 29–37.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю. Бляшка с изображением *Rankenfrau* из кургана Куль-Оба // Образы времени. Из истории древнего искусства. Труды ГИМ. Вып. 189. М., 2012. С. 80–97.
- Захарова Е.А. Культы древнегреческих героев Ахилла и Геракла в Северном Причерноморье, VI–I вв. до н. э. Автореферат канд. дисс. М., 2003.
- Захарова Е.А. Об особенностях культа Геракла в Северном Причерноморье // Мнемон. 5. 2006. С. 389–396.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М., 1965.
- Иванчик А.И. Еще раз о «греческой» легенде о происхождении скифов (Herod., IV, 8–10) // Миф. 7. Ἄλοθέωσις. На акад. Дмитри Сергеевич Равески. София, 2001. С. 324–350.
- Казанские В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986.
- Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // Древности Боспора. 2. 1999. С. 147–160.
- Кузнецов В.Д. Апатур // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. I. 2013. С. 314–329.

- Мусбахова В.Т.* Прометей Прикованный: Проблема авторства и датировки трагедии. СПб., 2013.
- Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- Петров В.П., Макаревич М.Л.* Скифская генеалогическая легенда // СА. 1. 1963. С. 20–31.
- Подосинов А.В.* Волга в геокартографии античности и средневековья // *Джаксон Т.Н., Калинин Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 70–97.
- Раевский Д.С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. 3. 1970. С. 90–101.
- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006.
- Розанова Н.П.* К вопросу о местонахождении Апатура // ВДИ. 2. 1951. С. 210–213.
- Русяева А.С.* Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 134–154.
- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Савостина Е.А.* «Змееногая богиня» — «прорастающая дева» (двусторонний антропоморфный акротерий из Пантикапея) // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир; М., 1996. С. 72–82.
- Савостина Е.А.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. (Боспорские исследования, Suppl. 8). Симферополь; Керчь, 2012.
- Скрябинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Скрябинская М.В.* Записи устных преданий в рассказе Геродота о Скифии // ДГ, 2011 г. М., 2013. С. 441–459.
- Скрябинская М.В.* Фантастические существа в культуре, искусстве и религии античных государств Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Вып. XXIV. Симферополь; Керчь, 2010. С. 193–290.
- Сokolov Г.И.* Искусство Боспорского царства. М., 1999.
- Соломоник Э.И.* Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978.
- Стесихор.* Фрагменты. Перевод с древнегреч. и комментарий Н.Н. Казанского // ВДИ. 2. 1985. С. 217–237.
- Суриков И.Е.* Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация — варварство» в античной Греции // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 50–51.
- Толстой И.И.* Черноморская легенда о Геракле и змееногой дева // *Толстой И.И.* Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 232–248.
- Тохтасьев С.Р.* 1986: Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 2. 1986. С. 138–145.
- Циркин Ю.В.* К вопросу об источнике «массалиотского пассажа» Помпея Трога // Вестник ЛГУ. 2. 1968. С. 148–150.
- Циркин Ю.В.* Аристотель и основание Массалии // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 11–21.

- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.
- Шауб И.Ю.* Геракл в Италии и Скифии // *Шауб И.Ю.* Италия — Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб., 2008. С. 66–83.
- Ярхо В.Н.* Парфений. О любовных страстях // ВДИ. 1. 1992. С. 252–265; 2, С. 236–248.
- Aloni A.* Ercole in Occidente. Trento, 1993.
- Alpers K.* Griechische Lexicographie in Antike und Mittelalter. Dargestellt an ausgewählten Beispielen // *Koch H.-A., Krup-Eber A.* (eds.). Welt der Information. Wissen und Wissensvermittlung in Geschichte und Gegenwart. Stuttgart, 1990. S. 14–38.
- Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Eine Untersuchung über die volkstümlichen Elemente der altgriechischen Prosaerzählung. 2 Aufl. Göttingen, 1969 (1921¹).
- Armayer O.K.* Did Herodotus ever go to the Black Dea? // Harvard Studies in Classical Philology. 82. 1978. P. 45–62.
- Asheri D., Lloyd A., Corcella A.* (eds.) A Commentary on Herodotus Books I–IV. Oxford, 2007.
- Bacon J.R.* The geography of the Orphic Argonautica // CIQ. 25 (3/4). 1931. P. 172–183.
- Bäbler B.* Das Land der Skythen — ein Wolkenkuckucksheim Herodots? // *Povalachev N., Kuznetsov V.* (eds.). Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinos (Altertümer Phanagoreias Band 1). Göttingen, 2011. S. 103–140.
- Baragwanath E., De Bakker M.* (eds.) Myth, Thruth, and Narrative in Herodotus. Oxford, 2012.
- Bichler R.* [Rec.] Fehling, D. Herodotus and his ‘sources’. Citations, invention and Narrative Art. Leeds 1989 // Anzeiger für die Altertumswissenschaft. 43. 1990. P. 49–55.
- Bichler R.* Herodots Welt. Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. Mit Beilagen von Dieter Feil und Wido Sieberer. Berlin, 2000.
- Bichler R., Rollinger R.* Herodot. Hildesheim; Zürich; New York, 2000.
- Bickermann E.* Origines gentium // CIPh. 47. 1952. P. 65–81.
- Birkhan H.* Kelten. Versuch einer Gesamtdarstellung ihrer Kultur. Wien, 1997.
- Bowie E.* (ed.). Herodotus — narrator, scientist, historian. Berlin; Boston, 2018.
- Braund D.* Kimmerians, Kerberians and Kerberion: Reflections on Herakles at Asiatic Kimmerikon // *Gaudeamus igitur.* Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010а. P. 89–101.
- Braund D.* Teutaros the Scythian Teacher of Heracles // *Onomatologos.* Oxford, 2010b. P. 381–389.
- Buisikikh A.* On the Question of the Stylistic Influences reflected in the Architecture and Art of Chersonesos: ‘Snake-legged Goddess’ or Rankenfrau // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* 13. 2007. P. 157–181.

- Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996.
- Dumézil G.* Romans de Scythie et d'alentour. Paris, 1978.
- Dumézil G.* La courtisane et les seigneurs colorés et autres essais. Paris, 1983.
- Dunsch B.* Et apud patrem historiae sunt innumerabiles fabulae. Herodot bei Cicero // *B. Dunsch, K. Ruffing* (Hrsgg.). Herodots Quellen — Die Quellen Herodots. Wiesbaden, 2013. S. 153–199.
- Erbse H.* Fiktion und Wahrheit im Werke Herodots. Göttingen, 1991.
- Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Bd. 11. Berlin; New York, 2004.
- Farnell R.L.* Greek hero cults and ideas of immortality. Oxford, 1921.
- Fehling D.* Quellenangaben bei Herodot. Studien zur Erzählkunst Herodots (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte 9). Berlin; New York, 1971 (англ. перевод: Herodotus and his 'sources'. Citations, invention and Narrative Art. Leeds 1989).
- Franke P.R., Hirmer M.* Die griechische Münze. München, 1964.
- Gill Chr., Wiseman T.P.* (Hrsgg.). Lies and Fiction in the Ancient World. Exeter, 1993.
- Gruppe O.* Herakles // RE. Suppl. 3. 1918. Col. 910–1121.
- Harmand J.* Diodore IV, 19; V, 21: Héraklès, Alesia, César le Dieu // Latomus. Revue d'études latines. 26. 1967. P. 956–986.
- Hartog F.* Le miroir d'Hérodote. Paris, 1980 (англ. перевод: The mirror of Herodotus: the representation of the other in the writing of history. Berkeley; Los Angeles; London, 1988).
- Hose M.* Am Anfang war die Lüge? Herodot, der «Vater der Geschichtsschreibung» // *Hose M.* (Hrsg.). Große Texte alter Kulturen. Literarische Reise von Gizeh nach Rom. Darmstadt, 2004. S. 153–174.
- Hübner E.* Britanni // RE. 5. Hlbd. 1897. Col. 858–879.
- Ivanchik A.I.* Une légende sur l'origine des Scythes (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du Scythicos logos d'Hérodote // REG. 112. 1999. P. 141–192.
- Ivanchik A.* La légende «grecque» sur l'origine des Scythes (Hérodote 4.8–10) // *Fromentin V., Gotteland S.* (eds.). Origines gentium (Ausonius-Publications, Études 7). Bordeaux, 2001. P. 207–220.
- Jullian C.* Histoire de la Gaule. Paris, 1993.
- Lightfoot J. L.* Parthenius of Nicaea. The poetical fragments and the Ἐρωτικὰ Παθήματα. Oxford, 1999.
- Maass E.* Die Griechen in Südgallien // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. 9. 1906. S. 139–182.
- Moles J.L.* Truth and Untruth in Herodotus and Thucydides // *Gill Chr., Wiseman T.P.* (Hrsgg.). Lies and Fiction in the Ancient World. Exeter, 1993. P. 88–121.
- Nesselrath H.-G.* Rez.: Reinhold Bichler, Herodots Welt. Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte, Mit Beilagen von Dieter Feil und Wido Sieberer. Berlin, Akademie Verlag, 2000. Pp. 425 // Bryn Mawr Classical Review 2001.10.23.

- Nesselrath H.-G.* Indigene Quellen bei Herodot und ihre Erfinder — einige Fallbeispiele // *Dunsch B., Ruffing K.* (Hrsgg.). *Herodots Quellen — Die Quellen Herodots.* Wiesbaden, 2013. S. 85–93.
- Newmann K.* Die Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zur Alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Berlin, 1855.
- Pinney G.F., Ridgway B.S.* Herakles at the Ends of the Earth // *JHS.* 10. 1981. P. 141–144.
- Poole R.S.* Catalogue of Greek Coins stored in the British Museum. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, etc. London, 1877.
- Radet G.* Argantonios et le mur de Phocée // *REA.* 5. 1903. P. 327–328.
- Ramin J.* Mythologie et Géographie. Paris, 1979.
- Rankin H.D.* Celts and the Classical Word. London; New York, 1987.
- Reitzenstein R.* Geschichte der griechischen Etymologika: ein Beitrag zur Geschichte der Philologie in Alexandria und Byzanz. Leipzig, 1897 (repr. Amsterdam 1964).
- Rusjaeva A.S., Vinogradov Yu.G.* Der «Brief des Priesters» aus Hylaia // *Rolle R., Müller-Wille M., Schietzel R., Toločko P.P., Murzin V.Yu.* (Hrsgg.). *Gold der Steppe.* Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S. 201–202.
- Thomas R.* Truth and authority in Herodotus' narrative: false stories and true stories // *Bowie E.* (ed.). *Herodotus — narrator, scientist, historian.* Berlin; Boston, De Gruyter, 2018. P. 265–284.
- Vandiver E.* Heroes in Herodotus. The Interaction of Myth and History. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris, 1991.
- Vannicelli P.* The Mythical Origins of the Medes and the Persians // *Baragwanath E., De Bakker M.* (eds.). *Myth, Truth, and Narrative in Herodotus.* Oxford, 2012. P. 256–268.
- Wesselmann K.* Mythische Erzählstrukturen in Herodots «Historien». Göttingen, 2011.
- West M.L.* Hesiod. Theogony. Oxford, 1966.
- West M.L.* The Hesiodic Catalogue of Women. Its Nature, Structure, and Origin. Oxford, 1985.
- West St.* Herodotus' epigraphical interests // *CIQ.* 35. 1985. P. 278–305.
- West St.* Herodotus' portrait of Hecataeus // *JHS.* 111. 1991. P. 144–160.
- West St.* Herodotus in the North: Reflections on a Colossal Cauldron (4.84) // *Scripta Classica Israelica.* 19. 2000. P. 15–34.
- Wiseman T.P.* Lying Historians Seven Types of Mendacity // *Gill Chr., Wiseman T.P.* (eds.). *Lies and Fiction in the Ancient World.* Exeter, 1993. P. 122–146.

Е.Г. Парфенова

**ПОДЛИННОСТЬ И ТЕКСТ
ТРАКТАТА АРИСТОТЕЛЯ «КАТЕГОРИИ»:
ИСТОРИЯ ВОПРОСА
И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Трактат Аристотеля «Категории» открывает собой «Органон» и весь корпус аристотелевских сочинений. Его многократно комментировали ученые античности, средневековья и нового времени. Текст трактата дошел до нас в незавершенном и фрагментированном виде, и уже в античности стали возникать сомнения в его аутентичности¹. На долю девятнадцатого и двадцатого веков выпала задача критически исследовать текст с помощью новейших филологических методов. В девятнадцатом веке большинство ведущих аристотелеведов объявило, что трактат неподлинный². Эту точку зрения поддержал даже Г. Бонитц³. В двадцатом веке мнения стали склоняться в пользу подлинности, хотя сомнения не утихали вплоть до середины века⁴. Вопрос аутентичности тесно связывался с проблемой единства текста. Большинство исследователей, отмечая отсутствие связи между частями трактата, считали аутентичной первую часть (главы 1–9, так называемые Praedicamenta, содержащие учение о категориях) и неаутентичной либо сомнительной вторую (главы 10–15, так называемые Postpraedicamenta)⁵. В 1978 г. вышел второй том русских переводов Аристотеля, содержащий логические сочинения. Там, в общих примечаниях, весь трактат «Категории» объявлялся неподлинным⁶. В 1981 г. на IX аристотелевском симпозиуме, посвященном сомнительным сочинениям в корпусе, в докладе М. Фреде подлинность и единство этого сочинения

---

¹ *Olymp.* Prol. 22, 38.

² Prantl 1855, 90; Rose 1854, 234; Gereke 1891, 424–441; Dupréel 1909, 230–251; Jaeger 1923, 45.

³ Bonitz 1853, 593.

⁴ Bochenski 1951, 21; Mansion 1949, 1097–1100.

⁵ During 1966, 55; Ross 1923, 9–10, n. 2; 24, n. 2; Husik, Ross 1939, 433. См. Frede 1983, 3.

⁶ Аристотель 1978, 594.

были подтверждены, по-видимому, окончательно⁷. Новый подход к интерпретации текста и намеченные Фреде перспективы исследования были учтены в издании «Категорий», выпущенном Р. Бодеусом в 2001 г.⁸ Моя собственная статья «Категории», написанная в 2000 г. для «Новой философской энциклопедии» и затем перепечатанная⁹, содержит неточности и устаревшую интерпретацию текста. В настоящем обзоре мне хотелось бы изложить окончательные доводы в пользу подлинности трактата и единства его текста и новый подход к его интерпретации.

1. Состояние текста

Как во многих других аристотелевских сочинениях, в тексте «Категорий» много следов более позднего вмешательства. Сейчас преобладает точка зрения, что строки 11b10–14¹⁰ и 11b15–16¹¹ по языковым и историко-философским причинам не принадлежат Аристотелю¹². По мнению Фреде, следует подвергнуть сомнению и предшествующие строки, начиная с 11a20¹³. Именно строки 11b10–16 связывают обе части трактата, главы 1–9 и главы 10–15. С точки зрения содержания части плохо согласуются между собой: ничто в первой части не подготавливает к содержанию второй, а вторая не учитывает содержания первой. Вторая часть также не имеет отношения к учению о категориях, более или менее последовательно излагаемому в первой. Именно поэтому большинство исследователей подвергало сомнению вторую часть трактата и полагало, что интерполируемые строки написаны редактором, который не мог избежать вмешательства в текст, так как собирался издать обе части вместе.

Сама по себе вторая часть производит впечатление собрания отдельных фрагментов: в главах 10–11, лингвистически однородных, излагается учение о противоположностях; в главах 12–13, без перехода и без связующей частицы, говорится о предшествовании и од-

⁷ Frede 1983, 1–29.

⁸ Bodéüs 2001.

⁹ Парфенова 2008, 529–531.

¹⁰ Cook Wilson 1880, 465–469.

¹¹ Minio-Paluello 1949, V, n. 1.

¹² Однако Фреде обращает внимание, что издатель итальянского комментированного текста «Категорий» Дж. Колли (Colli 1955, 749), несмотря на общий консенсус и собственные сомнения, все-таки не смог с этим согласиться.

¹³ Повторяющийся предлог *ὅτι*, который вызывает возражения в 11b10–16, появляется уже в 11a20. Утверждение в 11a37–38, перед очевидной лакуной в тексте, плохо согласуется с остальным контекстом. См. Frede 1983, 4–5. Бодеус это распространение не поддерживает: Bodéüs 2001, 141–142.

новременности; в главе 14 обсуждаются способы движения, лингвистически эта глава отлична от окружающих ее; в главе 15, начинающейся без частицы, исследуются восемь видов обладания¹⁴. Тем не менее, вторая часть обладает и лингвистическим, и тематическим единством. Чтобы продемонстрировать лингвистическое единство *Postpraedicamenta*, Фреде анализирует два фрагмента: ἔστι μὲν δὴ συχδὸν ἀλλοτριώτατος τῶν τρόπων οὗτος (14b7–8, глава 12) и ἔοικε δὲ ἀλλοτριώτατος ὁ νῦν ῥηθείς τρόπος τοῦ ἔχειν εἶναι (15b28–29, глава 15). В обоих предложениях мы видим τρόποс, в значении редком для остального корпуса, но характерном для этого текста; в обоих предложениях мы видим ἀλλότριος, тоже сравнительно редкое слово для остального корпуса; и видим комбинацию этих слов, которая, как кажется, не встречается больше нигде у Аристотеля; в обоих предложениях мы видим превосходную степень и ἔοικε во втором предложении, соответствующее συχδὸν в первом. Тематически все фрагменты *Postpraedicamenta*, помимо главы о движении, объединяются тем, что в них исследуются τρόποι (различные способы высказывания), в каждом из которых есть какие-то особенности (12b3, 12b11, 13a16, 13b1, 14b8, 14b9, 14b11, 14b22, 15b17, 15b29, 15b31), при этом даже в главе о движении обсуждаются виды движения. Таким образом, очень похоже на то, что все части *Postpraedicamenta*, в настоящем своем виде не представляющие последовательного текста, принадлежали всё-таки изложению какого-то однородного материала¹⁵.

Но первая часть трактата — *Antepaedicamenta* (гл. 1–3) и *Praedicamenta* (гл. 4–9) — всегда считавшаяся исследованием категорий, к которому эллинистический издатель присоединил проблематичную вторую часть, сама по себе тоже фрагментарна. Это отмечалось Г. Майером и Э. Целлером¹⁶, предположившим, что издатель по каким-то причинам убрал заключительную часть учения о категориях и заменил ее кратким их перечислением в строках 11b8–14, чтобы затем присоединить *Postpraedicamenta*. Но фрагментарность текста гораздо более существенная. Изложение первой части обрывается посреди незаконченной дискуссии о родах (11a37); обсуждение действия и претерпевания крайне схематично (11b1–8)¹⁷; схеме характеристики отдельной «категории» автор

¹⁴ Большинство исследователей так и полагало, что вторая часть представляет собой собрание фрагментов на различные темы, присоединенное редактором к тексту, излагающему учение о категориях (Brandis 1833, 268; Düring 1966, 54, 64).

¹⁵ См.: Frede 1983, 7.

¹⁶ Maier 1900, 292 Anm.; Zeller 1921, 69 Anm.

¹⁷ Minio-Paluello 1949, 33 (app. crit. 11b1–8).

отчасти следует только в седьмой главе о соотношенном; третья глава плохо связана с окружающим ее текстом лингвистически и тематически; четвертая глава начинается без частицы; связь между *Antepaedicamenta* и *Praedicamenta* непонятна. Но самое главное, из текста не делается ясным, какова же основная тема трактата. Отсутствие у трактата этой определенности вызвало к жизни нескончаемые дебаты относительно того, чему же, собственно, он посвящен: высказываниям и их составляющим или соотносимым с ними объектам и их родам. В главах 5–9 речь идет, несомненно, о родах объектов, но, учитывая фрагментарность текста, легко представить, что после обсуждения объектов исследование могло бы перейти на соответствующие выражения и высказывания, составленные из них.

2. Интерпретация текста

Со времени Андроника Родосского, издателя корпуса, большинство исследователей стремилось отделить от трактата не поддающуюся единой интерпретации вторую часть, ссылаясь на то, что она не имеет отношения к учению о категориях¹⁸. Другие исследователи противодействовали возражениям, пытаясь выявить связь между этим учением и второй частью трактата. Но вот что важно: трудности интерпретации, с которыми сталкивалась комментаторская традиция, возникали исключительно из-за убеждения, что наш трактат посвящен категориям. Однако эта точка зрения нигде не подтверждается в дошедшей до нас традиции, если не принимать во внимание заглавие трактата. Даже если рассматривать только первую часть текста, здесь тоже мало что свидетельствует о том, что основной предмет рассуждения — категории. Само слово *κατηγορία* появляется только однажды в тексте, ближе к концу первой части (10b19), в косвенном падеже; в тексте не имеется никаких синонимов, заменяющих его. Далее, важно учесть, что в трактате не идет речь о категориях в специальном аристотелевском смысле этого слова. Нужно различать между тремя значениями слова *κατηγορία*: во-первых, в специальном аристотелевском смысле (ср. *Top.* 1, 9, 103b20–24), что значит «виды предикцирования или виды высказывания»; во-вторых, в значении «роды существующего»; и, в-третьих, в значении «виды высказывания» о существующем. *Praedicamenta* исследует роды существующего, а не категории-высказывания. Несмотря на это, имеется тесная связь между *Cat.* 4 и *Top.* 1, 9; и возможно, что автор нашего фрагментированного незавершенного текста после обсуждения «родов суще-

¹⁸ *Simpl.* In *Cat.* 379, 9.

ствующего» собирался исследовать соответствующие им высказывания. В нашем тексте на «категории» в специальном аристотелевском смысле имеется только намек в начале главы 4. Характерно, что античные комментаторы при объяснении названия трактата «Категории» никогда не ссылаются на специальное употребление Аристотелем этого термина, но произвольно прибегают к более или менее подходящему по контексту значению¹⁹.

Название трактата дебатировалось со времен Андроника²⁰. Помимо заглавия «Κατηγορία», мы находим у комментаторов «Δέκα κατηγορία»²¹ или «Κατηγορία δέκα»²², «Περὶ τῶν δέκα γενῶν»²³, «Περὶ τῶν δέκα γενῶν τοῦ ὄντος»²⁴, «Περὶ τῶν γενῶν τοῦ ὄντος»²⁵ и «Πρὸ τῶν τόπων» или «Πρὸ τῶν τοικῶν»²⁶. Никто из комментаторов не пишет, что то или иное название аристотелевское, значит, уже в античности не было причин полагать, что Аристотель назвал свой трактат «Категории». Дискуссия о том, какое же название правильное, всегда велась с точки зрения соответствия названия содержанию трактата. Приводимые комментаторами названия распадаются на три группы, соответствующие трем интерпретациям текста. Названия «О родах существующего» не нашли приверженцев; хотя именно в этом случае текст нужно было бы интерпретировать как трактующий об объектах, а не о высказываниях.

Все известные нам мнения разделились между двумя группами: «Κατηγορία» и «Πρὸ τῶν τόπων (τοικῶν)». В XIX в. существовало предположение²⁷, что «Категории» — это соответствующее аристотелевской мысли название, которое, после того как к Praedicamenta были присоединены Postpraedicamenta, стало казаться слишком узким и по этой причине иногда заменялось на «Πρὸ τῶν τόπων». Но мы видим, что название «Категории», по сути, не соответствует содержанию даже первой части трактата, и, таким образом, есть основание предположить, что, скорее, «Πρὸ τῶν τόπων» было в употреблении до распространения названия «Категории».

¹⁹ Например, *Porph.* In Cat. 56, 8; *Simpl.* In Cat. 17, 10–26.

²⁰ Например, *Porph.* In Cat. 56, 14. Дюринг пишет (Düring 1966, 54), что Аристотель в своих сочинениях многократно упоминает *σχήματα τῆς κατηγορίας*, однако это выражение нельзя понимать однозначно как ссылку на наш трактат. Bodéüs 2001, XXIV–XLI. Последний издатель трактата изменил традиционное название «Κατηγορία» на «Πρὸ τῶν τόπων».

²¹ *Porph.* In Cat. 56, 15.

²² *Simpl.* In Cat. 15, 29.

²³ *Porph.* In Cat. 56, 19; *Simpl.* In Cat. 15, 29.

²⁴ *Porph.* In Cat. 57, 14.

²⁵ *Porph.* In Cat. 56, 18; *Simpl.* In Cat. 15, 28.

²⁶ *Porph.* In Cat. 56, 18.

²⁷ Waitz 1844, 265; Zeller 1921, 67, Anm. 1.

Андроник — первый ученый, о котором мы знаем, что он предпочел название «Категории». Это название имеют все поздние списки сочинений Аристотеля. В двух сохранившихся греческих каталогах название «Категории» интерполировано²⁸. По-видимому, комментаторы стали предпочитать это название приблизительно с конца второго века нашей эры под влиянием Александра Афродисийского и Порфирия. Эти авторы пользуются названием «Категории», и мы находим его во всей последующей традиции. Дело в том, что название «Категории» обосновывает складывающуюся как раз во время Андроника каноническую последовательность логических книг Аристотеля. Современный порядок книг «Органа» соответствует представлению, будто в трактате «Категории» идет речь о терминах высказывания, являющихся строительными кирпичиками для предложений, о которых говорится в *De interpretatione*, а предложения, в свою очередь, должны являться материалом для силлогистических и диалектических выводов, обсуждаемых в «Аналитиках», «Тописке» и «Софистических опровержениях». Название «Πρὸ τῶν τόλων (τολκῶν)», то есть «Перед Топиской», противоречило складывавшемуся канону, оно предполагает, что трактат должен непосредственно предшествовать «Тописке».

Хотя название «Πρὸ τῶν τόλων» плохо согласуется с принятой в поздней античности трактовкой «Категорий», оно поразительно хорошо засвидетельствовано. «Πρὸ τῶν τόλων» упоминается у Порфирия²⁹, Аммония³⁰, Симпликия³¹, Боэция³², Олимпиодора³³, Элия³⁴ и в двух рукописях трактата³⁵. Даже во II в. н. э. были два ученых, которые предпочитали название «Πρὸ τῶν τόλων» — это Адраст³⁶ и Гермин³⁷, завоевавшие репутацию исследователей текста трактата. Есть еще одно свидетельство, указывающее, что название «Πρὸ τῶν τόλων» было общепринятым в эллинистическое время, а значит, Адраст и Гермин защищали традиционное название. Оба имеющих у нас греческих каталога сочинений Аристотеля, помимо инкорпорированного в них «Κατηγορίαι», приводят название «Τὰ πρὸ τῶν

²⁸ В списках сочинений Аристотеля у Диогена Лаэртского и в *Vita Hesychii* или *Menagiana* (Moraux 1951, 131, 187, 204; Düring 1957, 50, 90).

²⁹ *Porph.* In Cat. 56, 14.

³⁰ *Ammon.* In Cat. 14, 18.

³¹ *Simpl.* In Cat. 15, 28 и 379, 8.

³² *Boeth.* In Cat. 162 C и 263 B.

³³ *Olymp.* Prol. 22, 34

³⁴ *Elias* In Cat. 132, 26 и 241, 30.

³⁵ См. Frede 1983, 14.

³⁶ *Simpl.* In Cat. 16, 1 и 18, 16.

³⁷ *Elias* In Cat. 241, 30.

τόλων α'». Идентификация этого трактата дискутировалась³⁸, но теперь ясно, что ничто не мешает соотнести название в каталоге с названием нашего трактата³⁹. Таким образом, «Πρὸ τῶν τόλων» или «Τὰ πρὸ τῶν τόλων» было преобладающим в эпоху эллинизма названием трактата «Категории». Интересно отметить, что каталог сочинений Теофраста также приводит название «Τὰ πρὸ τῶν τόλων»⁴⁰. Учитывая свидетельство, что все ученики Аристотеля писали трактаты о категориях⁴¹, это тоже является косвенным свидетельством распространённости названия в более раннее время.

Защитники названия «Πρὸ τῶν τόλων» прежде всего основывались на тесной связи содержания трактата и «Топики». При чтении «Топики» Δ, 8–9 чувствуется, что для лучшего понимания прочитанного необходимо предварительное обсуждение предикабиллий и категорий. Главы 4–9 лучше всех имеющихся у нас текстов Аристотеля подходят в качестве такого введения. Остальные главы трактата тоже могут быть полезны для понимания «Топики»: различение между омонимами, синонимами, паронимами (гл. 1), учение о противоположностях (гл. 10–11), исследование предшествования и одновременности (гл. 12–13). Таким образом, наш текст действительно возможно рассматривать как введение к «Топике»⁴². Помимо разнородности содержания, к отказу от традиционного названия могло, по мысли Фреде, привести соображение, что теория предикабиллий и категорий в качестве введения требовалась не только для диалектики, но для логики в целом, и связь с «Топикой» должна была казаться слишком частной⁴³. А наш трактат, если не рассматривать предмет слишком строго, мог обеспечить недостающую теорию категорий. Стремление создать корпус аристотелевских логических сочинений, который должен был служить компендиумом перипатетической логики, по-видимому, стабилизировало такое понимание трактата и его новое название⁴⁴.

Итак, «Категории» — это не аристотелевское название, а результат последующей истории интерпретации «Органона» и более позд-

³⁸ Moraux 1951, 58; During 1957, 44–45; Frede 1983, 15 Anm. 59.

³⁹ Heitz 1865, 239.

⁴⁰ *Diogenes Laertius* 5, 2, 50.

⁴¹ *Ammon*. In *Porph. Isag.* 26, 13; *Olymp. Prol.* 24, 12; *Philop.* In *Cat.* 7, 20–21.

⁴² Еще И. Беккер в 1843 году хотел издать «Категории» и «Топику» вместе (см. Frede 1983, 16; Bodéüs 2001, LXIV–LXXX).

⁴³ Frede 1983, 17. *Simpl.* In *Cat.* 15, 31 и 16, 14.

⁴⁴ То, что такое толкование трактата было насилием над текстом, не ускользнуло от внимания даже защищавших новую концепцию «Категорий». Неудивительно, что Андроник пытался избежать хотя бы некоторых трудностей, предположив, что вторая часть первоначально не принадлежала к трактату.

ней концепции перипатетической логики. Толкование трактата в качестве широко понимаемого учения о категориях, являющегося введением к последующим книгам «Органона», сделалось преобладающим только вместе с современным порядком книг «Органона». Эта позднее толкование предвосхищает наше суждение о второй части трактата: с позиций позднеантичного учения о категориях трудно избежать точки зрения на *Postpraedicamenta* как на навязанный довесок, изначально тексту не принадлежащий⁴⁵.

Между тем, текст обеих частей трактата обладает единством — и лингвистическим, и даже содержательным. Лингвистическое сходство обеих частей было отмечено уже очень давно⁴⁶, хотя не в таком объеме⁴⁷.

Прежде всего бросается в глаза соответствие между 10a25–26 и 15b30–32: ἴσως μὲν οὖν καὶ ἄλλος ἂν τις φανεῖν τρόπος ποιότητος, ἀλλ' οἷ γε μάλιστα λεγόμενοι σχεδὸν τοσοῦτοί εἰσιν — ἴσως δ' ἂν καὶ ἄλλοι τινὲς φανεῖσαν τοῦ ἔχειν τρόποι, οἱ δὲ εἰωθότες λέγεσθαι σχεδὸν ἅπαντες κατηρίθμηνται. Употребление τρόπος вместе с λέγεσθαι мы находим, главным образом, в «Топике».

Выражения κατὰ μηδεμίαν συμπλοκὴν λέγεσθαι, κατὰ συμπλοκὴν λέγεσθαι, ἄνευ συμπλοκῆς λέγεσθαι встречаются только в обеих частях «Категорий» (1a16–18, 1b25, 2b8; 13b10–13). Упоминание «связи слов» (συμπλοκή) связано с содержанием первой части, и едва ли может быть совпадением, что во второй части мы также видим как κατὰ μηδεμίαν συμπλοκὴν, так и ἄνευ συμπλοκῆς.

За исключением нескольких мест в «Топике» (например, 127b1–4), как кажется, в корпусе больше нет столь отчетливого употребления предлога ἐν в том же самом смысле, в котором он употребляется в главах 2, 5 «Категорий», но точно такое же употребление мы находим во второй части в главе 11 (14a16–18).

Вторая часть следует первой в характеристике «соотносимого»: ἢ ὁλοσούν ἄλλως πρὸς αὐτό (6a37, 6b7, 7a13, 10a28, 10b11, 11b25). Такая характеристика больше нигде в корпусе не имеется.

В обеих частях употребляется выражение ἐπίδοσιν λαμβάνειν (10b28, 13a25, 13a27, 13a28, 13a29). Согласно индексу Боница, это выражение, кроме указанных мест, употребляется еще только в «То-пике» (146a8, 183b21).

В обеих частях употребляется ἀλοκαθίστημι (9b25, 9b28, 13a30). Согласно индексу Боница, в подлинной части корпуса это слово встречается еще только в «Метафизике» Δ, 8 (1014a3). Это стоит

⁴⁵ Frede 1983, 18.

⁴⁶ Gercke 1891, 438.

⁴⁷ Frede 1983, 20–21.

особенно отметить в связи с соображениями о единстве содержания трактата, о чем пойдет речь дальше.

Имеется некоторое количество выражений, которые, хотя и встречаются в других местах в корпусе, в обеих частях трактата обращают на себя внимание очень частым употреблением, например: ἀλοδιδόναι, τρότος.

И, наконец, нужно отметить сходство между 4b8–10 и 14b21–22: τῷ γὰρ τὸ πρᾶγμα εἶναι ἢ μὴ εἶναι, τοῦτο καὶ ὁ λόγος ἀληθὴς ἢ ψευδὴς εἶναι λέγεται — τῷ γὰρ εἶναι τὸ πρᾶγμα ἢ μὴ ἀληθὴς ὁ λόγος ἢ ψευδὴς λέγεται.

Гораздо сложнее оказалось увидеть содержательное единство обеих частей трактата⁴⁸. За исключением первых четырех глав, все остальные имеют две общие особенности: во-первых, во всех главах, за исключением главы о движении, исследуются понятия, которые исследуются в «Метафизике» Δ (при этом особенно стоит отметить, что в обоих трактатах имеется глава о понятии «обладания», а именно эта глава причиняла особые трудности в выстраивании единой интерпретации «Категорий»), а во-вторых, все главы «Метафизики» Δ и все главы «Категорий» исследуют *πολλὰ ἄλλωσ* *λεγόμενα* (то, о чем говорится в нескольких значениях). В самом деле, в главе 5 идет речь о необходимости различать «первые» и «вторые сущности»; в главе 6 говорится о «количестве» в собственном смысле и привходящим образом (5a38–39); в главе 7 говорится о «соотнесенном» в двух разных значениях; глава 8 начинается так: «качество» имеет много значений (8b26); глава 9 представляет собой исключение, но, учитывая ее фрагментарный характер, это не так уж существенно; главы 10–11 начинаются предложением: «о противоположащих вещах говорится четвероюко» (11b17); глава 12 начинается так: «о том, что одно предшествует другому, говорится в четырех смыслах»; в 13-й главе исследуется «существующее вместе» в прямом смысле и по природе; в главе 14 объясняются шесть видов движения; в главе 15 речь идет об «обладании» во многих значениях.

Уже Брандис предположил, что во второй части трактата речь идет о важных для философского исследования синонимах⁴⁹. По-видимому, это предположение нужно расширить на весь трактат. Насколько мы можем судить по главам 2–4, отличия нашего трактата по сравнению с текстом «Метафизики» Δ состоят в том, что здесь автор стремился соотнести обсуждаемые понятия друг с дру-

⁴⁸ Frede 1983, 21–22; Bodéüs 2001, XLI–LXIV.

⁴⁹ Brandis 1853, 408.

гом и привести их в систему; каким образом это удалось бы ему сделать со второй частью трактата, по имеющимся у нас главам судить невозможно. А первую главу об омонимах, синонимах и паронимах, в таком случае, следует рассматривать как общее введение к трактату.

Решающим фактором, чтобы приписать трактат Аристотелю, является лингвистическая и содержательная близость его к тексту «Топики» и «Метафизики» Δ ⁵⁰. К тому же иначе было бы очень трудно объяснить, почему же всё-таки трактат сохранился, учитывая его фрагментированное и незаконченное состояние.

В заключение своей статьи Фреде анализирует учение о сущности, представленное в трактате, и намечает линию общего развития платоновско-аристотелевской онтологии. Противоречие между учением о сущности «Категорий» и зрелым аристотелевским учением было замечено уже в античности⁵¹, это противоречие также способствовало сомнениям в принадлежности трактата Аристотелю. В XX в. об этом писали Э. Дюпреель⁵² и С. Мансьон⁵³. В «Категориях» проводится различие между «первыми сущностями» — индивидуальными объектами и «вторыми сущностями» — видами и родами; при этом виды и роды — это тоже объекты, их реальность не уменьшается из-за онтологической зависимости от «первых сущностей». А в центральных книгах «Метафизики» виды и роды исключены из онтологии, они не могут быть «сущностью» (Z, 13). У индивидуальных объектов сущностный статус в «Метафизике» сохраняется, но он теперь вторичен, он доставляется объектам посредством формы, которая становится «первой сущностью»⁵⁴. Это противоречие не означает, что нужно подвергать сомнению подлинность какого-либо из трактатов. В данном случае возможно развитие от раннего учения к зрелому, и оно хорошо согласуется с общим философским развитием аристотелевских идей. К ранней онтологии Аристотеля, зафиксированной в «Категориях», можно отыскать параллели в «Тописке». Хотя в «Тописке» не идет речь непосредственно о «первых» и «вторых сущностях», но в ней тоже рассматриваются и индивидуальные объекты, и виды и роды в качестве «сущностей» («Тописка» 1, 9), а в «Софистических опровержениях» (178b38) Аристотель отказывает-

⁵⁰ Также см.: Husik 1939, 427–431; Bodéüs 2001, XC–CX.

⁵¹ Например, *Olymp. Prolog.* 23, 28.

⁵² Dupréel 1909.

⁵³ Mansion 1949.

⁵⁴ Стоит отметить, что в «Метафизике» Z, 1, 3 сохраняется идея «Категорий» о том, что «сущность» есть то, что является «подлежащим» (ὑποκείμενον «субстратом» в рус. переводе) для всего остального, то есть тем, о чем все остальное может быть «высказано».

ся приписать видам и родам одинаковый с индивидуальными объектами онтологический статус.

Развитие аристотелевского учения о сущности, с точки зрения Фреде, хорошо согласуется и с более общей перспективой развития этого учения. Виды и роды «Категорий», реальное существование которых Аристотель упраздняет в «Метафизике», онтологически не отличаются от видов и родов, которые занимают столь заметное место в поздних платоновских диалогах: в «Софисте», «Политике» и «Филебе». В обоих случаях род состоит из видов и из индивидуальных объектов, на которые подразделяются виды. Платон говорит только несколько иным языком, когда рассуждает, например, в «Филебе», что «одно» может быть «многим» и даже «бесконечно многим», так как это «одно» может быть подразделено на виды и индивидуальные элементы, которые охватываются им (Phlb. 16c9-e2). Ту же самую концепцию мы находим во второй части «Парменида», где различные числа рассматриваются как части числа (Ptm. 144a7-9).

Конечно, существует большая разница между родами поздних платоновских диалогов и родами «Категорий». В то время как Платон рассматривает роды как онтологически первенствующие по отношению к их видам и индивидуальным элементам, Аристотель переворачивает эти отношения: индивидуальные объекты онтологически первенствуют видам, а виды родам. Этой перестановкой онтологической ценности в пользу индивидуального в ущерб общему Аристотель делает шаг в сторону учения «Метафизики»⁵⁵. Таким образом, несовместимость двух аристотелевских учений о сущности не вынуждает нас ни отвергнуть «Категории» как неаутентичные, ни вместе с традицией искать способы сглаживания расхождений между учениями «Категорий» и «Метафизики». Напротив, следует позаботиться о том, чтобы не проецировать роды и виды «Категорий» в онтологию «Метафизики». Мы можем атрибутировать весь трактат целиком Аристотелю и при интерпретации его должны осознавать его тесную связь с «Тошкой», учитывая его перипатетическое эллинистическое название «Перед Тошкой».

Литература

Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под ред. З.Н. Микеладзе. М., 1978.

Парфенова Е.П. «Категории» // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 529-531.

⁵⁵ Frede 1983, 29.

- Bodéüs R.* (ed.). *Aristote [Catégories]*. Paris, 2001.
- Bocheński J.M.* *Ancient Formal Logic*. Amsterdam, 1951.
- Bonitz H.* Über die Kategorien des Aristoteles // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Bd. 10. Wien, 1853. S. 591–645.
- Brandis Ch.A.* Über die Reihenfolge der Bücher des Aristotelischen Organons und ihre Griechischen Ausleger, nebst Beiträgen zur Geschichte des Textes jener Bücher des Aristoteles und ihrer Ausgaben // Abhandlungen der Königlich Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Hist.-phil. Klasse. Aus dem Jahre 1833. Berlin, 1835. S. 249–299.
- Brandis Ch.A.* *Handbuch der Geschichte der Griechisch-Römischen Philosophie*. Bd. 2. T. 2. Ht. 2. Berlin, 1853.
- Colli G.* (ed.). *Aristotele. Organon, introduzione, traduzione e note di G. Colli*. Turin, 1955.
- Cook Wilson J.* *Aristotelian Studies I, 4* // Göttingische Gelehrte Anzeigen. Göttingen, 1880. S. 465–469.
- Dupréel E.* *Aristote et le Traité des Catégories* // Archiv für Geschichte der Philosophie. Bd. 22. Berlin, 1909. P. 230–251.
- Düring I.* *Aristotle in the Ancient Biographical Tradition*. Göteborg, 1957.
- Düring I.* *Aristoteles. Darstellung und Interpretation seines Denkens*. Heidelberg, 1966.
- Frede M.* Titel, Einheit und Echtheit der aristotelischen Kategorienschrift // Zweifelhafte im Corpus Aristotelicum: Studien zu einigen Dubia. Akten des 9. Symposium Aristotelicum, Berlin, 7. — 16. September 1981. 1981. S. 1–29.
- Gercke A.* Ursprung der aristotelischen Kategorien // Archiv für Geschichte der Philosophie. Bd. 4. Berlin, 1891. S. 424–441.
- Heitz E.* *Die verlorenen Schriften des Aristoteles*. Leipzig, 1865.
- Husik I., Ross W.D.* The Authenticity of Aristotle's Categories // The Journal of Philosophy. Vol. 36. 1939. P. 427–433.
- Jaeger W.* *Aristoteles: Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*. Berlin, 1923.
- Maier H.* *Die Syllogistik des Aristoteles*. Bd. 2. Ht. 2. Tübingen, 1900.
- Mansion S.* La doctrine aristotélicienne de la substance et le Traité des Catégories // Proceedings of the 10th International Congress of Philosophy. V. 2. Amsterdam, 1949. P. 1097–1100.
- Minio-Paluello L.* (ed.). *Aristotelis Categoriae et liber De interpretatione*. Oxonii, 1949.
- Prantl C.* *Geschichte der Logik im Abendlande*. Bd. 1. Leipzig, 1855.
- Rose V.* *De Aristotelis librorum ordine et auctoritate*. Berolini, 1854.
- Ross W.D.* *Aristotle*. London, 1923.
- Waitz Th.* (Hg.). *Aristotelis Organon graece*. P. 1. Leipzig, 1844.
- Zeller E.* *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt*. Bd. 2. Ht. 2. Leipzig, 1921.

А.В. Белоусов

«ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА» И «ЗАКЛЯТИЯ»: К ПРОБЛЕМЕ «МАТЕРИИ» И «ФОРМЫ»

Существует одна серьезная проблема, а именно, чем отличается, по сути, «частное письмо» на свинце или керамике от «зажлятия» на том же материальном носителе? В последние годы разгоралось несколько жарких споров о том, считать ли конкретный документ на свинце «письмом» или считать его «зажлятием». К некоторым таким спорам я обращаюсь ближе к концу моего сообщения. Разумеется, я буду в основном говорить об эпиграфических зажлятиях и письмах и почти не буду касаться папирусного или лапидарного материала. Словом «материя» я буду называть конкретный материал, на котором написан тот или иной эпиграфический документ, а под «формой» я имею в виду не только внешнюю форму таких документов, но также внутреннюю, синтаксическую и стилистическую структуру текста.

Итак, понятно, что и частные письма, и зажлятия, о которых я буду говорить, объединяет то, что они бывают или на свинцовой табличке, или на керамическом фрагменте. В этом отношении, с внешней стороны, если не обращать внимания на сам текст, они неразличимы. Как письма, так и зажлятия на свинце сворачиваются или складываются. Единственное, что и может отличать здесь зажлятие от письма, это то, что свинцовая табличка с зажлятием часто также пробивается гвоздем. Эта особенность магического ритуала отразилась даже на одном зажлятии в словах *καταδέω ἦλοις* (DTA, p. iii). Поэтому многие зажлятия могут иметь на себе отверстия от протыкания их гвоздем или обнаруживаются в ходе археологических раскопок в виде свитка, намотанного вокруг гвоздя. Что касается внешней формы писем и зажлятий, то, как правило, частные письма на свинце имеют более или менее прямоугольную форму, а те, что выполнены на керамике, стремятся, по крайней мере, на уровне оформления самого текста, к прямоугольной форме¹.

---

¹ См. Dana 2020, figs. 204–206. Я благодарю профессора Лионского университета Мадалину Дана за любезное разрешение пользоваться ее корпусом частных писем еще до его публикации.

Ценными наблюдениями о материи и форме аттических заклятий мы обязаны Хайме Курбера (Curbera 2015), который, рассматривая вопрос о том, изначально ли свинец² был основным материалом для *defixiones*, отмечает, что впервые практика употребления свинца (ставшего в определенный момент распространенным писчим материалом для разных нужд, в том числе для частной переписки³) для изготовления заклятий появилась на Сицилии (вероятно, в Селинунте), а оттуда распространилась сперва на Атику с ее богатыми Лаврийскими серебряными рудниками в 60 км на юго-запад от Афин, а потом и на остальной греческий мир⁴. Так же как формуляр афинских государственных документов повлиял на протокол государственных актов других регионов, можно предполагать, что и аттические заклятия влияли на ойкумену как материально, так и содержательно⁵. Интересно в этой связи, что группа заклятий из

² Ср., что писал в начале XX в. о «хтонических» свойствах свинца Е.Г. Кагаров: «Помимо удобных физических свойств этого металла: прочности и, вместе с тем, мягкости (вследствие чего свинцовые пластинки легко было покрывать письменами и складывать вдвое или свертывать), здесь могли играть роль, как предполагают новейшие исследователи, и соображения иного характера. Суверенному человеку свинец представлялся мрачным, зловещим металлом, находящимся в близких отношениях к царству мертвых. Тяжелый, холодный, немой, синевато-серого цвета, тусклый, словно покрытый мертвенною бледностью, он невольно внушал суверенным людям страх. Он считался священным металлом Сатурна, божества зловещей планеты. Недаром этот металл играл видную роль в чародействе и религии: его употребление рекомендуется магическими папирусами; любопытно, что в колеснице волшебницы Медеи ось сделана была из свинца (*Dracont.* X.561). Оракулы часто записывались на свинцовых дощечках; в некоторых местностях России и Европы на Святках лют олово или свинец в воду и по получающимся фигурам гадают о судьбе» (Кагаров 1918, 12–13). Почти то же самое он повторяет и в немецком издании своей монографии: «Das Blei erschien dem abergläubigen Menschen als düsteres, unglückverheissendes Metall, das in naher Beziehung zum Totenreiche steht. Schwer, kalt, stumm, von blaugrauer, trüber Farbe, wie mit Totenblässe bedeckt, erweckte es unwillkürlich den Schrecken des Abergläubischen. Es galt als das heilige Metall des Saturn, der Gottheit des unglückverheissenden Planeten. Daher spielte dieses Metall eine hervorragende Rolle in Zauberei und Religion; seine Benutzung wird in den Zauberpapyri empfohlen; auch ist es interessant, dass die Achse am Wagen der Zauberin Medea ebenfalls aus Blei war (*Dracont.* X.561). Die Orakel wurden oft auf Bleitafeln geschrieben; in einigen Gegenden Russlands und Europas wird in der Christwoche geschmolzenes Blei oder Zinn ins Wasser gegossen und aus den erhaltenen Figuren das Schicksal geweissagt» (Kagarow 1929). См. также: Gager 1992, 3–4; Baratta 2012.

³ Рудольф Мюнстерберг еще в начале XX в. высказывал мнение, что первоначально свинец использовался в бытовой письменной практике, а потом уже стал частью магического ритуала: Münsterberg 1904, 142; *DTA*, praef., p. iii. См. также о свинце как материале для частных писем: Dana 2015 (*EP* 2015: 39)

⁴ Ср.: Eidinow 2007, 141.

⁵ Это предположение хорошо объясняет тот факт, что в понтийской Ольвии за-

коллекции Вюнша (*DTA*, pp. vii–ix), происходящая из Танагры, Мегары и Мелоса, по данным изотопного анализа была изготовлена из свинца Лаврийских рудников, принесенного в эти города, вероятно, странствующими аттическими магами (p. 98). Далее Х. Курбера обращается к разнообразию внешних форм заκлятий⁶. Он отмечает прямоугольные формы, напоминающие письма и документы (*DTA* 30, 94, 96, 97, 110 и др.), формы, напоминающие этикетки (*DTA* 1, 2, 18, 27). Некоторые заκлятия имеют формы вытянутых лент, и Курбера предполагает, что таким образом они уподобляются узам — δεσμοί или κατὰδεσμοί, — делаая заκлятия прямо «говорящими объектами» (*DTA* 72, 73, 84, 86, 87). Другая часто встречающаяся форма — овальная, которая может символически представлять собой язык противников (*DTA* 74, 75, 77, 89, 116, 117 и др.). Особенный случай — форма *DTA* 79, которая представляет собой как бы плоскую «куклу вуду»⁷. Иногда для изготовлений заκлятий использовались части свинцовых труб или других предметов (например, *DTA* 156). 72 заκлятия из 200, находящихся в коллекции Р. Вюнша, были пробиты гвоздями — одним, двумя или большим количеством (p. 103, fig. 6), в составе коллекции представлено некоторое количество этих гвоздей. Важным элементом греческой концепции заκлятия было его запечатывание. В заκлятии IV в. до н. э. из Пеллы даже прямо указано, что раскрытие заκлятия останавливает его магическое действие⁸. Самый простой способ запечатать заκлятие — это сложить пластинку (81 из коллекции), сложенную пластинку можно также пробить гвоздем (20), хотя и не все пластинки, что пробиты гвоздем, были сложены (13). Некоторые заκлятия свернуты в рулон (7). К за-

---

κлятия на свинце появляются только к концу V в. до н. э., а подавляющее их большинство принадлежит уже IV в. до н. э. До этого времени нам известны заκлятия только на керамике, в то время как письма на свинце известны в Ольвии уже с позднеархаического периода. Кроме того, основной тип формулы ольвийских заκлятий (имена в номинативе) вполне себе можно соотносить с множеством аттических заκлятий с точно таким же формуляром. См. общий очерк: Belousov 2016. К сожалению, до сих пор многие специалисты считают, (возможно, под бессознательным влиянием Д.Р. Джордана (Jordan 1985: 151)), что заκлятия бывают только на свинце. См. подробный очерк заκлятий на керамике, происходящих из Северного Причерноморья: Тохтасьев 2002, 74–83.

⁶ Между прочим, Курбера по ходу изложения отмечает, что слово *μολυβδοκότος*, встретившееся на ныне утерянном заκлятии *DTA* 100, скорее всего, обозначает не того, кто пишет на свинце, как предполагал Вюнш (и вслед за ним *LSJ* дает именно такое значение), основываясь на параллельном композите *λιθοκότος* («каменерез»), а того, кто выравнивает свинцовую пластинку ударами молотка (p. 101).

⁷ Единственная параллель: Robert 1936, 17–18 (Pl. viii (13)) = *SGDI* 64 = *SEG* 35: 978.

⁸ Voutiras 1998.

печатыванию заклатья, его закрытию, относится, вероятно, также и традиция помещать его в особый свинцовый коробок⁹. Таково, например, заклятие *SEG* 58: 265 из Афин, изданное Х. Курберой и Д.Р. Джорданом в 2008¹⁰. Некоторые заклятия использовались вторично. Такой случай, например, представляет собой известное заклятие V в. до н. э. с Эгины, которое было выкопано, избавлено от гвоздя, на пластинке был записан новый текст, гвоздь был положен внутрь, а пластинку сложили¹¹. В аттических заклятиях Вюнша мы также находим этому примеры, на табличках можно обнаружить следы предыдущего текста, или предшествующий текст удален: *DTA* 8, 12, 16, 23, 67, 84, 90, 125, 138. Курбера отмечает также случаи, когда на одной и той же пластинке могут быть несколько разных текстов, например, *DTA* 95 и 102¹². Ряд находок — стиль для письма, группа пластинок без текста, а также таблички со стертым текстом (все эти находки были сделаны в каком-то одном месте) — приводят автора статьи к предположению, что они происходят либо из мастерской специалиста-мага, либо из тайника, где тот хранил свой рабочий инвентарь. Далее, Х. Курбера обращается к письму на заклятиях и отмечает, что некоторые из них были сделаны одной и той же рукой (*DTA* 33 и 34; 89 и 90; 106 и 107; 60–62). Он отмечает, что дукт в общих чертах сходен с тем, что можно видеть на афинских лапидарных памятниках IV в. до н. э., хотя иногда встречаются и курсивные формы, характерные для письма на папирусе. В ряде текстов можно встретить знаки interpunkции (*DTA* 80, 87, 89, 103 и др.). Некоторые тексты отличаются изящным письмом (*DTA* 31), а в других присутствует руководящая разлиновка (*DTA* 37). На некоторых пластинках можно различить неглубоко нанесенный текст, поверх которого четко процарапан он же, что приводит Курберу к мысли, что здесь мы имеем дело с драфт-версиями, на которые сверху наложен уже «чистовик» (*DTA* 30, 74).

Эти наблюдения Хайме Курбера над аттическими заклятиями вполне приложимы к заклятиям со всего эллинского мира V–IV вв. до н. э., а наблюдения над особенностями письма заклятий вполне соответствуют тому, что мы видим на частных письмах. Нужно, правда, заметить, что некоторые заклятия написаны сознательно ретроградным письмом слева направо или спиралью, а в некоторых *defixiones* буквы стоят настолько в произвольном порядке, что

⁹ Пять свинцовых афинских «кукол вуду» были помещены в свинцовый контейнер, который обычно интерпретируют как репрезентацию гроба (р. 107).

¹⁰ Jordan, Curbera 2008. См. также об этой практике: Németh 2013, 79–83.

¹¹ Papachristodoulou 2007–2009 и *IG* IV 2² 1012 (*SEG* 57: 313).

¹² См. также: Papakonstantinou 2013.

текст едва поддается расшифровке или не поддается ей совсем. Такого рода сложные для понимания заклятия мы оставим в стороне, а обратимся к тем, которые имеют такие текстовые элементы, роднящие их с формуляром частных писем.

Так, в первую очередь следует отметить два аттических заклятия, в которых само заклятие называется ἐπιστολή¹³:

ἐπιστο(σ)λήν | λέμλων | [δ]αίμο(σιν) (ΑΙΜΟΝΙΣ *tabella*) | καὶ
Φρεσσεφόν(η)ς | κοίμας | Τιβτιδα | τὴν Χοιρίνης | τὴν ἐμ(ἐ) ἀδικῶσαν
κτλ. (DTA 102, Афины, II–I до н. э., свинец);

Ἐρμ[ῆ] καὶ Φερσεφ[ό]ν[η] τήνδε ἐπιστο[λ]ήν ἀλοπέμ[λω] (DTA 103;
Curbera, Papakonstantinou 2018, № 4, Афины, IV до н. э., свинец).¹⁴

На некоторых заклятиях присутствует со стороны *Tergo* адрес: так на трех заклятиях (два аттических, одно из Эвбеи) присутствует «адрес» с именами хтонических богов, например, Ἐρμῆς χθόνιος καὶ Ἐκάτη χθόνια (DTA 107, Афины, IV в. до н. э.). Кроме того, существует одно неизданное *defixio* с территории Анхиала, которое сделано в форме письма и имеет «адрес» на внешней стороне (эллинистическая эпоха, свинец).

Эти факты, естественно, привлекали в прежнее время внимание исследователей. Так Гейджер (Gager 1992, 201) отмечал, что эпистолярная форма общения с духами и божествами является довольно распространенным явлением в магии. Он привлекает здесь для объяснения греческой практики интересные египетские параллели, а также историю с Беллерофонтом и письмом (*Hom. Π.* 6.168–17), однако наличие прямого египетского влияния на формуляр греческих заклятий этой эпохи выглядит неубедительным. Паола Чеккарелли (Ceccarelli 2013, 48) разумно замечает по этому поводу, что проникновение эпистолярных элементов в заклятия представляет вполне естественным, поскольку частные письма этого времени также писались преимущественно на свинце¹⁵. Она также утверждает, что несмотря на присутствие на обсуждаемых заклятиях

¹³ Ср. на латинском заклятии: *at Tartara tradas comodo epistularius qui tibi epistulas tradet [—] epistula(s) tradet (...) qui tibi epistulas tradet*. См.: Barta 2017a, 145–160; Barta 2017b (= ad Tartara tradas quomodo epistularius).

¹⁴ DTA 103; Curbera, Papakonstantinou 2018, No 4: A: Ἐρμ[ῆ] καὶ Φερσεφόνι τήνδε ἐπιστολήν ἀλοπέμ[λω] εἶ' ἵπε ταῦτα ἰς ἀνθρώπος ἀναδε[δάκα]τε, αὐτοὺς δίκη τυχεῖν τέλος δίκης: Καλλικράτης Ἀναξικράτους: Εὐδίδακτος, Ὀλυμπιόδωρος — — — — — Θεόφιλος . . . .]όδωρος Ζώλυρος: Πασίφ[ν], Χαρίνος, Καλλένικος Κινεῖαν, [—] Ἀπολ[λ]όδωρος — — — — — μαχος Φιλο[κ]λήης [Δη]μόφιλος — — — — — καὶ σ[ύ]νδικοι καὶ εἶ τις ἄλλος [αὐτοῖς — — — — —] — — — — —]ετος Φρεάριος, [Δη]μοκράτης τὸν περὶ τῆς δίκη[ς] δικα[ζ]όμενον Μνησίμαχος, Ἀντίφίλος; B: Δύσανδρος Δωροθέου, Ἀρχίνοσ Χαρίνοσ Μενεκλέουσ, Νικόβουλοσ.

¹⁵ Ceccarelli 2013, 48: «In other instances, the curse tablet adopted the model of a

адреса с внешней стороны *DTA* 107, текст самого заклѣтия не имеет в себе ничего эпистолярного. Здесь также стоит заметить, что и в письма, и в заклѣтия иногда проникают формулы из официально-го языка лапидарных государственных надписей. Так, например, в письмах имеются следующие примеры:

θεοί : (*Dana* 5, Афины, 425–400),
 θεός: τύχη (*Dana* 46, Мирмекий, ок. 325–300),
 Ὡ Ζήν (*Dana* 59, Латгара, 475–450)
 и [πρός?] τ Διός τ Πατρός(ῶ) (*Dana* 15, Фасос, 500),

а в заклѣтиях:

θεοί: ἀγαθῇ τύχῃ (*SGD* 18 (= *NTDA* 18), Аттика, IV в. до н. э.)
 et [θε]ός: τύχῃ ἀγαθῇ (*DTA* 158, Аттика).

Уже Ричард Гордон (1999, 251) отметил, что мы имеем здесь дело с влиянием языка декретов на заклѣтия¹⁶, а Мадалина Дана относительно примеров из частных писем замечает: «Les quatre lettres présentent des invocations qui s'inspirent naturellement des usages contemporains, copiant les serments et, pour ce qui est des usages épigraphiques, les formules d'invocation du préambule des décrets civiques (e.g. Θεοί et Θεός: Τύχη) ou d'autres documents à caractère légal ou religieux»¹⁷. Кроме того, Эстер Эйдиноу отмечает, что некоторые *verba devovendi* присутствующие на заклѣтиях, такие как τίθημι, δίδωμι, γράφω и καταγράφω и некоторые другие проникли в язык заклѣтий из языка «legal and business transactions» (Eidinow 2007, 145; cf. Eidinow 2019, 371). Таким образом, мы можем предположить, что на язык заклѣтий и его формулы в период с V по III в. до н. э. оказывалось сильное влияние как со стороны формул уже, вероятно, сложившегося эпистолярного стиля, так и определенных формул официального языка гражданской общины, который представлен языком государственных постановлений. Не очень многочисленные факты такого влияния, возможно, стоит объяснять тем, что как вышеуказанные частные письма с декретными преамбулами,

---

private communication, making use of the epistolary format, something that must have appeared almost natural, since letters were also written on lead.

¹⁶ Gordon 1999, 250–251: «Some curses seek also to recruit authority by appealing to the moral high ground, for example a mid-to-late 5th century list from Passo Marinaro at Kamarina in Sicily, which concludes: 'may they all be drained of blood, the black guards'. Rather more do so by drawing upon public and legal language. This is the tacit force performatives we so frequently find in these documents, particularly the words *katagraphô*, *katadô*, *paradidômi* in Greek, *commendo*, *mando*, *demando* in Latin, to say nothing of words of conjuring or adjuring. At least one Attic curse-tablet opens with the formula *Theoi: Agathê Tykhê* regularly used in public inscriptions».

¹⁷ Dana 2020, 443.

так и заклятия, в которых содержатся те же формулы или отмечается, что они суть ἐπιστολαί, были составлены не специалистами в эпистолярном жанре или магии, или, иначе говоря, не очень образованными людьми. Тем не менее, есть и другие факты, которые позволяют предположить, что, строго говоря, формально заклятия вообще нельзя причислять к жанру «письма» или «сообщения».

С самого своего возникновения на Сицилии заклятия на свинце были молитвенным обращением к хтоническим богам. На это, в частности, может указывать заголовок εὐχά на некоторых сицилийских *defixiones* (ex. gr. *TDSG* 17, Гела, V в. до н. э.; *TDSG* 39, Гимера, V в. до н. э.; *NGCT* 51, Кос, IV в. н. э.). Так, вообще большинство заклятий, которые не являются простыми списками имен, имеют прямые обращения к богам, демонам или мертвецам:

TDSG: 17, 27, 29 (?), 33–36, 37 (Κυρεία), 39;

DTA: 83, 88–89, 92–93, 94 (δέσποτα κάτοχε), 98, 99 (δαίμονι χθονίωνι καὶ τῆι χθονίαι καὶ τοῖς χθονίοις πᾶσι πέμπτω δῶρον... (θ)εο(ι) ἐ(πι)τύμβιοι), 100–102, 105, 107, 109;

DT: 18–19, 22–38, 41, 50, 51 (καταχθόνιοι), 79, 81, 122, 155–170, 174, 176, 187, 189–190, 198 (δαίμονες καὶ πνεύματα οἱ ἐν (τῷ) τόπῳ τούτῳ θηλυκῶν καὶ ἀρρενικ[ῶν]), 208, 213, 219–220, 228–230, 233 (excito [t]e demon qui (h)ic conversans trado tibi (h)os equos ut detineas illos et inplice[ntur n]ec movere posse[nt]), 234 (νεκυδαίμων ἄωρε), 235, 237–242, 246–249, 250 (qui es in Egipto magnu[s] demon), 252–253, 271, 286, 290–295, 297, 299;

SGD: 18 (θεοί· ἀγαθῆ τύχη), 21–27, 58, 60 (κυρία Δημήτηρ βασίλισσα), 70, 75, 83, 109, 115 (Κυρεία), 118, 120, 129, 131 (κοῦραι), 139 (κύριοι θεοί), 146–147, 153 (νεκυδαίμων), 162 (νεκυδαίμων), 164 (κύριοι ἄγγελοι), 165 (κύρι(οι) ἅγιοι θεοί), 167 (ἅγιοι ἄγγελοι), Арамеа, pp. 192–193 (κύριοι ἀγιώτατοι χαρακτῆρες), 168 (δαίμονες), 169 (κύριοι θεοί);

NGCT: 14 (Παλαίμων), 26, 52 (δαίμονες οἵτινες ἔσθε καὶ οἵτινες ἐνθάδε κεῖθε), 53 (Ἀβρασαρξ), 59 (δέμονες ἱεροί), 84 (κύριοι ἄγγελοι), 92 (ἄγγελοι), 99 (κύριοι ἀγιώτατοι χαρακτῆρες), 101–103, 109–110, 115 (χθόνιοι);

DTM: 1–6, 10–11, 13, 28.

По сути, *defixiones*, несмотря на разнообразие форм, которых они достигли к римскому времени, остались именно обращениями к хтоническим богам, в которых при этом также чувствуется определенный, так сказать, «юридический» оттенок. Заклятия, на мой взгляд, несмотря на некоторые материальные, а также формальные сходства с письмами и сообщениями, совсем таковыми не являются.

Я согласен с тезисом Мартина Дреера¹⁸ о том, что их нужно рассматривать в контексте специфики греческой религии, растворенной в социуме, подобно кислороду в воздухе, и в согласии с которой боги, даже хтонические, вовсе не являются трансцендентными внемирными существами, а находятся внутри посюсторонней реальности, являются сами частью всеобщего социума и конкретной общины и потому выступают как юридические, имеющие определенную легальную власть, лица. Принимая вышесказанное во внимание, *defigentes*, по существу, пользуются альтернативным правом, «субъективным правом» в терминологии М. Дреера, и, соответственно, обращаются к иным «инстанциям». В данном случае, к хтоническим богам и духам мертвецов. Поэтому я считаю возможным утверждать, что *defixio* — это юридически не письмо, а письменная петиция, которая, вероятно, всегда содержала в себе эпистолярные элементы, как то: *formula valetudinis* (ὁ δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν) и формулу просьбы (δέομαι σου et al.)¹⁹. Ни одно заклятие, насколько мне известно, за исключением одного еще не изданного целиком документа из Аполлонии Понтийской, которое имеет некоторые квази-эпистолярные элементы: Ἀριστοκράτη Δειμωνίῳ χαίρειν (...) ἐπίπεμπρον ἐπὶ Ἥγηνασαν ποιῶνς καὶ ἐρίνυν, καὶ νέμεσις ἐλθεῖν ἐπ' Ἥγηνασαν καὶ ἐπ' Ἀπολλᾶν καὶ Ἀντήνορα καὶ τὰ Ἀπολλᾶντος καὶ Ἥγηνάσης τόνον καὶ βίον καὶ κτήματα καὶ κτῆμα ἐν τούτῳ {του} τῷ ἐνιαοτῷ πάντα πολέ[σθ]αι, καὶ ἀοτήν πολέσθαι (...) τῷ θανάτῳ μέλλει μοι δικάζεσθαι ὑπὲρ τῆς οἰκίης καὶ τῶν ἄλλων πάντων (...) νίκην τῆς δίκης καὶ τῶν ἄλλων πάντων (классическая эпоха, керамика)²⁰, и, возможно, еще одного, также неизданного, заклятия с территории Анхиала эллинистической эпохи, не имеют в тексте *formula valetudinis*. Впрочем, некоторое число заклятий имеют формулы просьбы:

δέομαι σου:

SGD 109 (Сицилия, II в. до н. э.);

NGCT 14 (Аттика, IV в. до н. э.);

SEG 34: 952 (Сицилия);

SEG 30: 1794.

ἵκετεύω:

DTA 100 (Аттика).

εὐχομαι ἵνα:

SGD 111 (Сицилия, Гимера, ок. 500).

¹⁸ См., например, Dreher 2010; 2014; 2018.

¹⁹ О формальной структуре греческих петиций см., например, Mitteis 1910; Mullins 1962 и White 1972.

²⁰ Slavova 2009, 207–208; Sharankov 2016, 297–308.

ἀξιῶ καὶ παρακαλῶ²¹ τὴν δοίναμήν SGD 189 (III или IV в. н. э.).
σου καὶ τὴν ἐξουσίαν σου:

В латинских заκлятиях очень часто используется выражения *rogo, rogatus* (ex. gr. *DT* 114, 115, 119, 122, 195, 228, 289) и близкие к ним по значению. Кроме того, само заκлятие по-латински часто называется *petitio* (см. Eidinow 2019, 362). Таким образом, заκлятие, по моему мнению, никоим образом нельзя считать письмом или сообщением в строгом смысле этих слов, также как нельзя назвать письмом петицию к властям, разве что только фигурально, несмотря на то, что для петиций естественно использование эпистолярных формул. Таким образом, как письма, так и заκлятия находятся под взаимным влиянием, а, кроме того, под влиянием других, более официальных, форм письменности. При этом, если формуляр частного письма приобретает в ходе времени более или менее устойчивую единую форму, формуляры заκлятий сохраняют свое разнообразие, причиной которого, по моему мнению, является то, что эти магические формулы возникали из разных источников.

Обратимся теперь к более сложным заκлятиям, некоторые из которых до сих пор вызывают среди специалистов ожесточенные споры относительно вопроса о том, являются ли они письмами, или все же заκлятиями.

1. *DTA* 67 (Curbera, Papakonstantinou 2018, No 3, Аттика, 350–300):

A
Ὀνητορίδης, Ε[ὸ]θηθίδης, ←≡
Κράτης, Ἀρχέδικος, Ναύκριτος,
Φιλοξενίδης,
Δημήτριος, Αἰγυπτία,
Φιλόδημος, Προκλείδης,
Ἀρίστουλα
καὶ τοὺς μετ' ἐκείνων
ὥσπερ ταῦτα ψυχρὰ καὶ ἐπαρίστερα
οὕτως τὰ Κράτητος τὰ ῥήματα ψυχρὰ [καὶ]
[ἐπαρί]στερα γέν[οι]το καὶ τῶν μετ' ἐκ[είνου]
[πάντων] καὶ τῶν δικα[στώ]ν μν[ή]μην ἐν --
--- ΑΤΩΑΦΙΔ .. ΣΧΕΤ ---

B
ὥσπερ σὺ ἄωρος [οὔ]- ←≡
τω ἄωρα καὶ ἀτέλ-
ε[σ]τα [εἶ]γαι, ἄωρα
[καὶ] ψυχ[ρ]ὰ καὶ ΑΠΑ --
[Εὸ]θηθιδ -----
-----

²¹ О том, что *παρακαλῶ* есть перевод на греческий латинского *oro*, см. Dickey 2010, 213–217.

2. *DT 52* (Αττικά, III–II β. δο η. ε): «*Epistola diis mandantur, Blastus, Nicandros, Glycera, maxime vero Cercis; qui cum appareat leno fuisse, non potest quin amatoria fuerit defixio*» (A. Audollent, p. 88):

Κέρκις
 Βλάστος
 Νικάνδρος
 Γλυκέρα.
 Κέρκιν καταδῶ καὶ λόγους καὶ
 ἔργα τὰ Κέρκιδος καὶ τὴν γλῶσ-
 σαν παρὰ τοῖς ἡϊθέοις, καὶ ὁπότε-
 ν οὗτοι ταῦτα ἀναγνώσιν, τότε
 Κέρκιδι καὶ τὸ φθένξασθαι . .
 ογωνα καταδῶ αὐτὸν καὶ τὰς
 παιδίσκας αὐτοῦ καὶ τὴν τέχνη-
 ν καὶ τὴν ἀφορμὴν καὶ τὴν
 ἐργασίαν αὐτοῦ καὶ λόγους καὶ
 ἔργα αὐτοῦ. Ἑρμῆ χθόνιε [τ]αῦτα
 οὐ[τω κ]άτεχε κ[ατ]ὰ π-
 ἀντα ἕως ἀνό[η]του[ς] ὄσιν.

3. *Curbera 2017, № 2* (Βεοτία, III–II β. δο η. ε):

A : ὥσπερ τύν, Θεόμναστε, ἀδύνατος / εἶ χειρῶν, πο[δ]ῶν, σώματος πρᾶξι
 τι, / οἰκονομησῆ τι, φιλεῖμεν, παρ' γυνῆκα / κατ|αμένειν, οὕτως κῆ Ζοῖλος
 ἀδύνατος / μένει παρ' Ἀνθείραν βαίνιμεν, κῆ Ἀνθείρα / Ζοῖλον τὸν αὐτὸ|ν
 τόρπον· φιλεῖματα κῆ / ἔπια καταγράφω πάντα — ἀλλαλοφιλίαν / κῆ
 εὐνάν κῆ λάλησιν κῆ | φίλησιν Ἀνθείρας / κῆ Ζοῖλω κῆ αἰσ[χ]υ[ν]τίαν, τὰ
 ἐπ'/ἀλλάλως συναλλάγματα· ὡ|σπερ κῆ ὁ / μόλυβδος οὕτως ἔν τινι τόπω
 χωριστῶ / ἐκ τὸν ἀνθρώπων, οὕτ|ως Ζοῖλω / χωρισμένον ἀπ' Ἀνθείρας τὸ
 σῶμα, κῆ ἄφειν / κῆ | τὰ φιλεῖματα κῆ τὰ συνουσιάσματα / τὰ Ζοῖλω κῆ
 Ἀν|θείρας κῆ φρονή/ματα· Ζοῖλον κῆ Ἀνθείραν καταγράφω, / κῆ ἀπορίαν
 κατὰ σ|φραγίδα· Ἀνθείραν / κα|τὰ σφραγίδα | [Ἀνθείραν (?)].

B: - - - - - / ἀλλάλων· κῆ αὐτοὶ ἀποψύξα[τε / φιλί]αν [π]ρὸς
 ἀλλάλλως· ἄφαρ δὲ / [ν]ύκτα ἀευκῆ ποιεῖ Ἀνθείρη κῆ Ζοῖλ/ωι, κῆ τάνδε
 νύκτα κῆ πάσα(ν) νύκτα, μ[ῆ] / μετ' ἀλλάλων γίνεσθε· κῆ γράφω αὐτ'οὺς ἐν
 κύκλον τὸν αὐτὸν ἀπὸ γραμμά[των]· / ὥσπερ σφίγμιθι ἀνθρώπους ἐνδείσας, /
 ἀποτελεῖ φθάνων τὸν κατὰδεσμον τοῦτον· / ὥσπερ τότε σῶμα πάγνυτη αὐτῶ,
 οὕτως κῆ Ζω/υλος ὁ ἐνγεγραμμένος εἰς αὐτάν [γ] / γίνεσθε· κῆ ἐπιτελ[ε]εῖτε
 εἰς ἅπαν τ[ὸ]ν κατὰδεσμον οὗτον· κῆ ἀποψύξα/ αυα. . .σειτη / τε ἀπὸ
 ἀλλάλων τὰν φιλίαν· ἀμναστίσας / ὥσπερ ὁ μόλυβδος χωρίζεται πά[ν]ταν
 κατορωρυγμένος κῆ μονα[δάν] / αὐτεῖ, οὕτως κῆ Ζοῖλον τάχ[α] κατορύχους
 κῆ ἐργασία κῆ / οἰκονομία κῆ φίλια κῆ / τὰ λοιπὰ πάντα²².

²² A «Just as you, Theomnastos, are powerless in your hands, feet, body to do anything, to handle anything, to love, to stay with a woman, so too may Zoilos remain powerless to go to Antheira and in the same way Anthera (to go) to Zoilos; I write down all

4-5. DT 43-44 (Μεγαρα, Π-I в. до н. э.):

43

Ὅταν σύ, ὦ Πασιάναξ, τὰ γρά[μ]μα-
τα ταῦτα ἀναγνῶς ἀλλὰ [ο]ὔτε
ποτέ σύ, ὦ Πασιάνα[ξ], τὰ γρά[μ]μα-
τα ταῦτα ἀνα[να]γν[ώ]σει [οὔ]τε
ποτέ Νεοφάνης Ἀριστανδρ[?]οι
δίκαν ἐποι[σ]ει, ἀλλ' ὥσπερ σ[ύ], ὦ
Πα[σ]ιάναξ, ἐν[θαῦ]τα ἀλ[ι]θιος
κεῖθι, [ο]ὔτω καὶ Ν[εο]φά[ν]εα
ἀλίθιον καὶ μηδὲ[ν] γεν[έ]σθαι²³.

44

Ὅταν σύ, ὦ Πασιάναξ, τὰ γράμ[μ]-
ατα ταῦτα ἀναγνῶς· ἀλλ' οὔτ[ε] πο-
τέ σύ ταῦτα ἀναγνώσει, οὔτ[ε] πο-
τε Ἀκέστωρ ἐπὶ Ἐρατ[ο]φά[ε]-
νεα δίκα[ν] ἐ]ποισει [ο]ὔδδὲ Τι-
μανδρίδας, ἀλλ' ὥσπερ σ[ύ] ἐν-
[θ]αῦτα ἀλίθιος κει[θ]ι κα[ί] οὐ-
δὲν, οὔτως κ[α]ὶ Ἀ[κ]έστ[ωρ]
καὶ Τιμανδρίδας ἀλ[ι]θιο[ι] γένοντο²⁴.

6. Defoib 21, IGDOP 109 (Ольвия, конец IV-III в. до н. э.):

[ὦ]σπερ σὲ ἡμεῖς οὐ γεινώσκομε-
ν, οὔτως Εὐπο[λ]ις καὶ Διονύσιος,
Μακαρεύς, Ἀρι[σ]τοκράτης
καὶ Δημόπολις, [Κ]ωμαῖος,

5

Ἐραγόρης, ἐπ' [ό]κο[ι]ον πρᾶγμα παρα-
γείνονται, κ[α]ὶ Δεπτίνας,
Ἐπικράτης, Ἐστιαῖος,

ἐπ' ὅ τι πρᾶγμα [παρα]γείνονται, ἐπ' ὅ τι-
να μαρτυρίην ο[ὔ]τοι ἴδωσαν

10

ὥ[σπερ] ἡμεῖς σέ. [ἦ]ν δέ μοι αὐτοῦς
κατάσχις καὶ κ[ατα]λάβης, ἐπ' ᾧ δέ σέ

their kisses and their words, their mutual love and bed, the chitchat (λάλησον) and love of Anthera and Zoilos and their shamefulfulness, their dealings with each other; and just as this lead (is) in some place separated from humans, so may Zoilos' body be separated from Anthera — and touch and kisses and the intercourse of Zoilos and Anthera, and their thoughts; I write down Zoilos and Anthera and their distress (ἀπορία), as on a seal; Anthera (?) as on a seal». **B:** «- - - of each other, and cool down the love for each other; thereupon make the night shameful for Anthera and Zoilos, this night and every night, for them not to be with each other; and I write them in this circle of letters. Just as you tie people up, hurry up and accomplish this binding-spell; just as this corpse here is stiff, so Zoilos, the one written here, should be towards her; and accomplish this binding-spell forever; and cool down their love for each other; just as the lead is completely separated, buried and isolated here, so too bury Zoilos quickly, and his activity, dealings, love and all the rest»).

²³ «Lorsque toi, Pasianax, tu auras lu cette lettre — mais il n'arrivera jamais ni que toi, Pasianax, tu lises cette lettre, ni que Neophanès tente un procès à atasiro[.]doi (=Aristandros?) ; mais de même de que toi, Pasianax, tu gis ici stupide, de même puisse Nephànès devenir, lui aussi, stupide et un néant». (Перевод: В. Bravo 1987, 199).

²⁴ «Lorsque toi, Pasianax, tu auras lu cette lettre — mais il n'arrivera jamais ni que toi, tu lises cela, ni qu'Akestor tente un procès à erat[.]phaeneia, ni que Timandridas le fasse ; mais de même que toi, tu gis ici stupide, un néant, de même puissent Akestor et Timandridas devenir, eux aussi, stupides». (Перевод: В. Bravo 1987, 200).

τειμήσω καί σο[υ] ἄριστον δ[ὴ][ρ]-
ρον παρασκε[υῶ]²⁵.

7. NGCT 53 (Παννονία, III–IV в. н. э.):

Αβρασαρξ, παρατίθεμαί
σοι Ἄδιεκτο, ὃν ἔτεκεν
Κουλεῖτα, ἵνα ὅσον χρόνον
ᾤδε κείται, μηδὲν πρᾶσσοι
5 ἀλλὰ ὡς σὺ νεκρὸς εἶ, οὕτως κακί-
νος μετὰ σοῦ, εἰς ὀλόσον χρόνον, ζῆ²⁶.

Как можно заметить, №№ 1–2 начинаются с типичного для классической эпохи списка имен, но на этом сходство заканчивается, так как в № 1 затем следует магическая формула *similia similibus* во множественном числе среднего рода (ὥσπερ ταῦτα ψυχρά καὶ ἐλαρίστερα / οὕτως τὰ Κράτητος τὰ ῥήματα ψυχρά [καὶ] / [ἐλαρί]στρα γέν[ου]το καὶ τῶν μετ' ἐκ[είνου] / [πάντων]), которая, вероятно, относится к словам заклинания на свинце²⁷. На обратной стороне той же пластинки мы видим уже иной вариант формулы, которая обращена непосредственно к духу преждевременно умерше-

²⁵ Перевод мой (*DefOib* 21): «Как мы тебя не знаем, так пусть Эвполид и Дионисий, Макарей, Аристократ и Демополид, Комей и Герагор на какую бы тяжбу они ни приходили. А также Лептин, Эпикрат, Гестией на какую бы они тяжбу ни приходили, на какое бы свидетельство эти вот (люди) уже не задумали (прийти), как мы тебя (не знаем). А если ты для меня наложишь на них заклятие (κατάσχη) и схватишь (κ[ατα]λάβη), за то я тебя почти и тебе преподнесу наилучший дар».

²⁶ «Abrasarx, ich übergebe dir den Adiektos, den Koupeita gebar, damit er, so lange (die Tafel) hier liegt, nichts tun kann, sondern wie du tot bist, so soll auch jener mit dir leben, für alle Zeit!» (Gáspar 1990, 13).

²⁷ Cf. *defixiones DT* 51, *SEG XXXV* 213 (ὡς ταῦτα τὰ ὀνόματα ψύ[χε]τα(ι), οὕτω ψυχέσθω Εὐτυχανός, ὃν [ἔ]τεκεν Εὐτυχία, ὃν ἀπολέει Αἰθάλης), 214, 215, 216 (ὡς ταῦτα τὰ ὀνόματα ψύχετε, οὕτως καὶ Ἀττάλου ψυχέσθω τὸ ὄνομα καὶ ἡ ψυχὴ, ἡ ὀργή, ἡ ἐπιστήμη, ἡ ἐπιπομπή, ὁ νοῦς, ἡ ἐπιστήμη, ὁ λογισμός), 217, 218 (ὡς ταῦτα τὰ ὀνόματα ψύχεται, οὕτω καὶ Ἀλκιδάμου ψυχεσθω τὸ ὄνομα καὶ ἡ ψυχὴ, ἡ ὀργή, ἡ ἐπιστήμη, ὁ λογισμός), 219 (ὡς ταῦτα τὰ ὀνόμα[τα] ψύχεται, οὕτως Καρποδώρας ἐπὶ Τροφίμῳ ψυχεσθω τὸ ὄνομα καὶ ἡ ψυχὴ, ἡ ὀργή, ἡ ἐπιπομπή, ὁ [νοῦς], ἡ ἐπι[στί]μη, [ὁ] λο[γι]σμός), 220 (ὡς ταῦτα τὰ ὀνόματα ψύχεται, οὕτως 15 καὶ Λεοσθένου καὶ Πεῖου [ψυχ]έσθω τὰ ὀνόματα ἐπὶ Ἰουλιανῆ καὶ ἡ ψυχὴ, ἡ ὀργή, ἡ [ἐπισ]τήμη, ἡ ὀργή, ἡ ἐπιπομπή, ὁ νοῦς, ἡ ἐπιστήμη, ὁ λογισμός), 221 (ὡς ταῦτα τὰ ὀνόματα ψύχεται, οὕτω καὶ Ἰο[υ]λιανῆς ψυχεσθω τ[ὸ] ὄνομα ἐπὶ Πολυ[ν]εῖκου καὶ ἡ ψυχ[ὴ] καὶ ἡ ὀργή, ἡ ἐπιστήμη, [ὁ] νοῦς, ὁ λογι[σ]μός) 222 (ὡς ταῦτα τὰ [ὀ]νόματα [ψύχεται, οὕτως] Ἰουλιαν[οῦ] καὶ τ — c.³ — ψυχεσθω τὸ ὄνομα καὶ ἡ ψυχὴ, ἡ ὀργή, ἡ ἐπιστήμη, ἡ ἐπιπομπή, ὁ νοῦς, ἡ [ἐπισ]τήμη, ὁ λογισμός), 223 (ὡς ταῦτα τὰ ὀνόματα ψύχεται, οὕτως Σερίνου τοῦ καὶ Ἀρχι[βί]ου τοῦ ἀγ[δ]ρός), 227 (ὡς ταῦτα ν [τὰ ὀνόματα] καταγέγραφα καὶ καταψύχεται, οὕτως καὶ τὸ σῶμα [κα]ῖ [αἰ] σ[άρ]κες καὶ τὰ νεῦρα καὶ τὰ ὀστά καὶ τὰ μέλη καταψύγεται καὶ τὰ σπλάγχνα Τύχης, [ἦς] ἔτεκεν Σοφία). См. также *SGD*, p. 183.

го²⁸: ὅσπερ σὺ ἄωρος [οὔ]/τω ἄωρα καὶ ἀτέλ/ε[σ]τα [εἶ]γαί, ἄωρα / [καί] ψυχ[ρ]ά. Несмотря на то, что Огюст Одоллан называет № 2 «письмом» (*epistola*), в этом заклятии нет абсолютно ничего эпистолярного. Единственное, что роднит его с предыдущим документом, это то, что здесь также присутствуют духи преждевременно умерших людей. Бенедетто Браво переводит ключевую часть этого заклятия так: «Je lie Kerkis et les discours et les œuvres de Kerkis et sa langue *auprès des jeunes gens non mariés*, et lorsque ceux-ci auront lu cela, alors, puisse l'action d'émettre la voix être, elle aussi, possible pour Kerkis pendant le procès. Je lie lui et ses esclaves femelles et son métier et son capital et son travail et ses discours et œuvres» (B. Bravo 1987, 201). *Defixiones* №№ 3–7 обращаются непосредственно к ἄωροι, причем в №№ 3, 4–5 и 7 к ним обращаются прямо по имени (Θεόμναστε; ὃ Πασιάναξ; Αβρασαρ^{ξ29}), а в известном ольвийском заклятии (№ 6) имени покойника нет. Все эти тексты, за исключением № 2, объединяет то, что они являются обращением к духу мертвеца и имеют формулу *similia similibus*:

1: ὅσπερ σὺ ἄωρος [οὔ]/τω ἄωρα καὶ ἀτέλ/ε[σ]τα [εἶ]γαί, ἄωρα / [καί] ψυχ[ρ]ά;

3: ὅσπερ τὴν, Θεόμναστε, ἀδύνατος / εἶ χειρῶν, πο[δ]ῶν, σώματος πράξι τι, / οἰκονομῆσί τι, φιλεῖμεν, παρ' γυνῆκα / κατ[α]μένειν, οὕτως κῆ Ζωίλος ἀδύνατος / μένει παρ' Ἀνθείραν βαίνουμεν, κῆ Ἀνθείρα / Ζωίλον τὸν αὐτὸν/τόρπον;

4–5: *DT* 43: ἀλλ[ὅ]σπερ σ[ύ], ὃ / Πα[σ]ιάναξ, ἐν[θ]αῦτα ἀλ[ι]θίος / κείθι, [ο]ὔτω καὶ Ν[ε]ο[φ]ά[ν]εα / ἀλίθιον καὶ μηδὲ[ν] γεν[έ]σ[θ]αι; *DT* 44: ἀλλ[ὅ]σπερ

²⁸ Подробнее об ἄωροι см. Johnston 1999, 127–150 и Garland 2001, 77–88. В греческих магических папирусах ἄωροι встречаются около двадцати раз. Muñoz Delgado 2001, 19. Υψηλοῦ: Μοίρας, Ἀνάγκαις, ... καὶ φθιμένοις ἄωροις, βιομόροις πέμπω τροφάς (*PGM* IV 1401), τὰν Ἐκάταν σε καλῶ σὺν ἀποφθιμένοισιν ἄωροις (*PGM* 2731, *SM* 44.14, *SM* 45.3), παρακατατίθεμαι ὑμῖν τοῦτον τὸν κατάδεσμον, ... θεοῖς καὶ δαίμοσι καταχθονίοις, ἄωροις τε καὶ ἄωραις (*PGM* IV 342), ὁ δὲ κρίκος καὶ εἰς φρέαρ βάλλεται ἀχρημάτιστον ἢ παρὰ ἄωρον (*PGM* V 347), τίθεσαι ἧλιον δύνοντος παρὰ ἄωρου ἢ βιαιὸν θήκην (*PGM* IV 333) etc. Кроме того, ἄωροι также встречаются и на других *defixiones*, так на двух из Арамеа мы обнаруживаем следующий текст: μὴ κοιμηθῶσιν ἀλλὰ βλεπέτωσαν [ἀ]πὸ θυρῶν δέμ[ο]νας ἄωρο[υ]ς, δέμονας βιέους Ἡφέστου πῦρ. См. *SGD*, pp. 192–193; *NGCT*, п. 99 [Heintz 1998, 340, п. 23]. Второе *defixio* из Арамеа [*NGCT*, п. 100] является более краткой версией первого. См. также заклятия с Кипра: Mitford, 1971: 127³⁶, 129²¹, 131²⁵, 134²⁴, 135²⁹, 136²³, 137²⁴, 138²⁸, 139²⁷, 140²³, 142²⁵. οἱ ὅδε κάτω κίμενοι ἄωροι κὲ ἀνώνυμοι.

²⁹ Gáspar 1990, 15: «Die Namensform Abrasax wie hier ist auf den noch weitgehend unpublizierten Tafeln aus Amathous (Zypern) attestiert. Weitere Schreibvarianten sind ΑΒΡΑΣΑΡΕΙ, ΑΒΡΑΘΑΙ. Seine Anrufungen und seine Darstellungen sind zahlreich». См. также Lupert, Jordan 1981.

σ[ὐ] ἐν[θ]αὔτα ἀλίθιος κει[θ]ι κα[ι] οὐ/δέν, οὕτως κ[α]ι Ἄ[κέ]στ[ωρ] / καὶ Τιμανδρίδας ἀλ[ίθ]ι[ο]ι γένοιτο];

6: [ὦ]σπερ σὲ ἡμεῖς οὐ γεινώσκομε/ν, οὕτως Εὐπο[λ]ις καὶ Διονύσιος, / Μακαρεύς, Ἀρ[σ]τοκράτης / καὶ Δημόπολις, [Κ]ωμαῖος, / Ἡραγόρης, ἐπ' [ό]κο[ι]ον πρᾶγμα παρα/γείνονται, κ[α]ι Δελπίνας, / Ἐλικράτης, Ἐστιαῖος, / ἐπ' ὃ τι πρᾶγμα [παρα]γείνονται, ἐπ' ὃ τι/να μαρτυρίην ο[ὕ]τοι νόησαν / ὦ[σπερ] ἡμεῖς σέ³⁰;

7. ἀλλὰ ὡς σὺ νεκρὸς εἶ, οὕτως κάκ[ι]νος μετὰ σοῦ, εἰς ὅποσον χρόνον, ζῆ.

Подобные формулы *similia similibus*, уподобляющие живых противников мертвым, встречаются в греческой магической практике довольно часто. Так, например, эту формулу мы встречаем на недавно опубликованном заклятии с Сицилии V в. до н. э.: **A.** hōs Ὀλις ἐς τέλος ἰασα ἀπόλετο, / τὸς Ράτων ἀτέλεστ' ἀγορεύειν, / τὸν καὶ Κέλων καὶ ἐς ἔπεια καί^(a) / ἔργα ἐν τᾷ δίκαι. **B.** hōs ἀτέλεστος / Ὀλις ἀπόλετο ἐς τέλος ἰασα, / τὸς^(b) Μύσκελος ἀτέλεστ' ἀγορεύειν δίκαι^(c) / καὶ ἐς^(d) ἔπεια καὶ ἔργα ἐν τᾷ δίκαι. / **C.** hōs Ὀλις ἀτέλεστος ἀπόλετο, hōs^(e) Λ/έπτων ἀτέλεστ' ἀγορεύειν. ^(f) μεδδέν/ν ἡανύοι ἐν τᾷ δίκαι³¹. Эта формула также присутствует на двух аттических заклятиях *DT* 68B ([καὶ ὡς] οὗτος [ὁ νεκρὸς] ἀ[τ]ε[λ]ῆς κ[εῖται] οὕτως] ἀτέλεστα εἶ[ν]αι Θεοδόραι πάντ[α] κα[ι] ἔπη καὶ ἔργα τὰ πρὸς Χαίριαν καὶ πρὸς [το(ὺ)ς] ἄλλο[υ]ς ἀνθρώ[π]ο(υ)ς) et *DT* 69 ([κατα]δίδημι Γῆι καὶ / ..... πρὸς] Ἐρμῆν χθόνιον / [καὶ ὡς οὗτος ὁ νεκρὸς ἀτε]λῆς κείται ὡς ἀτελ[ῆ] εἶναι] <...> / καὶ ὡς ο[ὕ]τος ὁ νεκρὸς ἀτελῆς κείται] οὕτως ἀτελῆ εἶναι [..... πάντα / καὶ ἔργα καὶ ἔπη]. Встречается подобная формула и в латинских заклятиях, например, на очень известном *defixio* из Рима: *quomodo mortuos qui istic sepultus est nec loqui nec sermonare potest, seic Rhodine apud M. Licinium Faustum mortua sit nec loqui nec sermonare possit* (*DT* 139).

Интересные параллели греческим заклятиям, мне кажется, может дать обращение к славянской заговорной практике, в формулах которой широко распространено обращение к покойникам и

³⁰ Интересной особенностью ольвийского заклятия является то, что в случае успеха *defigens* обещает духу беспокойного покойника подарок: [ἦ]ν δέ μοι αὐτοῦς / κατὰσῆς καὶ κ[ατα]λάβης, ἐπ' ᾧ δέ σέ / τεμήσω καὶ σο[ε]ῖ ἄριστον δ[ὲ] [ρ]ον παρασκε[υῶ]. В некоторых заклятиях встречаются после списка имен *defixorum* выражения типа λέμλω δόρον. См., например, *SGD* 54 (Attica), а также Caccarelli 2013, 51.

³¹ Jordan, Rocca, Threatte 2014. Перевод издателей: «**A.** As Oltis, being at/going to *telos*, was destroyed, so let Rhaton fruitlessly plead, him and Kelon/Kaikelon both in words and deeds in court. **B.** As, fruitless, Oltis was destroyed being at/going to *telos*, so let Myskelos fruitlessly (plead) in court, both in words and deeds in court. **C.** As Oltis, fruitless, was destroyed, so let Lepton fruitlessly plead. Nothing be accomplished in court» (S. 231).

использование так называемых «заложных» мертвецов³². Особенно часто формулы *similia similibus* с употреблением сравнения с покойниками встречаются в «заговорах на власть»³³ и, в частности, заговорах на суд. Так, например, «в 1728 г. в доме попа Алексея Иванова его недруг поповский заказчик Яков и архиерейский служитель Разуваев нашли 2 столбца с заговорами и гаданием», Алексеем Ивановым их «писал своеручно»³⁴. В тексте заговора есть такие слова: «Как у мертвого человека речи нет, тако бы речи не было ни у какова человека супротив р[аба] б[ожия] всегда и ныне»³⁵. Или, например: «Устань, раб Божий имарак, хто лежит мертвец, разними свои руки, и говори до меня устами своими, и глянь глазами своими, не моги устать и руки разнимать, глазами глядеть и устами говорить. Как не можешь, так бы не могли мои супостаты говорить на меня, рожденного, молитовного, крещеного раба Божия Андрея, Прохор, Яков, Ксенофонт, Яким и по отчеству назвать»³⁶. Или: «Царь славы, и я царя не боюся, и я царя не блюдуся. Как у мертвеца сердце не взрыдает и руки не подымаются, как от земли суда нет. так бы у судей сердца бы не взрыдало и руки бы не подымались на меня, раба Божия имярека. Аминь»³⁷. Также: «Як та вода непочатая, как тот мертвец во гробе мертв и в воде замкненные замки, так бы мои челобитчики не починали на мене на суде ничего не говорить, омертвели бы от страха. Как во гробе тот мертвец и уста им замкнени, чтоб они ничтоже на меня успеть на сем суде обвинить, как те замки в воде, чтоб они меня на сем суде не могли обидеть»³⁸. Такая очевидная близость заговорных формул русской традиции к формулам греческих заклятий заставляет предполагать определенную преемственность магических традиций, особенно если учесть тот факт, что в русских заговорах довольно часто встречаются *voces magicae* из греческих магических папирусов. Раньше российский ученый А.Л. Топорков уже высказывал в качестве гипотезы предположение о зависимости формул русской любовной магии от греческой традиции, отразившейся в магических папирусах³⁹.

³² К таким покойникам причисляли умерших насильственной смертью, закончивших жизнь самоубийством, умерших от пьянства, утопленников, некрещеных детей, колдунов и ведьм. Полная семантическая параллель греческим *ἄφοροι* и *ἀτέλειστοι*.

³³ О таких заговорных текстах см., например: Топорков 2010, 183–209.

³⁴ Топорков, Турилов 2012, 118.

³⁵ Там же, а также Смилянская 2016, 114.

³⁶ Топорков, Турилов 2012, 140.

³⁷ Там же. 144.

³⁸ Там же. 162.

³⁹ Топорков 2010, 128–135. Еще раньше эту гипотезу высказывал М. Соколов (1895,

Есть также основания предполагать такую зависимость, возможно, через византийское посредство, русского заговора от формул судебных греческих заклятий. Как бы то ни было, многочисленные опубликованные материалы обеих традиций вредоносной магии настоятельно ставят сейчас перед исследователями задачу изучить вопрос о связи византийской и русской магии⁴⁰.

Итак, нет решительно никаких оснований считать свинцовые пластинки с такого рода текстами «частными письмами», и решающим аргументом, на мой взгляд, здесь является присутствие подобной формулы *similia similibus*, которая существует в нескольких вариантах и которая продолжает жить и по сей день. Следует также отметить, что в этих текстах нет никакой формальной эпистолярности: ни формулы приветствия, ни формулы прощания. Можно предположить, что это — «сообщения», но этому заключению препятствует как раз-таки формула *similia similibus* (ᾠσπτερ ... οὐτως).

В заключение я бы хотел бы еще раз отметить две мысли, к которым я пришел, работая над этим материалом. Среди греческих заклятий V–III вв. до н. э. (которые все же, по большей части, были списками имен), под влиянием все увеличивающейся грамотности массы населения греческих полисов, а также в контексте конкурирующих форм выражения в частной и официальной сферах, выделяются некоторые их экземпляры, которые носят на себе следы влияния как языка «частной переписки», так и языка юридического. Такие заклятия имеют некоторые формальные черты петиции, как например, формулы приветствия и формулы просьбы. Я хочу заметить, что это всего лишь предположение, и я ни в коем случае не стремлюсь «подогнать» под это наблюдение все греческие заклятия. Заклятия бывают разнообразными: молитвами, списками, петициями, преданиями⁴¹ жертв хтоническим богам и, наконец, обращениями к духам преждевременно умерших людей, которые обычно имеют в тексте формулу *similia similibus*.

174–175): «Славянские тексты заклинаний и молитв восходят к греческим оригиналам; такие народные молитвенники и требники, в которых встречаются интересующие нас заклинания, существуют как у славян, так и у греков, и от последних через переводы перешли к первым. В свою очередь, для самых греческих текстов заклинаний в молитвенниках и требниках находятся прототипы или параллели в египетских магических папирусах эпохи синкретизма, когда не только в религиозных и философских системах, но и в суевериях происходило соединение языческих — греко-римских, египетских и восточных с иудейскими и христианскими». См. также: Познанский 2016, 33, 34.

⁴⁰ О том, что магические заклинания попадали на Русь через Византию, см.: Познанский 2016, 39, 41.

⁴¹ Ср. *precationes commendatoriaey* Плиния Старшего, см.: Guittard 1987, 480.

Литература

- Познанский Н.Ф.* Заговоры. Происхождение и развитие заговорных формул. М., 2016.
- Смилянская Е.* Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М., 2016.
- Соколов М.* Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности. Труды славянской комиссии. I. 1895. С. 134–202.
- Тохтасьев С.Р.* Остракон с поселения Козырка XII ольвийской хоры // *Nurpoboreus. Studia classica.* 8 (2002). С. 72–98.
- Топорков А.Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2010.
- Топорков А.Л., Турилов А.А.* (ред.). Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2012.
- Aupert P., Jordan D.R.* Magical Inscriptions on Talc Tablets from Amathous // *AJA* 85.2. 1981. P. 184.
- Barta A.* Levél az alvilágba. Az Aq-2 átoktábla (Előzetes jelentés) // *Tóth U.* (ed.). *Hereditas Graeco-Latinitatis, IV (Scientia-Ethica).* Debrecen, 2017a. P. 145–160.
- Barta A.* A Letter to the Underworld. A Research Rapport on the Curse Tablet Aq-2 // *AAntHung.* 57. 2017b. P. 45–56.
- Belousov A.V.* Some Observations on Defixiones from Olbia and Bosphorus // *Manoledakis M.* (ed.). *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18–20 September 2015.* Oxford, 2016. P. 41–44.
- Bravo B.* Une tablette magique d'Olbia Pontique, les morts, les héros et les démons // *Poikilia: Études offertes à Jean-Pierre Vernant.* Paris, 1987. P. 185–218.
- Guittard Ch.* Pline et la classification des prières dans la religion romaine (NH 28, 10–21) // *Pline l'Ancien témoin de son temps.* Salamanca-Nantes: Universidad Pontificia de Salamanca, 1987. P. 473–486.
- Curbera J.* The Curse Tablets of Richard Wunsch // *Piranomonte M., Marco Simón F.* (eds.). *Contesti magici — Contextos mágicos.* Roma, 2012. P. 193–194.
- Curbera J.* From the Magician's Workshop: Notes on the Materiality of Greek Curse Tablets // *Boschung D., Bremmer J.N.* (eds.). *The Materiality of Magic.* Paderborn, 2015. (Morphomata 20). P. 97–122.
- Curbera J.* Six Boeotian Curse Tablets // *ZPE.* 204. 2017. S. 141–158.
- Curbera J., Papakonstantinou Z.* Six Legal Curse Tablets From Athens // *Rieß W.* (Hrsg.). *Colloquia Attica. Neuere Forschungen zur Archais, zum athenischen Recht und zur Magie.* Stuttgart, 2018. S. 211–224.
- Dana M.* Les lettres grecques sur plomb et sur tesson: pratiques épigraphiques et savoirs de l'écriture // *Inglese A.* (ed.). *Epigrammata 3. Saper scrivere nel Mediterraneo antico. Esiti di scrittura fra e VI e IV sec. A.C. in ricordo di*

- Mario Luni. Atti del convegno di Roma. Roma, 7–8 Novembre 2014. Roma, 2015. P. 111–133.
- Dana M.* La correspondance grecque privée sur plomb et sur tesson: corpus épigraphique et commentaire historique. München, 2020 (в печати).
- DefOlb: Белоусов А.В.* Корпус заклятий понтийской Ольвии / *Defixiones Olbiae Ponticae*. Москва, 2020.
- Dickey E.* Latin Influence and Greek Request Formulae // *Evans T.V., Obbink D.D.* (eds.). *The Language of the Papyri*. Oxford, 2010. P. 208–220.
- Dreeher M.* Gerichtsverfahren vor den Göttern? 'Judicial Prayers' und die Kategorisierung der *defixionum tabellae* // *Thür G.* (Hrsg.). *Symposion 2009: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Wien, 2010. S. 301–335.
- Dreeher M.* Die Rechte der Götter // *Gagarin M., Lanni A.* (Hrsg.). *Symposion 2013: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Wien, 2014. S. 1–26.
- Dreeher M.* «Heiliges Recht» and «Heilige Gesetze»: Law, Religion, and Magic in Ancient Greece // *Perlman P.* (ed.) *Ancient Greek Law in the 21st Century*. Austin, 2018. P. 85–103.
- DT: Audollent A.* *Defixionum tabellae quotquot innotuerunt tam in Graecis orientis quam in totius occidentis partibus praeter Atticas in Corpore Inscriptionum Atticarum editas*. Paris, 1904.
- DTA: Wünsch R.* *Defixionum Tabellae Atticae*. Berlin, 1897.
- DTM: Blänsdorf Jü.* *Die Defixionum tabellae des Mainzer Isis- und Mater Magna-Heiligtums (Defixionum Tabellae Mogontiacenses (DTM))*. Mainz, 2012.
- Eidinow E.* *Oracles, Curses & Risk*. Oxford, 2007.
- Eidinow E.* Binding Spells on Tablets and Papyri // *Frankfurter D.* (ed.) *Guide to the Study of Ancient Magic*. Leiden, 2019. P. 351–387.
- EP: Эпиграфика Понтика: Белоусов А.В.* Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2011 г. // *Аристей*. 6. 2012. С. 206–225; Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2012 г. // *Аристей*. 8. 2013. С. 153–170; Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2013 г. // *Аристей*. 10. 2014. С. 163–170; Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2014 г. // *Аристей*. 12. 2015. С. 192–217; Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2015 г. // *Аристей*. 14. 2016. С. 246–273; *Белоусов А.В., Елисева Л.Л.* Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2016 г. // *Аристей*. 17. 2018. С. 93–137; *Белоусов А.В., Елисева Л.Л.* Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2017 г. // *Аристей*. 18. 2018. С. 195–245; *Белоусов А.В., Елисева Л.Л.* Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2018 г. // *Аристей*. 20. 2019. С. 157–202.
- Gager J.G.* *Curse Tablets and Binding Spells from the Ancient World*. New York; Oxford, 1992.
- Garland R.* *The Greek Way of Death*. 2nd ed. Cornell UP, 2001.

- Gáspar D.* Eine griechische Fluchtafel aus Savaria // *Tyche*. 5. 1990. S. 13–16.
- IGDOP: Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Génève, 1996.
- Johnston S.I.* Restless Dead: Encounters Between the Living and the Dead in Ancient Greece. Berkeley, 1999.
- Jordan D.R.* The Inscribed Lead Tablet from Phalasarina // *ZPE*. 94. 1992. S. 191–194.
- Jordan D.R., Curbera J.* A Lead Curse Tablet in the National Archaeological Museum // *ZPE*. 166. 2008. S. 135–150.
- Jordan D.R., Rocca G., Threatte L.* Una nuova defixio dalla Sicilia (Schøyen Collection MS 1700) // *ZPE*. 188. 2014. S. 231–236.
- Kagarow E.G.* Griechische Fluchtafeln. Leopoli, 1929 (EOS Suppl. 4).
- Mitteis L.* Zur Lehre von den Libellen // *SB Leipzig*, 1910. S. 61–126.
- Mullins T.Y.* Petition as a literary Form // *Novum Testamentum*. 5. 1962. P. 46–54.
- Münsterberg R.* Zu den attischen Fluchtafeln // *JÖAI* 7. 1904. S. 141–145.
- Muñoz Delgado L.* Léxico de magia y religión en los papiros mágicos griegos. Diccionario Griego-Español. Madrid, 2001.
- NGCT: Jordan D.R.* New Greek Curse Tablets (1985–2000) // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 41. 2000. P. 5–46.
- Németh G.* Supplementum Audolleanianum. Zaragoza; Budapest; Debrecen, 2013.
- Papakonstantinou Z.* Two Boxers in a Fourth-century B.C. Athenian Defixio // *Mauritsch P., Ulf Ch.* (Hrsgg.). Kultur(en) Formen des Alltäglichen in der Antike. Graz, 2013. S. 367–377.
- Parachristodoulou I.* Κατάδεσμος από την Αίγινα // *Ἀρχαιολογία*. 15. 2007–2009. P. 55–67.
- PGM: Preisendanz K.* Papyri Graecae Magicae. Die griechischen Zauberpapyri. 2 Bde, 2. Aufl. A. Henrichs. Stuttgart, 1973–1974.
- Robert L.* Collection Froehner. Paris, 1936.
- SEG: Supplementum Epigraphicum Graecum.*
- SGD: Jordan D.R.* A Survey of Greek *Defixiones* Not Included in the Special Corpora // *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 26. 1985. P. 151–197.
- SGDI: Collitz F., Bechtel Fr.* (Hrsgg.). Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Göttingen, 1884–1915.
- TDSG: López Jimeno M. del A.* Las tabellae defixionis de la Sicilia griega. Amsterdam, 1991.
- Voutiras E.* ΔΙΟΝΥΣΟΦΩΝΤΟΣ ΓΑΜΟΙ. Amsterdam, 1998.
- White J.L.* The Form and Structure of the official Petition: A Study in Greek Epistolography. Missoula, Montana, 1972.
- Ziebarth E.* Neue attische Fluchtafeln // *Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-hist. Klasse*. 1899.

А.В. Мосолкин

**РОМУЛ И РЕМ, МАРС,
РЕЯ СИЛЬВИЯ И ВОЛЧИЦА:
ПЕРСОНАЖИ В ПОИСКАХ ДРУГ ДРУГА
(ИСКУССТВО ИТАЛИИ В VI–I ВВ. ДО Н. Э.)***

Придирчивый читатель, который в каждой научной работе желает видеть поиск нового, вероятно, останется недоволен предлагаемой статьей. Мне и самому кажется, что на следующих страницах мало того, что называют «проблемой»: по сути, весь материал, о котором пойдет речь, за последние десятилетия был достаточно хорошо изучен, многократно представлен, препарирован и переварен. В качестве примера приведу основательные сочинения Сесиль Дюльер¹, Фреда Альбертсона², Александры Дардене³, а также статьи в LIMC⁴, не считая многих десятков работ, где затрагивались те или иные аспекты темы, связанной с Марсом, Реей Сильвией, волчицей и близнецами. Однако, сознавая вышесказанное, я все же осмеливаюсь на эту работу. На то есть две причины. Первая причина, альтруистическая, заключается в том, что отечественный читатель, к сожалению, совершенно не знаком с историей появления первых изображений с близнецами. А история эта сама по себе очень любопытная, хотя и не самая простая. Вторая же причина, эгоистическая, связана с областью моих исканий; работа над статьей, я постоянно имел в виду *некую* общую идею, над которой размышляю в последнее время и которую пока не высказал академической публике. И вот эта самая моя идея и нова, и проблематична. Но чтобы обосновать ее, нужно провести то исследование, к которому я приступаю. Поэтому пусть читатель не подумает, что

---

* Мои самые искренние благодарности Екатерине и Владимиру Леусам за помощь в подготовке для публикации фотографии ситутлы из Чергозы; Елене Литвиновой — за помощь в определении загадочных изображений животных; Юлии Краснобаевой — за беспощадную вычитку моего текста. Допущенные ошибки — мои собственные.

¹ Dulière 1979.

² Albertson 2012.

³ Dardenay 2010; Dardenay 2012.

⁴ Wiegel 1992; Small 1994.

имеет дело с очередной описательно-статистической статьей: все интересное только начинается!

Встреча в изобразительном пространстве главных персонажей мифа об основании Рима — близнецов, Реи Сильвии, Марса и волчицы — произошла, как это ни удивительно, не в самой глубокой (по римским меркам) древности, только в начале I в. до н. э. Долгое время, начиная, по-видимому, с VII в. до н. э., персонажи кружили поодиночке, не решаясь подойти друг к другу, чтобы стать героями знаменитого сказания. Многоструйная река римской истории обретает полноводность от слияния мелких ручейков, имеющих темное происхождение, в мутной воде которых с трудом различимо отражение восхитительного предания. Облики, видимые нами, столь искажены, что мы с трудом разбираем, смутный ли это прообраз героя мифа об основании или случайный посторонний персонаж, не имеющий никакого отношения к нашей истории. Поэтому нам предстоит рассмотреть не только памятники, где главные герои изображены все вместе (самые ранние сохранившиеся примеры относятся к I в. н. э.), но и те, где они появляются еще порознь, и в их едва различимых чертах современный исследователь не всегда решается усмотреть связь с преданием об основании города.

Центральным и самым ранним ядром исследуемого сюжета является универсальное предание о том, как хищное животное вскармливает младенца или младенцев, будущих основателей новой династии. Остальные персонажи присоединяются позднее. Сюжеты о Марсе, вопреки высокому божественному статусу этого персонажа, и о весталке Рее Сильвии — гораздо более поздние вставки, возникшие из осмысления древнего мифа. Поэтому первые отголоски нашей истории мы будем искать не в образах воинственного бога, которые изначально никак не связаны с мифом об основании. И тем более не в образах обманутой весталки, которые появляются совсем поздно и только в связи с этим мифом. Первые отголоски предания — и об этом можно говорить категорично — следует искать в древнейших изображениях самки хищного зверя, вскармливающей детей, или, возможно, одиночной хищницы с очевидными материнскими признаками.

Рассмотрев все изображения волчиц — или даже шире, кошачьих самок — примерно от VII до I в. до н. э. на территории Италии, можно разделить эти изображения на три группы: I. самка хищного животного (волчица? львица? пантера?), с ярко выраженными половыми признаками — свисающими сосцами, что должно подра-

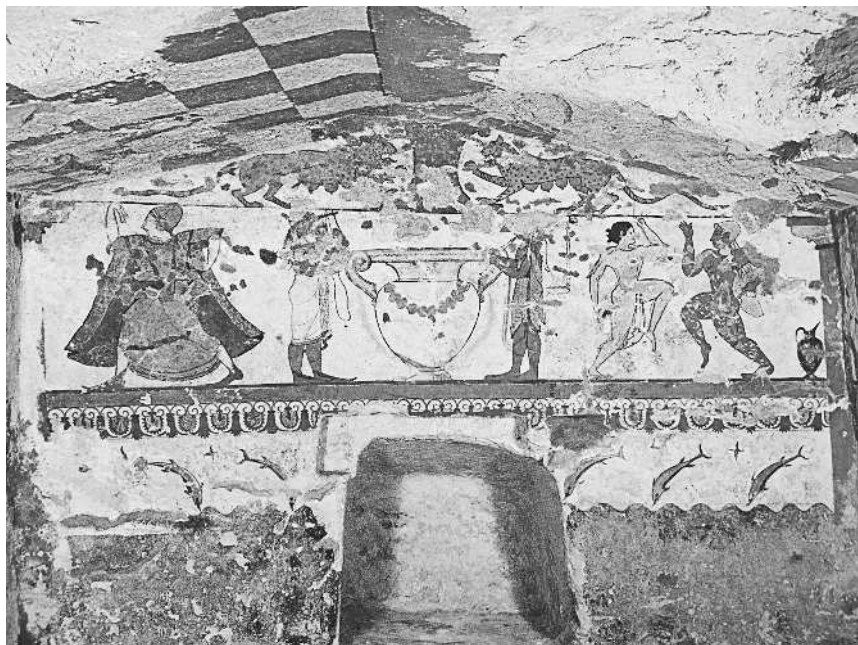

Рис. 1. Роспись гробницы со львицами. Около 520 г. до н. э. Фрагмент.
Взято из: Pallottino 1952, 43

зумевать существование детенышей; II. самка хищного животного, которая пожирает человека; III. самка хищного животного, кормящая одного или двух младенцев. Рассмотрим по порядку.

I. Вероятно, первый тип можно ограничить только Этрурией. Нам известно несколько примеров, когда дикая кошка с набухшими сосцами представлена без детенышей.

1. Это две львицы из т. н. «гробницы со львами» в Тарквиниях (около 520 г. до н. э., см. рис. 1)⁵. С разинутыми пастьями, они агрессивно смотрят друг на друга. Паллоттино замечает, что это не львицы, а пантеры, но вряд ли это замечание существенно. Подобное расположение двух животных, обращенных мордами друг к другу, встречалось на фронтонах ранних греческих зданий, а также на фасадах каменных могил в Малой Азии⁶. Можно вспомнить «львиные ворота» в Микенах, где тела двух хищников обращены друг к другу, хотя несохранившиеся головы, вероятно, были обращены анфас и смотрели на входящих в город.

⁵ Pallottino 1952, 43–48.

⁶ Pallottino 1952, 44.

a)

b)

c)

Рис. 2. Сосуды из Спины. 500–490 гг. до н. э. Museo Archeologico Nazionale di Ferrara.
Фото автора

2. Вторым примером, хотя и не безусловным, является изображение рычащего льва-гермафродита, обращенного влево, на горле двух идентичных сосудов из Спины (совр. Феррара, 500–490 гг. до н. э., рис. 2а, б). У животного — роскошная грива, половые органы самца и в то же время — набухшие молочные железы⁷. На противоположной стороне сосуда мы видим льва-самца, у которого такая же агрессивная поза, открытая пасть с вываливающимся языком, он припадает на передние лапы (одна слегка приподнята), его хвост так же искривлен. Он повернут вправо (рис. 2с). Таким образом, хищники обращены друг к другу, словно повторяя фриз «гробницы со львами». Констатируем, что вазописец намеренно изобразил гермафродита и мы имеем дело с совершенно неосуществимым для нас замыслом, исключаящим ошибку художника.

3. Знаменитую Капитолийскую волчицу стоит отнести, вероятно, к разделу «сомнительное», так как за последние десятилетия появились большие подозрения, что эта бронзовая скульптура была изготовлена в античности (рис. 3). Традиционно скульптуру относят ко времени укрепления власти Рима в 490–470 гг. до н. э. — после сражения при Регилльском озере и заключения foedus Cassianum (493 г. до н. э.)⁸. В своей нашумевшей книге А. Карруба датирует создание волчицы эпохой Каролингов, т. е. VIII–IX вв., что принимается не всеми коллегами⁹. Главная сложность с датировкой заключается в том, что скульптура волчицы такого высокого качества уникальна; какие-либо стилистические аналогии античной или средневековой эпохе найти трудно. Художник не оставил после себя никаких «следов»¹⁰. Как бы то ни было, замечание Дюльера, высказанное еще в 1979 г., на мой взгляд, справедливо и важно для настоящего исследования. Оно заключается в том, что под Капитолийской волчицей, будь она древней или средневековой, никогда не было младенцев, и сама она не имеет никакого отношения к мифу об основании города¹¹.

⁷ Дюльер, по-видимому, не замечает, что это гермафродит: Dulière 1979, 41. Еще один пример гермафродита — лев-львица — хранится в Афинском музее Акрополя (около 560 г. до н. э.). Хёрвит утверждает, что художник не мог ошибиться в изображении животного: Hurwit 2006, 133–134.

⁸ Parisi Presicce 2000, 20.

⁹ Carruba 2006, 36. В 2010 г. вышел сборник статей, специально посвященный книге Каррубы: *La Lupa Capitolina 2010*. Формильи датирует волчицу XIII в. (до или после прибытия магистра Григория в Рим): Formigli 2013. Осторожный скепсис в: Mazzoni 2010, 36–39, а также в: Gliwitzky Ch. 2015, 308, который разумно вопрошает, как работа, созданная в промежутке между XI и XIII в., могла упоминаться в источниках X в.

¹⁰ La Rocca 2010, 146.

¹¹ Dulière 1979, 42–43. Исследовательница относит создание скульптуры ко II–I вв.

Рис. 3. Капитолийская волчица. Musei Capitolini. Взято из: Parisi Presicce 2000, 59

Первое наблюдение, — что волчица изначально была одна, — казалось бы, противоречит очевидному. Хотя младенцы, что находятся под ней сейчас, были созданы позднее (их относят к периоду между 1471 и 1510 г.) и их изготовление традиционно приписывают А. Поллайоло¹², их существование представляется настолько уместным, что, основываясь на других примерах античных изображений волчицы с детьми, мы можем подумать, что и в древности это была единая скульптурная композиция. Другим аргументом в пользу существования кормящихся детей являются набухшие сосцы дикой хищницы. Но, как ни странно, этот аргумент не «работает» или, как минимум, не является убедительным доказательством. Во-первых, если бы частью композиции были изображения детей, сосущих молоко, то, вероятно, на сосцах волчицы должны были остаться следы этой детали скульптурной группы, даже если самих их могли переплавить. Таких следов нет. Во-вторых, как мы видели на примере «гробницы со львами», не всегда дикие хищницы с набухшими грудями изображались вместе с детенышами. В-третьих, — и это самое

до н. э. и, таким образом, видит в ней стилизацию под этрусскую архаику: Dulière 1979, 43.

¹² Dulière 1979, 26–27.

Рис. 4. Фрагмент торса волчицы или львицы. II в. до н. э. Вид сверху и сбоку. Museo Civico Archeologico di Fiesole. Фото автора.

важное, — сама поза волчицы свидетельствует, что она изначально была одна. Ниже мы рассмотрим примеры, когда рядом с волчицей действительно располагаются человеческие младенцы. В таких случаях ее голова всегда повернута к ним; весь «язык тела» волчицы говорит о ее внимании, кротости, любви. Поза Капитолийской волчицы очень необычна: голова зверя смотрит влево, шея повернута под углом примерно 90° , что противоречит древнему канону изображения хищницы, кормящей младенцев.

4. Четвертый пример — это волчица из Фьезоле (II в. до н. э., рис. 4). Хотя она сохранилась не полностью, однако прямое положение ее спины позволяет с уверенностью говорить, что и она не склонялась к детенышам или младенцам¹³. Таким образом, волчица из Фьезоле также, по-видимому, не была частью скульптурной группы.

II. Вероятно, вновь Этрурией ограничивается и второй тип — самка хищного зверя, пожирающая человека. Мы располагаем достаточно большим количеством примеров таких изображений (вероятно, несколько десятков) в разных музеях мира. Приведу самые интересные.

¹³ Dulière 1979, 40–42; Matthiae 1962, 1–32.

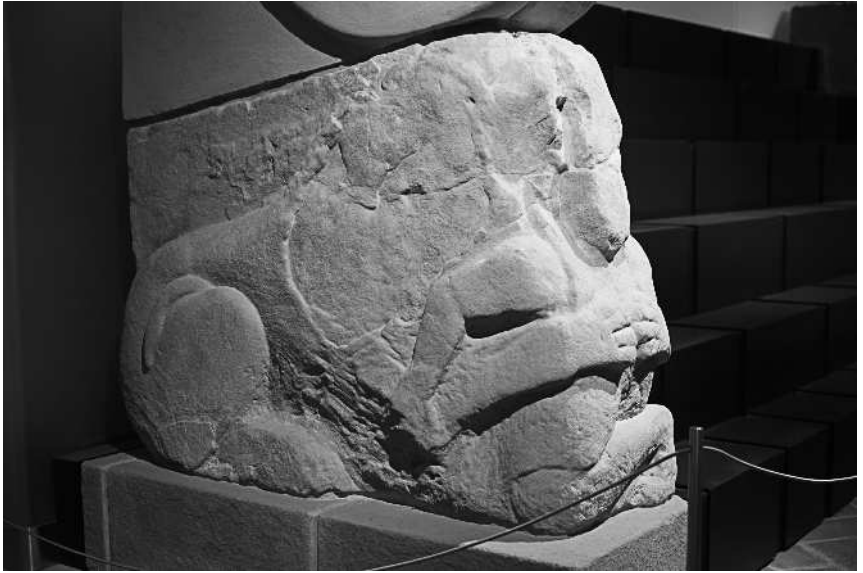
Рис. 5. Лестница тумулуса II с реконструкцией барельефа. VII–VI вв. до н. э.
Фото автора

1. В 1991 г., недалеко от города Кортонны, который расположен на юго-востоке Тосканы, было найдено большое этрускское захоронение — тумулус II. На вершину тумулуса, к алтарю, вела лестница с девятью ступенями (VII–VI вв. до н. э., рис. 5–6), которая по бокам была украшена симметричными барельефами с необычной композицией. Огромный кошачий хищник, самка, захватывает в пасть голову человека, вероятно, воина. Он, приняв невероятную и невозможную позу, вонзает в бок страшилищу нож. Само расположение барельефа — на лестнице, ведущей к алтарю над тумулусом, — позволило исследователям предположить, что скульптор изобразил борьбу между жизнью и смертью¹⁴.

2. Вероятно, к этому же типу следует отнести достаточно распространенную группу изображений, которую Расмуссен не так давно назвал «leg-in-mouth», то есть «нога в пасти» (около 600 г. до н. э., рис. 7)¹⁵. Здесь мы видим ряд изображений на вазах и металлических предметах, предназначение которых сложно определить: из пасти дикого животного торчат человеческие ноги, все остальное туловище уже, по-видимому, заглочено хищником. Удивляет отсут-

¹⁴ Bruschetti, Zamarchi Grassi 1999, 39; Materazzi 2008, 72–73; Bruschetti, Giulierini 2011, 183–184.

¹⁵ Rasmussen 2014, 145–157.

a)

b)

Рис. 6. Барельеф тумулуса П. VII-VI вв. до н. э. Фрагмент. Museo dell'Accademia Etrusca e della città di Cortona. Фото автора

Рис. 7. Металлический предмет. Около 600 г. до н. э. Museo dell'Accademia Etrusca e della città di Cortona. Фото автора

Рис. 8. Ситула из Чертозы. Конец VII – начало VI в. до н. э. Фрагмент. Museo Civico Archeologico di Bologna. Фото автора

Рис. 9. Рельеф с изображением волчицы. Le Musée Archéologique d'Arlon. II в. н. э. Взято с сайта: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Louve_anthropophage_Arlon_musee814.jpg; дата обращения 09.05.2020

ствие какой-либо динамики: человеческое тело словно болтается¹⁶. Хотя суммарно количество этих необычных артефактов не велико, однако они не редки для музеев Тосканы и остальной Европы.

3. В археологическом музее Болоньи хранится ситула из Чертозы (конец VII — начало VI в до н. э., см. рис. 8). На ее тулове представлены четыре горизонтальных регистра изображений. В третьем регистре сверху мы видим двух обращенных друг к другу мужчин в характерных широкополых шляпах, в руках у них — музыкальные инструменты. Они сидят на странном предмете мебели (диване?), по бокам которого — слева и справа — видны объемные изображения голов хищного животного (льва?). Хищник слева пожирает человека, а тот, что справа — животное, судя по длинным ушам, зайца¹⁷. Примечательно, что немного ниже, уже в четвертом

¹⁶ Вот как описывает эти композиции Варден: «Как ни странно, мы не можем утверждать, что человеческое существо именно пожираемо. Все, что мы видим, — это следствие предыдущего действия: животное, у которого из пасти свисают человеческие ноги. Изображение не обладает никакими особенными чертами; неясно, это конец или начало, неясны намерение и смысл. Мы лишь видим животное, неизменно самку, с частью человека, — обыкновенно это нога или торе, — свисающей из пасти» (Warden 2009, 199).

¹⁷ См.: Ducati 1923, 10; Warden 2009, 200. Качественную фотографию интересующей нас сцены см. в каталоге великолепной выставки, которая проходила в Нацио-

регистре, мы видим вереницу сфинксов, а один из них с «ногой в пасти».

4. Вероятно, к этому же типу изображений можно отнести поздний — II в. н. э. — рельеф из Арлона (Бельгия), где животное, по-видимому, волчица с набухшими сосцами, пожирает человека (рис. 9)¹⁸. Вельтер, исследователь рельефа, высказал справедливое суждение, что вряд ли стоит искать в нем греческое или римское влияние, хотя типологически они, по-видимому, сходны¹⁹. То же типологическое сходство можно найти еще позднее — в средневековой скульптуре (XII–XIII вв.) долины реки Серкьо, что протекает через город Лукку в северной Тоскане. На нескольких фасадах храмов сохранились скульптуры львов с человеческой добычей (рис. 10)²⁰. Однако если у этих изображений существуют античные корни и средневековый художник брал за образец этрусские памятники, то совершенно невозможно, чтобы он был знаком с идеями, которые воплощали этрусские мастера²¹.

Что же объединяет эти изображения? Имеют ли они только сюжетное сходство или сходство между ними гораздо более фундаментальное? Было высказано предположение, что стелу из Болоньи,

Рис. 10. Скульптурная группа, изображающая льва с добычей. Museo Nazionale di Villa Guinigi. Вт. пол. XII в. Фото автора

нальном археологическом музее Болоньи с 7 декабря 2019 г. и должна была бы идти и сейчас, когда пишется эта статья, если бы не непредвиденное закрытие на карантин: Etruschi 2019, 376. Прорисовка всей ситутлы: Ducati 1923, Tav. II, III.

¹⁸ О рельефе из Арлона: Welter 1911, 55–61; Espérandieu 1913. V. No 4053; Renard 1949, 255–282; Dulière 1979, 19; fig. 3; Dardenay 2010, 153.

¹⁹ Welter 1911, 61.

²⁰ Ducci, Martinelli 2018, 84, 86.

²¹ Дуччи и Мартинелли полагают, что на средневековой скульптуре представлен «этический поединок» («lotta etica») — вечная борьба добра и зла, где лев символизирует христианское начало, а его соперник — демоническую силу: Ducci, Martinelli 2018, 86.

стелу давнов (о ней чуть ниже), изображение «дивана» с ситутлы из Чертозы, рельеф из Арлона и, наконец, capitoлийскую волчицу нужно рассматривать в контексте представлений о загробной жизни и они не имеют никакого отношения к мифам об основании Рима. Исследователи солидарны в том, что в этих изображениях следует видеть переход от жизни к смерти²².

III. Наконец, третий тип: самка, кормящая одного или двух младенцев. Этот тип труднее всего трактовать. С одной стороны, хорошо всем знакомая сцена кормления будущего основателя Рима вытесняет любую другую трактовку; с другой стороны, древность изображений третьего типа и их удаленность от Рима — преимущественно та же Этрурия — позволяют предположить, что эти предметы были созданы в ином культурном контексте, нам совершенно неизвестном.

Мы располагаем несколькими изображениями, в которых можно угадать сцену кормления человеческого младенца диким животным (или их близкое соседство, вызванное неизвестными причинами), то есть сцену, которая, как нам кажется, должна быть связана с преданием об основании Города. К немалому сожалению, содержание этих картин скудно: только животное и дитя.

1. Карандини в 2002 г. высказал предположение, что самым ранним изображением близнецов является гравировка на золотой фибуле (675–650 гг. до н. э., рис. 11), найденной на некрополе Понте Содо, в Вульчи в 1830 г. Исследователь считает, что братья представлены во время знаменитого птицегадания при основании Рима, хотя в сцене присутствуют среди прочего и два волка²³. Действительно, персонажи рисунка имеют сходство с героями мифа. Мы видим двух воинов, обращенных друг к другу. В руках они держат щиты и мечи, на головах — шлемы. Вокруг них семь летящих птиц, которых невозможно идентифицировать, а по сторонам от героев изображены двое животных. Что именно за животные, сказать трудно, так как они обладают несовместимыми чертами: у них на ногах копыта, но при этом ощеренные пасти полны зубов, как у хищных зверей, возможно, львов²⁴. Впрочем, как сам Каранди-

²² О роли волка в погребальных ритуалах, зафиксированной в письменных источниках, нужно говорить специально.

²³ С самой работой Карандини мне не удалось ознакомиться, но его идея подробно излагается в: Сапу 2005, 129–131.

²⁴ Кнауэс опознает в этих птицах уток, а в животном — льва: Кнауэс 2015, 46, 48. Хотя исследователи в целом принимают, что здесь изображены именно львы, мне это не кажется убедительным. В типологически близкой фибуле из погребения Реголини-Галасси из Черветери (сер. VII в. до н. э.) эти животные изображены очень точно: Mansuelli 1963, 36–37; Nus 1980, pl. XIX.2.

Рис. 11. Золотая фибула из Вульчи. 675–650 гг. до н. э. Взято из: Кнауф 2015, 46

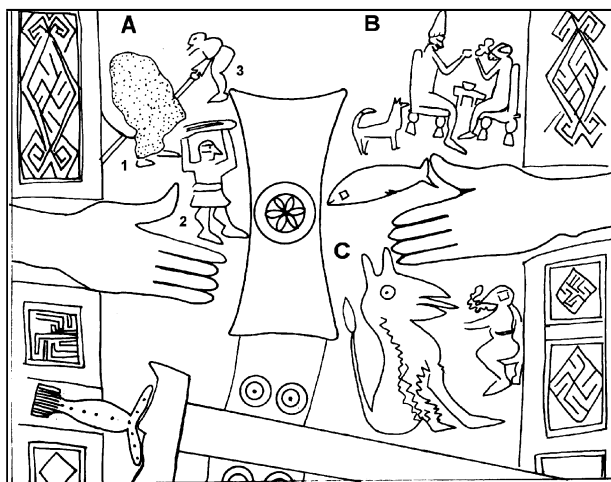

Рис. 12. Стела Сансоне. VII–VI вв. до н. э. Взято с сайта: <http://web.quipo.it/studipreistorici/fumetti.htm>; дата обращения 09.05.2020

ни, так и остальные исследователи не принимают сегодня такую трактовку или, как минимум, не принимают ее столь буквально. Видеть в семи птицах тех птиц, которые явились братьям при основании Рима, в одном из двух хищных животных — волчицу, а в двух воинах — Ромула и Рема слишком смело и дискуссионно не привлекательно²⁵.

2. Вероятно, мыслями о смерти продиктовано еще одно свидетельство, имеющее, впрочем, совсем иное происхождение: из Южной Италии — из Апулии. Одна из стел давнов, хранящаяся в музее-аптеке города Маттината (т. н. «Стела Сансоне», по имени антикара-фармацевта, влюбленного в местную историю, который первым рассказал итальянскому исследователю Ферри о существовании стелы) представляет последовательность символических изображений (VII–VI вв. до н. э., рис. 12)²⁶. Каменная плита имеет размеры 0,58×0,48×0,08 м. Возможно, изображенный на ней сюжет связан со смертью. На ней, как и на остальных стелах давнов, присутствуют образы множества животных, ассоциирующихся с потусторонним миром²⁷. Среди прочих мы видим на этой стеле загадочное животное, сидящее перед человеком. Ферри истолковал эту фигуру как волчицу с головой осла²⁸. Исследователь писал, что естественным философским фоном всех стел давнов является орфизм, но «речь идет о чистом орфизме, подлинном, постоянно воспроизводимом верующим народом, который не хочет умирать»²⁹.

3. Надгробную стелу из этрусской Фельсины (совр. Болонья) датируют концом V в. до н. э. Подобных памятников в форме огромной подковы найдено около двухсот (около 500–350 гг. до н. э., рис. 13)³⁰. Исследуемая стела композиционно состоит из двух частей. В верхнем регистре изображена лошадь, запряженная в колесницу, на которой стоит человек, а в нижнем — неизвестное жи-

²⁵ Canu 2005, 132–133; Carandini 2006, 400; Knauß 2015, 45–48.

²⁶ <https://www.duepassinelmistero2.com/studi-e-ricerche/arte/italia/puglia/gargano/la-stele-sansone/>; дата обращения 09.05.2020.

²⁷ Ferri, Nava 1974, 20, 22.

²⁸ Ferri 1963, 201–203; Dulière 1979, 19.

²⁹ Ferri, Nava 1974, 9. Впрочем, Л. Леоне видит на стеле давнов не волчицу, а «чудовищного пса», который не несет угрозы человеку перед ним. Более того, сюжет стелы не имеет отношения к миру мертвых. Детали, которые Ферри интерпретировал как сосцы волчицы, на прорисовке Леоне превращаются в простые штрихи, не определяющие пол животного (<http://web.quipo.it/studipreistorici/fumetti.htm>; дата обращения 09.05.2020). К сожалению, я не видел стелу своими глазами, но фотографии, которыми я располагаю, убеждают меня согласиться с Ферри, что штрихи на теле животного все-таки обозначают сосцы.

³⁰ Hus 1980, 121; Govi 2015, 7.

Рис. 13. Погребальная стела.
Museo civico archeologico di Bologna.
Конец V в. до н. э. Фото автора

Рис. 14. Ножка от цисты из Пренесте. Взято из: Bordenache Battaglia 1979, tav. XXXII, 12b

вотное, которое кормит младенца. Дукати уверен в том, что это волчица, и некоторые исследователи с ним согласны³¹. Однако не оставляет ощущение, что это может быть и другой зверь — львица, пантера или даже гиена³². Соблазнительно увидеть здесь сцену кормления диким животным будущего основателя города, что говорит о распространенности сюжета среди этрусков. Именно так поступают Дукати и Розенберг³³. Нельзя точно истолковать, что этой сценой хотел сказать мастер. Действительно ли здесь представлен сюжет аналогичный тому, что мы знаем из римских преданий? Не было ли у этрусков в V в. до н. э. сходной истории³⁴? И хотя по инерции мы видим здесь спасение будущего основателя города, вероятно, такая интерпретация слишком прямолинейна. Каркопино высказал суждение, которое сейчас принимают большинство исследователей. Подчеркивая связь между изображением умершего всадника и сценой кормления диким животным, он предположил, что речь идет не о будущем основателе, а о переходе в царство мертвых, а тот, кого кормят, уже вовсе не младенец, а взрослый — эфеб: «вместо того, чтобы быть съеденным животным, он пьет искупительное молоко и, таким образом, оказывается спасенным для вечности»³⁵. Поэтому до того, как сцена кормления человеческого младенца диким животным оказалась сцеплена с историей об основании Рима, она имела эсхатологическое значение³⁶.

К сожалению, мы фактически не можем подтвердить другими источниками предположение, что изображение на стеле из Фельсины связано с потусторонним миром. Наше знание о том, как этруски, жители Фельсины, представляли себе загробный мир, слишком неопределенно³⁷. Известно, что у этрусков существовали книги, где речь шла о смерти, которые назывались *Libri Acheruntici*, — именно такое название сохранилось у римских авторов. Мы располагаем лишь двумя небольшими фрагментами из сочинений римских писателей, откуда мы узнаем, что для превращения человеческой души в божественную нужно было совершить жертвоприношение животными. Эти самые новые божественные души Сервий и Арнобий

³¹ Ducati 1907, 487; Ducati 1910, 530; Rosenberg 1914, 1081; Hus 1980, 122 (автор даже убежден, что изображение на стеле соответствует описанию кормления *близнецов* у Вергилия: *Aen.* VIII.630–634); Momigliano 1989, 59.

³² Dulière 1979, 18–19.

³³ Ducati 1907, 495; Rosenberg 1914, 1081–1082.

³⁴ Именно так считает Спайви: Spivey 1997, 152.

³⁵ Carcopino 1925, 81–82.

³⁶ Krauskopf 2006, 68; Dardenay 2010, 153.

³⁷ Krauskopf 2006, 66.

называли *dii animales*, они были сходны с римскими пенатами — римскими богами предков³⁸.

Свидетельство Сервия (*Serv. Ad Aen. III.168*):

[...] ritum [...] de quo dicit Labeo in libris qui appellantur *de diis animalibus*: in quibus ait, esse quaedam sacra quibus animae humanae vertantur in deos, qui appellantur animales, quod de animis fiant. hi autem sunt dii penates et viales.

«Обряд, о котором Лабеем говорится в книгах, которые называются «*De diis animalibus*». В них он сообщает, что есть некоторые священнодействия, при помощи которых человеческие души превращаются в богов, эти боги зовутся animales, потому что они происходят от душ (animae). Это те же самые боги, что пенаты и виалы».

Свидетельство Арнобия (*Arnobius. Adv. nat. II.62*):

quod Etruria libris in Acheronticis pollicentur, certorum animalium sanguine numinibus certis dato divinas animas fieri et ab legibus mortalitatis educi.

«Они это обещают в Этрурии в Ахеронских книгах, что, пролив кровь определенных животных при определенных знаменьях, души становятся божественными и уходят от законов смертности».

Вряд ли мы можем быть столь оптимистичными, как Краускопф, которая считает, что хотя в выбранных текстах много случайно, тем не менее, они передают сущность этрусского представления о жизни после смерти³⁹. Два приведенных фрагмента представляют больше вопросов, чем ответов. Можно ли соотнести *dii animales* у Лабеена с этрусскими *divinae animae* у Арнобия? Сопоставимы ли жертвенные животные Арнобия (*certa animalia*) с жертвенными обрядами Лабеена (*quaedam sacra*)? Наконец, мы не знаем ничего существенного об источниках Лабеена⁴⁰ и Арнобия.

Тем не менее, есть большой соблазн сравнить сообщения этих двух авторов со стелой из этрусской Фельсины и даже с рельефом из Арлона и стелой давнов. Очевидно, что и в предметах, и в письменных сообщениях речь идет о переходе от жизни к смерти. Если допустить, что Лабеем и Арнобий дополняют друг друга, то можно ли увидеть связь между упоминанием о животных — какие бы они

³⁸ Подробный обзор проблемы см.: Martinelli 2017, 70–77. Также: Briquel 1999, 262–265; Briquel 2002, 143.

³⁹ Krauskopf 2006, 66.

⁴⁰ О Корнелии(?) Лабееме см.: Turfa 2012, 290–291 (с библиографией).

ни были — в текстах этих авторов с изображениями животных, о которых шла речь выше? Но, к сожалению, мы можем довольствоваться одним лишь желанием сопоставить текст и изображение. Хотя у этих изображений и текстов общая «животная» тема, общая идея перехода от человеческого к божественному — роль животных в них совершенно различна. Ключевое различие заключается в теме жертвенности. У Лабеоны и Арнобия животные являются жертвами, чего явно нельзя сказать про стелу из Фельсины, стелу давнов и рельеф из Арлона, где животное либо миролюбиво к человеку, либо его вскармливает, либо заглатывает.

4. К концу V в. до н. э. относят самое раннее изображение львицы, вскармливающей младенца, имеющее безусловную связь с легендой об основании города. Композиция представлена на ножках нескольких цист, которые происходят из Пренесте (совр. Палестрина, рис. 14)⁴¹. Вряд ли стоит сомневаться в том, что мы имеем дело с одним из вариантов мифа об основании: поза волчицы и младенца говорит, что это сцена кормления, лишенная эсхатологических нюансов. Происхождение цисты подсказывает, что речь может идти о легендарном основателе города — герое Цекуле. В свое время Брелик заметил, что миф о Ромуле и миф о Цекуле являются двумя вариациями одного и того же мифа⁴².

5. В 1879 г. Клюгманн опубликовал статью, где сообщал научно-му сообществу о новом предмете: это было древнее зеркало, найденное в районе города Больсены (что и закрепилось в названии: «зеркало из Больсены»), хотя было оно куплено у антиквара во Флоренции 13 декабря 1877 г. знаменитым ювелиром Алессандро Кастеллани (рис. 15). Клюгманн был убежден, что перед ним подлинный предмет. Но более ста лет его взгляды никто не разделял: очень быстро ученый мир пришел к выводу, что столкнулись с очередной фальшивкой. Первым, кто высказал это суждение, был Кёрте. Главным и, по сути, единственным его аргументом было то, что патина в отдельных местах отделилась; исследователь посчитал, что она неумело была нанесена в современную эпоху. Таким образом, выходило, что на древнее зеркало нанесли гравировку и покрыли его патиной⁴³.

⁴¹ Известные мне образцы хранятся в Берлине, в Риме в музее Вилла Джулия, а также в археологическом музее Палестрины. См.: Jurgeit 1979, 53–54 (К 22); Bordenache Battaglia 1979, 3, 25–27. Вайзмен, а вслед за ним Оукли ссылаются на загадочный экземпляр из коллекции Музея Эшмола в Оксфорде. Однако сотрудники музея по моей просьбе так и не смогли найти указанный артефакт. См.: Wiseman 1995, 66; Oakley 2005, 265.

⁴² Brelich 2010, 76. Один из очерков в этом томе трудов Брелика специально посвящен взаимоотношениям Рима и Пренесте: Brelich 2010, 39–82.

⁴³ Gerhard, Klügmann, Körte, 172.

Разочарованный Каstellани отдает зеркало в музей (Museo artistico e industriale di Roma), где с ним не особенно церемонятся: ученики, упражняясь в различных техниках, серьезно повредили его ручку. В 1939 г. зеркало вместе со всей коллекцией переходит в Antiquario comunale, где и хранится по сей день⁴⁴.

До 1982 г. зеркало, неся клеймо фальшивки, не входило в научный кругозор тех, кто занимался историей раннего Рима⁴⁵. И кажется, все научные выводы того времени приводят к такому убеждению: в 1979 г. Дюльер в своем фундаментальном издании фактически обходит стороной зеркало из Больсены⁴⁶; в 1980 г. Гвардуччи, «раскручивая» историю о другом предмете из Пренесте, о т. н. пренестинской фибуле, говорит о ловких подделках антикваров конца XIX в.⁴⁷; наконец, Борденаче-Батталья утверждает, что девять выгравированных изображений на цистах из Пренесте является подделками XVIII–XIX вв.⁴⁸. Общее резюме — перед нами типичная подделка конца XIX в.

Однако на этом волна скепсиса сошла на нет. В 1982 г. выходит статья Адама и Брикеля, которые скрупулезнейшим образом изучают зеркало и приходят к убедительному выводу, что как само зеркало, так и изображение на нем подлинные, а патина является древней⁴⁹. Этот вывод был признан повсеместно, и сейчас, кажется,

Рис. 15. Зеркало из Больсены. Третья четверть IV в. до н. э. Взято с сайта: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bolsena_mirror_Roscher_Lexikon_p1465.jpg; дата обращения 09.05.2020

⁴⁴ Inv. MAI 49. Размер: диаметр — 18,5 см, длина вместе с ручкой — 24,2 см. Сам музей, к сожалению, закрыт многие годы, и нет никаких сведений о том, когда он откроется.

⁴⁵ Среди исключений: Rosenberg 1914, 1082–1083.

⁴⁶ Dulière 1979, 72–73.

⁴⁷ Guarducci 1980, 509–529.

⁴⁸ Особенно: Bordenache Battaglia 1979, 130.

⁴⁹ Adam, Briquel 1982.

никто из исследователей не сомневается в подлинности предмета, изготовление которого относят к третьей четверти IV в. до н. э.⁵⁰.

Что за сюжет представлен на зеркале? Кто именно там изображен? Все научные догадки выстраиваются вокруг главных действующих лиц, изображенных в самом центре: двоих малюток кормит дикое животное. Большинство исследователей, хотя и не все, видят здесь Ромула и Рема. Таким образом, остальных персонажей определяют исходя из понимания этого мифа. Я приведу варианты, высказанные разными исследователями, не конкретизируя авторов.

- А. Обнаженный молодой человек, лежащий над кормящим животным, одетый только в накидку и шляпу, — Гермес, бог Палатина, бог-покровитель, Фауст/Фаустул.
- Б. Единственная женщина в этой сцене, укрытая покрывалом, — Рея Сильвия, Кармента, Акка Ларенция, Лара/Тацита.
- В. Еще один обнаженный человек, слева от младенцев, держащий в руках дубину и укрытый шкурой животного, — пастух, Фавн, луперк, Пан.
- Г. Наконец, последний свидетель сцены располагается справа. Он бородат, одет в тунику, в левой руке держит копьё — Фаустул, пастух, Тибр/Тиберин, Квирин.

Если в центре действительно изображены Ромул и Рем, то перед нами явно не каноничная версия мифа: кто бы ни были трое мужчин, стоявшие вокруг центральной сцены, среди них нет Марса, хотя в одной из двух птиц на дереве можно опознать дятла — животное, посвященное богу войны. Да и атрибуция хищников вызывает сомнение — тот, что снизу, скорее напоминает льва, а не волка, тогда и детей кормит львица, а не волчица⁵¹. Поэтому, если мы принимаем версию, что перед нами будущие основатели Рима, то тогда вся сцена, возможно, происходит у Луперкала, на что указывают камни пещеры, вокруг

⁵⁰ Weigel 1992, 293; Wiseman 1993, 1–6; Wiseman 1995, 65–71; Carandini 1997, 180–181; Cappelli 2000, 233–234; Frascetti 2002, 7–9; Dardenay 2010, 35–38; Dardenay 2012, 78–81; Albertson 2012, 23–24. За исключением Паризи Презичче, которая высказывает неуверенность: Parisi Presicce 2000, 19–20.

⁵¹ Е.М. Литвинова (канд.биол.н., асс., биофак МГУ) в частной переписке со мной высказала мнение, что это вообще разные животные: «центральный зверь — это волчица, которую сосут два младенца. На то, что это именно волк, указывает прорисованная вытянутая морда, длинная лохматая шерсть по корпусу и удлиненные волосы на загривке (именно на верхней части шеи, а не круговая грива, как, например, у льва). С нижним зверем посложнее, ибо он одновременно похож и на льва, и на волка. На мой взгляд, более круглая морда, намеченная грива и классический львиный хвост с кисточкой указывают именно на льва, но в европейской художественной традиции зачастую попадают и волки, выполненные в такой манере. Сравнить с верхним зверем затруднительно, т. к. они лежат в разных позах».

которой расположены близнецы, Рея Сильвия, пастух Фаустул и дядел. Присутствие остальных персонажей — львов и двух обнаженных мужчин — источники нам не объясняют.

Чтобы интерпретировать этих персонажей, исследователи пытаются либо дать новую трактовку близнецов, либо объяснить особым образом принципы художественной композиции. Так, Адам и Брикель полагают, что мастер шел по пути удваивания и не следовал сюжету буквально : двое детей (Ромул и Рем), значит для завершения композиции должно быть два льва/львицы и две птицы. Вайзмен трактует сюжет, начиная с тех, кто расположен вокруг главной сцены. Свое суждение он основывает на стихах Овидия (*Fasti*. II.583–616). Таким образом, Вайзмен опознает в фигуре лева — обнаженный мужчина с козлиной шкурой на плечах — Пана Ликейского; а в фигуре справа — Квирина, который держит копьё. Женщина в покрывале — молчаливая богиня Тацита, лежащий персонаж — Меркурий⁵². Таким образом, младенцы в центре — это не Ромул и Рем, а лары — покровители Рима, которых, по мнению Вайзмана, вскармливает волчица. Хотя второстепенные персонажи в такой трактовке согласуются с сохранившимся преданием, однако центральные определяются по остаточному принципу и не согласуются с традицией: мы не знаем ни одного предания, где ларов вскармливало бы какое-нибудь животное.

С моей стороны было бы в высшей степени самонадеянно представить на двух страницах все суждения и всю аргументацию, которые были высказаны за полтора столетия исследований зеркала из Больсены. И я не имею целью представить собственные домыслы относительно изображенного сюжета. Я удовлетворюсь совсем малым замечанием — на зеркале конца IV в. до н. э. в представленных персонажах никто не узнает Марса⁵³. Вероятно, такой вывод кажется менее интригующим и эффектным, если Вайзмен прав и перед нами действительно сцена с ларами, где присутствие Марса не предполагается. Но, как бы то ни было, — и для нас это очень важно, — Марса здесь нет.

6. Наконец, еще один предмет — фрагмент ручки бронзовой гидрии, который хранится сейчас в частной коллекции в Швейцарии. Место находки и точное время изготовления неизвестны. Но гидрия была изготовлена, вероятно, до 269 г. до н. э.⁵⁴ Мы видим на ней

⁵² Wiseman 1995, 70.

⁵³ Кажется, только Карандини опознает в этой сцене Марса вместо Меркурия на том простом основании, что «кто это может быть еще?!» См.: Carandini 1997, 180.

⁵⁴ Единственное доступное мне изображение ручки в: Parisi Presicce 2000, 20. Этот же автор и определяет датировку.

изображение волчицы, которая, почти образуя собою круг, нежно обнимает двух малюток; они не сосут волчицу, но уютно расположились под нею. В нижней части — под ногами детей и лапами зверя — видны извилистые линии. Можно предположить, что это река, откуда дети были спасены. Однако отсутствие указания на место находки не позволяют связать этот сюжет с римским мифом.

7. Когда же объединяются персонажи римского предания? Вероятно, это произошло до 269 г. до н. э., когда была отчеканена знаменитая дидрахма т. н. «римско-кампанского» типа (рис. 16). Уже многие десятилетия эти монеты являются предметом пристального внимания ученых, однако в отечественной историографии проблемы, связанные с ними, кажется, никак не затрагивались, поэтому немного задержимся на этом сюжете.

Итак, на лицевой стороне серебряной дидрахмы изображена голова Геркулеса: он безбород, увенчан диадемой, а внизу видна палица и шкура Немейского льва. На оборотной стороне представлена волчица с двумя человеческими детенышами, которые расположены под ней. Легенда — ROMANO(RVM) — говорит о принадлежности римскому народу. Обратим внимание, что голова волчицы повернута к детям и сама поза разительно отличается от позы Капитолийской волчицы. Римско-кампанские дидрахмы являются самыми древними серебряными монетами Рима. Датировка монет определяется двумя свидетельствами римских авторов: Ливия и Плиния Старшего, с чем не спорит никто. Рассмотрим их в отдельности. Ливий в X.23.11 пишет:

eodem anno Cn. et Q. Ogulnii aediles curules aliquot feneratoribus diem dixerunt; quorum bonis multatis ex eo quod in publicum redactum est aenea in Capitolio limina et trium mensarum argentea uasa in cella Iouis Iouemque in culmine cum quadrigis et ad ficum Ruminalem simulacra infantium conditorum urbis sub uberibus lupae posuerunt semitamque saxo quadrato a Capena porta ad Martis strauerunt.

«В том же году курульные эдилы Гней и Квинт Огульнии привлекли к суду нескольких ростовщиков; их лишили имущества, и на деньги, поступившие в казну, поставили медные пороги на Капитолии и серебряные сосуды на три престола внутри храма Юпитера⁵⁵, а также изваяние Юпитера на колеснице четверней на вершине его храма, а возле Руминальской смоковницы —

⁵⁵ Перевод, предлагаемый Н.В. Брагинской, не очень понятен. Что означают эти самые сосуды, установленные на трех престолах? Что это за престолы? Буквальный перевод «серебряные вазы трех столов» не проясняет ситуацию. Может быть, вазы для трех столов? Но тогда у Ливия было бы *tribus mensis*. Дж. Муч-

Рис. 16. Римская дидрахма. 269 г. до н. э. Взято с сайта: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=283&lot=146>; дата обращения 09.05.2020

изображения младенцев — основателей Города у сосцов волчицы, и, наконец, вымостили тесаным камнем дорогу от Капенских ворот до Марсова храма» (пер. Н.В. Брагинской).

События, о которых говорит Ливий, относятся к 296 г. до н. э. Райэ был первым, кто показал, что упоминание о статуе можно понимать в двух смыслах. Согласно одной трактовке, эдилы установили скульптурную группу волчицы вместе с Ромулом и Ремом, согласно другой — установили изображения только Ромула и Рема под уже существующей статуей волчицы, то есть именно то, что много позже, уже в XV в., сделает Поллайоло⁵⁶. Сам Райэ придерживался второго варианта, отмечая, что стиль Ливия очень точен, если бы ему нужно было сказать про волчицу с детьми, то он написал бы примерно так: *lupam cum infantibus* или *lupam ubera graebentem infantibus*⁵⁷. Каркопино, напротив, обращая внимание на порядок слов и на подчиненность глаголу *posuerunt* того, что сделали братья Огульнии, — медные пороги, серебряные сосуды, изваяние Юпитера, — считает, что речь должна идти о единой скульптурной группе⁵⁸.

Впрочем, нельзя исключить и третий вариант, что Ливий сам точно не знал, установили Огульнии всю группу — волчицу вместе

чигроссо полагает, что речь идет о сосудах с различной емкостью (*silver vessels of three measures*: Muccigrosso 2006, 199), никак особенно свой перевод не поясняя. Оукли оставляет фрагмент без комментария.

⁵⁶ Rayet 1880, 2–3 (глава «Louve en bronze»).

⁵⁷ Rayet 1880, 3. Принимают: Dulière 1979, 54–55; Adam, Briquel 1982, 49.

⁵⁸ Carcopino 1925, 23–24. Принимают: Oakley 2005, 264 (основная библиография — 266); Dardenay 2012, 82. Холлеман сомневается, что Ливий стал бы использовать глагол *posuerunt*, если бы хотел сказать только, что к статуе волчицы были добавлены изваяния детей (Holleman 1987, 429. п. 1). Паризи Презичче считает, что разрешить проблему невозможно: Parisi Presicce 2000, 21–22.

с детьми — целиком или ее часть. Произошло это вследствие того, что он опирался на более ранние источники, из которых нельзя было сделать однозначного вывода⁵⁹. Если статуя сохранилась до времени жизни падуанского историка и он видел ее собственными глазами, значит по ней нельзя было с точностью сказать, была ли вся композиция отлита в одно время или в разное. Впрочем, мудреная формулировка в тексте Ливия, по мнению Розенберга, может объясняться неясной надписью (несохранившейся) на цоколе памятника (несохранившегося)⁶⁰. Резюмируем: исследователи демонстрируют редкое единодушие, утверждая, что изображение на серебряной монете и монумент Огульниев связаны между собой.

Можно ли предположить, выбирая вариант чтения Райэ, что Огульнии присоединили изваяния двух младенцев к уже имевшейся статуе волчицы, а сама эта статуя — знакомая нам Капитолийская волчица? Хотя такое предположение и заманчиво, однако, оно маловероятно, так как поза волчицы, изображенной на монете, сильно отличается от позы Капитолийской волчицы. Как мы помним, голова Капитолийской волчицы повернута в бок почти под углом 90 градусов по отношению к туловищу. Если эту композицию перенести на плоскость, то голова должна быть расположена анфас. И сам этот разворот подразумевает, что никаких детей под зверем не было⁶¹. Таким образом, если бы автор монетной чеканки взял за образец памятник Огульниев, то воспроизвел бы и позу зверя. Однако этого не произошло: на монете все внимание волчицы обращено на детей. Дюльер, прекрасно понимая это противоречие, пытается реанимировать старую идею Лойви, что образцом для дидрахмы стала монета из критской Кидонии, которая римлянам могла стать известна через Александрию⁶². Собака на кидонской монете (IV в. до н. э.) вскармливает младенца Кидона, композиция сходна с римской монетой. Свою гипотезу исследовательница доказывает очень изящно: по источникам известно, что связь между Римом и Александрией наладили именно Огульнии (*Dion. Hal. XX.14; Val. Max. IV.3.9; Liv. Per. XIV; Eutr. II.15*)⁶³. Однако в поиске подобных связей не отказываем ли мы итальяйскому граверу в оригинальности? Неужели таинство рождения творческой идеи нужно обязательно

⁵⁹ О зависимости Ливия в этом месте от его источников см.: Bachofen 1867, 184; Wiseman 1995, 73–74.

⁶⁰ Rosenberg 1914, 1080.

⁶¹ Dulière 1979, 55.

⁶² Löwy 1934, 79. Тем самым Лойви удревает римскую дидрахму. См. также: Head 1911, 463; Dulière 1979, 55–56. Безоговорочно принимает Браун: Brown 1981, 71–72.

⁶³ Dulière 1979, 50–51.

сводить к заимствованию, которое, кстати, само по себе мало что объясняет? Ведь если мы зададимся вопросом, где кидонский мастер нашел модель для своего изображения, то разве ответ, что он, дескать, позаимствовал композицию у другого иноземного мастера, не будет означать, что мы просто-напросто боимся признать за его произведением оригинальные черты? Разумеется, речь *может* идти о заимствовании. Но сам по себе факт внешнего сходства между римской монетой и кидонской ни о чем не говорит: разные мастера могут прийти к одной и той же модели независимо друг от друга. Очень похоже, что гравер римской монеты следовал за местными преданиями. Вероятно, он или его заказчики должны были держать в голове тот символический образ волчицы, который сложился в римском (шире — в итальяском) обществе к III в. до н. э. Неизвестно, была ли связь между хтоническим животным и волчицей, кормящей будущих основателей. Но стоит, пожалуй, согласиться с Холлеменом, что художник мог ориентироваться именно на итальянские образцы, а не на кидонскую монету⁶⁴.

Сообщение Ливия X.23.11, изученное вдоль и поперек, вряд ли может решить проблему, если сосредоточиться только на нем. Нужно признать, что есть две примерно равные возможности понимания текста. Три соображения, вероятно, не самые убедительные, приводят меня к мысли, что Огульнии установили скульптурную грушу целиком.

А. Если Ливий удостоил упоминанием установление скульптур двух младенцев под уже существовавшей статуей волчицы (пусть даже в совокупности с порогом, сосудами и колесницей Юпитера), то почему тогда он умолчал об установлении самой статуи волчицы? Мы не можем объяснить это тем, что некоторые книги не сохранились. Мы располагаем первыми десятью книгами без лакун. Никакого упоминания о статуе волчицы в тексте Ливия до этого не было. Впрочем, справедливости ради заметим, что античные авторы вовсе не горели желанием рассказывать о появлении всех достопримечательностей Рима. Даже в главе X.23.11 Ливий говорит не столько о том, *какой памятник* поставили Огульнии, сколько *при каких обстоятельствах* они его поставили: ростовщиков привлекли к суду, и Огульнии получили возможность распорядиться их

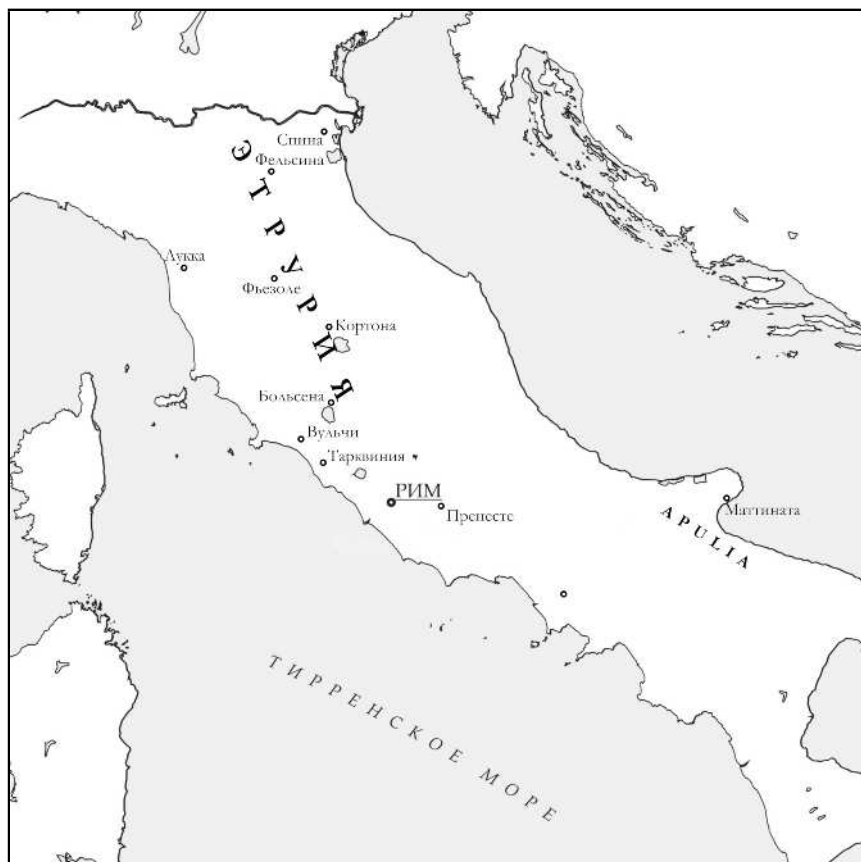
⁶⁴ Holleman 1987, 428. Исследователь исходит из того, что Рим находился под властью или, как минимум, под влиянием этрусков, а в Капитолийской волчице он видит этрусскую богиню Terra Mater. После работы Т. Корнелла это суждение трудно принять однозначно (Cornell 1995, 151). Хотя предположение, что в Риме могли находиться этрусские статуи, вполне правдоподобно.

имуществом. Таким образом, Ливий потому не упомянул статую волчицы, что она появилась в Риме вне события, заслуживающего внимания историка.

- Б. Если считать правдоподобным, что монета 269 г. отчеканена на основании памятника, то композиция, вероятно, передавала общий вид скульптурной группы: спина волчицы изогнута, а голова обращена к детям. Тогда было бы странно представить изваяние волчицы в такой позе без детей. Эванс попыталась доказать, что скульптуры младенцев были присоединены позднее. Исследовательница, ссылаясь на работу Рихтера, утверждает, что существовали изображения животных в изогнутой позе (назовем ее «позой нежности»), подразумевающей, что они обнимают или вылизывают детенышей, но, однако, без детенышей. Значит, и волчица могла изображаться без младенцев⁶⁵. Эванс приводит примеры таких изображений (корова, бык, собака, коза и гиена, изгибающиеся всем телом), однако позы этих животных не имеют ничего общего с позой волчицы, вскармливающей детенышей. Кто-то из них собирается лечь (рис. 121 у Рихтера), кто-то пытается укунить себя в бок (рис. 102), кто-то играет на лугу (рис. 91), кто-то просто на ходу смотрит в сторону (рис. 167). Пожалуй, только в изображении гиены на гемме можно увидеть некоторое сходство с волчицей, повернувшейся к детям, однако при внимательном рассмотрении видно, что гиена пытается вытащить попавшее в нее копыце⁶⁶. Мне представляется маловероятным, чтобы художник, создававший композицию римской монеты, опирался на изображение животного, чья изогнутая поза объяснялась совершенно иными причинами. Поза волчицы на монете — это именно поза кормления, «поза нежности», а вовсе не поза игры, не поза боли или бегания от счастья на лугу. Да и то, что все эти изображения греческие, а не римские, также подтачивает аргументацию Эванс, так как неизвестно, видел ли римский автор греческие образцы.
- В. Если понимать буквально слова Ливия, что памятник был установлен у Руминальской смоковницы, а не перенесен туда откуда-то еще, то значит, у Огульниев было представление о связи между младенцами, волчицей и деревом, символизирующим миф об основании города. Поэтому вряд ли у Руминальской смоковницы установили бы скульптуру волчицы без детей.

⁶⁵ Evans 1992, 81 n. 65.

⁶⁶ Соответственно, рисунки в: Richter 1930, figs. 121, 102, 91, 167, 48.

Карта ареала находок, упомянутых в статье. Выполнена автором

Как бы то ни было, изображение на оборотной стороны монеты — волчица, кормящая детей — основывается на монументе Огульниев, что позволяет определить *terminus post quem* для выпуска монеты — 296 г. до н. э. Это редкий в науке случай, когда ученые на эту тему больше не дискутируют. Альтгейм сделал попытку определить дату более точно. Он высказал идею, что если волчица связана с родом Огульниев, то изображение головы Геркулеса должно быть связано с родом Фабиев. Таким образом, оставалось лишь найти год, когда представители рода Огульниев и Фабиев вместе занимали высокий римский пост. Это 269 год⁶⁷. Текст Плиния Старшего поразительным образом подтверждает идею Альтгейма: *Argentum signatum anno urbis CCCCLXXXV, Q. Ogulnio C. Fabio cos., quinque annis ante primum Punicum bellum* («В год от основания города 485 (269 г. до н. э.) была отчеканена серебряная монета, когда консулами были Кв. Огульний и Гн. Фабий, за пять лет до первой Пунической войны»). Таким образом, получается, что лицевая сторона монеты была связана с одним консулом, Гн. Фабием, а оборотная сторона отсылала к событиям двадцатисемилетней давности, когда в эдильство Кв. Огульния был установлен памятник с волчицей и младенцами⁶⁸.

Братья Квинт и Гней Огульнии — персонажи, достойные отдельной работы, о них специально я говорить не буду, так как это сильно уведет в сторону. Они сыграли столь значительную роль в римской культуре 300–269 гг., что Мадзарино назвал это время «эпохой Огульниев» (*l'epoca degli Ogulnii*)⁶⁹. То, что род Огульниев имел этрусское происхождение, позволило Холлеману заключить, что они знали о связи волчицы с хтоническими божествами: «Очевидно, этруски знали, что у волчиц ярко выражен материнский инстинкт, что подтверждает современная зоология. Поэтому этруски выбрали волчицу в качестве подходящего олицетворения *Terza Mater* (этруская богиня *Cel.*⁷⁰ — *A. M.*), точно так же, как жители Египта, где волков как не было, так и нет, для этой цели

⁶⁷ Broughton 1951, 199.

⁶⁸ Это предложил Альтгейм. Его точку зрения не принимает Дж. Милн, который сомневается, что к середине III в. до н. э. Фабии обозначали свое родство с Геркулесом и что римляне того времени стали бы воспроизводить на монетах монумент Огульния (Milne 1946, 99). Л. Брелья, принимая логику Альтгейма, связывает выпуск монеты с консульством Кв. Фабия в 295 г.: Breglia 1952, 127 (non vidit). См.: Broughton 1951, 177; Thomsen 1961, 116–122. Эванс, однако, сомневается, что именно консулы были ответственными за выбор изображения на монетах: Evans 1992, 62–63.

⁶⁹ Mazarino 1966 (vol. II), 244.

⁷⁰ Simon 2006, 57.

выбрали священную корову (Хатхор). Как бы то ни было, Капитолийская волчица — это не та волчица, которую установили при Огульнях»⁷¹.

Однако торжество теории Альтхейма было не безусловным. Некоторые вольнодумцы попытались выбить обе опоры из-под надежной конструкции принятой всеми исследователями теории. Во-первых, усомнились в том, что в 269 г. за чеканку монет отвечали консулы, а не другие магистраты, например, цензоры или *tresviri monetales* (*Pomponius. Dig. 1.2.3.30–32*)⁷². Во-вторых, как показала Эванс, монеты, прославлявшие представителей того или иного рода, появились значительно позднее — после 137 г.⁷³

Однако, прав Альтхейм или нет, изображение волчицы, вскармливающей детей, уверенно заняло место в римской чеканке начиная с III в. до н. э. Я позволю себе пропустить длинную фазу развития монетной чеканки с волчицей и детьми и отошлю читателя к подробному перечню сохранившихся нумизматических образцов, который содержится в монографиях Дюльбер и Альбертсона. Эта фаза — между 269 г. и началом I в. до н. э. — для моего исследования не имеет решающего значения. Все мое длинное и подробное исследование, по сути, сводится к одной простой фразе: примерно с VII в. до н. э. мы располагаем значительным количеством изображений волчиц (или самок кошачьих хищников), либо хищниц вместе с человеком, либо с одним или двумя младенцами, но нигде при них нет знаменитого отца близнецов — бога Марса. Самое поразительное в этом, что Марса в этой сцене начинают изображать очень поздно — только в начале I в. до н. э.

8. До нашего времени сохранились шесть гемм со сходным композиционным решением, которые относятся к I в. до н. э. В композиции на них большую часть пространства занимает обнаженный воин в шлеме, с копьем в левой руке и со щитом в правой. Вероятно, он спускается с неба: левой ногой он вот-вот коснется земли, правая отведена чуть назад. Перед ним лежит женщина, слегка согнув ноги, вытянув левую руку вдоль тела, а правую заведя за голову, словно опираясь. По-видимому, одеждой укрыта лишь нижняя часть тела. Изображение на других геммах более позднего времени не оставляет в нас сомнений, что перед нами — Марс и Рея Сильвия. В качестве других примеров приведу фреску из дома М. Фабия Секунда в Помпеях (10–30 гг. н. э.), мраморный рельеф из Рима, который сейчас хранится в Палаццо Массимо

⁷¹ Holleman 1987, 428.

⁷² Sutherland 1974, 19, 27; Crawford 1985, 42–43; Evans 1992, 62.

⁷³ Evans 1992, 62.

(около 40 г. н. э.) и многие другие⁷⁴. Здесь в исследовании сюжета я ставлю точку.

Сам по себе вывод, что Марс с Реей Сильвией появляется лишь в I в. до н. э., не имеет никакой научной новизны, это уже давно отмечали самые разные исследователи. Неоднократно они обращали внимание и на странность, что между первым упоминанием Марса в литературных источниках в связи с мифом об основании Рима (конец III — начало II в. до н. э.) и первым изображением бога в этом сюжете (начало I в. до н. э.) прошло значительное время. Неизбежно возникает вопрос, в чем причина такого значительного временного разрыва (около 150 лет). Сохранность источников — вот универсальный ответ на этот вопрос: мы располагаем лишь фрагментами изобразительного наследия древних римлян, и изображения II в. до н. э. до нашего времени просто не сохранились.

Разумеется, такой ответ вполне имеет право на существование.

Недавно я сделал предположение, основанное только на анализе литературных источников, что в рассказах первых римских историков об основании Рима сюжет о Марсе был вставлен достаточно поздно⁷⁵. Не исключено, что первым, кто записал это предание, был Цицерон. В *De rep.* II.2.4 он пишет, что Ромул был сыном Марса, согласно весьма древнему преданию (*qui patre Marte natus — concedamus enim famae hominum, praesertim non inveteratae solum etc.*). Мы неоднократно встречали у Цицерона упоминания, что он читал труд Фабия Пиктора (*De orat.* II.51–53; *Leg.* I.6; *Div.* I.43; I.55). Может показаться неожиданным, что в этом случае Цицерон следует только за молвой, полностью пренебрегая сочинениями своих предшественников, на которые он в других случаях охотно ссылается.

Если Цицерон действительно был первым из литераторов, кто ввел упоминание о Марсе в контекст мифа об основании города, то можно сделать вывод, что резчики гемм опирались не на литературный текст, а именно на устное предание.

Вопрос, который я поставил в заглавии статьи и который является стержнем настоящего исследования, остается без ответа: существует ли связь между изображениями хищниц без детенышей и хищниц, которые вскармливают младенцев? связь между эхатологическими представлениями этрусков, отчасти воплотившимися в образе самки хищного зверя, кормящего или убивающего человека, и фантазией художников, которые увидели символ нового города

⁷⁴ Подробно говорится в: Albertson 2012, 24 sqq., Dardenay 2012, 82 sqq. (с библиографией).

⁷⁵ Мосолкин 2020, 422–444.

в образе волчицы с двумя младенцами? неужели в ходе развития предания убийца людей превратилась в мать-кормилицу или это случайное совпадение? Причина «неудачи» исследования заключается в неудовлетворительной сохранности наших источников как литературных, так и изобразительных. Все, что мы можем на нынешнем этапе, — это скрупулезно собирать все материалы, которые хоть как-то связаны с персонажами мифа об основании Рима.

Литература

- Мосолкин А.В.* Был ли Марс отцом Ромула и Рема? Комментарии к некоторым свидетельствам ранней римской историографии // *Nomo omnium horarum*. Сб. статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / Под ред. А.В. Белоусова, Е.В. Илюшечкиной. М., 2020. С. 422–444.
- Adam R., Briquel D.* Le miroir prénestin de l'Antiquario Comunale de Rome // *Mélanges de l'École française de Rome — Antiquité*. 94. 1982. P. 33–65.
- Albertson F.C.* Mars and Rhea Silvia in Roman Art. Bruxelles, 2012.
- Arte nella Valle del Serchio. Tesori in Garfagnana e Mediavalle dall'Alto Medioevo al Novecento / A cura di Annamaria Ducci, Stefano Martinelli.* Lucca, 2018.
- Bachofen J.J.* La lupa romana su monumenti sepolcrali dell'impero // *Annali dell'istituto di corrispondenza archeologica*. 39. Roma, 1867. P. 183–200.
- Bordenache Battaglia G.* Le ciste prenestine. I.1. Consiglio nazionale delle ricerche, 1979, Roma.
- Breglia L.* La prima fase della coniazione romana dell' argento. Roma, 1952 (Collana di Studi Numismatici III).
- Brelich A.* Tre variazioni romane sul tema delle origini. Roma, 2010.
- Briquel D.* La civilization étrusque. Fayard, 1999.
- Briquel D.* «Remarques sur le sacrifice étrusque», communication au colloque La fête, la rencontre des dieux et des hommes, sous la direction de M. Mazoyer, J. Pérez Rey, F. Malbran-Labat, R. Lebrun, Paris, décembre 2002 (paru à Paris, collection Kubaba, 2004). P. 133–157.
- Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. Atlanta, Georgia, 1951.
- Brown E.L.* The Lycidas of Theocritus' Idyll 7 // *Harvard Studies in Classical Philology*. 85. 1981. P. 59–100.
- Bruschetti P., Giulierini P.* Museo dell'Accademia Etrusca e della Città di Cortona. A Guide to the Collections. Cortona, 2011.
- Bruschetti P., Zamarchi Grassi P.* Cortona Etrusca: esempi di architettura funeraria. Cortona, 1999.
- Canu N.* Le valenze del lupo nel mondo romano. Periodo arcaico ed età repubblicana. Università degli studi di Sassari, 2005.
- Cappelli R.* Il Lupercale più antico e più affollato: lo specchio di Bolsena // Roma. Romolo, Remo e la fondazione della città / A cura di A. Carandini e R. Cappelli. Milano, 2000. P. 233–234.

- Carandini A.* La nascita di Roma. Dèi, lari, eroi e uomini all'alba di una civiltà. I–II. Torino, 1997.
- Carandini A.* Remo e Romolo. Torino, 2006.
- Carcopino J.* La louve du Capitoline. Paris, 1925.
- Carruba A.M.* La Lupa Capitolina. Un bronzo medievale. Roma, 2006.
- Cornell T.J.* The Beginning of Rome. London, 1995.
- Crawford M.H.* Roman Republican Coinage. I–II. Cambridge, 1985.
- Dardenay A.* Les mythes fondateurs de Rome: images et politique dans l'Occident romain. Paris, 2010.
- Dardenay A.* Images des fondateurs d'Énée à Romulus. Paris, 2012.
- Evans J.D.* The Art of Persuasion. Political Propaganda from Aeneas to Brutus. Ann Arbor, 1992.
- Ducati P.* Una stele etrusca nel Museo Civico bolognese // Atti e memorie. Vol. XXV. Bologna, 1907. P. 486–496.
- Ducati P.* Le pietre funerarie felsinee // Monumenti antichi. Pubblicati per cura della Reale Accademia dei Lincei. Vol. XX. Milano, 1910. P. 357–728.
- Ducati P.* La situla della Certosa. Bologna, 1923.
- Dulière C.* Lupa romana. 1–2. Bruxelles; Rome, 1979.
- Espérandieu É.* Recueil général des bas-reliefs, statues et bustes de la Gaule romaine. T. V. Paris, 1913.
- Etruschi. Viaggio nelle terre dei Rasna / A cura di L. Bentini, M. Marchesi, L. Minarini, G. Sassatelli. Bologna, 2019.
- Ferri S.* Stele «daunie» — III // Bollettino d'Arte. 1963. P. 197–206.
- Ferri S., Nava M.L.* Stele daunie. Manfredonia, 1974.
- Formigli E.* La Lupa Capitolina. Un antico monumento cade dal suo piedistallo e torna a nuova vita // Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Römische Abteilung. Bd. 118. 2013. P. 505–530.
- Fraschetti A.* The Foundation of Rome. Edinburgh, 2002.
- Gerhard E., Klügmann A., Körte G.* Etruskische Spiegel. 5. Bd. Berlin, 1897.
- Gliwitsky Ch.* Etruskisch-römische Bronzewerke // Die Etrusker von Villanova bis Rom / Hrsg. von F.S. Knauß, J. Gebauer. München, 2015. S. 308–309.
- Govi E.* Il linguaggio figurativo delle stele felsinee // Studi sulle stele etrusche di Bologna tra V e IV sec. a. C. / A cura di E. Govi. Roma, 2015. P. 7–42.
- Guarducci M.* La cosiddetta *Fibula Prenestina*. Antiquari, eruditi e falsari nella Roma dell'Ottocento. Roma, 1980.
- Head B.V.* Historia numorum. Oxford, 1911.
- Holleman A.W.J.* The Ogulnii monument at Rome // Mnemosyne. 40. 1987. P. 427–429.
- Hurwit J.M.* Lizards, Lions, and the Uncanny in Early Greek Art // Hesperia. 75. 2006. P. 121–136.
- Hus A.* Les etrusques et leur destin. Paris, 1980.
- Jurgel F.* Le ciste prenestine. II. Studi e contributi. Roma, 1979.
- Knauß F.S.* Schmelztiegel Etrurien // Die Etrusker von Villanova bis Rom / Hrsg. von F.S. Knauß, J. Gebauer. München, 2015. S. 45–101.

- Krauskopf I.* The Grave and Beyond in Etruscan Religion // The Religion of the Etruscans / Ed. by N. Thomson de Grummond, E. Simon. Austin, 2006. P. 66–89.
- La Rocca E.* Una questione di stile // La lupa Capitolina. Nuove prospettive di studio. Incontro-dibattito in occasione della pubblicazione del volume di Anna Maria Carruba, La Lupa Capitolina: un bronzo medievale Sapienza, Università di Roma, Roma 28 febbraio 2008 / A cura di G. Bartoloni. Roma, 2010. P. 117–150.
- Mansuelli G.* Etrurien und die Anfänge Roms. Zürich, 1963.
- Martinelli M.* Religione e riti in Etruria. Roma, 2017.
- Materazzi G.* Cortona e il suo territorio «tra il mito e la storia». Alle luce delle ultime scoperte archeologiche. Calosci; Cortona, 2008.
- Matthiae P.* Il motivo della vacca che allatta nell'iconografia del vicino oriente antico // Rivista degli studi orientali. 37. 1962. P. 1–32.
- Mazzarino S.* Il pensiero storico classico. Vol. I–III. Roma; Bari, 1966.
- Mazzoni C.* She-Wolf. The Story of a Roman Icon. Cambridge, 2010.
- Milne J.G.* The Problem of the Early Roman Coinage // The Journal of Roman Studies. 36. 1946. P. 91–100.
- Momigliano A.* The Origins of Rome // The Cambridge Ancient History / Ed. by F.W. Walbank, A.E. Austin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie. Vol. VII.2. Cambridge, 1989. P. 52–112.
- Muccigrosso J.* Religion and politics: did the Romans scruple about the placement of their temples? // Religion in Republican Italy / Ed. by C.E. Schultz, P.B. Harvey. Cambridge, 2006. P. 181–206.
- Oakley S.P.* A Commentary on Livy. Vol. IV: Book X. Oxford, 2005.
- Pallottino M.* Etruscan Paintings. Geneva, 1952.
- Rasmussen T.* «Leg-in-mouth»: un motif orientalisant // Les potiers d'Etrurie et leur monde: Contacts, échanges, transferts. Hommages a Mario A. Del Chiaro / Ed. L. Ambrosini, V. Jolivet. Paris, 2014. P. 145–157.
- Rayet O.* Monuments de l'art antique. I. Paris, 1880.
- Renard M.* La louve androphage d'Arlon // Latomus. 8. 1949. P. 255–262.
- Richter G.M.A.* Animals in Greek Sculpture. Oxford, 1930.
- Rosenberg A.* Romulus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Zweite Reihe. Erster Halbband. 1914, Col. 1074–1104.
- Simon E.* Gods in Harmony: The Etruscan Pantheon // The Religion of the Etruscan / Ed. by N. Thomson de Grummond and E. Simon. Austin, 2006. P. 45–65.
- Small J.P.* Romulus et Remus // Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. VII.1. Zürich; München, 1994. P. 639–644.
- Spivey N.* Etruscan Art. London, 1997.
- Sutherland C.V.H.* Roman Coins. London, 1974.
- Thomsen R.* Early Roman Coinage. A Study of the Chronology. Vol. III. Nationalmuseet. Copenhagen, 1961.
- Turfa Jean MacIntosh.* Divining the Etruscan World: The Brontoscopic Calendar and Religious Practice. Cambridge, 2012.

- Warden P.G.* The Blood of Animals. Predation and Transformation in Etruscan Funerary Representation // *New Perspectives on Etruria and Early Rome. In honour of R.D. De Puma / Ed. by S. Bell, H. Nagy. University of Wisconsin Press, 2009. P. 198–218.*
- Welter G.* Notes de mythologie gallo-romaine // *Revue Archéologique. 17. 1911. P. 55–66.*
- Weigel R.* Lupa Romana // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. VI.1. Zürich; München, 1992. P. 292–296.*
- Wiseman T.P.* The she-wolf mirror: an interpretation // *Papers of the British School at Rome. 61. 1993. P. 1–6.*
- Wiseman T.P.* Remus: A Roman Myth. Cambridge, 1995.

А.М. Крюков

ТРАКТОВКА КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ГРЕЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ

Всякий, кому приходилось перелистывать пособия по греческому языку, опубликованные в современной Греции, мог обратить внимание на характерный для этих изданий специфический подход к вопросу о залоге, весьма отличный от принятого в западной или отечественной традиции. Самому понятию «залог» в новогреческом языке соответствуют два различных термина с разным смысловым наполнением — *διάθεσις* (в димотике *διάθεση*) и *φωνή*, которые мы во избежание путаницы будем передавать далее как «залог» и «залоговая форма» соответственно. В «Грамматике древнегреческого языка» А. Дзардзаноса предлагается следующее разъяснение этих терминов:

Залогом (*διάθεσις*) глагола называется обозначаемое им состояние подлежащего.

- 1) Глаголами действительного залога (*ἐνεργητικῆς διαθέσεως*), или активными, называются те, которые означают, что подлежащее производит действие...
- 2) Глаголами среднего залога (*μέσης διαθέσεως*), или медиальными, называются те, которые означают, что подлежащее производит действие, причем это действие возвращается к нему самому...
- 3) Глаголами страдательного залога (*παθητικῆς διαθέσεως*), или страдательными, называются те, которые означают, что подлежащее нечто претерпевает...
- 4) Глаголами нейтрального залога¹ (*οὐδέτερας διαθέσεως*) на-

---

¹ Здесь и далее мы передаем греческий термин *οὐδέτερα/οὐδέτερον* в применении к грамматическому залогу как «нейтральный» (лат. *neutrum*). Тот же самый термин, выступая в качестве обозначения одного из грамматических родов, традиционно переводится на русский язык как «средний», однако в данном случае это прилагательное уже закреплено за медиальным залогом (греч. *μέση*, лат. *medium*).

зываются те, которые означают, что подлежащее не действует и ничего не претерпевает, но просто находится в некоем состоянии...².

Далее автор упоминает о спряжениях глаголов и лишь в следующем параграфе переходит к понятию залоговой формы:

Залоговой формой (φωνή) глагола называется совокупность его форм. Всякий глагол имеет два залога или две совокупности форм, а именно:

- 1) Активная залоговая форма (ἐνεργητικὴν φωνήν), то есть совокупность форм, которая начинается с окончаний -ω или -μι...
- 2) Медиальная залоговая форма (μέσην φωνήν), то есть совокупность форм, которая начинается с окончаний -ομαι или -μαι...³.

Приведенные цитаты — не более чем пример: отраженная в них схема является общепринятой в современной греческой практике и тиражируется в десятках пособий не только по древнегреческому, но и по новогреческому языку, хотя залоговая система последнего и выглядит проще за счет отсутствия времен, в которых имело бы место формальное различие между пассивными и медиальными формами. Вариации возможны лишь в отношении именования второй залоговой формы (φωνή), которая у одних авторов называется медиальной, а у других — страдательной. В частности, в грамматике М. Триандафиллидиса (1941 г.), которая несмотря на свой почтенный возраст до сих пор считается одной из наиболее авторитетных, так что ее сокращенные версии продолжают активно использоваться в практике школьного обучения, читаем:

Действие (ἐνέργεια), страдание (πάθημα) или состояние (κατάσταση), то есть значение, которое имеет глагол, называются его залогом (διάθεση). Залог глагола бывает четырех разновидностей: действительный (ἐνεργητική), страдательный (παθητική), средний (μέση) и нейтральный (οὐδέτερη)⁴. И далее: «Глагол имеет не только значение, но и форму, способ образования. Совокупность глагольных форм, имеющих в 1-м лице изъявительного наклонения настоящего времени окончание -ω, называется активной залоговой формой (ἐνεργητικὴ φωνή).

² Τζαρτζάνος 1963, 85.

³ Ibid., 85–86.

⁴ Τριανταφυλλίδης 2002, 304.

Совокупность глагольных форм, имеющих окончание *-μαι*, называется страдательной залоговой формой (*παθητική φωνή*)⁵.

Описанная трактовка понятия залога, вероятно, должна вызывать значительные сложности при преподавании, о чем косвенно свидетельствуют некоторые шероховатости в ее изложении, с которыми мы сталкиваемся у самих греческих ученых. Так, тезис А. Дзардзаноса о том, что *любой* глагол имеет две залоговых формы, не только очевидным образом неверен, но и находится в противоречии с предшествующим объяснением понятия *διάθεσις*, из которого как будто бы следует, что данный признак надлежит понимать как постоянный, а глаголы на *-ω/-μι* и *-μαι*, находящиеся в регулярном соответствии друг с другом — как два разных глагола (далее мы увидим, что именно так к этому вопросу подходит античная и средневековая традиция). У М. Триандафилидиса не может не вызвать возражений рассуждение о том, что лишь активные (*ἐνεργητικά*) глаголы подразделяются на переходные и непереходные, так что для всех прочих глаголов, не исключая и глаголов состояния, традиционно относимых к «нейтральному» залогоу, сама категория переходности оказывается нерелевантной.

Тем не менее, сама идея развести формальный и смысловой залогов как две разных грамматических категории выглядит достаточно плодотворной. В современной лингвистике широко используется категория диатезы, под которой понимается соответствие между ролями участников действия и выражением этих ролей на уровне морфологии и синтаксиса⁶. Как известно, различие в употреблении терминов «диатеза» (фр. *diathèse*) и «залог» (фр. *voix*) восходит к работам французского слависта Л. Теньера, сформулировавшего свою концепцию «валентностей» глагола в середине 30-х гг. XX в.⁷ Учитывая семантическое сходство между греческим словом *φωνή* и французским *voix* (а также английским *voice*, немецким *Stimme* и т. д.), также означаящим буквально «голос», французская оппозиция *voix/diathèse* выглядит очень похожей на греческую *φωνή/διάθεσις*, хотя и не совпадает с ней в полной мере, тем более, что значение соответствующих лингвистических терминов многократно уточнялось в трудах самого Л. Теньера и его последователей. С другой стороны, преподавателю древнегреческого языка при объяснении некоторых тем (прежде всего корневого аориста) неизбеж-

⁵ Ibid., 305.

⁶ См., например: Kulikov 2011, 369–370.

⁷ Учение Л. Теньера о валентностях и диатезах глагола получило окончательную формулировку в его монографии «Элементы структурного синтаксиса» (1959). Мы использовали английский перевод этой работы: Tesnier 2015, 243.

но приходится вводить понятие «непереходного медиа», по своей семантике подозрительно похожего на вышеупомянутый «нейтральный залог». При этом выясняется, что для некоторых глаголов максимально возможное количество парадигм, относящихся к одному времени, но выражающих различные залоговые значения, действительно равно не трем, а четырем, свидетелями чего служат такие формы, как ἔσθη, ἔδου, ἔσθη. И.А. Перельмутер в своей фундаментальной монографии о залоге древнегреческого глагола также приходит к выводу, что для греческого языка лучше всего подходит четырехчленная классификация залоговых значений, в которой активное и реверсивное значения совместно противопоставляются инертивному (т. е. в сущности тому же «нейтральному») и пассивному⁸.

Все эти соображения в сочетании с тем обстоятельством, что именно по пособиям на новогреческом языке современному классицисту проще всего познакомиться с греческой грамматической терминологией, могут создать впечатление, что в данном случае мы имеем дело с ее оригинальной особенностью, с трудом поддающейся переводу на другие языки. Однако эта иллюзия сразу же развеется, если мы обратимся к истокам греческой грамматической традиции. Сочинение «Искусство грамматики», которое традиционно приписывается Дионисию Фракийцу (170–90 до н. э.), хотя сохранившийся до нашего времени текст, согласно преобладающему мнению ученых, представляет собой более позднюю компиляцию⁹, перечисляет восемь характеристик глагола: наклонение (ἔγκλισις), залог (διάθεσις), вид (εἶδος), форму (σχῆμα), число (ἀριθμός), лицо (πρόσωπον), время (χρόνος) и спряжение (συζυγία)¹⁰. Таким образом, термин διάθεσις представляет собой единственное известное автору трактата обозначение для грамматического залога. Залогов выделено три: действие (ἐνέργεια), страдание (πάθος) и медиальность (μεσότης). Непривычным для нас здесь может показаться лишь определение медиальности как «представляющей иногда действие, а иногда страдание» с такими примерами, как λέτληγα, διέφθορα, ἐλοησάμην, ἐγραψάμην. Впрочем, именно этому определению была суждена долгая жизнь: как мы увидим далее, о существо-

⁸ Перельмутер 1995, 220.

⁹ См. об этом: Robins 1993, 43–44.

¹⁰ Grammatici Graeci I/1, 46–48. Отметим, что под видом (εἶδος) здесь понимается способ образования (первообразный или производный от другого глагола), форма же (σχῆμα) может быть простой (ἀπλοῦν), сложной (σύνθετον) или производной от сложной (παρασύνθετον) в зависимости от наличия или отсутствия приставок и суффиксов.

вании особой семантики среднего залога традиция не подозревала вплоть до XIX в.

Аполлоний Дискол (II в. н. э.) также упоминает о существовании трех залогов: действительного, страдательного, и «находящегося между ними среднего» (ἡ μεταξὺ τούτων λεγούμενα μέση)¹¹. Для нас, однако, наиболее интересен следующий пассаж из его сочинения «О союзах»: «[Глагол] μάχομαι мы называем страдательным, и ясно, что по форме слова (τῷ τύπῳ τῆς φωνῆς): ведь если [исходить] из обозначаемого (ἀπὸ τοῦ δηλούμενου), то ясно, что он является активным. Но так и [существительное] παιδίον по форме (τῷ τύπῳ) принадлежит к среднему роду, а по значению — к общему»¹². Вероятно, это первый случай, когда греческий термин φωνή фигурирует в связи с грамматическим залогом. Однако и отсылка к «рассуждениям стоиков о слове» (ὁ παρὰ τοῖς Στωικοῖς περὶ φωνῆς λόγος)¹³ в начале трактата, и само противопоставление φωνή/δηλούμενον недвусмысленно свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело не с грамматической, а с философской терминологией: полемизируя со стоиками, в учении которых важную роль играло соотношение между знаком и обозначаемым смыслом¹⁴, Аполлоний в то же время усваивает некоторые ключевые понятия их философии. Неудивительно, что та же самая оппозиция неоднократно используется на протяжении всего трактата в самых различных контекстах, преимущественно никак не связанных с залогом и глаголом вообще. Приведем лишь один из такого рода примеров: «Изменения свойственны словам (τὰ λάθη τῶν φωνῶν ἐστίν), но не обозначаемому. [Слово] δῶ означает δόμα, но произносится не так: ведь изменение было принадлежностью произносимого слова (τῆς γὰρ λεγομένης φωνῆς ἦν τὸ λάθος)»¹⁵.

К утраченному сочинению Аполлония «О глаголах», по всей видимости, восходит определение глагола как «несклоняемой части речи, обозначающей путем изменения своих форм различные времена в сочетании с действием, страданием или же ни тем, ни другим (μετ' ἐνεργείας ἢ πάθους ἢ οὐδετέρου τούτων)», сохранившееся в ряде позднейших компиляций¹⁶. Здесь мы впервые встречаемся с указанием на то, что значение глагола не всегда можно вписать в рамки оппозиции «действие/страдание». Тем не менее, Аполлоний, судя

¹¹ Grammatici Graeci II/1, 319.

¹² Grammatici Graeci II/1, 215.

¹³ Ibid., 213.

¹⁴ См. напр.: Столяров 1995, 69–70.

¹⁵ Grammatici Graeci II/1, 254.

¹⁶ Мажуга 2011, 276.

по всему, далек от того, чтобы признать промежуточную между ними категорию одним из залогов, и уж тем более не связывает ее с понятием медиальности.

Объяснение такого положения дел можно найти в трудах грамматиков уже византийской эпохи. В частности, Георгий Хировоск (начало IX в.)¹⁷ считает нужным отметить, что, упомянув в ряду возможных значений глагола действие и страдание, автор определения тем самым подразумевал и средний залог: ведь последний означает не что иное, как одну из этих двух категорий¹⁸. Далее Хировоск уделяет особое внимание «нейтральным» глаголам, таким как ζῶ, πλουτῶ, ἐλάρχω: не выражая ни действия, ни страдания, они в то же время не могут быть отнесены к медиальным, поскольку «средний залог образует настоящее время и имперфект по страдательному типу (ἐν τύτῳ φωνῆς παθητικῆς)», тогда как перечисленные глаголы имеют активную форму (φωνὴν ἐνεργητικῆν). Он также возражает против выделения таких глаголов в особый, четвертый залог, поскольку они, во-первых, немногочисленны и, во-вторых, «не имеют собственных форм (ἰδίαις φωνάς): ведь формы их (φωναὶ αὐτῶν) являются активными»¹⁹. К этому автор-грамматик добавляет аргументы, основанные на значении слов μέση («средний») и οὐδέτερα («ни тот, ни другой»): ведь «нейтральный» залог нельзя поместить ни между действительным и страдательным (это уничтожило бы смысл «среднего» залога как промежуточного между ними), ни после трех других (тогда его нужно было бы определять как лишенный признаков, свойственных всем трем).

В приведенных рассуждениях обращает на себя внимание прежде всего активное использование термина φωνή, в том числе с определениями ἐνεργητικῆ/παθητικῆ, так что его уже далеко не всегда получается переводить в духе стоической традиции как «слово». Хировоск обращается к этому понятию и при описании других классов глаголов: так называемые αὐτοπαθη («активные по форме, но страдательные по значению») и αὐτοενεργητικά («имеющие, напротив, активную форму, но страдательное значение») ²⁰. Однако даже из этих контекстов хорошо видно, что византийский ученый склонен вслед за своими предшественниками употреблять искомый термин в связке с понятием «значение» (σημασία или σημασιόμενον). Более того, эта пара по-прежнему не привязана исключительно к глаголу и его залогам: в другом сочинении Хировоск

¹⁷ См. о нем: Robins 1993, 112.

¹⁸ Grammatici Graeci IV/2, 4.

¹⁹ Ibid., 101–102.

²⁰ Ibid., 19.

применяет схожую аргументацию к существительным, указывая, что «общий» род нельзя поставить в один ряд с мужским, женским и средним, поскольку принадлежащие к нему слова «не имеют ни особой формы, ни особого значения, но обозначаемое (*σημαινόμενον*) ими относится к мужскому или женскому роду, а форма (*φωνή*) подобным же образом является либо мужской, либо женской»²¹. Но, может быть, не менее важно то, что само понятие залога, как и грамматического рода, Хировоск определяет через некоторое сочетание формы и значения.

Как видим, византийская традиция в лице наиболее выдающегося ее представителя в этом отношении стоит гораздо ближе к современной западной практике, нежели к современной греческой. Впрочем, здесь следует оговорить, что признание трех залогов обычно не предполагало соответствующего оформления таблиц спряжения. Даже Феодосий Александрийский (ок. 400), автор классических «Канонов спряжения глаголов»²², который отмечает, что, как и в случае с тремя родами прилагательных, «нам следовало бы, спрягая каждый залог (*διάθεσιν*) поочередно, называть сначала времена действительного залога, затем страдательного и, наконец, среднего»²³, на практике не следует своему совету, но в соответствии с уже сложившейся до него практикой распределяет все формы на две группы (действительные и страдательные), расширяя список последних за счет среднего аориста (*μέσος ἄοριστος*) и будущего (*μέσος μέλλον*). Именно такое оформление таблиц спряжения оставалось общепринятым вплоть до XIX в., благодаря чему сохранялась возможность как угодно модифицировать список залогов, не внося изменения в порядок дальнейшей подачи материала.

Следующий этап в развитии традиции связан с двумя печатными грамматиками греческого языка — Феодора Газы и Константина Ласкариса, которые как минимум на пару столетий легли в основу стандартной практики его изучения как на Западе, так и в греческом мире. Оба эти ученых, каждый по своим причинам, отходят от привычной для их предшественников схемы, в рамках которой утверждалось существование лишь трех залогов (*διάθεσις*). Феодор Газа (ок. 1370–1475), чье руководство является более ранним по времени, но впервые вышло из печати лишь почти сорок лет спустя после смерти автора, в базовой части своей грамматики вообще воздерживается от употребления термина «залог», тем самым сводя количество морфологических показателей (*παρελόμενα*) глагола до

²¹ Grammatici Graeci IV/1, 107.

²² См. о нем: Robins 1993, 111–112.

²³ Grammatici Graeci IV/2, 49.

шести (кроме залога, из списка было исключено еще и спряжение). Вместо этого он перечисляет шесть разновидностей глагола, уже известных нам по сочинению Хировоска: ἐνεργητικόν, παθητικόν, οὐδέτερον, μέσον, αὐτοενεργητικόν, αὐτοπαθητικόν²⁴. По всей видимости, ученый, то ли не соглашаясь с аргументацией Хировоска относительно того, что не каждая из этих категорий образует особый залог, то ли просто считая такого рода детали маловажными для начинающих, в то же время не хочет явным образом входить в противоречие со всей предшествующей традицией.

Все эти категории не получают объяснения в разделе о морфологии глагола и, очевидно, просто предназначаются для заучивания. Однако в грамматике Газа есть и четвертая книга, посвященная синтаксису, где как раз и содержатся некоторые пояснения касательно специфики их употребления. При этом ученый уже не может обойтись как без термина διάθεσις (например, указано, что у «нейтральных» (οὐδέτερα) глаголов отсутствует страдательный залог), так и без связки φωνή/σημασία. Попутно вводятся дополнительные разновидности глаголов, специфика которых определяется сочетанием их значения и формообразования. В частности, выясняется, что «нейтральные» глаголы можно подразделить на αὐτοπαθητικά (тем самым автор как будто бы отказывает этой категории в самостоятельном значении), ὀλοενεργητικά и αὐτοουδέτερα. Здесь же добавляется важная группа отложительных глаголов, которые Газа именует ἐλίμεσα или ἐλίκοινα: специфика такого глагола, по его словам, заключается в том, что он «всегда имеет страдательную форму (παθητικὴν φωνήν), но активное значение (σημασίαν ἐνεργητικὴν)»²⁵.

Гораздо проще к проблеме залога подходит Константин Ласкарис (1434–1501), чья грамматика, впервые вышедшая в свет в 1476 г., как известно, стала первой печатной книгой на греческом языке. Список залогов, приведенных в этом пособии (ἐνεργητικόν, παθητικόν, οὐδέτερον, κοινόν или μέσον, ὀλοητικόν), в точности соответствует принятому в тогдашней латинской традиции²⁶. Зависимость от последней подчеркивается употреблением термина γένος (лат. genus) в качестве равнозначного более привычному διάθεσις: именно поэтому перечисленные выше термины стоят в форме среднего рода. Согласно латинской грамматике Доната активными (activa) и страдательными (passiva) именовались глаголы, которые образуют формы на -о и -г, регулярно соответствующие друг другу;

²⁴ Γάζης 1781, 16.

²⁵ Ibid., 257.

²⁶ Λάσκαρις 1803, 28.

нейтральными (*neutra*) — глаголы на -ο, не имеющие страдательной формы; отложительными (*deponentia*) — наоборот, заканчивающиеся в начальной форме на -τ, но не имеющие аналогов на -ο; общими (*communia*) — те, которые, подобно отложительным, образуют формы на -τ, но могут употребляться как в активном, так и в страдательном значении²⁷. Аналогичная концепция изложена и в более пространном руководстве Присциана²⁸. Применение этой схемы и к греческому языку, очевидно, объясняется тем, что греческому гуманисту в процессе преподавания приходилось применяться к интересам своих итальянских учеников.

Поскольку обе грамматики активно применялись в учебном процессе, причем ученикам, достигшим определенного уровня, в любом случае приходилось обращаться к четвертой книге Феодора Газы, актуальной задачей должно было стать согласование тех пунктов, в которых между этими пособиями наблюдались несоответствия. Нам пока что трудно ответить на вопрос, ставили ли перед собой эту задачу греческие ученые XVI–XVII в. Нельзя сказать, что грамматическая мысль в греческих землях в этот период совершенно замирает: известно, например, что братьями Иоанником и Софронием Лихудами были составлены пособия по греческой грамматике, по которым они организовали преподавание в Славяно-греко-латинской академии. У Лихудов же были собственные учителя, например Герасим Влахос, некоторое время преподававший в Венеции и оставивший объемный труд о греческой грамматике²⁹. Однако ни одно из этих сочинений не получило широкого распространения: все они сохранились лишь в немногочисленных рукописных копиях. Поэтому в виде исключения обратимся к латинскому комментарию на четвертую книгу Феодора Газы, опубликованному в 1551 г. гуманистом Эли Андре де Бордо и, по-видимому, отражающему общепринятое на тот момент понимание текста этого пособия. По словам комментатора, в греческом языке, «конечно, пять залогов (*genera*), как и у латинян: ἐνεργητικόν, παθητικόν, οὐδέτερον, μέσον καὶ ἐπίμεσον, ἢ ἐπίκοινον, то есть действительный (*activum*), страдательный (*passivum*), нейтральный (*neutrum*), средний или общий (*medium sive commune*) и более, чем средний, или отложительный (*plusquam medium sive deponens*)»³⁰. Уточняя этот тезис, комментатор отмечает, что глаголы, принадлежащие к категории αὐτοενεργητικόν, следует отнести к числу отложительных наря-

²⁷ Grammatici Latini IV, 359–360.

²⁸ *Prisc. Inst. Gramm.* VIII, 7–9 (*Grammatici Latini* II, 374).

²⁹ Яламас 2001, 177.

³⁰ Andreas Burdigalensis 1551, 78.

ду с группой *ὀλοπαθές*, у которой как значение, так форма являются страдательными (*cujus vox et significatio passiva est*). Далее французский гуманист поясняет классификацию «нейтральных» глаголов, содержащуюся уже у самого Газы, но выраженную им недостаточно ясно, отмечая, что нейтральный залог подразделяется на три вида (*species*): *ὀλοεναργητικόν* (напр. *ἀναβαίνω*), *αὐτοπαθητικόν* (напр. *πάσχω*) и *αὐτοουδέτερον* (напр. *πλουτῶ*).

В XVIII в., с приходом Просвещения на греческие земли, закономерно возрастает интерес носителей греческой образованности к истории и культуре своего народа. Одним из выражений этого интереса стало появление многочисленных трудов по греческой грамматике, которые один за другим выходят из печати в типографиях европейских городов, прежде всего Венеции и Вены³¹. Весьма востребованным жанром научного трактата становятся, в частности, комментарии на четвертую книгу Феодора Газы, среди которых следует отметить греческий перевод вышеупомянутого сочинения Эли Андре де Бордо, подготовленный выдающимся просветителем Евгением Вулгарисом (1715–1806)³². Работы грамматиков того времени в массе своей носят компилятивный характер: их авторы, обладая достаточно глубокими познаниями в области античной и византийской традиции, в то же время избегают отходить от привычных формулировок, содержащихся в пособиях Газы и Ласкариса. В качестве примера сошлемся на объемистый трактат Константина Караиоанниса, вышедший из печати в Буде в 1797 г. Подход его автора — известного врача, одно время занимавшего пост придворного медика в Молдавском и Валашском княжествах — к своему материалу отражен уже в заглавии работы: «Сокровище грамматики, изложенное, насколько возможно, по порядку мудрейшим доктором Константином Караиоаннисом, содержащее без упущений наилучшее из [трудов] всех грамматиков». Конкретизируя в связи с понятием переходности традиционное определение глагола, как обозначающего действие, страдание либо ни то, ни другое, автор заявляет, что по этой причине «залог (*διάθεσις*) является либо действительным, либо страдательным, либо нейтральным», однако тут же продолжает: «Поэтому глагол в

³¹ Относительно полный, хотя и не исчерпывающий список этих публикаций см.: *Παντελάκης* 1909, 136–137.

³² *Ἀνδρέας Βουρδηγαλίνσιος* 1805. Как следует из информации, представленной на титуле печатного издания, Вулгарис работал над этим переводом в период своей преподавательской деятельности в Янине, на Афоне и в Константинополе (примерно 1738–1762: см. *Σάθας* 1868, 567–568), но опубликовал его лишь под конец жизни.

соответствии с тройственностью залога разделяется на действительный, страдательный, нейтральный, средний или общий, более чем средний или общий (ἐπιμεσον εἶθουν ἐλίκουον)³³.

В этом пассаже, конечно, любопытен тезис о «тройственности» залогов, причем место третьего залога занимает не средний, а нейтральный. Кроме того, обращает на себя внимание своеобразная трактовка последней, пятой категории: по мнению ученого, такие глаголы «одновременно обозначают оба залога, то есть либо действие вместе со страданием, как ἐρῶ, либо страдание вместе с действием, как θρηῶ». Насколько можно видеть, Караионнис здесь уникален: авторы других трактатов сохраняют термин ἐπιμεσος как иное название для отложительных (ἀλοθητικῶν) глаголов. Например, в комментарии монаха Даниила Керамевса на четвертую книгу Феодора Газы читаем: «Что такое отложительный (ἐπιμεσον) глагол? Это [глагол], который пишется как страдательный (παθητικῶς μὲν γραφόμενον), но обозначающий по большей части действие, как μάχομαι τῷ ἀνδρὶ, а иногда и страдание, как οἴχομαι»³⁴. Тем не менее, важно отметить, что и Караионнис при всем своеобразии своих взглядов на грамматику сохраняет давно уже ставшую общепринятой пятичленную классификацию залоговых значений глагола с ее дальнейшей конкретизацией в духе Феодора Газы. Ее же мы находим и у всех его современников, иной раз расходящихся лишь в отношении того, именовать ли последний залог ἀλοθητικῆ вслед за Ласкарисом или ἐπιμεσος вслед за Газой.

Однако пройдет всего лишь несколько лет, и наследие греческой грамматической мысли XVIII и самого начала XIX в. внезапно потеряет актуальность. Ключевая роль в этом изменении принадлежит Адамантиосу Кораису (1748–1833) — прославленному просветителю, чья деятельность на несколько десятилетий вперед определила характер развития не только новогреческого языка, но и греческой филологической науки. В 1805 г. Кораис начал издавать в Париже свою «Греческую библиотеку» классических авторов, первому тому которой было предпослано обширное предисловие издателя о судьбах греческого языка и культуры. В этой статье, в частности, было высказано весьма критическое отношение к трудам грамматиков предшествующей эпохи. Конкретно вопросу о залоге Кораис посвящает следующее знаковое рассуждение:

Но как обойти стороной залогов глаголов (τὰς διαθέσεις τῶν ῥημάτων)? Ведь если исключить действительный и страдатель-

³³ Караϊωννῆς 1797, 40.

³⁴ Δανιὴλ Κεραμεύς 1804, 524.

ный, значение которых каждому легко понять, то про все остальные, пожалуй, можно сказать, что их названия были придуманы в качестве загадок ради мучения несчастных учеников. Кто из учителей грамматики когда-либо объяснил, в какой из многочисленных и объемных грамматик, затопивших Грецию со времен взятия [Константинополя] до сего дня, можно найти понятное объяснение того, что значит средний залог? Не заслуживает ли возмущения, что от учителей мы слышим, будто *средний глагол означает иногда действие, а иногда страдание*, так что нам, грекам, в языке которых сохранились медиальные глаголы, надлежит учиться у иноплеменных эллинистов, чтобы узнать природу таких глаголов?³⁵

4 января 1810 г. Кораис, ознакомившись с греческой грамматикой Августа Маттие, загорается идеей ее перевода на родной язык и с восторгом пишет своему сотруднику А. Василиу: «Она настолько хороша, друг мой, что достаточно ей появиться на нашем языке, как сразу же все грамматики отправятся к воронам»³⁶. Однако спустя 24 дня просветитель меняет свое мнение и отдает предпочтение более краткому пособию другого немецкого классициста — Филиппа Буттманна, к тому времени выдержавшему уже четыре издания³⁷. Первоначально предполагалось, что перевод должен выполнить Константин Кумас (1777–1836) — друг и единомышленник Кораиса, в то время возглавлявший Ионическую академию в Смирне. Кумас, однако, в связи с занятостью передоверил этот труд другому видному деятелю греческого Просвещения — Константину Икономосу (1780–1857), а тот, в свою очередь, — своему брату Стефану. В переводе последнего грамматика Буттманна наконец и появилась на греческом языке в 1812 г.

Здесь следует отметить, что учебник Буттманна, действительно пользовавшийся большой популярностью в XIX в., неплохо отражал уровень европейской филологической науки своего времени. В нем, конечно, уже не было места грамматическим категориям, унаследованным от средневековой учености: автор упоминает лишь привычные нам три залога (Aktiv, Passiv, Medium), указывая, что греческий медиий обнимает различные вариации возвратного значения³⁸. Для нас, однако, существенно, что Буттманн отличает собственно залог (*genus verbi*) от формы (*die Form*), которая может быть

³⁵ Κοράης 1833, 79–80.

³⁶ Κοράης 1885, 84.

³⁷ Ibid., 88–89.

³⁸ Buttman 1811, 171.

активной или страдательной (в наше время принято в том же смысле говорить об активном или медиальном наборе конечных элементов, однако немецкий филолог в соответствии с представлениями того времени считает первичным именно страдательное значение). Более того, в разделе о синтаксисе содержится важный пассаж, в котором вполне в духе Феодора Газы и его предшественников отмечается возможность несовпадения залоговой формы с ее значением: «В учении об употреблении медиа мы должны отличать медиальное значение от медиальной формы, так как употребление значений пассива и медиа, особенно в тех временах, где существует двойная форма, ни в коем случае не является достаточно регулярным, чтобы можно было применять наименование медиа одновременно к форме и значению. Сейчас нам следует обратить внимание лишь на то, что с точки зрения синтаксиса за истинный медий следует принимать лишь такой, который при страдательной форме имеет медиальное значение»³⁹.

Греческий перевод С. Икономоса не является полностью словным и по-своему интересен как попытка совместить новые веяния с некоторыми принципами традиционной учености. Весьма показательным, что переводчик заменяет авторское введение к разделу о глаголе собственным текстом, основанным прежде всего на грамматике Ласкариса. Здесь находит место и определение глагола как обозначающего «действие, страдание либо ни то, ни другое», и отсутствующий в оригинале список из пяти залогов (γένη ἢ διαθήσεις): ἐνεργητική, παθητική, μέση, ἀλοθητική, οὐδέτερα. Принципиально новой здесь является лишь характеристика медиальных глаголов как таких, которые, «заканчиваясь на *μα*, представляют подлежащее в качестве прямо или опосредованно воздействующего на самое себя»⁴⁰. Однако именно этому изменению в понимании медиа, на важности которого настаивал А. Кораис, в дальнейшем предстояло стать важным толчком к переосмыслению понятия *διάθεσις* вообще.

Особый интерес с точки зрения нашего исследования представляет греческий перевод приведенного выше пассажа о соотношении страдательной формы и медиального значения. Употребленный здесь немецкий термин *Form* довольно точно соответствует греческому *φωμή* в его позднейшем употреблении и, скорее всего, был бы передан современным переводчиком именно так. Конечно, С. Икономос был знаком с контекстами четвертой книги Феодора Газы, располагающими именно к такому переводу, и наверняка

³⁹ Ibid., 486.

⁴⁰ Βούτμαννος 1812, 131.

знал, что во французском языке грамматический залог уже достаточно давно обозначается термином *voix*. Тем не менее, в своем переводе он использует другое слово: *σχηματισμός*⁴¹. На наш взгляд, такой выбор переводчика недвусмысленно свидетельствует о том, что термин *φωνή* на тот момент еще не приобрел искомого значения в языке образованных греков. С другой стороны, приводя таблицы глагольных форм, представленные у Буттманна отдельно для каждого из трех залогов, С. Икономос вслед за своим оригиналом воздерживается от использования какого-либо специального термина вообще и именует их просто *Ἐνεργητικόν, Παθητικόν, Μέσον*⁴².

Как бы то ни было, именно знакомство с грамматикой Буттманна побудило греческих ученых, среди которых были признанные «учителя нации», в большинстве своем уже немолодые люди, пересматривать отношение к преподаванию древнегреческого языка. Показательна в этом отношении появившаяся в 1821 г. грамматика священника Неофита Вамваса (1776–1855) — уроженца о. Хиос, земляка и единомышленника Кораиса, который руководил его образованием в Париже. Пособие было напечатано в типографии общественной школы на Хиосе, которую Вамвас возглавлял с 1815 г., но, судя по всему, так и не пригодилось по прямому назначению, поскольку с началом греческого освободительного восстания Вамвасу пришлось покинуть Хиос и переселиться на о. Идра⁴³. Тем не менее, упоминание об этой школе было сохранено и во втором издании, вышедшем в 1825 г. в Венеции.

В своей грамматике Вамвас возвращается к схеме трех залогов, однако не в том виде, в каком она была представлена у античных и средневековых авторов, а скорее в том, в каком мы могли ее видеть у Караиоанниса. По словам ученого, «глаголами... называются те слова, с помощью которых мы обозначаем, что подлежащее воздействует на другой объект, или подвергается действию со стороны другого объекта, или находится в некоем состоянии. В первом случае глагол называется активным, во втором — страдательным, в третьем — нейтральным или глаголом состояния. Действие, страдание или состояние представляют собой три его расположения (*διαθέσεις*). По этой причине и глаголы, как служащие для представления этих расположений, называются глаголами действительного, страдательного или связанного с состоянием залога (*διαθέσεως*)». К этому пассажу имеется любопытное примечание: «Существуют некоторые глаголы в страдательной залоговой

⁴¹ Ibid., 423.

⁴² Ibid., 191–197.

⁴³ *Σάθας* 1863, 729.

форме (εἰς παθητικὴν φωνήν), которые показывают, что подлежащее воздействует на себя... Такие глаголы называются медиальными (μέσα), однако и их относят к активным (ἀναφέρονται ὁμῶς καὶ ταῦτα εἰς ἐνεργητικά)⁴⁴. Эти формулировки, на наш взгляд, связаны с тем, что автор переосмысляет понятие διάθεσις как связанное исключительно со значением глагола в его отношении к участникам действия (в результате ему удается отнести к «активным» даже медиальные глаголы, заведомо имеющие в начальной форме окончание -μαι), но не готов отойти от привычной трехчленной классификации этих значений. С другой стороны, при таком понимании διάθεσις насущной становится необходимость в специальном термине для обозначения залоговой формы. Поэтому неудивительно, что Вамвасу приходится ввести для этой цели обозначение φωνή, которое, однако, пока что не получает в его грамматике никакого объяснения. Тот же самый термин у Вамваса впервые появляется в заголовках, сопровождающих таблицы глагольных форм, хотя его употребление и не проводится последовательно: наряду с заголовками вида «Πίναξ ἐνεργητικῆς/παθητικῆς φωνῆς» мы встречаем и более привычный вариант «Ἐνεργητικόν/Παθητικόν» (очевидно, с подразумеваемым ῥήμα, т. е. «глагол»)⁴⁵.

Первая известная нам грамматика, в которой термин φωνή не только используется в глагольных таблицах, но и сопровождается надлежащим разъяснением, принадлежит иеромонаху Варфоломею Кутлумушскому (1772–1851) и появилась в 1828 г. Ее автор начинает раздел о глаголе с рассуждения о возможных значениях (σημασία) этой части речи, приходя к традиционному выводу о существовании трех ее разновидностей: ἐνεργητικόν, παθητικόν, οὐδέτερον. После этого идет следующий любопытный пассаж: «Поскольку все предметы по необходимости рассматриваются в одном из этих трех состояний, которые могут быть выражены исключительно с помощью глаголов, из этого следует... что глаголы, чтобы выразить их ясно и без всякой путаницы, должны иметь три различных формы или образа (μορφὰς ἢ τύλους), которые называются залоговыми формами глагола (φωναὶ τοῦ ῥήματος): а именно, активная форма (φωνὴ ἐνεργητική), страдательная форма (φωνὴ παθητική) и нейтральная форма (φωνὴ οὐδέτερα)». В примечании тут же поясняется, что залоговых форм в собственном смысле существует только две (δύο εἶναι κυρίως φωναὶ τῶν ῥημάτων), так что «нейтральные глаголы в отношении залоговой формы совершенно сходны с активными, од-

⁴⁴ Βάμβας 1825, 67.

⁴⁵ Ibid., 107–108, 134–135.

нако отличаются от них по значению»⁴⁶. Итак, автор усвоил, что термин *φωνή* надлежит связывать именно с формой, но убежден, что между формой и значением должно существовать однозначное соответствие, из-за чего вся классификация приобретает явно избыточный характер. Путаница дополнительно усиливается из-за того, что двумя страницами ниже автор более или менее точно повторяет в форме вопросов и ответов рассуждение Вамваса о трех расположениях (*διαθέσεις*) подлежащего, по которым и глаголы в зависимости от своего значения рассматриваются как принадлежащие к одному из трех залогов⁴⁷. При этом соотношение между *φωνή* и *διάθεσις* никак не поясняется, а в списке морфологических показателей глагола упомянут лишь последний термин⁴⁸.

Совершенно иной подход к проблеме залога был продемонстрирован еще одним известным греческим просветителем — Константином Вардалахосом (1753 или 1755–1830). Как известно, Вардалахос некоторое время сотрудничал с Вамвасом в организации преподавания на Хиосе, но в 1818 г. покинул остров, приняв предложение возглавить греческую школу в Одессе. Основной причиной такого решения послужила размолвка с более молодым коллегой, не только претендовавшим на руководство Хиосской школой, но и взявшим на себя преподавание филологических наук, в которых Вардалахос считал себя более опытным⁴⁹. Насколько разными были взгляды обоих «учителей нации» на грамматику греческого языка, хорошо видно из собственного руководства Вардалахоса по этому предмету, опубликованного в Одессе в 1829 г. Этот внушительный по объему труд включает основанные на общих принципах разделы о грамматике как разговорного, так и классического языков.

О своеобразии подхода ученого к своему предмету свидетельствует уже изменение терминологии: вместо общепринятого *ῥήμα* Вардалахос предпочитает именовать глагол термином *κατηγόρημα*, имевшим в традиционной грамматике значение «предикат», «сказуемое». Для грамматического залога, которых, как и у Вамваса, выделено три, сохранен термин *διάθεσις*, но третьим по счету залогом наряду с действительным и страдательным назван — вероятно, впервые с XV в. — не нейтральный, а средний. Его характеристика звучит у Вардалахоса следующим образом: «Во многих случаях тот же глагол (*κατηγόρημα*) обозначает, что то же самое подлежащее воздействует на самое себя... или же действует посредством

⁴⁶ Βαρθολομαῖος Κουτλουμουσιανός 1828, 94.

⁴⁷ Ibid., 96.

⁴⁸ Ibid., 98.

⁴⁹ Πρίντζιπας 1984, 1159.

другого... В некоторых случаях действие не переходит на другой предмет и страдание не исходит от другого предмета, например ζῶ, ὑγιαίνω, περιπατῶ, πάσχω, λύνω. Все такие глаголы выражают средний залог (διάθεσιν μέσην)⁵⁰. Еще одно новшество заключается в том, что Вардалахос в первый и, возможно, единственный раз в греческой грамматической традиции использует тот же самый термин διάθεσις также и в заголовках глагольных таблиц. Эти последние даются отдельно для каждого из трех залогов, причем общепринятые термины «действительный» и «страдательный» в данном случае заменены выражениями «залог субъекта» (Διάθεσις τοῦ Ὑποκειμένου) и «залог объекта» (Διάθεσις τοῦ Ἀντικειμένου). Лишь средний залог сохраняет здесь свое привычное название⁵¹.

Итак, Вардалахоса можно назвать единственным из греческих ученых того времени, кто попытался адаптировать западноевропейский подход к описанию греческой залоговой системы без каких-либо изменений. Однако и для него камнем преткновения оказались глаголы типа ζῶ, ὑγιαίνω и т. д., традиционно причисляемые к «нейтральным»: отнеся их к среднему залогу, а не к активному, как это следовало бы сделать, руководствуясь окончаниями в начальной форме, Вардалахос не смог избежать несоответствия между собственной классификацией залогов и отражением их форм в виде таблиц.

Вот почему гораздо более приемлемым с точки зрения большинства греческих ученых оказалось решение, предложенное Георгием Геннадисом (1786–1854) в грамматике, опубликованной уже на территории независимой Греции в 1832 г. Этот автор наконец поставил средний залог, обозначающий возвратное действие, в один ряд с нейтральным, выражающим состояние, тем самым вновь увеличив общее количество залогов до четырех. В особую категорию (ὄβλαρκτικόν) Геннадис выделяет глагол бытия, который, однако, относит к нейтральному залогу вместе с глаголами состояния. Кроме того, Геннадис сохраняет понятие залоговой формы (φωνή), которой наконец-то дает безупречное определение: «Греческий язык, как и его порождение, на котором мы говорим теперь, имеет особые окончания, посредством которых выражает эти расположения подлежащего (διάθεσις τοῦ ὕποκειμένου). Эти окончания грамматика называет залоговыми формами (φωνάς), и мы представили их в виде таблицы. Греческий язык имеет две залоговых формы: действительную на ω или μ и страдательную на μαι. Средний залог

⁵⁰ Вардалάχος 1829, 72.

⁵¹ Ibid., 157, 163, 169.

он выражает посредством страдательной формы, нейтральный посредством действительной, а в некоторых случаях и страдательной»⁵². Итак, по нашему мнению, именно Геннадияса следует считать создателем концепции залога, принятой в современной греческой практике преподавания, хотя сам ученый едва ли признал бы себя реформатором: ведь речь шла всего лишь об уточнении концепций, интуитивно понятных каждому образованному греку.

Хотя предложенные Геннадиясом формулировки сразу же получили общее признание, другие греческие грамматики 30-х годов XIX в. показывают, что их принятие не обошлось без некоторых шероховатостей. Судя по всему, для многих оказалось не так просто отказаться от привычного с детства учения Ласкариса о трех базовых значениях и пяти залогах глагола. Например, Константин Кумас (1777–1836) — также признанный «учитель нации», которому, как мы помним, Кораис изначально хотел поручить перевод книги Буттманна — в своем появившемся в 1832 г. учебнике перечисляет те же три залога, что и Геннадияс⁵³. Однако в разделе о синтаксисе читатель встречается более традиционную формулировку: «Залогов глагола в собственном смысле три: действительный, страдательный и нейтральный. Однако к ним причисляется средний, который по значению является действительным, и отложительный (ἐπιθετικός), который посредством страдательной формы (φωνήν λαθητικήν) выражает действие, страдание или нейтральное состояние (οὐδέτερότητα), так что всего получается пять»⁵⁴. Еще более любопытна сноска, которой учение о четырех залогах сопровождается в грамматике Иосифа Магнаса (1800–1871), принадлежавшего к более молодому поколению ученых: «Существует и еще один залог (διάθεσις), называемый отложительным (ἀποθετική); но поскольку глаголы такого типа немногочисленны, мы не стали расширять список залогов этим прибавлением»⁵⁵. Конечно же настоящая причина, побудившая Вамваса и Геннадияса отказаться от выделения отложительных глаголов в особый залог, заключалась вовсе не в их редкости, а в том, что после признания за средним залогом особой семантики отложительный «залог» оказался единственным, специфика которого определялась не значением, а формальными признаками.

Не менее важно отметить, что концепция двух залоговых форм никак не способствовала решению проблемы с группировкой гла-

⁵² Γεννάδιος 1832, 130.

⁵³ Κούμας 1833, 30.

⁵⁴ Ibid., 266.

⁵⁵ Μάγνης 1834, 16.

гольных парадигм в таблицах. Сам Геннадийос вводит для этой цели третье понятие (τύλος), которое и подразумевается при прилагательных ἐνεργητικός, παθητικός, μέσος, стоящих в заголовках таблиц в его грамматике⁵⁶. Однако многие из его последователей возвращаются к средневековой схеме, в рамках которой медиальные формы аориста и будущего времени проходили по разряду страдательных. Уже в 1848 г. преподаватель военной школы в Пирее П. Ливадаос опубликовал собственное пособие, в котором попробовал отделить страдательные формы от медиальных за счет добавления третьей залоговой формы (μέση φωνή)⁵⁷, однако эта попытка так и не получила какого-либо распространения. Лишь значительно позднее для различения парадигм, специфических для среднего или страдательного залога, стали использовать связку понятий φωνή и διάθεσις, определяя их как представляющие медиальную залоговую форму (μέση φωνή) при среднем или страдательном залоге (μέση/παθητική διάθεσις) соответственно⁵⁸.

Итак, эволюция учения о залоге в трудах представителей греческого Просвещения может служить любопытным и показательным примером того, как традиция, в чем-то уступая внешним воздействиям, в то же время сохраняет свою целостность. Результатом рецепции западного влияния в данном случае стала достаточно логичная и оригинальная теория, которая, не будучи лишена черт схоластичности, в то же время отчасти предвосхитила некоторые лингвистические концепции, получившие популярность уже в XX в.

Литература

- Мажуга В.И.* Понятие «действие» и общее определение глагола у стоиков и их последователей // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. VII/1. 2011. С. 236–296.
- Перельмутер И.А.* Залог древнегреческого глагола: Теория, генезис, история. СПб., 1995.
- Столяров А.А.* Стоя и стоицизм. М., 1995.
- Яламак Д.А.* Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских документов из российских и европейских собраний. Дисс... докт. филол. наук. М., 2001.
- Andreas Burdigalensis H. Theodori Gazae Liber quartus, De constructione partium orationis, conversione et explanatione Heliae Andreae Burdigalensis illustratus. Lutetiae, 1551.*

⁵⁶ Γεννάδιος 1832, 184–191.

⁵⁷ Λιβιάδης 1848, 94–96.

⁵⁸ См. напр.: Τζαρτζάνος 1963, 100–103.

- Apollonius Discolus*. De conjunctionibus // Grammatici Graeci. Vol. 2. Pars 1. Leipzig, 1878. P. 213–258.
- Apollonius Discolus*. De constructione // Grammatici Graeci. Vol. 2. Pars 1. Leipzig, 1878. P. 1–497.
- Buttmann Ph.* Griechische Grammatik von Philipp Buttmann. Sechste, vermehrte und verbesserte Ausgabe. Berlin, 1811.
- Dionysius Thraax*. Ars Grammatica // Grammatici Graeci. Vol. 1. Pars. 1. Leipzig, 1883. P. 5–100.
- Donati de partibus orationis ars minor // Grammatici Latini / Ex recensione H. Keilii. Vol. IV. Lipsiae, 1864. P. 355–366.
- Georgius Choerobiscus*. Prolegomena et scholia in Theodosii Alexandrini canones isagogicos de flexione nominum // Grammatici Graeci. Vol. 4. Pars 1. Leipzig, 1894. P. 103–417.
- Georgius Choerobiscus*. Prolegomena et scholia in Theodosii Alexandrini canones isagogicos de flexione verborum // Grammatici Graeci. Vol. 4. Pars 2. Leipzig, 1894. P. 1–371.
- Grammatici Latini / Ex recensione H. Keilii. Vol. II: Prisciani Institutionum Grammaticarum Libri I–XII / Ex recensione M. Hertzii. Lipsiae, 1855.
- Kulikov L.* Voice Typology // The Oxford Handbook of Linguistic Typology / Ed. by Jae Jung Song. Oxford, 2011. P. 368–398.
- Robins R.H.* The Byzantine Grammarians: Their Place in History. Berlin; New York, 1993 [Trends in Linguistics: Studies and Monographs 70].
- Tesnier L.* Elements of Structural Syntax / Transl. by T. Osborne, S. Kahane. Amsterdam; Philadelphia, 2015.
- Theodosius Grammaticus*. Canones isagogici de flexione verborum // Grammatici Graeci. Vol. 4. Pars 1. Leipzig, 1894. P. 43–99.
- Ἀνδρέας Βουρδηγαλήσιος Ἡ.* Σχόλια εἰς τὸ τέταρτον βιβλίον τῆς Θεοδώρου τοῦ Γάζη γραμματικῆς, συντεθέντα εἰς τὴν Λατινικὴν Διάλεκτον παρὰ Ἡλίου Ἀνδρέου Βουρδηγαλήσιου, ἀπὸ δὲ τῆς Λατινικῆς εἰς τὴν Ἑλληνικὴν μετενεχθέντα καὶ παραδείγμασι πλείστοις διασαφηνηθεῖσα ὑπὸ τοῦ πανιερωτάτου καὶ σοφολογιωτάτου Ἀρχιεπισκόπου κυρίου Εὐγενίου τοῦ Βουλγάρεως. Ἐν Βιέννῃ, 1805.
- Βάμβας Ν.* Γραμματικὴ τῆς ἀρχαίας Ἑλληνικῆς γλώσσης συνταχθεῖσα εἰς τὴν κοινὴν γλῶσσαν διὰ τοὺς μαθητὰς τῆς ἐν Χίῳ δημοσίου σχολῆς. Ἐκδ. δευτέρα. Ἐν Βενετίᾳ, 1825.
- Βαρδαλάχος Κ.* Ἡ Γραμματικὴ τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης, ἐκ πολλῶν συναρτισθεῖσα ὑπὸ Κωνσταντίνου Βαρδαλάχου. Ἐν Ὁδησῶ, 1829.
- Βαρθολομαῖος Κουτλομουσιανός.* Εἰσαγωγὴ εἰς τὴν γραμματικὴν τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης, συντεθεῖσα κατ' ἐρωταπόκρισιν ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλομουσιανοῦ τοῦ Ἰμβρίου. Ἐν Βενετίᾳ, 1828.
- Βούτμαννος Φ.* Γραμματικὴ τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης ἐκ τῆς Γερμανιστὶ γεγραμμένης Φιλίππου Βουτμάννου μεταφρασθεῖσα καὶ μεταρρυθμισθεῖσα ὑπὸ Στεφάνου Οἰκονόμου ἱατροῦ. Εἰς χρῆσιν τοῦ κατὰ τὴν Σμύρνην φιλολογικοῦ γυμνασίου. Ἐν Βιέννῃ, 1812.

- Γάζης Θ.* Θεοδώρου τοῦ Γάζη Γραμματικῆς Εἰσασωγῆς βιβλία τέσσερα. Ἐνετίησιν, 1781.
- Γεννάδιος Γ.* Γραμματικὴ τῆς Ἀρχαίας Ἑλληνικῆς γλώσσης, ἐκ διαφόρων συνερα-
νισθεῖσα ὑπὸ Γεωργίου Γενναδίου. Τ. Α'. Ἐν Αἰγίνῃ, 1832.
- Δανιὴλ Κεραμεύς,* μοναχός. Ἐρμηνεῖα εἰς τὸ τέταρτον τῆς τοῦ Θεοδώρου τοῦ
Γάζης γραμματικῆς... Δανιὴλ μοναχοῦ Πατιμίου τοῦ Κεραμιέως. Ἐνετίησιν,
1804.
- Καραϊωάννης Κ.* Ἐπισταυρὸς γραμματικῆς... Ἰατροφιλοσόφου Κωνσταντίνου
Καραϊωάννου. Τ. Β'. Ἐν Βούδα, 1797.
- Κοράης Α.* Ἐπιστολαὶ Ἀδαμαντίου Κοράη. Τ. Β'. Ἐν Ἀθήναις, 1885.
- Κοράης Α.* Συλλογὴ τῶν εἰς τὴν Ἑλληνικὴν βιβλιοθήκη καὶ τὰ πάρεργα Προλεγο-
μένων, καὶ τινῶν συγγραμμάτων τοῦ Ἀδαμαντίου Κοράη. Τ. Α'. Παρισίους,
1833.
- Κούμας Γ.Μ.* Γραμματικὴ διὰ σχολεῖα τοῦ Κ.Μ. Κούμα. Ἐν Βιέννῃ, 1833.
- Λάσκαρις Κ.* Γραμματικὴ Κωνσταντίνου Λασκάρεως τοῦ Βυζαντίου. Ἐνετίησιν,
1803.
- Λιβαδάς Π.* Στοιχεῖα τῆς Ἑλληνικῆς γραμματικῆς, συνταχθεῖσα πρὸς χρῆσιν τῶν
μαθητῶν τῆς ἐν Πειραιεῖ στρατ. σχολῆς, ὑπὸ Π. Λιβαδά. Ἐν Ἀθήναις, 1848.
- Παντελάκας Μ.Γ.* Ὁ Κοράης καὶ ἡ γραμματικὴ: Ἀνατύπωσις ἐκ τοῦ πανηγυρικοῦ
τεύχους τοῦ καθηγητοῦ Κ. Κοντοῦ. Ἐν Ἀθήναις, 1909.
- Πρίντζιπας Γ.Θ.* Κωνσταντῖνος Βαρδαλάχος: Ἐνας πρωτοπόρος διδάσκαλος τοῦ
γένους // Θεολογία. 55/4. 1984. Σελ. 1144-1179.
- Σάθας Κ.* Βιογραφίαι τῶν ἐν γράμμασι διαλαμπάντων Ἑλλήνων, ἀπὸ τῆς
καταλύσεως τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας μέχρι τῆς Ἑλληνικῆς ἐθνεγερ-
σίας (1453-1821). Ἐν Ἀθήναις, 1868.
- Τζαροτζάνου Α.* Γραμματικὴ τῆς ἀρχαίας Ἑλληνικῆς γλώσσης διὰ τὰς κατωτέρας
τάξεις τοῦ γυμνασίου. Ἐν Ἀθήναις, 1963.
- Τριανταφυλλίδης Μ. κ. ἀ.* Νεοελληνικὴ γραμματικὴ (τῆς δημοτικῆς). Θεσσαλο-
νίκη, 2002.

А.О. Корчагин

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГОРАЦИЯ

Сарм. I, 1

Меценат дорогой, царственных предков внук,
Ты защита моя и утешение!
Кто-то любит скакать и олимпийскую
Пыль конями взметать. Мету каленым он
5 Не задев колесом, с пальмой торжественной
Вознесется к богам, мира хозяевам.
Кто-то любит, когда толпы квиритские
Возвеличить его честью тройной хотят.
10 Кто-то счастлив, когда в собственный свой амбар
Он усердно прибрал жито ливийское.
Кто мотыжить привык землю отцовскую,
Не оставит свой труд, если богатствами
Соблазняют его, и не отправится
15 В путь морской на простом кипреком суденьшке.
Вот купец. Хвалит он, бури морской страшась,
Мир и сельскую тишь, но вот уж чинит он
Свой разбитый корабль. Плыть купцу надобно,
Коль не хочет прожить жизнь свою в бедности.
20 Кто-то средь бела дня любит вина испить,
Развалившись в тени под земляничником,
Иль на миг прикорнуть возле источника,
Где умильно журчат воды священные.
Тех походы влекут, клич боевой трубы,
Звук рогов и война, для матерей всегда
25 Ненавистная. Тот любит зверей ловить;
О супруге забыв, даже в мороз идет
На охоту, травить ланей собаками,
И спешит заманить вепря скорей в капкан.
30 Мне, поэту, обвить гордо чело плющом
Надлежит. Мне мила роща тенистая,
Где кружит хоровод сатиров с нимфами,
Вдалеке от толпы. Только Евтерпа мне
Флейту в руки пусть даст, а Полигимния
Поспешит натянуть струны на барбитос.

- 35 Если же, Меценат, ты меня к лирикам
Вдруг причтешь, я тогда звезд головой коснусь.

Сарм. I, 9

Смотри — седой Соракт весь в снегу стоит,
И шапки снежной груз тяжело сдержать
Лесам страдающим, а реки
Встали от острого льда на месте.

- 5 Растопим холод! Бревна в очаг бросай
И черпай щедро четырехлетнее
Вино из амфоры сабинской,
Друг Талиарх, мой помощник в бедах.

Богам оставим прочее. Пусть они
Смирят ветра на море неистовом,
И перестанет гнуться ясень,
А кипарисы не шелохнутся.

- 10 Что будет завтра? Брось вопрошать о том.
Что нынче день принес, сочти выгодой.
Не презирай любви прекрасной,
Юноша, и танцевать не брезгуй.

- 15 Покуда не седа голова твоя,
К твоим услугам — Поле и площади.
И пусть девичий легкий шепот
Ночью звучит для тебя беспечно.

Пусть разойдется смехом залиvistым
Девушка в уголке, ты ж залог сорви
С ее руки великолепной
Или с послушного воле пальца.

Сарм. III, 28

Как Нептуна торжественно
Мне отпраздновать день? Лида, цекубское
Поскорее сюда неси:
Мы смягчим тем вином мудрость суровую.

- 5 День подходит уже к концу,
Но ты медлишь достать, словно не гаснет день,
Драгоценную амфору,
Что лежит в кладовой с консульства Бибула.

Буду петь я Нептуну гимн,
 Воспою Нереид космы зеленые.
 Ты, на лире звеня, прославь
 Дочь Латоны, в стрельбе меткую Кинфию.

10 О Киприде с тобой споем:
 Озирает она, на лебедях летя,
 Пафос, Книд и Киклад грядущу;
 Мы прославим и Ночь, песни достойную.

Ер. XV

В ту ночь луна сияла с неба ясного,
 И звездами усеян был высокий свод.
 Тогда, богов прогневать не страшась ничуть,
 Клялась ты, заключив меня в объятия,
 5 Быть моей близкой, верной жизни спутницей,
 Столь близкой, словно плющ, что обвивает дуб.
 «Пока стада овец пугает страшный волк,
 Покуда Орион на море буйствует,
 Несчастливым морякам грозя погибелью,
 10 Пока вздымает ветер твои волосы,
 Взаимны будут наши чувства нежные», –
 Так говорила ты. Увы, изменница!
 Неэра, еще горько пожалеешь ты,
 Что ночи не со мной проводишь страстные,
 15 Другому отдавая чувства бурные.
 И если Флакк на свет рожден мужчиною,
 Найдет другую он, тебя достойнее,
 И красота твоя неотразимая
 Не возвратит ему уже былой любви.
 20 А ты, любовник, что меня счастливее,
 Причина моих бед, соперник дерзостный,
 Пусть ты богат стадами и угождями,
 Пусть хоть Пактол течет в твоих владениях,
 Пусть ведаешь ты тайны пифагоровы,
 25 А красотой Нирея ты уже затмил,
 Настанет день — Неэра распрощается
 С тобой, как и со мной, оставит брошенным.
 И власть тогда, метя за обиду горькую,
 Я над тобою насмеюсь безжалостно.

И.Ю. Шабага

**ДВЕ РЕЧИ КВ. АВРЕЛИЯ СИММАХА
К ИМПЕРАТОРАМ
ВАЛЕНТИНИАНУ I И ГРАЦИАНУ**

(Перевод и комментарии)

Вниманию читателей предлагаются две похвальные речи императорам Валентиниану I и его сыну императору Грациану, произнесенные в один день во время торжеств по случаю Квинквенналий (Пятилетия правления) Валентиниана.

Содержащиеся в этих речах исторические сведения поданы в своеобразной, очень льстивой форме, характерной для панегиристов¹. Тем не менее, они имеют определенную историческую ценность, поскольку служат дополнением к основному источнику по времени Валентиниана — «Римской истории» Аммиана Марцеллина.

Речи сохранились не полностью; их перевод на русский язык выполнен впервые.

* * *

**Кв. Аврелий Симмах.
Первая похвальная речь
в честь Валентиниана Старшего Августа,
произнесенная 25 февраля 369 года²**

Отсутствует одна страница

⟨...liem⟩ Вы — коренные обитатели всей вселенной, обретшие здесь — блистательную славу, там — опыт в перенесении трудностей. Не сказать ли мне точно так же и об Африке, твоей, по праву,

---

¹ Об этом см.: Шабага, 2016, 24–31.

² Перевод выполнен по изданию: Q. Aurelii Symmachi Orationes quae supersunt // MGH AA VI. Pars prior / Ed. O. Seeck. Berlin, 1883. P. 318–330.

родине, которая первая научила тебя, делившего с отцом тяготы военной службы, тому, каким должен быть принцепс? Тогда впервые ты, чью колыбель прежде укрывали снега Иллирии³, научился терпеливо переносить палящее солнце и песчаные бури; ты, кто ранее пил растопленный лед, теперь, словно перенесенный в иные стихии, начал терпеливо переносить недостаток воды в изнывающей от жажды Ливии⁴.

Одним словом, будучи назначен править как бы самой вселенной, ты, находясь то в одной, то в другой точке поднебесного пространства, приобрел опыт проживания во всех сторонах света. Сегодня с полным основанием твое столь долгое отсутствие не может причинить вреда провинциям, о которых ты стал заботиться после первого же знакомства с ними. Принцепс, знакомый со всеми частями империи, подобен божеству, точно так же учитывающему любую мелочь.

2. «Если бы, — говорит Туллий, — ты научился говорить по-гречески в Афинах, а не в Лилибее, а по латыни — в Риме, а не на Сицилии»⁵: явно исходя из врожденных способностей, присущих людям, живущим в той или иной местности, он убедительно показывает, что Цецилий был не в состоянии овладеть теми языками, которые являются родными для исконных жителей. В самом деле, обучиться владению тем или иным искусством можно лишь в той местности, для которой оно естественно.

Тебя же жаркий климат Гетулии⁶ приучил переносить зной, а снега Иллирии — зимнюю стужу; ты, рожденный в холодных краях и воспитанный в жарком климате, прежде чем исполнить назначенное судьбой, ознакомился со всем разнообразием мира. Именно поэтому после того, как ты принесешь победоносные сикны⁷ к эфи-

³ Валентиниан родился в 321 г. в городе Кибале в провинции Паннония, которая являлась частью диоцеза Иллирик. В 340 г. девятнадцатилетний Валентиниан сопровождал своего отца Грациана Старшего (о нем см. примеч. 11) в Африку, а затем — в Британию (*Амм.* 30.7.3).

⁴ Под «Ливией» Симмах подразумевает побережье Африки от Нила на востоке до заливов Большой и Малый Сирт на западе.

⁵ Цитата взята из речи Цицерона 70 г. до н. э. против Кв. Цецилия Нигера, бывшего квестора одиозного наместника Сицилии Г. Лициния Верреса (*Cic. Div. in Sacc.* 11.39). Цецилий пытался стать подставным обвинителем в процессе против Верреса, а Цицерон в своей речи доказывал, что он гораздо лучше подходит на эту роль, в частности, и потому, что лучше владеет латинским языком в отличие от своего оппонента, уроженца Сицилии.

⁶ *Гетулия* — территория совр. Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и западной части Сахары.

⁷ *Сикны* — военные значки легионов в виде орла с распростертыми крыльями, соответствующие современным боевым знаменам.

опам и индам, защищенным от внешнего врага палящим солнцем, они напрасно будут искать защиты в раскаленных от жары укрытиях⁸ — ведь ты, кого не утрашит мощь звездного неба, быстро одержишь верх над этими землями. А может, ты решишь раздвинуть Понтийские пределы до замерзающих областей Скифии и до скованного льдом Танаиса⁹? Но и там, принимая во внимание природу их родины, ты достигнешь врагов, убегающих от тебя по застывшим поверхностям рек! Ты, кто вобрал в себя опытность всех, превзошел опытом каждого отдельного человека.

Своему собственному усердию ты обязан тем, что сделало тебя достойным власти принцепса: в самом деле, ты занял столь высокое положение¹⁰, что к нему нельзя ничего добавить; ты уже получил такое вознаграждение, что тебе не нужна никакая другая награда.

3. Некогда ты заслужил, славный Грациан¹¹, заслужил стать отцом великого потомства¹², стать создателем принцепсов, стать источником императоров: ты воспитал детей, которые вскоре стали родителями для всех; детей, воспитание которых частным лицом дало столь добрые плоды, что сейчас Судьба, и так уже славная, ничего не может им добавить. Это является причиной того, что юный внук¹³ был избран по решению армии¹⁴: поскольку природа вашей фамилии такова, что осторожному отцу совершенно не нужно было опасаться сына, почему бы не могло наступить время для того, опорой кому были столь многочисленные примеры вашего рода? Призывать к испытанию не внушающие никаких сомнений дарования...

Отсутствует одна страница

⁸ При подготовке второго издания речи Симмах добавил на полях слова: *или у обжигающих холодом светил*. Далее будет указываться просто «На полях добавлено».

⁹ *Скифия* — так называемая Малая Скифия — римская провинция со столицей в городе Томы, выделенная в конце III в. из провинции Нижняя Мёзия в ходе административной реформы Диоклетиана. *Танаис* — совр. Дон.

¹⁰ То есть стал императором.

¹¹ Имеется в виду *Грациан Старший*. Поступив на военную службу, он дослужился до звания протектора домашних (императорской стражи) в Салоне и трибуна Илирика; был комитом Африки, а позднее — Британнии. Выйдя в отставку, Грациан жил в своем поместье в Кибале, где, по слухам, в 350/51 гг. принимал продвигавшегося к своим войскам узурпатора Магненция, за что Констанций II конфисковал его имущество (*Авт.* 30.7.3; СЛ 3.12900; Seeck 1912.1, 1831).

¹² Императоров Валентиниана I и Валента, родившихся соответственно в 312 и 328 гг.

¹³ Император Грациан, названный в честь деда.

¹⁴ См. далее: *Symm.* Or. III.5.

4. ...или, пользуясь поэтической вольностью, я мог бы сказать, что некая богиня отвела от твоего живота обнаженные мечи; я не буду описывать, как ты спасся от быстрых квадриг¹⁵, управляемых небожительницей, и не стану рассказывать, как тебя окутала завеса из легкого облака: оставим это стихотворцам — ведь мы имеем примеры истинных поступков.

До тебя угасло довольно прискорбное подстрекательство к мятежу, и поверь мне, Август, безумцы больше испугались за тебя, чем за себя, к тому же прекрасно зная, что их преступление может усугублять само то, что они посчитали, будто убийства заслуживает один лишь тесть принцепса¹⁶; и уже не было основания для оправдания бешенства тех, кто, поразмыслив, начал удерживать общников от убийства другого¹⁷.

5. Мы можем верить историям, восхваляющим более незначительные события. Так, рассказывают, что Гай Марий, испытав удар судьбы, спасся благодаря тому, что ранее к нему относились с уважением. Говорят, что после того, как его счастье ему изменило, этого человека, победителя всего мира¹⁸, заперли в тюрьме города Минтурн, и благодаря своему авторитету — единственному, что у него осталось, — он удержал руку убийцы, которому было приказано наброситься на него. Былая слава защитила старого человека, и нечестивая рука палача не смогла поразить того, кого он, условно, не мог не знать¹⁹. Я спрашиваю: есть ли большее чудо, чем

¹⁵ *Квадрига* — двухколесная колесница, запряженная четверкой коней.

¹⁶ Речь идет о Луцилиане, *тесте императора* Иовиана, которого тот после прихода к власти в 363 г. назначил комитом пехоты и конницы. Получив приказ отправиться в Милан для утверждения власти Иовиана на Западе, Луцилиан по прибытии в город узнал об отказе военачальника Малариха принять назначение на должность командующего галльской армией. В сопровождении двух офицеров, одним из которых был возвращенный Иовианом из ссылки Валентиниан, он поспешил в Реймс, где был убит взбунтовавшимися солдатами. Валентиниану удалось спастись, и он вернулся к Иовиану с известием о гибели его тестя (*Amm.* 25.8.9, 10.6–9; *Zos.* 3.35.2; *Philost.* 8.7; Banchich DIR).

¹⁷ Валентиниана.

¹⁸ После блестящих побед над кимврами и тевтонами (102–101 гг. до н. э.), отправления триумфа за победу над нумидийским царем Югуртой (104 г. до н. э.) и шестикратного занятия консульской должности (107, 104, 103, 102, 101, 100 гг. до н. э.) *Гай Марий*, которому в то время было шестьдесят семь лет, проиграл гражданскую войну с Суллой и был вынужден бежать из Рима.

¹⁹ После установления господства Суллы в Риме (82 г. до н. э.) Марий, объявленный врагом отечества, бежал сначала в свое поместье в Солонии, потом в Остию, а затем, застигнутый бурей на пути в Африку, высадился в Южном Лации, где скрывался сначала в пещере, а потом в болоте. Там его схватили и привели в ближайший город Минтурны, власти которого постановили убить его, но посланный ими галл (или кимвр) не смог этого сделать и выбежал из тюрьмы со словами: «Я не могу убить Гая Мария!». Узнавших об этом жителей Минтурн

сдерживать подручного гневающегося человека или умирять самих гневающихся? Один прощает того, от удара которого уклоняется; многие боятся того, кого сторожат: молодого человека извиняет предмет его страха, старца — сострадание; о верховной власти того вспоминали, а от тебя ее ожидали²⁰.

6. Есть ли какое-то движение души или течение жизни, которое время от времени не подвергалось бы тому или иному изменению в зависимости от смены времен и изменения причин, лежащих в основе подобного изменения? Пусть кто-то был благополучен в мирное время, но он же вряд ли счастлив в опасной ситуации. Его²¹ боялись руководители противной партии, но презирали сторонники; никто не сомневался, что его не следует унижать, но, с другой стороны, никто не считал, будто его надо возвеличивать; войско окружило его царским почетом, но перед этим он же, как частное лицо, вынужден был скрываться²²: одного тебя, кого силой ярости не превзошел ни один наглец, ни один умудренный опытом человек не обошел при занятии государственных должностей, бояться мятежники и избирают обладающие правом голоса. Важно понять: воины не помнят себя от бешенства или способны принимать разумные решения? В первом случае один лишь ты избегаешь их ярости; когда же они проявляют благоразумие, тебя одного они избирают.

7. Мне настойчиво предлагают, достопочтенный Август, чтобы в моей речи ты, сбросив одежды частного лица, предстал, подобно некоей сияющей звезде, облаченным в пурпур. Я чувствую влияние божественной помощи, как довольно часто бывает, когда меня просят явить величие мироздания во всем его блеске²³. Ну, что ж, явись, уступив просьбам, подобный светилу, которое, купаясь в священных волнах, в очередной раз поднимается из океана, чтобы приступить к своим обязанностям при рождении нового дня!

Пусть он, претендент на верховную власть²⁴, сначала пройдет как частное лицо, находящееся на военной службе, а уж потом — как лицо, сражающееся в интересах всего государства, ибо всегда на государственную должность выдвигали лишь того, кто отвечал выбору всех. Могут меняться шлемы, диадемы, скипетры,

---

охватило раскаяние, и они не только освободили Мариа, но и посадили его на корабль (*Plut. Mar.* 35–40).

²⁰ На полях добавлено: *Вес того и другого примера не одинаков: за Марием еще сохранилась слава заходящей звезды, в тебе уже горело пламя нарождающейся.*

²¹ Мариа.

²² Имеется в виду Марий.

²³ На полях добавлено: *или когда на восходе солнца заря окрашивает все в розовый цвет.*

²⁴ Валентиниан.

дротики²⁵: у тебя же только это и могло меняться, поскольку, если говорить о твоём нраве, переменчивая Судьба наградила тебя исключительным свойством характера — стремлением заботиться о большем.

8. В результате неожиданной кончины покинул землю божественный Иовиан²⁶. Печально было внезапно наступившее затишье всех дел; не перешептывались, как обычно бывает, приверженцы различных группировок; не было никаких интриг, поскольку налицо был достойный кандидат. Неужели кого-то удивляет, что за тебя проголосовали не тотчас же²⁷? Но причины для спешки нет, когда отерочка не порождает недоверия, и к тому же слава доброго поступка любого человека зачастую слабеет, когда он думает, что промедление ему вредит²⁸.

Успех в занятии тобой высшей почетной должности был определен: императором избрали тебя те, кто имел время подумать. Мы благодарны, что решение обдумывалось в течение долгого времени: твой характер изучали так долго, чтобы быть твердо уверенными в том, что более достойного человека не нашлось.

9. И вот уже наступал намеченный день собрания²⁹: присутствовала армия, набранная из представителей лучшей части римского

²⁵ На полях добавлено: *Золотой знак отличия ты заслужил носить тяжким трудом.*

²⁶ Флавий Клавдий *Иовиан* был провозглашен императором после смерти Юлиана в 363 г., но внезапно умер в следующем году. После смерти Иовиана, хотя он был христианином, был по старой римской традиции обожествлен (*Eutr.* 10.18.2).

²⁷ После смерти Иовиана на границе Вифинии и Галатии армия отправилась в Никею для избрания нового императора; там же собрались гражданские чиновники и высокие военные чины, которые начали обсуждать возможную кандидатуру нового императора. Основная борьба шла между Эквицием, трибуном первой школы skutариев (отряд императорских телохранителей), и Януарием, родственником умершего императора Иовиана, который заведовал провинциальной частью армии в Иллирике. В результате дискуссий сошлись на компромиссной фигуре Валентиниана, в то время трибуна второй школы skutариев (*Amm.* 26.1.3–6, 2.2–3; *Cassiod.* Chron. A. 364; *Socr.* 4.1; Roberts DIR). А. Нагль считает, что Валентиниан был избран в качестве компромиссной фигуры между христианами и язычниками (Nagl 1948, 2161).

²⁸ На полях добавлено: *Таким образом, тебя сберегло мнение множества людей, так что никто не ворчал про себя, будто ты стремишься получить решение, заранее принятое немногими.*

²⁹ Первоначально провозглашение Валентиниана императором должно было состояться в день его прибытия в Никею, то есть 24 февраля 364 г. Однако этот день — виссекстилий — считался у римлян несчастливым для проведения официальных церемоний, и потому интронизация была перенесена на день, а потом — еще на один, так что официально Валентиниан вступил в должность только 26 февраля (*Amm.* 26.1.3–7, 2.1–3).

народа. Собрание, вполне достойное руководителя столь великого государства! Свободные люди решали, кому они должны подчиниться. Оставь себе, седая древность, зачастую купленные цензурии, и разбитых на классы раболепных квиритов, и трибы, по большей части продажные³⁰: не находящиеся на государственной службе люди не могут назначать на почетную должность; мужа, прославленного в сражениях, призвал сенат, состоящий из воинов. Выдвижение на выборную должность людей известных является подтверждением того, что их знают; путем голосования избирают неизвестных.

Где это конское ржание, с помощью которого некогда была добыта Персидская держава; где дорога к царской власти, проложенная благодаря похоти животного, страстно стремящегося к совокуплению! Вот каков был господин, чью судьбу решила безмозглая скотина!³¹ Убери отсюда случавшиеся в древности чудеса и измышления, достойные театральных подмостков. Пусть воины решают, кому лучше вверить управление войском. Искусство настоящего воина состоит в знании того, кого избрать военачальником. Недаром и сейчас³² они с готовностью повинуются тебе, ведь они несут военную службу не только потому, что ты являешься их командиром, но и по собственному решению.

10. Сейчас со всевозможным почтением я хотел бы просить тебя объяснить, почему ты неохотно вышел к народу, почему долго сопротивлялся, почему тебя пришлось долго упрашивать? Надо ли

³⁰ *Цензурия* — «сотня» — разделение римских граждан по имущественному принципу при Сервии Туллии VI в. до н. э.

Квириты — торжественное наименование римских граждан по изначально сабинскому богу Квирину, которого римляне отождествляли с Ромулом, сыном Марса.

Триба — древнее деление Рима на три части по родовому принципу; с середины VI в. до н. э. возникли территориальные трибы. Ср.: Pan. Lat. XI. 16.1-2, 19.1-5.

³¹ Имеются в виду обстоятельства прихода к власти Дария I, персидского царя из династии Ахеменидов (522-486 гг. до н. э.).

Во время пребывания царя Камбиса II в Египте власть в Персии захватил мидийский маг Гаумата, удерживавший ее в течение семи месяцев после случайной смерти царя. Против самозванца был организован заговор аристократов, в числе семи участников которого был и представитель младшей ветви Ахеменидов Дарий Гистасп. Поскольку заговорщики были одинаково знатны, они решили прибегнуть к принятому у персов гаданию по *ржанию коня*: чей конь первым заржет на заре, тот и станет царем. Хитроумный конюх Дария придумал, как помочь своему господину: накануне назначенного для гадания дня он привел его коня на условленное место и подпустил его к кобыле. Когда на следующий день все собрались, конь Дария, вспомнив, что накануне в этом самом месте он покрыл кобылу, громко заржал, тем самым подав благоприятный для Дария знак. Остальные вельможи тут же признали его царем (*Justin. I. 10*).

³² На полях добавлено: *наверняка это относится ко всему*.

приписать твоему величию и то, что ты всегда неохотно подчинялся необходимости принять столь огромную власть? Мы рисковали, что, отказавшись от предложенной тебе власти, ты не станешь нашим господином³³. То, что ты был вынужден обдумывать сделанное тебе предложение, оказалось бóльшим благодеянием, чем если бы ты принял власть просто потому, что ты — хороший человек: ведь у государства вызывает восхищение скорее тот, кто соглашается неохотно. В благородстве с тобой в какой-то мере мог сравниться тот, кто не подчинился чужой воле³⁴. При этом твое нежелание занять императорскую должность являлось следствием твоей скромности, а то, что ты уступил, в той же мере было следствием готовности принести себя в жертву. Настойчивость воинов иной раз бывает полезна: сейчас бо...

Отсутствует одна страница

11. ...чрезвычайно заботливо обняв того и другого³⁵, чтобы один не надеялся править единолично, а у обоих не было повода для соперничества. К тому же, поскольку существует две ступени верховной власти³⁶, ты, не мешкая, наделил брата равными с собой полномочиями³⁷, что, как ты прекрасно знаешь, может вдвое улучшить функционирование властных институтов. И при этом ты совершенно не ждешь благодарности, всегда получая ее после того, как оказал благодеяние. Человек низкой души что-то получает взамен за свои услуги, а твоя щедрость не дала повода желать чего-то большего. К тому же ты посчитал, что при назначении императора размер царственного даяния значительно уменьшается, если, давая то, чего не ожидали, задерживают предоставление ожидаемого³⁸.

³³ Часто обыгрываемый панегиристами мотив отказа восхваляемого императора от предлагаемой ему власти. См., например, Pan. Lat. VII. 8.4–6, XII. 11.1.

³⁴ На полях добавлено: *перед достойным претендентом на государственный пост находилась овдовевший императорский дворец.*

³⁵ Речь идет о Валентиниане и Валенте.

³⁶ 1 марта 297 г. Диоклетианом была введена система тетрархии, в соответствии с которой во главе Римской империи стояли четыре правителя: два Августа, один из которых считался Старшим, и два подчиненных им Цезаря.

³⁷ Слова Симмаха о наделении Валента равными с Валентинианом полномочиями являются риторическим преувеличением, хотя Валент и был провозглашен Августом, то есть по рангу формально был равен своему старшему брату. В то же время панегирист указывает, что Валентиниан был Старшим Августом (§ 16), а Аммиан Марцеллин прямо говорит, что Валент во всем подчинялся Валентиниану (*Amm.* 26.4.3, 5.1). Симмах косвенно называет Валента «Цезарем» (§ 12).

³⁸ Ср. Pan. Lat. XII.19.1.

Таким образом, утверждая Августа с равной тебе властью, ты позаботился о том, чтобы у тебя никогда не вызывал подозрения человек, которому ты предоставил столько, что он не должен был желать ничего большего.

12³⁹. И ты предоставил этот огромный дар не из любезности или желания быть приятным народу: ты уже давно увидел в брате те качества, которые в течение долгого времени испытываются в Цезаре. Можно было бы сомневаться в твоём решении, если бы ты не начал с чего-то огромного. Мы тотчас ясно увидели, какого принцепса ты подыскивал, так как узнали, что ты наделил его всей полнотой власти, не испытывая от этого никакого беспокойства.

13. Если бы небожители хоть в чем-то обладали равной властью, то шар луны сверкал бы с той же силой, что и солнце, а его сестра, обязанная своим светом солнечным лучам, не испускала бы лишь временное сияние⁴⁰; день наступал бы благодаря одновременно восходу солнца и его родной сестры, и луна проходила бы те же самые участки небесной сферы; медленно совершая месячный оборот, она не увеличивалась бы, прирастая, и не уменьшалась, убывая.

Так вот, светила не в состоянии воспроизводить форму, в которую ты облек свое благодеяние; у них в подлунном мире нет ничего похожего, а у вас всё на земле является общим.

14. Я пока не говорю о памятниках, возвеличенных благодаря твоим подвигам, но сразу перехожу к самому началу. Я поступлю так, как обычно люди вынуждены поступать во время долгого пути, когда быстро идущие навстречу предназначенному судьбой не всегда отвечают на приветствия встречных. А потому и ты делишь заботу об охране территорий надвое: оставляя победоносному брату Восток⁴¹, сам ты, быстро расставляя военные гарнизоны по ту сторону всё еще непокоренных берегов беспокойного Рейна и избавляя от стыда за прежнее бездействие провинции, погрязшие в роскоши по вине их прежних правителей, возобновил, будучи избран императором, трудную кампанию⁴².

³⁹ На полях добавлено: *Поэтому многие вскоре начинают опасаться как своих соперников тех принцепсов, которым они отдали подчиненную роль в иерархии власти. Ведь те, кто обладает всей полнотой ее, пребывают в угнетенном состоянии, испытывая страх перед своим ближайшим окружением — людьми могущественными: они всегда похожи на человека, который завидует тому, кого он опередил в желаниях.*

⁴⁰ На полях добавлено: *то и другое светило появлялось бы одновременно.*

⁴¹ *Атт.* 26.5.1–4.

⁴² Имеется в виду вторжение аламаннов в Галлию осенью 365 г. (*Атт.* 26.5.7).

Тотчас же начались марши и сражения, и везде ты, император, — в первых рядах⁴³; сон под открытым небом, питье из ручья, исполнение обязанностей судьи в открытом поле. Дело для обладателя верховной власти необычное, а тебе хорошо знакомое. Ты скорее научил, как следует поступать человеку, обладающему высшей властью, чем сам научился у нее на примере того, как действовали ранее правившие императоры.

15. Не считаешь ли ты незначительным следующий пример твоей доблести и стойкости: достигнув самого высокого положения⁴⁴, из столь многих провинций, одни из которых привлекательны из-за своего расположения, другие приятны благодаря царящему в них спокойствию, третьи замечательны великолепием своих городов или обилием проживающего в них населения, — ты избрал местом своего пребывания ту часть империи, которая испытывала наибольшие трудности⁴⁵?

Подобные земли выбирают для себя те, кто был избран, чтобы им помочь. Еще не испытав преимуществ, которые дает верховная власть, ты уже получаешь от своей должности одни лишь неприятности. Галлии не удерживали бы тебя в течение столь долгого времени, если бы они тебя не ценили.

16. Мог бы хвастать пунийской добычей Африканский, однако на Сицилии он, облаченный в паллий⁴⁶, долгое время колесил по острову⁴⁷; снятыми с Митридата доспехами мог бы похвастаться Лукулл, но он, без пяти минут победитель, погряз в азиатской роскоши⁴⁸; Антоний мог бы гордиться одержанными на Востоке

⁴³ На полях добавлено: *и императорский двор, укрывающийся в зимних палатках.*

⁴⁴ На полях добавлено: *и тика славы у римлян.*

⁴⁵ Симмах имеет в виду Галльские провинции — объект постоянных атак германских племен. С ноября 364 г. по 17 сентября 365 г. резиденция Валентиниана находилась в Медиолане, а затем — в Треверах (Seeck 1919, 216–246; Lenski DIR; Banchich DIR; Nagl 1948, 2169).

⁴⁶ *Паллий* — объемный греческий плащ. В Риме его ношение считалось признаком изнеженности.

⁴⁷ П. Корнелий Сципион *Африканский* Старший (235–183 гг. до н. э.) одержал ряд блестящих побед во время Второй Пунической войны в Испании и Африке, в том числе — и в битве при Заме (202 г. до н. э.), в результате которой Карфаген уступил Риму Испанию, потерял флот и право вести самостоятельную внешнюю политику.

В 206 г., вернувшись в Рим после побед в Испании, Сципион стал консулом на 205 г. и получил провинцию Сицилия, которая рассматривалась как плацдарм для высадки в Африке.

⁴⁸ Л. Лициний *Лукулл*, консул 74 г. до н. э., был главнокомандующим римскими войсками в войне с понтийским царем Митридатом VI Евпатором; он разбил царя при Кизике, одержал над ним морскую победу у острова Лесбос, а также

победами, но, охваченный любовью к царице, погиб из-за свадьбы с египтянкой⁴⁹. Таковы были знаменитые мужи, получавшие триумфы: предаваясь неге, они оказывались в плену у прекрасных бережий и живописных местностей.

Ты хочешь, чтобы я привел более поздние примеры? Ну, что ж! Август обустроил под себя приморские Байи и, отгородившись плотиной на Лукринском озере, занимался государственными делами⁵⁰; к Тиберию обращались в то время, когда он плавал от одного острова до другого⁵¹; Пий стремился отдыхать в Кайете⁵²; в Лицее и Академии внимали находившемуся не у дел Марку⁵³. У тебя же нет покоя от сражений⁵⁴, которые ты вынужден вести.

при Тигранокерте и Артакате победил армянского царя Тиграна и бежавшего к нему Митридата, но был вынужден отступить к Нисибису (69 г. до н. э.).

Отойдя от дел, Лукулл, который был очень богат, стал вести роскошную жизнь, так что его расточительность и страсть к великолепным пирам породили понятие «Лукуллов пир».

⁴⁹ Марк *Антоний* (88–31 гг. до н. э.), цезарианец, консул 44 г. до н. э. После заключения второго триумvirата (Антоний, Октавиан, Лепид) в ноябре 43 г. до н. э. и разгрома республиканцев в следующем году в результате раздела провинций между триумвирами получил в управление восточные области.

Антоний вел довольно активную политику, в частности, руками своего легата Вентидия освободил занятые парфянами римские провинции в Малой Азии; назначил проримски настроенных правителей в ряде малоазийских царств и в Иудее, а в 36 г. до н. э. предпринял окончившийся неудачей поход против парфян. В том же году Антоний официально объявил египетскую царицу Клеопатру своей женой. 2 сентября 31 г. до н. э. в морском сражении при мысе Акции флот Антония, в результате бегства кораблей Клеопатры, был уничтожен Октавианом, а неделю спустя капитулировало и его сухопутное войско; несколько позже погиб и сам Антоний.

⁵⁰ *Байи* — город в Кампании на берегу Неополитанского залива, был основан императором *Августом* (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Байи были популярным морским курортом с термальными источниками, где любил отдыхать Август. Около Бай располагалось *Лукринское озеро* с соленой водой, первоначально бывшее частью Куманского залива, от которого Август приказал отделить его с помощью плотины, построенной поверх естественной отмели.

⁵¹ Видимо, имеется в виду пребывание императора *Тиберия* (14–37 гг.) на острове Капри, на котором он провел последние десять лет своей жизни.

⁵² *Кайета* — популярный морской курорт в Кампании, близ которого император Антонин *Пий* построил торговую гавань.

⁵³ Видимо, здесь присутствует контаминация. В 79 г. до н. э. *Марк* Туллий Цицерон под предлогом поправки здоровья, а на самом деле — страхась гнева Суллы за выигранное в суде дело Росция против Хрисагора, всеильного любимца диктатора, совершил поездку в Грецию, где в афинских *Лицее* и *Академии* слушал лекции греческих философов. На Родосе Цицерон по просьбе знаменитого преподавателя риторики Аполлония Молосского произнес речь на греческом языке, вызвавшую у слушателей бурную овацию.

⁵⁴ На полях добавлено: *и по большей части ты выбрал в Галлиях те местности, которые не позволяют надеяться на отдых.*

Сейчас ты начинаешь новое пятилетие своей власти императора⁵⁵ под оцепеневшими небом и землей, когда небеса заволокло плотной стеной облаков, при непреходящей стуже, близ неукротимого врага, при повсеместном запустении. Ты отказываешь себе в отдыхе, предоставляя его другим; одержав многочисленные победы, ты не стремишься к триумфу, выбрав для себя, хотя ты и являешься Старшим Августом⁵⁶, провинцию, на которую жаловались Цезари⁵⁷.

17. И при этом заносчивая Аламания⁵⁸ ранее обращала тебя в бегство⁵⁹, а в той части империи, где правил твой брат, безмятежный мир нарушил мятежный беглец⁶⁰. Когда быстрые вестники молниеносно доставили тебе самые верные сведения об этом, кто

⁵⁵ Официальное вступление Валентиниана в должность императора состоялось 26 февраля 364 г. (*Amm.* 26.1–2; Roberts DIR), так что празднование его Квинквентилий состоялось в Галлии 26 февраля 369 г.

⁵⁶ См. примеч. 37.

⁵⁷ Видимо, намек на Юлиана, который, получив 6 ноября 355 г. титул Цезаря, был отправлен Августом Констанцием II в Галльские провинции для их освобождения от вторжений германских племен.

⁵⁸ *Аламания* — название территории между реками Дунаем, Майном и верхним Рейном, на которой обитали аламанны (алеманны) — племенной союз из различных германских племен, с III в. непрерывно боровшийся с Римом.

⁵⁹ Первое вторжение аламаннов в Галлию во время правления Валентиниана произошло в 365 г. В следующем году Валентиниан предпринял ряд неудачных попыток разбить их руками своих военачальников Дагалайфа и Иовина; последнему в конце концов удалось изгнать аламаннов из Галлии, за что он был назначен консулом на 367 г.

В конце 367 г. или начале 368 г. произошло второе вторжение аламаннов на галльскую территорию, в результате чего был захвачен и разграблен Майнц. Весной 368 г. Валентиниан в сопровождении Грациана перешел Мэн (совр. Майн) и, уничтожая по пути припасы аламаннов, дошел до города Солицийий, где одержал над ними победу. Это была последняя победа, выигранная римлянами на правом берегу Рейна.

В этом походе участвовали Симмах и Авзоний (*Symm. Or.* 2.23–24; *Amm.* 27.7.1–5, 2. 1–11, 10.1–16, 30.7.7; *Auson.* Mos. 423; Roberts DIR; Schönfeld 1927, 920; Nagl 1948, 2172).

⁶⁰ Речь идет о Прокопии, двоюродном брате императора Юлиана, который 28 сентября 365 г. в Константинополе провозгласил себя императором. Узнав об этом, Валент, находившийся тогда в Каппадокии, отправил против него войска, перешедшие на сторону узурпатора. Валентиниан, находившийся в то время на пути в Паризии (Париж) узнал сразу о двух бедах: восстании Прокопия и вторжении аламаннов в Галлию. Сначала он хотел всеми силами помочь брату, но слезные мольбы жителей галльских городов склонили его к тому, чтобы сначала разбить аламаннов, так что он ограничился посылкой части своего войска в Африку для ее обороны против Прокопия, которому удалось установить контроль над диоцезом Фракия и Азиана.

Наконец весной 366 г. Валент перешел в наступление, разбил войско Прокопия и 27 мая казнил его, отослав голову узурпатора Валентиниану (*Amm.* 26.9; Nagl 1948, 2170; Lenski DIR).

не решил, что вместо того, чтобы воевать с варварами, тебе следует направить войска на подавление внутреннего врага?

18. Но ты больше боялся за государство и из двух бед — собственной и случившейся с братом — предпочитал, чтобы враг⁶¹ какое-то время злоупотреблял твоей властью, чем чтобы соседка⁶² пользовалась долгой безопасностью. Ты посчитал менее позорным, что одновременно с тобой у власти будут находиться несколько принцевов⁶³, чем что сократится территория империи. Аламанния, которую твой удар вверг в такое бедственное состояние, какое могло бы возникнуть, если бы ее одновременно атаковали с двух сторон, в то время напрасно желала, чтобы против тебя ополчились враги. Меньше заботясь о себе, чем о других, ты доказал, что обладаешь качествами самого решительного военачальника.

В большей безопасности был у тебя лично твой, чем наш общий враг⁶⁴. Таким образом, не одно благодеяние предоставил ты Галлиям⁶⁵, а в равной степени облагодетельствовал их сразу двумя: позаботился о том, чтобы оградить их от опасности, и при этом забыл о себе.

19. Почему бы мне не пересказать твои публичные выступления и беседы на самые возвышенные темы, интересные для людей! «Сюда, — говорит он, — боевые товарищи, ведите отряды против свирепых племен⁶⁶! Они — наш общий враг, а тот — личный; первые дают повод одержать победу в интересах всего государства, второй служит объектом исключительно моего мщения. Эта война является угрозой нашему достоинству, та — вашим владениям».

Что еще? Ты одержал верх над теми, кто предлагал тебе иное решение, и твой авторитет возрос настолько, что на причиненную тебе обиду постепенно переставали обращать внимание. Ты мог бы подумать, что к твоим словам не прислушались, если бы кто-нибудь отомстил за тебя против твоей воли. Но может ли кто-то просить о том, чтобы к нему относились с безразличием, и оценивать степень преданности, если он не может себя защитить? Право же, у того душевные качества превосходят право отдавать приказание, под

⁶¹ Прокопий.

⁶² Имеется в виду Аламанния.

⁶³ В 365–366 гг. в империи одновременно правили законные императоры Валентиниан и Валент и узурпатор Прокопий.

⁶⁴ Ср. *Атт.* 26.5.13: «Не раз он (Валентиниан) повторял, что Прокопий — враг только лично его и его брата, а аламанны — всего римского мира...» (пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).

⁶⁵ Имеется в виду диоцез Галлия.

⁶⁶ На полях добавлено: *и воинственных жителей Рейнских областей.*

началом кого не обращают внимания на его высокое положение и мстят за вторжение!

20. А что говорить о том (ведь сила природы такова, что наибольшие страдания всем причиняют их собственные переживания), что никого невозможно оскорбить безнаказанно лишь в том случае, если он сам ценит себя? Снисходительный, когда беда касается одного тебя, и суровый, когда бедствия грозят государству, ты считаешь, что принцепсу не подобает предпринимать действия, исходя из личной ненависти. Поэтому мы заслуженно любим тебя тем больше, чем меньше ты гневаешься, будучи оскорблен как частное лицо; ты, император, не в состоянии использовать свою власть для подавления внутреннего врага. Если ты стыдишься, что за причиненные тебе обиды отомстят, услышь, император, то, что тебя воодушевит: нашими врагами являются те, кто оказывает сопротивление!

21. Впрочем, справедливое падение этого бандита⁶⁷ могло быть отложено несмотря на подвиги твоего почтенного брата вкупе с другими славными деяниями Востока; в конце концов, достаточно будет сказать лишь о том, что, хотя исход войны долгое время был не ясен, он⁶⁸ так уменьшил значение победы, как если бы против него никто не сражался!

22. О, как вы удивительно похожи в своем добросердечии! Ты не в состоянии взять на себя решение гражданской распри, он⁶⁹ не может этого требовать. Однако, несмотря на это различие между вами, тебе не безразлична честь твоего брата: ты счел, что тот, кому ты не пришел на помощь, вполне может победить своими силами. Чем больше уверенность, тем меньше поводов для беспокойства.

Заслуженно плененный мятежник был вынужден ему сдаться; заслуженно тот, кто присвоил себе столь высокое звание⁷⁰, был предан наказанию: ведь по решению твоей божественности власти выносили приговор негоднейшему человеку, не заслужившему даже того, чтобы ты делал вид, будто относишься к нему враждебно.

23. Среди этих военных действий против чужеземцев, среди сражений и небывалых побед, одержанных над врагами, ни на минуту не прекращалось ведение гражданских дел⁷¹. Я прямо могу утверждать, что предпочтение снова отдается нравственному благородству и что дорога к священным должностям открывается уже не с помощью богатств, а благодаря добрым нравам; что сейчас успех

⁶⁷ Прокопий.

⁶⁸ Прокопий.

⁶⁹ Валент.

⁷⁰ Звание императора.

⁷¹ СTh 11.1.13; *Amm.* 30.7.11, 9.1, 4-5.

в военных и гражданских делах ценится одинаково, поскольку ты видишь, что во главе преторианских когорт⁷² стоят люди благородные и что перед заслуженными полководцами ликторы⁷³ несут знаки отличия, положенные гражданским магистратам.

Мы часто меняем тоги на палудаменты, часто надеваем на воинов трабеи⁷⁴...

Отсутствует шесть страниц

Кв. Аврелий Симмах
Речь III. Похвальное слово Грациану,
произнесенное 25 февраля 369 г.⁷⁵

Отсутствует несколько страниц

...соединяться с торжествами, однако я должен исполнить важнейшую составляющую своего обета: ты, кто подарил столь счастливые времена, благосклонно прими от меня эти небольшие подношения в золоте⁷⁶.

2. Приветствую тебя, желанная надежда нового правления; созревай в недрах государства-кормильца ты, радость наших времен, несущая безопасность для потомков. Что до меня, то должен ли я бояться, как бы меня не ценили лишь за то, что я имею большое

⁷² *Преторианская когорта* — личная охрана императора.

⁷³ *Ликторы* — служители, носившие фасции как символический знак занимаемой должности перед высшими магистратами и победоносными полководцами; последние увенчивали фасции лавровыми ветвями.

⁷⁴ *Тога* — традиционное верхнее платье римского гражданина, отличавшее его от неграждан. *Палудамент* — довольно длинный, чуть ниже колен, шерстяной военный плащ белого или пурпурного цвета; по большей части его носили полководцы.

Трабея — изначально белый плащ, украшенный несколькими пурпурными полосами, парадное одеяние консулов и ряда других высших должностных лиц; при императорах трабея была полностью пурпурной.

⁷⁵ Перевод выполнен по изданию: Q. Aurelii Symmachi Orationes quae supersunt // MGH AA T. VI. Pars prior / Ed. O. Seeck. Berlin, 1883. S. 330–332.

⁷⁶ Имеется в виду так называемое «дарственное золото» (*aureum oblativum*), которое сенат в лице своего представителя преподносил императору по случаю его вхождения на престол или на годовщину интронизации. В данном случае Симмах, который к 369 г. получил известность как искусный оратор, от имени сената преподнес Валентиниану и Грациану золото во время празднования Квинквенталий (Пятилетия правления) Валентиниана (Seeck 1883, XLVI–XLVII).

В отличие от регулярно собираемых налогов — хрисагира и глебы — размер жертвенного золота, как и другого нерегулярного налога — коронного золота, собираемого с жителей городов, — не был строго фиксированным, что и позволило Симмаху в полном соответствии с законами панегирического жанра уничижительно назвать свое подношение *aurea minuscula*.

влияние⁷⁷ на этого молодого человека⁷⁸, главной обязанностью которого является управление государством? Во всяком случае, ты учишься править с самого начала своего прихода к власти; ты был облечен в расшитую тогу⁷⁹, когда только еще был претендентом на власть⁸⁰. Да ты и не мог стремиться к чему-то иному, начиная свою деятельность с высших государственных должностей. В курульных креслах⁸¹ мы усмотрели новую надежду; не запятнанные кровью ликторские топоры явили свидетельства желанного милосердия; в украшенных лавром фасциях мы увидели приметы доблести⁸²; в венчающих жезлы изображениях орлов⁸³ — предзнаменования будущего величия.

Тогда впервые принимающие активное участие в общественной жизни люди, которые некогда, подчиняясь закону, были вынуждены бездействовать, осмелились поднять глаза на должностное лицо. А когда ты, занимая самую высокую в государстве должность⁸⁴, начал придавать силу законов, причем написанных очень

⁷⁷ Риторическое преувеличение: карьера Симмаха при императорском дворе началась только после произнесения панегириков, которые настолько понравились Валентиниану, что он назначил оратора комитом третьего ранга и включил в свой штат. Поэтому даже небольшого влияния на Грациана до 369 г. Симмах оказывать не мог (Seeck 1883, XLVII).

⁷⁸ В год произнесения панегирика Грациану было десять лет, то есть он был *puer* (ребенок семи-четырнадцати лет). Симмах же, приписывая ему поступки, не свойственные человеку этого возраста, намеренно называет его *adulescens*, то есть «молодым человеком» пятнадцати-тридцати лет.

⁷⁹ *Расшитая тога* (*toga picta*) — пурпуровая тога, расшитая золотом, отличительная одежда римских императоров. Претендент на власть (*candidatus*) носил белоснежную тогу (*toga candida*), так что перед нами очередное преувеличение Симмаха.

⁸⁰ Видимо, Симмах имеет в виду первое консульство семилетнего Грациана в 366 г., когда тот носил титул *nobilissimus puer* (*Amm.* 26.9.1, 27.2.1). Августом-соправителем отца он стал в следующем 367 г. (*Amm.* 27.6.4).

⁸¹ *Курульные кресла* — метонимия, т. е. «консулы». Это — риторическое преувеличение, так как до 369 г. Грациан был консулом только один раз. В годы же своего царствования он занимал консульскую должность еще четыре раза: в 371, 374, 377 и 380 гг. (Seeck 1912.2, 1831).

⁸² *Ликторские топоры* — топор, воткнутый в пучок перевязанных красной лентой прутьев (т. н. *фасции*), носили *ликторы* — служители высших римских магистратов, в том числе и консулов; победоносные полководцы увенчивали фасции лавровыми ветвями (*fascies laureati*). В обязанность ликторов входило в том числе и совершение казни над осужденными, то есть пролитие крови. В эпоху поздней Империи такие фасции носили ликторы, сопровождавшие императоров.

⁸³ Здесь и в § 7 речь идет о военных значках легионов в виде орла с распростертыми крыльями, соответствовавших современным боевым знаменам. В битве это изображение на высоком древке носил особый знаменосец (аквилifer).

⁸⁴ Имеется в виду избрание Грациана Августом-соправителем в 367 г. (*Amm.* 27.6.16).

хорошим языком⁸⁵, тем или иным не подлежащим сомнению решениям, мы тотчас поняли, что красноречие, которое мы видели в консуле⁸⁶, может быть присуще и тому, кто занимает высокие должности.

3. Будучи призван к власти благодаря этим отличиям, ты передал преимущественное право императора назначать консула народному собранию⁸⁷. Заблуждается тот, кто в божестве принимает во внимание возраст: ты, сам еще ребенок, сражаешься за старцев; ты, ровесник наших детей, работаешь за них в поте лица⁸⁸! В самом деле, именно ты являешься тем, кто был избран, как мы полагали, крайне своевременно⁸⁹!

4. О, беспристрастный выбор воинов! Их преданность знает, кого провозглашать! Знаком счастливой судьбы государства явилось то, что тот, кто тебя родил⁹⁰, обещал меньше, а те, кто еще не набрался опыта, принимали более разумные решения. Мог ли кто-либо когда-либо оспаривать мнение отца о способностях сына? И всё же войско не ошибается, будучи твердо уверено: ты был избран благодаря надежде, а испытан на деле.

5. Если какой-нибудь Зевксис⁹¹ разноцветными красками изображал бы это собрание, которое я вижу перед собой; если какой-нибудь подражатель Апеллеса в меру своих сил одушевлял бы, благодаря силе искусства, это божественное решение, потомки увидели бы чудеса, в которые едва ли можно поверить: с одной стороны — Август, с другой — легионы, а между ними — средоточие власти — отрок, претендент на императорский престол; они увидели бы долгие споры с той и другой стороны и отца, наконец-то

⁸⁵ Очередное риторическое преувеличение. Античные авторы, действительно, отмечают высокую образованность и ораторское искусство Грациана (Epitom. 47.4; *Amm.* 31.10.18; *Rufin.* HE.11.13; *Ambros.* De ob. Valent. 74; *Auson.* Grat. Act. 15.68), но вряд ли они говорят о десятилетнем мальчике.

⁸⁶ То есть в Грациане. См. также примеч. 80.

⁸⁷ Под *народным собранием* (comitia) Симмах подразумевает сенат, в эпоху поздней Империи имевший чисто формальное право избрания императора, так что термин является явным анахронизмом. Ср.: *Auson.* Grat. Act. 9.42,44. Термин *purpura*, ае f *пурпуровая одежда* я рассмагиваю как метонимия «император, носящий пурпуровую тогу».

⁸⁸ Здесь, а также в §§ 7 и 10 Симмах говорит об участии десятилетнего Грациана в походе Валентиниана против аламаннов в 368 г., в результате которого они были разбиты под Солицинием (совр. Швейцингер): *Amm.* 27.10.6–8,10; *Auson.* Mos. 422; Schönfeld 1927, 920.

⁸⁹ Ср. § 5.

⁹⁰ Валентиниан I.

⁹¹ *Зевксис* и упоминаемый далее *Апеллес* были знаменитыми греческими художниками (IV в. до н. э.).

уступающего воинам⁹², которые с радостным единодушием⁹³ приветствовали его решение⁹⁴.

О, зрелище, достойное веков⁹⁵, в которые, как мы видим, на высший государственный пост избирают тех, кто более полезен для государства, а не тех, кто хочет занять эту должность!

6. Подобаает, чтобы способность принимать те или иные решения существовала в цветущей юности: исправление должности развивает любого человека. Так, власти Антиоха еще до его совершеннолетия добровольно подчинилась Сирия⁹⁶; юного Пеллея избрала военачальником судьба⁹⁷; Птолемея, только-только вышедшего из младенческого возраста, восстановил на царстве Рим⁹⁸. К тому же, клянусь Геркулесом, человек в нежном возрасте более надежно обучается науке властвовать: доблесть, когда она проявляет себя раньше, длится дольше.

Ведь и знаток сельского хозяйства прививает чужой отросток к молодым ветвям, чтобы привой вращал [...] в твердую кору⁹⁹. Я

⁹² Во время похода против алеманнов в 367 г. Валентиниан тяжело заболел и находился чуть ли не при смерти, в связи с чем среди его окружения началась борьба за назначение его преемника: императорский двор выступал за магистра императорской канцелярии рескриптов Рустика Юлиана, а армия поддерживала магистра пехоты Севера (*Антт.* 27.6.1–3). Выздоровевший Валентиниан принял компромиссное и крайне необычное решение — он назначил соправителем своего малолетнего сына, надеясь таким образом устранить разногласия между двумя партиями (*Антт.* 17.6.4–10; Roberts DIR).

⁹³ Ср.: *Антт.* 27.6.10.

⁹⁴ На полях добавлено: *моллящие турмы, обращающиеся с мольбой боевые порядки.*

⁹⁵ На полях добавлено: *картина, достойная времен!*

⁹⁶ Трудно сказать, о каком Антиохе идет речь. Вероятно, имеется в виду Антиох V Евпатор из династии Селевкидов, взошедший на престол в 164 г. до н. э. в возрасте девяти лет, однако сведений о добровольном подчинении Сирии в его правление не имеется.

⁹⁷ Речь идет об Александре Македонском, родившемся в г. Пелла 21 июля 356 г. до н. э.

⁹⁸ Речь идет, скорее всего, о Птолемее VI Филометере (II в. до н. э.), который стал правителем Египта в возрасте шести лет после смерти своего отца Птолемея V Эпифана, формально пришедшего к власти, когда ему было четыре года. За Птолемея VI говорит то обстоятельство, что его, вынужденного в результате очень напряженных отношений со своим младшим братом-соправителем бежать в Рим, римский сенат восстановил на престоле в 157 г. до н. э. Скорее всего, здесь налицо контаминация.

⁹⁹ Ср. *Verg. Georg.* 2.74–80 (здесь и далее перевод С. Шервинского):

Можно в толще коры, в том месте, где почки выходят
И уже тонкую ткань прорывают, надрез неширокий
Сделать в самом узле и дерева чуждого отпрыск
В щелку ветавить, уча с корой постепенно срастаться.
Или ж стволы без сучков надсекают и клином глубоко

знаю, что при укрощении коней, как говорит ... еще не достигли старости, легче подставляют шею под упряжь¹⁰⁰.

Отсутствует пять страниц

7. ...ты победишь тиранов исходя из своих обязанностей. Пусть для тебя, кому всё известно наперед, останется в будущем хоть что-то, что потребует твоего мужества. Есть ли у тебя какие-нибудь передышки в труде? Ты, деля время между военными делами и литературными занятиями, совместил мирные труды с военными¹⁰¹. У тебя, как я вижу, свидетельства доблести явно видны, а не ослаблены подражательством: ведь и Фульвия, знаменитого как своими подвигами, так и своим именем, часто посещал среди орлов и звуков горнов его наставник Акций¹⁰²; знаменитого Африканского, победителя на суше и на море, не оставил Панетий, вместе с ним читавший тексты и участвовавший в его подвигах¹⁰³; Александр Великий вместе со своим окружением собрал армию философов почти со всего света. Так вот, мы верим древности, потому что и в твоих военных палатках изучают и литературные труды, и оружие¹⁰⁴. Совершенно очевидно, что ты принимаешь в расчет соображения обстоятельств и времени: во время сражений тебе доставляет удовольствие чтение исторических сочинений, во время чествований — свазории¹⁰⁵, в беседах — выразительные средства языка, во время торжеств — песни¹⁰⁶.

В толщу проводят пути; потом черенок плодоносный
Вводят в разрез...

¹⁰⁰ Видимо, Симмах ссылается на Вергилия (*Verg. Georg.* 3.188–189):

...Пусть морду он сам в недоуздок мягкий просунет, —
Слабый, дрожащий еще, своих еще лет не созвавший.

¹⁰¹ Об этом см.: *Eritom.* 47.4; *Amm.* 31.10.18.

¹⁰² Луций *Акций* (170–90/85 гг. до н. э.) — выдающийся римский поэт, драматург и филолог, друживший со многими знатными римлянами.

Флакк — видимо, имеется в виду М. Фульвий Флакк, римский военачальник и политический деятель, консул 125 г. до н. э.

¹⁰³ *Панетий*, древнегреческий философ-стоик (ок. 185–109 гг. до н. э.), был учителем знаменитого Публия Сципиона Эмилиана *Африканского* Младшего, известного своей любовью к греческой культуре.

¹⁰⁴ О. Зеек видит в этом намек на то, что учителем Грациана стал Авзоний (*Seesk* 1912.2, 1833).

¹⁰⁵ *Свазории* — один из двух видов декламаций (показательные выступления ритором и их учеников, демонстрирующих свое ораторское мастерство), а именно: увещательные речи, обращенные к историческому или мифологическому персонажу, который находится в затруднительной ситуации, предполагающей тот или иной выбор.

¹⁰⁶ Музыканты и певцы, распевавшие торжественные песни, были непременным атрибутом триумфального шествия.

8. Чувствую, что я своевременно увлекся примерами из минувших времен, и потому я имею полное право привести ответы Помпея, сохранившиеся в нашей памяти благодаря *Анналам*¹⁰⁷. Однажды, согласно обычаю, он проводил коня во время цензорского смотра всадников и внезапно был остановлен вопросом цензора, под командованием какого военачальника он служил. Помпей ответил: «Я служил под своим собственным командованием»¹⁰⁸.

Я не хочу анализировать хвастливое высказывание столь знаменитого полководца, возможно, ему не принадлежащее. Однако с большим сознанием своего достоинства мог бы приписывать себе подобное тщеславное высказывание тот, кто начал командовать другими в таком возрасте, когда сам еще не мог исполнять приказы других. Если кто-нибудь спросит меня, когда достославный Грациан предоставил случай выказать ему уважение, я не колеблясь отвечу: «Когда он получил звание императора»¹⁰⁹.

9. Если бы сейчас мне было позволено еще больше воспользоваться красотами поэтического языка, я, говоря о новом веке, использовал бы, подобно вдохновенному поэту, все приемы *Марона*¹¹⁰; я сказал бы, что Справедливость спустилась с небес и что помимо обильных урожаев нашего времени она дает надежду и на будущее; что сейчас для меня в широко раскинувшихся полях сами собой созревают золотые колосья, в терновнике вызревают виноградные гроздья, а дубы истекают капающим с них медом. Может ли кто-нибудь сказать, будто то, что происходит во время твоего правления¹¹¹, невероятно, если твой потомок уже проявляет многие прекрасные качества и дает надежду на большее! И если правильно, что божественный закон позволяет предсказывать будущее

¹⁰⁷ *Анналы* — погодная запись событий — велись со времени основания Рима. В 130 г. до н. э. были переработаны и сведены в восемьдесят книг великим понтификом П. Муцием Сцеволой (т. н. Великие анналы).

¹⁰⁸ По истечении установленного законом срока военной службы римские всадники были обязаны приводить своего коня на форум для его *осмотра цензорами*. Симмах пересказывает красочно описанный Плутархом (*Plut. Romp.* 22) эпизод 70 г. до н. э., когда цензорами были Гн. Корнелий Лентул Клодиан и Л. Геллий Попликола, а Гн. Помпей Великий, всадник по происхождению, получил свое первое консульство.

¹⁰⁹ Восьмилетний Грациан был провозглашен императором-соправителем Валентиниана в 367 г. При этом Валентиниан провозгласил сына не Цезарем, то есть императором, занимающим подчиненное положение по отношению к императору в ранге Августа (такovým с 364 г. формально являлся брат Валентиниана император Валент), а Августом, что было крайне необычно (Seeck 1912.2, 1831; Roberts DIR). См. также примеч. 37.

¹¹⁰ Симмах говорит о знаменитом римском поэте Публии Вергилии *Мароне* (70 г. до н. э. — 19 г. н. э.).

¹¹¹ Симмах обращается к Валентиниану.

на основании предчувствий, то уже давно веретена Парок¹¹² вращаются в направлении золотого века.

И я могу не прибегать к поэтическим вольностям: в самом деле, Рейн уже не смотрит свысока на наше государство, но разделяет своим течением наши укрепления¹¹³; он течет от наших Альп до нашего Океана. Он, прежде ни перед кем не склонявший головы, ныне покорён при помощи перекинутых через него мостов. Право же, наш двуустый¹¹⁴, не вздумай сравнивать себя с Тибром на том основании, что вы оба имеете на своих берегах памятники, оставленные принцепсами: ведь Тибр ими окружен, а ты — укрощен. Не одной меркой оцениваются мосты на этих реках: побежденная получила заслуженное наказание, победившая — заслуженное бессмертие; более ценная заслужила почет, менее ценная — рабство.

10. Царь Македонии имел обыкновение жаловаться на славу, заслуженную его отцом, так как тот, подчинив повсюду провинции, не оставил наследнику никакого повода побеждать¹¹⁵. А у моего молодого человека нет никакого основания для подобной жалобы! Вся слава принадлежит обоим: почтительным отношением к отцу ты выказываешь себя сыном, доблестью — соратником. У вас одна на двоих военная служба и одна счастливая судьба: ты радуешься руководству отца, он — военной службе с юным сыном. Природа верно решила, что никогда не испытывает зависти тот, кто связан с другим кровным родством.

11. Достоправный Грациан! Хотя мы признаём как твою удачу в делах, которая более всего ценится в военачальниках, так и твой точный расчет, всё же разве может быть бóльшая удача, чем осуществлять верховную власть под началом родителей¹¹⁶? Вся все-

¹¹² *Парки* (греч. Мойры) — богини судьбы. Считалось, что они прядут и обрезают нить человеческой жизни.

¹¹³ Весной 368 г. римляне переправились через Рейн, разбили аламаннов и вернулись в Галлию. Крепости на правом берегу они начали строить в конце 368 г. и сразу же столкнулись с сопротивлением аламаннов (*Амм.* 27.10.1–16, 28.2.1–5).

¹¹⁴ *Тибр* почти у самого устья разделялся на два рукава, образуя Священный остров. *Рейн* назван «двуустым» намеренно, но не точно, так как при впадении в Северное море он делится на несколько рукавов, самыми крупными из которых являются Ваал, Недер-Рейн и Эйссель. См. также *Symm. Or.* II.4.

¹¹⁵ Ср. *Plut. Alex.* 5: «Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевывал какой-либо известный город или одерживал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: “Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего”» (перевод М. Ботвинника и И. Перельмутера).

¹¹⁶ *Sub parentibus*. Эти слова можно понять двояко: или как синекдоху (pl. pro sg.), или же имеются в виду действительно два человека — Валентиниан и его брат-соправитель Валент, речь о которых идет далее (*pater et patruus tuus*).

ленная держит тебя в своих ласковых объятиях, и хотя государство в соответствии с неким решением разделено между твоим отцом и дядей¹¹⁷, всё же у тебя одного оно является общим с тем и другим.

От тех областей, где рождается заря, до пределов, где заходит солнце, всё, как ты считаешь, принадлежит тебе. Под известным нам множеством созвездий ты настолько же слабее их обоих вместе, насколько совершеннее каждого из них в отдельности.

12. Я слышу, что уже давно певцы народов провидчески, хотя и глухо, говорят о том, что до сих пор самостоятельно существует варварский мир, но что уже рождены, уже подрастают те, кому вместе со всем остальным кругом земель неизбежно придется подчиниться. Одни жалуются на старость и на свою поседевшую от времени голову, другие тяготятся своим нежным возрастом, но и те, и другие, познав вкус свободы, испытывают страх перед рабством. С полным основанием они наперегонки отовсюду посылали к тебе молящих послов¹¹⁸: подобен пленнику тот, кто первым молит о мире.

Я верю суждениям варваров, верю предчувствиям: сколь великой славы в командовании войском — причем отец сохранит свое высокое положение — некогда достигнешь ты, кого уже принимают всюду, куда бы он¹¹⁹ ни вел тебя за собой!

Литература

- Аммиан Марцелин.* Римская история / Пер. с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 2000.
- Вергилий.* Георгики / Пер. С. Шервинского. М., 1971.
- Гаспаров М.Л.* Авсоний и его время // Авсоний. Стихотворения / Издание подготовил М.Л. Гаспаров. М., 1993.
- Латинские панегирики / Вступительная статья, перевод и комментарии И.Ю. Шабага. М., 2016.
- Плутарх.* Александр / Пер. М. Ботвинника и И. Перельмутера. М., 1987.

¹¹⁷ Валентиниан был провозглашен императором-Августом 26 февраля 364 г., а через месяц 28 марта назначил своим соправителем в том же ранге младшего брата Валента (*Амм.* 26.4.3; *Theodoret.* HE. 4.5), хотя фактически тот занимал подчиненное положение по отношению к западноримскому императору (*Амм.* 26.5.1). Разделение власти было вызвано стремлением Валентиниана предотвратить кризис в наследовании власти в случае его смерти и желанием пресечь возможное недовольство восточноримских чиновников (Roberts DIR).

¹¹⁸ Риторическое преувеличение: в 365–368 гг. Валентиниан вел практически непрерывные сражения с вторгавшимися в Галлию алеманнами; в 367–368 гг. его военачальники сражались с объединенными силами пиктов, аттакоттов и скоттов в Британии и с франками и саксами на побережье северной Галлии (*Амм.* 26.5.7, 27.2.1–9, 6.8.1–5, 10.1–16; 28.2.1–9).

¹¹⁹ Валентиниан.

Шабага И.Ю. Сборник XII Panegyrici Latini как историко-литературный памятник // Латинские панегирики / Вступительная статья, перевод и комментарии И.Ю. Шабага. М., 2016.

Banchich Th. M. Procopius (365–366 A.D.) // DIR.

Lenski N. Valens (364–378 A.D.) // DIR.

Nagl M.A. Valentinianus I // RE. 14. 1948. Col. 2158–2204.

Roberts W.E. Valentinian I (364–375 A.D.) DIR.

Schönfeld M. Solicinium // RE. 5. 1927. Col. 920.

Seeck O. Flavius Gratianus (2) // RE. 14. 1912.1. Col. 1831.

Seeck O. Flavius Gratianus (3) // RE. 14. 1912.2. Col. 1831–1839.

Seeck O. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr.: Vorarbeiten zu einer Prosopographie der christlichen Keiserzeit. Stuttgart, 1919.

Seeck O. De Symmachi Orationibus // MGH AA 6.1. 1883. P. I–LXXXI.

О.В. Смыка

ТРИФИОДОР. «ВЗЯТИЕ ИЛИОНА» — ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ГРЕЧЕСКОГО ЭПОСА

Мы публикуем первый полный русский перевод поэмы древнегреческого автора Трифиодора. Это — один из весьма немногочисленных хорошо сохранившихся образцов поэзии позднего периода.

Имя Трифиодора и фрагменты его поэмы «Взятие Илиона» известны русскому читателю благодаря замечательному изданию, предпринятому коллективом сектора античной литературы Института мировой литературы имени Горького¹. Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек, автор перевода почти всех фрагментов поэтических текстов в этом издании, перевела и фрагменты поэмы Трифиодора: стихи 1–50 (вступление), 305–327, 342–351, 358–359, 365–472, 487–513 (троянский конь, стенания Кассандры).

О Трифиодоре известно очень мало. Указания на время его жизни Суда не дает, он только перечисляет его сочинения². Временные рамки его жизни современные исследователи устанавливают, анализируя его тексты в соотношении с другими дошедшими памятниками. Публикация оксиринхского папируса Р.Оху. 41.2946 в семидесятые годы, содержащего 301–402 строки «Взятия Илиона», датированная третьим или ранним четвертым веком нашей эры, позволила исследователям Трифиодора отнести его к III в. (см. издания Livrea, Gerlaud и Dubelzig).

Ядро содержания поэмы, описывающей ужас последней ночи гибнущей Трои, — песнь Демодока в VIII песни «Одиссеи».

Поздней античной литературе в последнее время исследователи стали уделять гораздо большее внимание. Возросло число работ, посвященных авторам этого периода. Так, Трифиодору посвящены четыре новых издания, лексикон и много статей и монографий. Укажем только монографию L. Miguélez-Cavero

¹ *Грабарь-Пассек М.Е.* (ред.) Памятники поздней античной поэзии и прозы: II–V века. М.: Наука, 1964.

² В словаре Суда читаем (Г 1111 Adler): «Трифидор, египтянин, грамматик и сочинитель эпоса, написал поэмы „Марафониака“, „Взятие Илиона“, „О Гиподамии“, липограмматическую „Одиссею“. Существует еще поэма об испытаниях Одиссея и о том, что говорят о нем мифы, а также другое».

(2013), Triphiodorus, The Sack of Troy: A General Introduction and a Commentary, Berlin, содержащую обширную библиографию, и издания М. Campbell (1985), Lexicon in Triphiodorum, Hildesheim; F.J. Cuartero Iborra (1988), Trifiodor, La Presa de Troia, Barcelona; U. Dubielzig (1996), Triphiodor, Die Einnahme Iliions, Tübingen; B. Gerlaud (1982), Triphiodore, La Prise d'Ilion, Paris; E. Livrea (1982), Triphiodorus, Ilii excidium, Leipzig.

Перевод выполнен по изданию: Hesiodi Carmina; Apollonii Argonautica; Musaei Carmen de Herone et Leandro; Coluthi Raptus Helenae; Quinti post-homerica; Tryphiodori Excidium Ilii; Tzetzae Antehomerica, etc. / Graece et Latine cum indicibus nominum et rerum edidit F.S. Lehrs; Asii, Pisandri, Panyasidis, Choerili, Antimachi fragmenta cum commentariis aliorum et suis adjecit Fridericus Dübner. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot. 1840 и сверен по изданию: A.W. Mair. Oppian, Colluthus, Tryphiodorus, London; New York: Loeb, 1928.

Трифидор. Взятие Илиона

- Поздний исход многотрудной войны и хитрость — засаду, —
 Конное дело Аргивской Афины, — воспой, Каллиопа,
 Долгий рассказ опустив, — сейчас я объят нетерпением!
 Быстрым словом своим разреши старинную распрю
- 5 Древлерожденных мужей, что ее разрешали войною!
 Вот и десятый уж круг годовой обращаться пустился,
 А над троянцами и над данайцами все простиралась
 Демон войны Энио́ — ненасытная кровью старуха.
 Копья устали разить, мечи от резни затупились,
- 10 Панцирей грохот затих — истончились они постепенно,
 Слабли, рвались витые крепленья ремней щитоносных,
 Щит же не мог уже более выдерживать копей удары,
 Гнутые луки ломались, а стрелы текли из колчанов.
 Кони бродили понуро от яслей пустых в отдалении,
- 15 Жалобно ржали, напрасно зовя по упряжке соседа
 Или возницу любимого, павшего замертво в битве.
 Мертвый Пелид poleg уже рядом с товарищем мертвым,
 Нестор уже Антилоха оплакал, любимого сына,
 Самоубийственной раной Аякс свое мощное тело
- 20 Ранил и гибельный меч обагрил исступленную кровью.
 Но и троянцы, скорбя о поруганном Гектора теле,
 Не об одних лишь согражданах горе свое горевали —
 Жалобным плачем они отзывались на горькие слезы
 Многоязычных друзей — чужеземцев, союзниках в битвах.

- 25 Все они вместе оплакали смерть Сарпедона-ликийца,
Мать его, гордая Зевсовым ложем, послала под Трою,
Пал он, сраженный Патрокла копьём, и по смерти героя
Отчий Эфир на землю излил кровавые слезы.
Рес фракийцам на горе злым сном смежил свои очи
- 30 Ночью коварной, а Эос-Денница, скорбя по потере
Мемнона, сына, сокрывшись от взоров в небесную тучу,
Свет умыкнула дневной, и все погрузилось в потемки.
Жены с берегов Фермодонта, реки, любезной Арею,
Кто не по-женски себе несозревшую грудь отсекает,
- 35 Горько скорбели о Пентесилее, воинственной деве,
Что в хороводе войны, чужеземцев вовлекшей немало,
Девичьей дланью рассеяла тучи мужей, оттеснила
Их к прибрежным судам, и Ахиллу лишь было под силу
Деву сразить, и доспехи совлечь и свершить погребенье.
- 40 Троя же, град многозданный, стояла пока нерушимо.
Высились башни, и стены незыблемо в землю врастали.
Время тянули ахейцы бесславно, — Афина старалась
Их на последний подвигнуть рывок, но богиня, которой
Устали нет никогда, — лишь вотще напрягалась до пота.
- 45 Так бы и шло, если б вещей Гелен не пришел к ним из Трои.
Наглости он уступил похитителя жен Деифоба, —
Как бы желая утешить в беде Менелая-страдальца,
Он возвестил долгожданную гибель своей же отчизне.
Вняв прорицанью Гелена, гнетомого ревностью тяжкой,
- 50 Сразу восприяли ахейцы покончить с войной затяжной.
Тут, покинув обильный прекрасными девами Скирос,
Сын Ахиллеса явился, дитя Деидами славной,
Лик благородный его еще первым пушком не покрылся,
Мужеством был он в отца, хоть летами для воина юный.
- 55 Даже Афина священный кумир свой данайцам вручила,
Тот, что погибель врагам, а своим — величайшая помощь.
Вот по советам богини помощник Эпей изготовил
Трое на гибель коня изваянье громадных размеров.
Лес для работы рубили, а после несли на равнину
- 60 С Иды самой, откуда Ферекл уже брал его прежде,
Строя корабль Александру — начало всех бед и несчастий.
Мастер коня сотворил, меж широких боков приспособив
Чрево настолько просторное, что по размеру не меньше
Было оно, чем корабль, и вмещало, конечно, не меньше.
- 65 Мастер приделал и шею коню над полою грудью,
В темную гриву его вкропил он золота блестки,
Пышная грива волной стекала с изогнутой шеи,
Лента из конских волос держала ее на макушке.
Вставил в глазницы Эпей и глаза из камней драгоценных, —

- 70 Взял он берилл голубой, аметист с кровавым оттенком,
И при смещении глаза двойным заблестали отливом,
Очи из синих камней были будто бы кровью налиты.
Белые зубы коню умелец в челюсти вставил,
Словно хотели уже закусить удила эти зубы!
- 75 В пасти огромной коня скрыл мастер такие отверстия,
Чтоб выпускали дыхания тех, кто запрячется в чреве, —
Свежий живительный воздух втекал через конские ноздри.
Уши прямые коню на макушке приладил умело, —
Звуки трубы уловить всегда они были готовы.
- 80 Сзади приделал он гибкий хребет, поясницу и спину,
И с ягодицами гладкими бедра, сопрягши, приладил.
Хвост же пушистый коня концом по земле волочился,
Вниз по нему бахрома, как лоза, опускалась витая,
К пегим коленям и стройные ноги мастер приделал,
- 85 Ноги, что бег обратить в полет, вот только без крыльев,
Были способны, да их нужда держала на месте.
Не был тот конь неподкован — легко поднимал он копыта,
Были покрыты они черепаховым панцирем ярким,
Чуть лишь касаясь земли могучею медной подковой.
- 90 Сделал искусную лестницу мастер и дверь на запоре,
Сбоку пристроил ее, потайную, — она пропускала
Внутрь и наружу засадный отряд славноконных ахейцев.
Лестницу ту размотать и обратно смотать было можно,
Это был путь и спуститься, и снова наверх устремиться,
- 95 Ремни на морде коня и на шее лоснящейся тоже
Были увиты красивой гирляндой цветов разноцветных,
И украшали узду, что конем повелительно правит,
Гнутых колец завитки, — сплав меди и кости слоновой.
Вот наконец, над огромным конем завершилась работа.
- 100 В поножь с приделанным к ней колесом обувает умелец
Каждую ногу коня, — теперь он будет послушен
Тем, кто потащит его, — а иначе и с места не стронуть.
Так и сиял этот конь красотой, вселяющей ужас,
Мощный, огромный, — его несомненно, — и всем так казалось, —
- 105 Будь он живым, тотчас же угнал бы Арес — конелюбец.
Конь был высокой стеной обнесен, чтоб ахейские мужи,
Видя его, преждевременно хитрость раскрыть не сумели.
Той порой на Микенский корабль Агамемнона тихо
Все цари собрались на совет, покинувши войско,
- 110 Выйдя из бурной толпы возбужденно шумевших народов.
Вдруг в обличьи некого вестника с голосом зычным
Пред Одиссеем Афина сама советчицей встала,
Речь напитала ему источающим сладость нектаром.
Он же, вращая в уме все то, что богиня внушила,

- 115 Так и стоял поначалу, безвозглагому мужу подобясь,
Выпучив очи и взор неподвижный вперяя под ноги.
Вдруг, ощутив наступленье родин бессмертного слова,
Грянул он дивно, и речь полилась, как будто разверзся
С высей источник могучий потоком текущего меда,
- 120 Рек он: «О, други! Готова уже западня потайная!
Руки людские и разум Афины ее сотворили.
Вы, кто особо на мощь своих дланей надеяться смеет,
Кто выдается умом, в ком бьется отважное сердце,
Ныне — за мной! Негоже нам, здесь пребывая годами,
- 125 Муки терпеть без конца, поджидая бессмысленно старость.
Лучше, покуда живем, дерзнуть на великое дело
Или погибнуть, — и в смерти спастись от позора бесславья!
Боле у нас, чем у наших врагов, на победу надежды —
Если припомните вы и гнездо, и страшного змея,
- 130 Вспомните пышный платан, и птенцов, и бедную птицу,
Ту, что погибла с несчастными нежными детками вместе, —
Все, что вещал нам и старец Калхас в своих прорицаньях,
Вам ведь пришелец Гелен давал вдохновенный оракул, —
Все одно к одному — близка уже наша победа.
- 135 Вот отчего говорю: повинуйтесь! И с твердой душою
Смело во чрево коня поспешим! Пускай же трояне
Сами несчастье свое выбирают, несут себе в город
И принимают с весельем и лаской свою же погибель.
Наши теперь пускай отрешат корабли от причалов,
- 140 Пусть поджигают шатры и палатки на нашей стоянке,
Пусть покидают теперь побережье пустынное Трои
И отплывают все вместе, как будто домой направляясь.
Так и плывите, покуда с удобного, видного места
Вам, что сбереетесь все вместе на бреге, отсюда ближайшем,
- 145 Знак к возвращению не даст в ночи пылающий светоч.
Тут нерешительность — прочь! Сильней налегайте на весла!
Тут — все страхи долой, что на слабую душу людскую
Темные ночи низводят, и ужас, и трепет вселяя.
Честь отчизны да станет первейшею доблестью вашей!
- 150 Славу свою да никто не уронит! Пускай же получит
Всяк по заслугам своим и награду за бранное дело!»
Рек и совет распустил. И по слову его устремился
Неоптолем боговидный вперед, — он самый был первый,
Будто бы конь молодой, что на поле росистое рвется,
- 155 Гордо красуясь нарядной, недавно прилаженной сбруей,
Опережая удары хлыста и окрик возницы.
Следом за ним пошел Диомед, потомок Тидея,
В сердце дивясь, что точно таким Ахиллес был когда-то.
С ними пошел Кланипп, чья мать — Комето, дочь Тидея,

- 160 С Эгиалеем она сочеталась супружеством кратким,
Сына родив щитоносцу, чей век оказался недолгим.
Вышел и сам Менелай. Вела его дикая жажда
В схватку вступить с Деифобом — засела в нем ярость жестоко,
Рвался сыскать он того, кто брак вторично ограбил.
- 165 С ним — и Локрский Аякс, стремительный сын Оилея,
Он хоть и скор, да разумен умом и до женщин не падок
Так, чтоб закон забывать. Аякс позвал и другого —
Критского Идоменея, — царя, уже полуседого.
Нестора сын Фрасимед пошел с ними вместе, могучий,
- 170 Также и Тевкр, Теламоном рожденный, стрелок-дальновержец,
Вышел и отпрыск Адмета, Эвмел, богатый конями,
После него заспешил и Калхас, прорицатель бессмертных.
Он-то в душе уже знал, что окончены тяжкие муки,
Вступят теперь, наконец, ахейские всадники в Трою.
- 175 Нет, не остались тогда в стороне от этого дела
Эвемонид Эвришил с Леонтеем добрым, — на помощь
Также пришли Акамант с Демофооном, дети Тезея,
И Антикл Ортигид — его потом со слезами
Похоронили ахейцы — ведь прямо в коне он скончался,
- 180 Мегес и Пенелей с Антифатом, исполненным силы,
Ифидамас и Эвридамас из Пелия рода,
С лучником Амфидамасом. Последним же вместе с друзьями
Блещущий мыслью Эпей к своему направлялся творенью.
Вот, наконец, восславивши дочь совоокую Зевса,
- 185 Все поспешили к коню. Афина же им подмешала
В завтрак амвросию, пищу богов, дабы все подкрепились
И не ослабли колени у них от сосущего глаза —
В чреве коня, притаясь, весь день просидеть предстояло.
Так же, как если, когда налетевшие темные тучи
- 190 Воздух морозом сгустят и снег всю землю покроет,
После же таять начнет и сплошным разольется потоком, —
Тут в горах со скал и с шумом, и с брызгами мчатся
Вниз стремительно целые реки, и горные звери,
Шум их слыша, спешат поскорее укрыться подальше,
- 195 И по берлогам, по логовам прячутся все, затаившись,
Тихо за горными кряжами в скалах, и ждут терпеливо,
Чтобы поток миновал, и терпят, несчастные, муку, —
Так и ахейцы, забившись в точеное конское чрево,
Ждали теперь, и тяжкие муки сломить не могли их.
- 200 Обремененное чрево коня Одиссей запирает
В твердой надежде, что хитрость осталась никем не раскрытой.
Сам в голове у коня помещается как наблюдатель,
В оба глядит из засады, невидимый, что там, снаружи.
Слугам своим Агамемнон велит, чтобы, заступы взявши,

- 205 Срыли ограду из камня, служившую стройке заслоном, —
Мыслил Атрид — чтобы конь, как он есть, без всяких прикрытий,
Издали людям сиял, красою своей привлекая,
Вот и сравнивали ограду с землей по цареву приказу.
Солнце меж тем уступало за ним поспешающей ночи,
- 210 Запад горел по вершинам, а понизу мрак расстился.
Вот послышался вестников клич, возвещавший народу
Время спускать корабли, чьи реи прилажены ладно,
В море глубокое плыть, обрубив у причалов канаты.
Вот и сосновые факелы взяли, огонь запалили
- 215 И подожгли всю ограду стоянки, поставленной славно.
После, взойдя на свои корабли, от Ротейского берега
В гавань напротив пошли, к Тенедосу, венчанному дивно,
Синюю гладь бороздя Афанантовой дочери Геллы.
Возле же Трои лишь Синон остался, потомок Эсима,
- 220 Хитрый герой, — себя самого он нарочно изранил,
Дабы троянцев верней обманула военная хитрость.
Так, промышляя зверей, что по горным чащобам блуждают,
Ловчие крепят силок многопетельный, кольца вбивая,
Сделают, — и отойдут, но один остается в засаде,
- 225 Спрячется, и при сетях сторожит появление зверя,
Ветви густые кустов надежно его закрывают.
Так вот и Синон, себе нанеся добровольные раны,
Там выжидал, замышляя жестокую гибель для Трои.
Кровь же из деланных ран по спине изливалась потоком,
- 230 Пламя пожара всю ночь напролет у шатров бушевало,
Мощно клубясь, воздымались стремительно дымные вихри,
Во исполнение воли Гефеста, чей грохот ужасен.
Огненной бури напор и Гера сама раздувала,
Матерь бессмертного пламени, свет приносящая людям.
- 235 Стало светать, и тогда до троянцев и жен илионских
Вмиг долетает молва многогласная, им возвещая
Бегство врагов, и дым от пожара его подтверждает.
Тотчас троянцы спешат разрешить от запоров ворота,
Все — кто верхом, кто пешком — устремились потоком на поле,
- 240 В сердце сомненье тая, уж не хитрость ли это ахейцев.
Старцы, почтенные в городе, те, что совет составляют,
Мулов проворных запрягши в повозки, выходят из Трои
Вместе с Приамом царем, и объяла их странная легкость,
Их, что пеклись о потомках, пока пощаженных Аресом,
- 245 Словно блеснула надежда, что старость их будет свободной, —
Впрочем, недолгую радость судила им Зевсова воля.
Видят трояне коня неживого, блестящей работы,
Диву даются, его окружают, и шум поднимают, —
Словно крикливые галки орла-силача увидали.

- 250 Прежде всего зародились у них недобрые мысли
В душах, истерзанных тяжко войной, тяжелой и горькой.
Кто предлагает коня, врагов ненавистных творенье,
Сбросить немедля с высокой горы, да в глубокую пропасть:
Кто предлагает рубить его в щепки тотчас топорами.
- 255 Были и те, кто, пленившись искусством прекрасной работы,
В дар предлагали богам принести коня боевого, —
Пусть об аргивской войне на память потомкам стоял бы.
Так совещались они, как вдруг человек появился
На поле, еле влача изнуренное ранами тело, —
- 260 Исполосован он был бичами свистящими, видно.
Свежие раны страдальца мучительно кровью сочились,
Прямо к Приаму он шел, и у ног его наземь простерся.
Жестом просящего тронул колени почтенного старца,
И, умоляя, такое изрек ему хитрое слово:
- 265 «О, если сжалишься ты, Дарданид-скиптродержец, над мужем,
Спутником бывшим ахейцев, а ныне — защитником Трои,
Если спасешь его, знай — ахейцам он враг наизлейший!
Глянь, как богов не боясь, меня изувечили страшно!
И ни за что, ни про что. Таковы уж их злость и жестокость!
- 270 У Эакида Ахилла они отобрали награду,
За неприступной водой Филоктета оставили, бросив,
И самого Паламеда по зависти злой погубили.
Ну, а со мной сотворили они, подлецы, нечестивцы,
Это за то, что с ними бежать не желал я с дружиной.
- 275 Злоба их ум помрачила — с меня посрывали одежды,
Стали меня бичевать беззаконно, вею кожу содрали,
После же здесь, на чужом берегу, был один я оставлен.
Старец блаженный! Во имя Зевеса, оплота молящих!
Вот уж злорадствовать будут ахейцы, когда ты допустишь
- 280 Мне пропадать, кто с мольбой простер свои руки к троянцам!
Я же для вас для всех надежно буду подмогой,
Да не внушит вам боязни аргивской войны возвращенье!»
Рек, и отвечив старец ему ободряющим словом:
«Гость наш! Ведь ты среди троянцев! Страшиться не следует боле!
- 285 Наглых обид от ахейцев теперь навсегда ты избегнул!
Будешь нам другом всегда, и скучать по отчизне не станешь!
Дом свой богатый с тоскою тебе вспоминать не придется.
Ныне и мне ты поведай, — сей конь, что за дивное диво,
Чудище странное это? Открой же мне имя и род свой
- 290 И Расскажи, из какой же земли приплыл ты под Трою». —
Тут, осмелев, многохитрый герой ему отвечает:
«Все расскажу я тебе, — ведь и сам я того же желаю.
Аргос — мой город родной, и Синоном я называюсь.
Эсим — вот имя, что носит почтенный седой мой родитель.

- 295 Конь сей Эпеем сработан — старинное было реченье:
Если оставите вы коня стоять на равнине, —
Грекам тогда суждено захватить оружием Трою,
Если же примете вы как кумир его в храме Афины,
Будет война бесполезна ахейцам, — они разбегутся.
- 300 Так поспешите коня, что сбруей украшен златою,
Крепче веревкой вязать и в крепость влеките скорее!
Будет вести нас Афина сама, защитница града,
Сей искусный подарок к себе принять поспешая».
Молвил. Приам повелед, чтобы Синону дали одежду —
- 305 Хлен и хитон. А троянцы канатом коня обвязали,
Также ремнями из кожи бычачей скрепили надежно
И повлекли на быстрых колесах его по равнине.
Шел начиненный героями конь, перед ним раздавался
Песни веселый напев и флейт, и форминги беспечной.
- 310 Бедные смертные! Сколь неразумно их жалкое племя!
Мрак непроглядный грядущее им застилает, — и часто
Радость питают они, хоть гибель кругом обступила.
Так и троянцы, веселой шумливой толпой, распевая,
В город по собственной воле с почетом вели свою гибель.
- 315 Было им всем невдомек, что бескрайнее горе их ждало.
Срезав с речных берегов росистых цветов, увенчали,
В славный венок их сплетья, своего погубителя шею.
Страшно земля застонала, треща под чудовищным весом
Медных колес, и послышался резкий, пронзительный скрежет, —
- 320 Это при треньи о них визжали железные оси.
Крепкий канат затрещал, напряглись витые веревки,
Пыль взметнулась с земли, дымясь густыми клубами, —
И потащили коня. Тут шум поднялся несказанный —
Ида и с нею дубы — обиталище нимф — зашумели,
- 325 Стоном и Ксанф отозвался, волной окружающий город,
Вторая, гудел Симоент, и от Зевса пророческим громом
С неба труба протрубила, возврат войны возвеща.
Конь продвигался вперед, а путь был нелегким и долгим, —
Местность неровной была, ее перерезали речки,
- 330 Он же легко был влеком к алтарям, Арею угодным,
Мощно красуясь, — богиня Афина своими руками
Гладкие ребра его обхватила, коня продвигала.
Стало быть, двигался он напрямик, как стрела, — не догонишь.
Резвым ходом своим троянцев вперед подгоняя.
- 335 Вот, наконец, подошел он вплотную к воротам дарданским,
Но не пускают ворота коня — для него они низки.
В сей же миг поднимает врата, давая дорогу,
Гера сама, а бог Посейдон на башенных высях
Грозно трезубцем потряс — и створки ворот распахнулись.

- 340 Стали стекаться по граду к коню отовсюду троянки,
Девы — невесты и те, кто изведал Илифию, жены.
В пляске они, распевая, кружились вокруг изваянья,
Стали они расстилать под конем деревянным цветочный
Нежный ковер из роз, душистой исполненный влаги.
- 345 Сняли другие с себя свои пурпурные ленты,
Те, что носили под грудью, — коню сплели украшенья.
Пифос огромный откупорив, стала одна из троянок
Землю кропить вокруг коня, и ее напичкала душистым
Дивным вином, — к нему золотой шафран был подмешан.
- 350 Женских звон голосов мешался с мужскими басами,
Дети галдели, и ахали старцы, и шум воздымался,
Словно ряды журавлей, перелетных гостей океана,
Слуг зимы самой, поднялись в небеса, и в полете
Пляску бродяжью свою завели, и наполнили воздух
- 355 Песней, приход возвестившей поры, ненавистной селянам.
Так и троянцы шумели, ведя суматошной толпой
В кремль через город коня, чье чрево полнилось тяжко.
Вещая дочь Приама, гонимая богом Кассандра
В женских покоях сидеть не могла, — сорвавши запоры,
- 360 Ринулась вон, как телица, которую гонит и гонит
Овода жало, что вечно коров и быков истязает;
Стадо не видя свое, пастуху не послушная боле,
Свежей не ищет травы, но, язвима острую раной,
Рвется она из загона, — вот так же пророчицу-деву
- 365 Вещий дар, как бодец, подстрекал. И душа содрогалась,
Словно священный лавр, сотрясаемый манием бога.
Рев, то ли рык ее град огласил — позабыла Кассандра
И про родителей, и про подруг, и про девичью скромность,
Так во Фракийском лесу напев Дионисовой флейты
- 370 Сладостный мигом пронзает насквозь фракиянки душу,
Чует она божество, и глазами безумно блуждая,
Скинув убор с головы, ее темным плющом увивает.
Так и Кассандра, взлетев высоко умом окрыленным,
Впала в неистовство, в грудь себя била, волосы вырывала,
- 375 И предрекла, наконец, иступления полное слово:
«Что вы, безумцы, ведете коня себе на погибель!
Разума, бедные, вы лишены, что спешите приблизить
Нашу последнюю ночь, поражение и сон беспробудный!
Это толпа — строй врагов, а не шествие с песней веселой!
- 380 Вот они, вот они роды, что снились несчастной Гекубе!
Вот он, кончается год, к окончанью войны предреженный!
Это — засада, и мощные воины здесь затаились,
Их изведет на свет в боевых блестящих доспехах
Конь сей огромный под темным покровом ночи непроглядной,

- 385 Выпрыгнут все они вниз, и бой возгорится последний.
Женская помощь не будет нужна при муках родильных,
Что разрешатся мужами — Илифией будет при этом
Та сама, кто, его сотворив, на свет и явила!
Это она закричит, разрешив его полное чрево, —
- 390 Станет его повитухой крушащая грады Афина!
Вижу: меж башен уже расплескалось пурпурное море
Пролитой крови, и волны убийств по нему пробегают!
Вижу я: цепи ложатся на нежные женские руки!
В чреве сего коня истребительный пламень таится!
- 395 Горе и мне, и горе тебе, о город мой отчий,
Станешь ты пеплом сплошным — погибает творенье бессмертных,
Гибнет, что крепко поставлено было при Лаомедонте!
Мать и отец, я рыдаю о вас! Ведь я уже знаю,
Что вас обоих постигнет, — отец, ты жалко простертый,
- 400 Близ алтаря Оградного Зевса великого ляжешь!
Матерь детей наилучших, а ты человеческий облик
С горя по детям утратишь — собакою сделают боги.
О Поликсена прекрасная! Скоро тебя я оплачу!
Скоро ты мертвой падешь недалеко от отчего града!
- 405 Быть бы убитой и мне, как тебя я оплакивать стану!
Что мне за радость от жизни, коль ждет самое меня вскоре
Смерть еще жалче твоей, и чужая земля меня примет, —
Вот что готовит моя госпожа и мне, и владыке,
Вот что возьмет Агамемнон в награду за все свои муки.
- 410 О, поскорей образумьтесь, поймите, что вас ожидает!
Други, рассейте обмана туман, умы помрачивший!
Полное тело коня разрубите скорей топорами!
Жгите его! Да сгинут злодеи, что там затаились!
Пусть же данайцев постигнет тоска и великое горе!
- 415 Вот уж тогда — сама вам скажу — пляшите, пируйте,
Полните чаши и празднуйте милую нашу свободу!»
Смолкла. Никто ей не внял. Аполлонова воля вершилась —
Правду вещала она, да словам ее не было веры.
Строго ответил родитель, возвысив свой голос во гневе:
- 420 «Что, злопророчица! Вновь обуял тебя демон недобрый!
Наглая муха собачья! Твой лай никого не удержит!
Все еще ум поврежден твой, как бешенством, этим недугом,
Все не насытишься ты беснованьем своим злоречивым!
Нет, преисполнена зависти к нашим пирам и веселью,
- 425 Ты появилась сюда, когда нам ниспослал, наконец-то,
Зеве Кронид избавления день, и отплыли ахейцы.
Копий не мечет никто, не натянуты более луки,
Блеска не видно мечей, и стрелы молчат, а не свищут!
Пляска и музыка, медом дышащая, здесь, а не распра!

- 430 Мать не рыдает о сыне, супруга не плачет о муже
Мертвом, — на битву его проводив, она стала вдовою, —
Дева Афина, защитница града, коня принимает!
Ты же посмела, негодная, вырвавшись дерзко из дома,
Всякую лож прорицать и буйствовать в диком безумстве!
- 435 Только стараешься, град оскверняя священный, напрасно!
Вон убирайся! А мы предадимся пирам и веселью!
Страха уже не осталось теперь под стенами Трои!
Более нет ни малейшей нужды нам в твоих прорицаньях!»
Рек и велел увести в покои глубинные дома
- 440 Дочь безумную прочь — и деве пришлось покориться
Воле отца, и Кассандра, упав на девичье ложе,
Ведая участь свою, зарыдала, ведь вещи очи
Явственно зрели огонь, пожиравший родимые стены.
Прочие жители Трои коня между тем провозжают
- 445 В храм Афины — защитницы града, и там водружают
На постаменте резном, возжигают священные жертвы
На алтарях, — но вотще! Отвергнуты их гекатомбы.
После уселись за пир, и буйство пошло, умножая
Крепость хмельного вина, что и так-то мужей расслабляло.
- 450 Город в бесчувствие впал, упившись, и все опустело.
Стража в ничтожном числе при вратах городских оставалась,
Солнце меж тем закатилось, и вот над Троей высокой
Ночь роковая нависла, несущая городу гибель.
Тут Аргивской Елене сама Афродита явилась
- 455 В дивном уборе. Богиня премудрая, хитрость затея,
К ней обратилась, и так, убеждая ее, говорила:
«Милая! Муж Менелай твой тебя призывает, владыка,
Скрыт он в коне деревянном с вожжами ахейскими вкупе,
Ждут они часа в засаде твои отомстить испытанья.
- 460 Шествую же к ним! А старец Приам да тебя не заботит!
И о троянцах забудь, и забудь о самом Деифобе!
Я возвращаю тебе Менелая, страдавшего много!»
Смолкла и тотчас исчезла. С душой, замороженной словом,
Брачный покой благовонный Елена тогда оставляет,
- 465 Следом — супруг Деифоб. И дивились идущей по граду
Пышноодежные жены — троянки, ее созерцая.
Вот достигла Елена высокого храма Афины,
Внутрь вступила, и там коня-исполина узрела.
Трижды Елена обходит коня, и, пытая героев,
- 470 Голосом нежным прекрасноволосых их жен называет.
Рвутся сердца у бойцов, тяжело участилось дыханье,
Молча терзаются мукой, невольные слезы скрывая.
Стон издает Менелай, заслышав свою Тиндариду,
Плачет потомок Тидея — жену Эгилею он вспомнил,

- 475 Боль Одиссея пронзила, когда позвала Пенелопа.
Словно копьё, Лаодамии имя сразило Антикла,
Был он один, кто не в силах сдержаться, хотел ей ответить,
Но Одиссей могучей рукой закрывает мгновенно
Рот его, было отверстый, и тем заставляет умолкнуть.
- 480 Крепко держал Одиссей в объятиях нерасторжимых,
Загрепетал и забился Антикл под могучей рукою,
Сияясь избежать несущего страшную гибель молчанья —
Тщетно. Уже и дыхание жизни его оставляет.
Слезы беззвучно лия, мужи ахейцы Антикла
- 485 В бедренной полости емкой конева бедра положили,
Теплым накрыли плащом его холодевшее тело.
Заворожила бы, верно, Елена и прочих ахейцев,
Но появилась в эфире Афина-Паллада пред нею,
С грозным лицом увела ее прочь от любимого храма,
- 490 Зрима Елене одной, и гневное бросила слово:
«Жалкая! Где же предел! Куда тебя гонит порочность,
Жажда все нового ложа и хитрые ковы Киприды?
Ты и не вспомнишь о первом супруге, не жаль тебе вовсе
Дочь Гермionу! Доколе ты будешь радеть о троянцах?
- 495 Шествуй домой! Подымайся в покой, что в доме наиверхний,
Факел приветный зажги и встречай корабли и ахейцев!»
Смогла и чары обманные прочь от Елены прогнала.
Сами домой ее ноги несли. А тою порою
Кончили пляски свои до упаду троянцы, и крепкий
- 500 Сон их сморил, и форминги умолкли, и флейта упала
Прямо в кратер, утомясь. Опрокинулись винные чаши
В сонных руках, и вино потихоньку стекало на землю.
В город вошла Тишина, эта верная спутница Ночи.
Даже собаки затихли, и в мертвом, глубоком молчаньи
- 505 Город побоища ждал, напоенного воплем и стоном.
Зевс, войны казначей, на весы свои полагает
Гибель троянцам — а чашу ахейцев колеблет едва лишь.
Вот тогда, наконец, Аполлон Илион покидает,
Шествует в храм свой ликийский, скорбя о стенах великих.
- 510 Тотчас же Синон возжег сигнальное яркое пламя,
Там на кургане Ахилла, аргивянам знак подавая.
Ночь напролет и Елена сама из верхних покоев
Для земляков золотистый сосновый огонь выставляла.
Словно луна, что наполнившись белым огнем светоносным,
- 515 Ликом своим золотит небеса, разливая сиянье,
Нет, не тою порой, как ее заостряются рожки,
Месяцем новорожденным во тьме густоты непроглядной,
Но погода, округлившись, и очи наполнив сияньем,
Властно она призывает лучи отраженные солнца, —

- 520 Этой подобаясь луне, в окне Ферашнейская нимфа
Правила луч путеводный, и пламя ей длань озаряло.
Знак условный завидя, ахейцы поспешно пускают
В путь корабли, направляясь обратно все той же дорогой.
Всеяк мореход поспешал, не терпелось любому скорее
- 525 Тяжкой войны затяжной обрести, наконец, завершение, —
Каждый моряк одновременно был и воителем храбрым.
Все торошили друг друга, и флот, ускоряя движенье,
Слушаясь силы порывистых ветров, стремительно гнавших
При Посейдона содействе, пришел, наконец, к Илиону,
- 530 Двинулась первой пехота, а конницу сзади держали —
Кони могли бы троянский народ разбудить своим ржаньем.
Тут же из гладкого чрева коня устремились наружу
В полных доспехах цари — словно пчелы дупло покидали
Мощного дуба, в котором гнездилися их улей просторный,
- 535 Воск ароматный творя, — умельцы роem из дуба
Прочь улетев и разлившись, кружат над пологой долиной,
Острыми жалами мучают всех, кто попался навстречу, —
Так и данайцы, отверзши засовы дверей потайные,
В яростном натиске мигом напали на жителей Трои —
- 540 Спали они по домам, и еще не успели проснуться, —
Медная смерть окутала их ужасными снами.
В кровь погрузилась земля, и вопль бесконечный воздвигся,
Кинулись в бегство троянцы, и стон поднялся несказанный,
Дрогнула Трои святыня под бременем павших. Данайцы
- 545 Всюду носились, как ярые львы, и свежие трупы —
Смерти недавней добыча запрудили улицы Трои.
Жены троянки, из верхних покоев побоище видя,
В жажде свободы желанной спешили мужьям оробевшим
Шеи свои добровольно подставить под меч смертоносный.
- 550 Матери бились в рыданиях, и, ласточкам легким подобны,
Чад закрывали собой; жениха побуждает невеста,
Полного трепета, к смерти — и вскоре сама погибает,
В плен не желая идти — разъярила захватчика дева, —
Он убивает ее, хоть сам он желал бы иного —
- 555 Деву же общее ложе с ее нареченным приемлет.
Многие жены, во чреве нося нерожденных младенцев,
Сияются их извести поскорей в преждевременных родах,
Дух испускают с малютками вместе в мученьях безмерных.
Ночь напролет, клокоча, бушует по граду, как буря,
- 560 Тяжкие пеня валы многостонного бурного боя,
Демон войны Энио, опьяненная чистою кровью,
Вместе со свитой, — то вьется Вражда, в небеса упираясь,
В бой подстрекая ахейцев, а вот, хоть и поздно, явился
Сам убийца Арес, принося данайцам Победу,

- 565 Ту, что решает войну, и свою переметную Помощь.
Крикнула тут СОВООКАЯ с высей Акрополя Дева,
Щит Зевеса, Эгиду, потряси. Затем содрогнулся
Весь Эфир — это Гера спешила. Вот гул прокатился
Тяжкий — то землю сотряс Посейдона могучий трезубец.
- 570 Ужас напал на Аида — вскочил он с подземного трона
В страхе, что Зевс, распалившись безмерно неистовым гневом,
Весь человеческий род низвести прикажет Гермесу.
После смешалось все, обратившись в сплошное убийство.
Всех, кто пытался бежать, убивали при Скейских воротах,
- 575 Ставши в засаду. Троянец, проснувшись, кидался к оружию, —
Тут же его настигало копьё и во мрак повергало.
Чей-либо гость, ночевавший в доме в затемненных покаях,
Голос возвысив, своих призывал, как мнилось, хозяев, —
О, несчастливцев! Не чаял никак он при встрече недоброй
- 580 Вражий гостинец принять. А некто поднялся на крышу —
Что там, взглянуть, — но сраженный копьем, ничего не увидел.
Были и те, кто, вином на беду переполнивши душу,
Шум заслышав, вскочили, и кинулись в страхе спускаться,
Не разбирая пути, позабыв, где и лестница в доме,
- 585 Падали сверху, затылки круша, позвонки разбивая.
Шеи ломали свои и вино изрыгали при этом.
Больше всего ж полегло отбивавшихся сомкнутым строем, —
Все на месте одном. А многие с башен кидались
В смертном прыжке в Аид, от вражьей погони спасаясь.
- 590 Были однако — их было немного, о, все ж они были, —
В узкие щели, как воры, забившись, старались сокрыться,
Жизнь норовили спасти, когда погибала отчизна,
Люди, носимые в гуще побоища, словно в тумане,
Не беглецам — мертвецам уподобясь, один на другого
- 595 Падали, рухнув, — и град не вмещал уже хлещущей крови,
Трупами полнился город, мужей же — терял, сиротою.
Не было места пощаде, и демон бессонный Смятенья
Бешеным щелкал бичом — беззаконные эти удары
Гнали ахейцев совсем уже страх пред богами отринуть,
- 600 Чистые их алтари в крови обагрить нечестиво.
Старцев жалчайших, о чести забыв, они умерщвляют,
Те, обнимая колена убийц, о пощаде молили —
Головы им отсекали седые — в мольбе распростертым.
Малых детей от сосцов материнских они отрывали —
- 605 Крошки безвинно расплату несли за отцов прегрешенья,
И молоко материнскую грудь отягчало напрасно —
Некому было впивать, — и оно истекало впустую.
Птицы и псы, отовсюду сбежавшись, шныряли по граду,
По небу и на земле сообща шировать собирались,

- 610 Черную кровь выпивая, вкушали ужасную пищу,
Смертью дышали их крики, и бешеный лай поднимался
С воем над трупами павших, и псы, жестокие твари,
Бывших хозяев своих уже защищать не старались.
Вот ворвались Одиссей с Менелаем прекрасноволосым
- 615 В дом самого Деифоба, чей ум помрачен женолюбьем.
Словно свирепые волки, которые зимой порою
Вместе задравши отару овец, что была без присмотра,
Хмуро уходят, избавив теперь пастухов от работы,
Так и они — отойдя от одной нескончаемой сечи
- 620 В новую кинулись — встречных разили; из верхних покоев
Дома в них камни метали и жгучие стрелы пускали —
Головы смелые им защищали надежные шлемы,
Крепкие; оба героя, прикрывшись большими щитами,
В дом, наконец, ворвались, и всех, кто навстречу попался,
- 625 Всех уложил Одиссей, словно хищник пугливых оленей.
Сам же Атрид Менелай, погнавшись, схватил Деифоба,
Полного страха, и чрево мечом рассек посередине, —
Печень и скользкие с нею кишки появились наружу,
Пал Деифоб, забыв об искусстве своем колесничьем,
- 630 А за Атридом пошла добытая с бою супруга
В трепете — то она радость питала, что кончились муки,
То оплывал ее стыд, и впервые, столь поздно, отчизна,
Словно сон, ей на память пришла, и вздохнула Елена.
Старца Приама царя, согбенного горем, сражает
- 635 При алтаре Оградного Зевса потомок Эака
Неоптолем, милосердие отцово отринув, к молениям
Глух, не уважил седин, что Пелеевым равными были, —
Тех седин, что Ахилл пощадил, столь тяжкий во гневе, —
В ярости он обезглавил Приама смертельным ударом.
- 640 Жалкий! Неведомо было ему, что его ожидало
При алтаре Аполлона — правдивца погибнуть в грядущем
После, когда его, как врага священного храма,
Муж-дельфиец убьет, ножом священным зарезав.
Вопль Андромаха исторгла, узрев своими глазами,
- 645 Как Одиссеева длань низвергает с башенной выси
Вниз в смертельном броске малютку Астианакса.
Быстрый Аякс Оилид обесчестил деву Кассандру,
Что обнимала колени кумира пречистой Афины,
И не простила насилия Афина, помощница прежде,
- 650 Гневом на всех воспылав за грех одного Оилида.
Сжалась, спасла Афродита Энея с отцом его вместе,
Их, похитив, она унесла к Авзонейским пределам,
Вдаль от Трои родной — богов вершилася воля,
Зевсом одобрена, дабы вовеки была нерушима

- 655 Мощь Афродиты детей и потомков, любезной Арею.
Поросль и всю родню Антенора, подобного богу,
Гостеприимного старца, Атрид пощадил Агамемнон,
Тем благодарность воздав за обильный стол и за ласку,
С коими принят бывал Теано, его доброй супругой.
- 660 О, Лаодика — бедняжка! Тебя близ отчих пределов,
Щедро объятая раскрыв, земля, разверзшись, приняла,
И не Тезид Акамант, и никто иной из ахейцев
В плен не увел как добычу тебя — умерла ты в отчизне!
Все, что вершилось той ночью в чудовищном месиве боя,
- 665 Ни разобрать, ни подробно воспеть для меня невозможно —
Музам лишь это под силу, — а я лишь до этих пределов,
Словно коня до меты на ристанье, гоно свою песню.
Вот, наконец, на востоке, на самом краю Океана
Мало-помалу светать начинало — то конница Эос,
- 670 Ночь стирая убийств, белила огромное небо.
Грекам победная гордость сердца через край заливала,
Все продолжали они по городу рыскать, — искали,
Кто уцелел, притаился, избегнув беды всенародной.
Словно смертельною сетью окутаны были троянцы —
- 675 Гибли, как рыбы, что в неводе бьются на бреге приморском,
Все украшенья высоких палат выносили данайцы,
Вон приношенья из храмов несли, а в домах опустелых
Грабили ценное все, к кораблям тащили, и женщин
Пленниц, добычу войны, с детьми уводили насильно.
- 680 Стены кольцом огненным, истребляющим град, окружили,
С пламенем, вспыхнувшим мигом, слилось Посейдоново дело.
Троя, пылая, справляла любимым сынам погребенье.
Взор устремив на пожар, дотла пожирающий город,
Ксанф зарыдал, и от слез его струи солеными стали,
- 685 Но уступил он Гефесту — огню, перед Герой робея.
Вот Поликсену заклали аргивяне в жертву Ахиллу,
Гнев Эакида смягчая, на холме могильном героя.
После по жребию женщин троянских они разобрали,
Золото и серебро поделили, и все погрузивши
- 690 В емкие трюмы судов, по широкому морю поплыли
Прочь от троянского берега, с войною покончив, ахейцы.

О.В. Смыка

**ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ЭПОСА —
ПОЭМА КОЛЛУФА
«ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ»**

Поэма Коллуфа «Похищение Елены» представляет собой один из весьма немногочисленных хорошо сохранившихся образцов греческой поэзии позднего периода. Ее фрагменты (стихи 69–192) ранее были опубликованы на русском языке в переводе М.Е. Грабарь-Пассек¹. В данной работе мы публикуем первый полный русский перевод поэмы этого древнегреческого автора.

О Коллуфе мы знаем очень мало. Словарь «Суда» сообщает (к1951): Коллуф ликополит², фиванец, эпический поэт, который жил при императоре Анастасии³. Написал поэму Калидоника в шести книгах, энкомии в стихах, а также поэму «Персика».

Весьма примечательно, что «Суда» не упоминает «Похищение Елены». Рукопись этой поэмы вместе с неизвестной ранее поэмой Квинта Смирнского «После Гомера»⁴ обнаружил в 1430 г. Виссарион Никейский в одном из монастырей близ Гедрунта (город в Калабрии, ныне — Отранто). Вместе с другими бесценными находками он завещал свою многотомную библиотеку Венеции. Так возникла библиотека Св. Марка; на входной двери этого здания до сих пор сохранился портрет Виссариона⁵.

Научный интерес к поздним авторам был долгое время весьма незначителен. К концу XX в. ситуация изменилась. Появились новые фундаментальные научные издания и специальные работы, трактующие основные проблемы, связанные с памятником. Мы укажем на две наиболее новые работы, затрагивающие основные проблемы исследования поэмы⁶.

---

¹ Грабарь-Пассек 1964, 62–65.

² Ликополис, эллинизированный город на западном берегу Нила в Фиваиде, области Египта, примерно в 100 км к северу от Панополиса, родного города Нонна (IV–V вв. н. э.). Ликополис — также родина философа Плотина (205–270 гг.).

³ Флавий Анастасий I, в 491–518 гг. — император Восточной Римской империи.

⁴ См. русский перевод: Квинт Смирнский 2016.

⁵ Памятники византийской литературы IX–XIV веков 1969, 315.

⁶ См. Cadau 2015; Karavas 2018, 52–70.

Считается, что авторы этого времени в Верхнем Египте находились под влиянием реформы гекзаметра, произведенной Нонном Панополитанским, автором огромной гекзаметрической поэмы в 48 песен «Деяния Диониса»⁷. С.С. Аверинцев писал: «Египетский поэт осуществил важную реформу гекзаметра, сводящуюся к следующим пунктам: 1) исключение стиховых ходов, затруднявших восприятие размера при том состоянии живого греческого языка, которое существовало к этому времени; 2) учет наряду с музыкальным также и тонического ударения; 3) тенденция к унификации цезуры и к педантической гладкости стиха, оправданная тем, что гекзаметр окончательно затвердел в своей академичности и музейности (начиная с VI в. традиционный эпос постепенно оставит гекзаметр и перейдет на ямбы). Гекзаметр Нонна — это попытка найти компромисс между традиционной школьной просодией и живой речью на путях усложнения правил версификации»⁸.

На протяжении многих веков Гомер был для своих читателей всесторонним учебником жизни, а для поэтов — неподражаемым образцом и источником вдохновения, вызывая у некоторых авторов желание восполнить текстуально отсутствующие у Гомера линии. Исследователь Karavas, пользуясь современной терминологией, называет поэму Коллуфа *prequel*, а поэму Трифиодора «Взятие Илиона» — *sequel*. Однако существует и произведение, которое последовательно излагает троянские события, ориентируясь на стилистику Гомера, это — сочинение византийского полигистора, поэта, прозаика и филолога Иоанна Цеца в трех частях: До Гомера, По Гомеру и После Гомера (1676 гекзаметрических стихов), в которой чувствуется сильное влияние не древних, а более поздних авторов — Трифиодора, Квинта Смирнского, Диктиса и даже Иоанна Малалы.

Поэма Коллуфа впервые была опубликована Альдом Мануцием в качестве приложения к его изданию Квинта Смирнского, вышедшему в Венеции без указания года. Библиографы относят эту публикацию к 1505 или 1521 г.⁹ Современные издания:

Hopkinson N. Greek Poetry of the Imperial Period. An Anthology. Cambridge: CUP, 1994.

Livrea, E. Colluto, Il ratto di Elena. Introduzione, testo critico, traduzione e commento. Bologna: Pàtron, 1968.

Mair A.W. Oppian, Colluthus, Tryphiodorus. London; New York: Loeb, 1928.

⁷ См. русский перевод: Нонн Панополитанский 1997.

⁸ См.: Бердников 1984, 344.

⁹ См. напр.: Julien 1823, iii.

Orsini P. Colluthus' L'enlèvement d'Hélène. Paris: Les Belles Lettres, 1972.

Schönberger O. Kolluthos, Raub der Helena. Griechisch-Deutsch. Einl., Text, Übers. und Anmerkungen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1993.

Перевод выполнен по изданию:

Hesiodi Carmina; Apollonii Argonautica; Musaei Carmen de Herone et Leandro; Coluthi Raptus Helenae; Quinti post-homerica; Tryphiodori Excidium Ilii; Tzetzae Antehomerica, etc. / Graece et Latine cum indicibus nominum et rerum edidit F.S. Lehrs; Asii, Pisandri, Panyasidis, Choerili, Antimachi fragmenta cum commentariis aliorum et suis adjecit Fridericus Dübner. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1840 и сверен по изданию A.W. Mair.

Литература

Бердников Г.П. и др. (ред.) История всемирной литературы в девяти томах. Том 2. М.: Наука, 1984.

Грабарь-Пассек М.Е. (ред.) Памятники поздней античной поэзии и прозы: II-V века. М.: Наука, 1964.

Квинт Смирнский. После Гомера / Пер. А.П. Большакова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Ноян Панополистанский. Деяния Диониса / Пер. Ю.А. Голубца. Вступ. ст. А.В. Захаровой. СПб.: Алетея, 1997.

Фрейберг Л.А. (ред.) Памятники византийской литературы IV-IX веков. М.: Наука, 1968.

Cadau C. Studies in Colluthus' Abduction of Helen. Leiden; Boston: Brill, 2015.

Julien S.A. (ed.) L'enlèvement d'Hélène, poème de Coluthus, revue sur les meilleures éditions critiques, traduit en Français / Par A. Stanislas Julien. Paris, 1823.

Karavas O. Triphiodorus' The Sack of Troy and Colluthus' The Rape of Helen: A Sequel and a Prequel from Late Antiquity // Brill's Companion to Prequels, Sequels, and Retellings of Classical Epic (Brill's Companions to Classical Reception) / Ed. by Robert Simms. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 52-70.

Коллуф. Похищение Елены

Нимфы Троядские, дочери, рожденные Ксанфом потоком,
Вы, кто порой, побросав на отчем бреге песчаном
Ленты из пышных кудрей и свои игрушки святые,
Вместе с толпой устремляетесь в пляске кружиться идейской –
5 Милость явите, поведайте мне о суде овцепаса!
Вы мне скажите, зачем это он от горных потоков

К морю сошел и отправился плыть, не имея привычки
К делу морскому, и что за нужда была в плаваньи этом,
Зло породившем такое, что море и твердь содрогнулись –
10 Вот что пастух сотворил! И что за старинная распря,
В коей судьей овцепаса призвали бессмертные боги?
Что был за суд? И откуда же имя нимфы Аргивской
Сведал пастух — довелось вам увидеть своими очами
В пору, когда вы явились на склоны треглавой Фалекры,
15 Как восседал Парис на своем престоле пастушьем,
Видели вы и победу царицы Харит Афродиты.
Вот как оно началось — среди высей гор Гемонийских
Брачный звучал Гименей, и славил он свадьбу Пелея,
А Ганимед виночерпием был по велению Зевса.
20 Всё семейство богов торопилось чество прославить
Брак родной сестры Амфитриты белоколотной –
Зеве ниспустился с Олимпа, из моря исшел Посейдаон,
А с Мелиссента пришел, с благовонных высот Геликона,
Бог Аполлон — хор Муз за собою он вел сладкогласных, –
25 Локоны дивные золотом вокруг лика его отливали.
Трогал Зефир эти пышные кудри, не знавшие стрижки,
Следом и Гера спешила, сестра громовежца Зевеса,
И не замедлила в рощу кентавра Хирона явиться
Даже сама Афродита, царица гармонии брачной,
30 С нею Пейто, и брачный венец чело ее красил,
Шла, неся колчан Эротов, стрелков неустанных.
Вот и Афина пришла, и щит, и меч свой оставив,
Брак Пелея почтить, сама незнакомая с браком,
И Артемида-охотница тоже явила почтение,
35 Дочь титаниды Латоны, родная сестра Аполлона,
Словно в Гефестов чертог, уже без меча и без шлема,
Входит железный Арес, отбросив копьё боевое,
Панцирь совлекши и щит свой крепкий огромный оставив,
В пляс он пустился, смеясь. Одну лишь распря Эриду
40 Без приглашенья оставил Пелей и Хирон не уважил.
Словно телица, что прочь от прекрасного травами луга
Мчит, обезумев, и мечется в чаще лесной одиноко –
Овод, мучитель коровий, изжалил ее кровожадно –
Так и Эрида металась, гонимая завистью тяжкой,
45 Как бы испортить богам торжество, норовила измыслить.
То она вскочит, то снова на трон свой из камня садится,
То колотить по широкому лону земли начинает –
Что ей острые скалы! Она пылает отверзнуть
Мрачные бездны недр, из подземных пропастей вызвать
50 Племя могучих титанов и с их подмогою свергнуть
Трон небесный Зевеса, что с высей царствует властно.

- Молнии кинулась было схватить, оглашенная громом,
Да пред Гефестом она, необорная, все ж уступила
Силе огня негасимой того, кто правит железом.
- 55 Вот пришло ей на ум в свой щит тяжкозвучный ударить,
Чтоб на пиру все в испуге вкочили при звуках ужасных –
Да воздержаться пришлось и от этого замысла злого –
Пред щитовержцем железным Ареем она оробела.
Тут золотые плоды Гесперид вспоминает Эрида,
- 60 Яблоко, — вот что послужит раздору войны! Наконец-то
План подходящий посеять жестокою распрю придуман.
Яблоко, семя грядущей войны, в руках повертела
И запустила в пирующих. Впрямь всколыхнулись богини.
Гера — супруга, чья гордость делить Зевесово ложе,
65 Встала, дивясь, и себе это яблоко взять пожелала,
Но и Киприда, рожденная всех победить красотою,
Длань простирает — ведь яблоко — плод, посвященный Эроту.
Гера стоит на своем, уступить не желает Афина.
Зевс же, увидев, что спорят богини, к себе призывает
- 70 Сына Гермеса, послушного воле его, и вещает:
«Сын мой, у Ксанфа потоков, текущих в подножии Иды,
Можно услышать пастушью игру Приамида — Париса,
Сей прекрасный овчар пасет на горах свое стадо, –
Яблоко выдай ему, да будет судьбою богиням,
- 75 Пусть разбирает их ликов круги и густые ресницы!
Та, кого выберет он, да получит сей плод превосходный,
Славу красавицы первой и все украшенья Эротов».
Вот что Кронион-отец свершить поручает Гермесу.
Тот же, послушный веленью великой отеческой воли,
- 80 В путь отправляет богинь и заботливо их провожает.
Каждая жаждет красу свою выгодней, ярче представить.
Хитрая эта Киприда накидку спустила понизе,
Вынув заколки, душистые кудри свои распустила,
Нити вплета золотые, и златом себя увенчала.
- 85 К детям Эротам она с такой обращается речью:
«Близится тяжба, о детки! Уж вы порадейте за маму.
Ныне красоты лица суду подвергнуты будут.
Все-таки страшно, кому это яблоко пастырь присудит?
Гера, ведь все говорят, Харит священная мать,
90 Даже державу и скипетр хранит она, всем то известно.
И называют царицей войны постоянно Афину,
Я же Киприда, одна из богов слаба — не владею
Властью царей. Ни Арее копыя, ни стрел не ношу я.
Впрочем, чего мне бояться напрасно? Ведь вместо оружия,
95 Вместо меча и копыя — сладчайшие жала Эротов,
Пояс волшебный при мне, чудодейственный, лук и стрекало,

- Пояс, и если я страсти стрелу из него испускаю,
Жены столь часто страдают от ран моих, пусть не смертельных».
- Так розоперстая молвит Киприда, спеша за Гермесом.
- 100 Матери милой услышав приказ, малютки Эроты
Вслед за родимой пустились, готовые встать на защиту.
Вот и достигли они горы Идейской вершины, –
Там, внизу, под отрогами кражей крутых и скалистых
Юный Парис стада выпасал, достоянье отцово,
- 105 На берегах, разделенных стремительно мчавшим потоком,
Пас на одном он стадо быков, пересчитанных точно,
А на другом берегу — большую овечью отару.
С плеч по спине свисая, до бедер ему доходила
Шкура горной козы. А у ног был посох положен
- 110 С загнутым краем, пастуший, которым быков погоняют.
Он у пещеры на месте привычном сидел и негромко
Звонкий напев выводил на свирели простой тростниковой,
Часто за песней своей и быков, и овец забывал он.
Флейта играла, звучала, и стройные звуки лились,
- 115 И как прекрасный обычай пастуший велит, посвящал он
Милую песню свою и богу Гермесу, и Пану,
Лай собачий умолк, и в стаде быки не мычали,
Лишь носимая ветром, по дальним горам отзывалась
Нимфа Эхо, что первая голос подать не умеет.
- 120 Сочной насытись травой, подогнув неспешные ноги,
Тяжеловесы-быки отдохнуть опускались на землю.
Звонко играет Парис, как вдруг вдалеке примечает:
Сам провожатый Гермес под кровом высокого древа!
В страхе вскочив, убегает Парис от божьего взора,
- 125 Бросив под дубом свою тростниковую звонкую флейту.
Песнь оборвалась его, что столь недолго звучала,
Бог Гермес обратился к нему, дрожащему в страхе:
«Брось-ка подойник, и стадо твое да тебя не заботит,
Ныне ты — судия самим богиням бессмертным,
- 130 Ныне реши, чей лик превосходит других красотой –
Та, что затмит остальных, сей плод от тебя да примет».
Рек. И Парис, устремив на богинь несмелые взоры,
Робко пытался сравнить их красу. И все оглядел он –
Яркие светочи глаз и шею в затейливых бусах,
- 135 Золотом блестящих, он оглядел, и убранство прически,
Пятки и те осмотрел, и даже ступни и подошвы.
Он не успел огласить приговор, как богиня Афина,
За руку тронув его, улыбаясь, сказала Парису:
«Слушай меня, Приамид! Оставь ты супругу Зевеса!
- 140 Незачем думать тебе и о спален царице Киприде,
Мне воздай хвалу — Афине, помощнице в силе!

- Ты, говорят, царишь и град охраняешь троянский –
Ну, так по воле моей ты спасителем города станешь.
Даже сама Энио нипочем тебе гневная будет.
- 145 Мне будь послушен, и я научу и войне, и отваге».
Так говорила Афина премудрая, но понапрасну.
Взгляд исподлобья метнув, белорукая Гера сказала:
«Если меня отличишь и яблоком я завладею,
Быть тебе, Парис, владыкой Азии полным.
- 150 Что тебе в этой войне? На что властителю храбрость?
Храбрый и трус одинаково служат приказам владыки.
Слуги Афины отнюдь не всегда среди граждан знатнейших,
Кто Энио почитает, в могилу нисходит до срока».
Властью такой соблазняла его первотронная Гера.
- 155 В воздух взметнув легчайшего платья глубокие складки,
Лоно свое без тени стыда обнажила Киприда,
Нежной рукой распустив Эротов сладчайшие узы,
Стан свой открыла вполне, не смущаясь сосцов наготою,
Сладко она пастуху улыбнулась. И он улыбнулся,
- 160 Весь в ее власти уже, и сказала ему Афродита:
«Мне предпочтенье отдай, и о войнах забудь поскорее,
Выбери нашу красу, и Азию бросив, и скиптры.
Да, я не знаю войны, но к лицу ли щит Афродите?
Более женам пристало сияньем красоты выделяться,
- 165 Дам я не силу в бою, а прелестную видом супругу,
Вместо престола тебя возведу я на ложе Елены,
Лакедемон узрит тебя женихом после Трои...»
Речь не закончила даже — Парис уже яблоко отдал,
Плод — награду красе во владение, пеннорожденной.
- 170 Яблоко в руки схватив, Афродита с издевкой сказала
Мужеподобной Афине и Гере, задеть их желая:
«Что, уступили победу, вояки бывалые, все же?
Я красоту обожала, со мною она и пребудет!
Матерь Ареева, все говорят, породила ты в муках
- 175 Хор Харит прекрасноволосых — но что ж они ныне
Кинули дружно тебя, ни одна не явилась на помощь?
Что же Арей не помог, твой Арей с копьем необорным,
Ты и царица, но где же твой щит, что тебя прикрывает?
Где был огонь Гефеста, что пламень рождает дыханьем?
- 180 Как же и ты Атритона Афина, однако, тщеславна!
Ты, что в медное платье свое закутала тело!
Ты ведь не браком зачата и мать тебя не рожала,
Страшный железа удар тебя, словно корень железный,
Вывел на свет из отцовской главы, а не женские роды,
- 185 Ты ведь брака бежишь, стремишься лишь к делу Ареса,
Ты не училась гармонии, слитость сердец тебе чужда.

- Разве не ведала ты, что бессильны такие Афины
Вроде тебя, чья утеха одна: это славные войны,
Те, о ком не поймешь, мужчины они или жены».
- 190 Вот что надменно Киприда рекла, оскорбляя Афицу,
Так получила победу, несущую городу гибель,
Геру изгнав и Афицу сумев раздосадовать страшно.
А злосчастный Парис, снедаемый пылом любовным,
Страстным влечением к той, кого еще в жизни не видел,
- 195 Стал мужей собирать, умелых в делах Атригоны,
В лес их повел, и они дубы могучие Иды,
Стали рубить, и Ферекл многоопытный был их начальник,
Он — злоначальник всех бед, безумству царя потакая,
Медным своим топором суда мастерил Александру.
- 200 В этот же день корабли, как задумано, были готовы,
Даже Афине самой таких не измыслить, не сделать!
Так Парис променял Идейские выси на море,
Часто, пристав к берегам, Афродиту он жертвами славил,
Брачных помощницу дел, а богиня его провожала.
- 205 Вот по широкого моря хребту подошли к Геллеспонту,
Тут было знаменье им грядущих бедствий ужасных —
Черная буря на них тогда внезапно напала,
Темные в молниях тучи кругом небеса обложили,
Воздух сгустился в туман и ливневый дождь проливался,
- 210 Море, штормя, волновалось — они ж налегали на весла.
Так удалялись они от земли Дардана и Троса,
Вот прошли, миновав, мимо устья болот Исмариды.
Вскоре им показался за кряжем Пангеи Фракийской
Холм могильный Филлиды, что преданно мужа любила,
- 215 Видели также дорогу-скиталицу торную снова,
Где раздавались твои, Филлида, печальные стоны.
Все ты, бедняжка, ждала, когда невредимым вернется
Демофоонт твой домой из пределов народа Афины.
Вот уже видимы им Гемонийцев тучные земли.
- 220 Вот узрели они и земли градов Ахейских,
Фтии, пестуны мужей и Микен широкодорожных,
Далее плыть довелось близ болотистых мест Эриманфа
И наконец — прекрасными женами славную Спарту,
Град любимый Атрида, узрели на бреге Эвроты.
- 225 Близ по соседству прекрасно построенный город Фереи
В сени горного леса, дивясь, увидали пришельцы.
Стало быть, плаванье в Спарту для них оказалось недолгим,
Даже устать не пришлось от шума веселых плесков,
Двинув корабль в залив с красиво изогнутым берегом,
- 230 Те, кто обучен, канатом корабль прикрепили к причалу,
Сам же Парис в потоке реки совершил омовенье,

- В водах студеных ее, стекавших со снежной вершины,
Двинулся в путь, и в чужие следы наступать он старался,
Чтобы прекрасные ноги его не запачкались пылью.
- 235 Шел не спеша, чтобы ветер ему не испортил прическу.
Жителей гостеприимных вокруг возвышались хоромы,
Рядом с домами и храмы, что городу блеск сообщают.
К храму приблизился он и в нем с изумленьем увидел
Местной Афины кумир, отлитый из чистого золота,
- 240 Далее он миновал Амиклейского дом Гиакинфа –
Тот, что особо любим был у Аполлона Карнея –
Как-то видали его Амиклейцы в игре с Аполлоном –
Все подивились, не верилось, что не богиня Латона
Свету явила его, приняв поцелуй Зевеса.
- 245 Все же сберечь его бог не сумел от соперника-ветра.
Слезы царя осушить желая, земля породила
Дивный цветок Аполлону, стараясь бога утешить,
Дивный цветок, что погибшему отроку был соименным.
Вот у порога Атридова дома Парис очутился,
- 250 Встал перед ним, красотой небывалой, чудесной сияя,
Даже Тиона такого красавца родить не сумела.
Ты уж прости, Дионис, хоть ты и Зевесова поросль,
Был он прекрасен, и лик его так красотой и лучился.
Гостеприимного дома засов отодвинув, Елена,
- 255 Тотчас навстречу ему идет через внутренний дворик,
Видит Париса она, что стоит у ворот, ожидая,
Сразу его приглашает, ведет под крышу жилища.
Из серебра новейшей работы дает ему кресло,
Сестр приглашает его — а сама наглядеться не может.
- 260 То ей приходит на ум, что он — сын нимфы Киприды,
Бог восходящих на ложе, но это она отвергает.
Он не Эрот — это точно — при нем нет ни стрел, ни колчана.
Значит, конечно, — решает она, на красу его глядя,
Бог виноградной лозы перед ней с блистающим взором –
- 265 Только тогда почему в кудрях его пышных, прекрасных,
Свежих гроздьев не видно и шея плющом не увита?
И наконец, изумленье смиря, обратилась Елена:
«Гость! Поведай, откуда ведешь ты род свой прекрасный,
Ясно весьма, что своей красотой царю ты подобен,
- 270 Мне же твой род незнаком среди прочих кланов Аргивских,
Не из песчаного Пилоса ты, Нелея владенья –
Знаю я там Антилоха, твое же лицо незнакомо,
И не из милой ты Фтии, пестуни мужей богатырских, –
Девкалионов род беспорочный весь мне известен –
- 275 Всех до единого знаю я в славном роду Эакидов,
И Теламона я знаю, и знаю красавца Пелея,

- Знаю характер Патрокла и пыл боевой Ахиллеса», –
Так обходительно молвила нимфа, возжегшись к Парису.
Мягкою речью он ей отвечал, начав издалека:
- 280 «Если когда-нибудь слышала ты, что во Фригии дальней
Троя стоит — Посейдон с Аполлоном ей ставили башни,
Если когда-нибудь слышала ты о царе богатейшем,
Правящем в Трое, что род плодovitый ведет от Кронида,
Знай, что горжусь и я принадлежностью к этому роду,
- 285 Знай, жена, — многозлатного сын я любезный Приама,
Я Дарданид, а мой предок Дардан происходит от Зевса,
Тот Дардан, кому, опустившись с высей Олимпа,
Часто служили за плату, при том, что были бессмертны, –
Сам Посейдон с Аполлоном, Олимпа бессмертные боги,
- 290 Отчий наш град окружили стеною, вовек нерушимой.
Сам я, царица, богинь судия! Небожительниц тяжбу
Мне довелось разрешить и выбрать ту, кто прекрасней,
Я предпочел красоту и блеск и прелесть Киприды –
Мне, как достойную плату за труд судейский, богиня
- 295 Нимфу желанную, лучшую в мире, отдать посулила,
Ту, что Еленой зовут, родную сестру Афродиты.
Ради нее и решил я в пучины морские пуститься,
Стало быть, раз Киферея велит — сочетаемся браком!
Если ж отвергнешь меня — оскорбишь и меня, и Киприду.
- 300 Я умолкаю. Тебя ль мне учить, ты ведь ведаешь столько!
Раз уж у вас, у аргивян, такие рождаются жены!
Слабые члены свои укрепили они упражненьем,
Видом подобны мужам, и уж будто не женщины вовсе».
- 305 Молвил Парис, она же, потупив прелестные очи,
Вот, наконец, потрясенная, все же Елена сказала:
«Верно ли, гость, что отчизны твоей самой основанье
Строили сам Посейдон с Аполлоном в старинное время?
Как бы хотелось и мне на бессмертные эти творенья
- 310 Глянуть, и луг повидать, игру Аполлона слыхавший,
Там побывать, где в проеме ворот городских богозданных
Часто ходил Аполлон за стадом быков резвоногих!
Ну, я согласна. Из Спарты теперь вези меня в Троию!
Еду с тобой, раз велит Киферея, владычица браков!
- 315 Пред Менелаем ничуть не дрожу, раз ждет меня Троя.
Знаешь, ведь сам Менелай не особенно храброго рода».
Вот как прекраснoлoдыжная нимфа в союз сей вступила.
Той же дорогой, что солнце, и ночь появилась на небе.
Ночь — избавленье от мук, до зари даруя свободу,
- 320 Створки двойные открыв, выпускает рой сновидений.
Там и правдивые сны — убор их — блестящие рожки,

- В них являются людям богов неложные речи,
Там и ложные сны, что питают тщету и обманы.
Тою порой пришелец Парис уводит Елену,
325 Дом Менелая покинув приветный, на палубу судна.
Гордостью весь переполнен, обещанный груз Кифереи,
Груз, суливший войну, возведя, поспешил к Илиону.
Вот Эригена взошла, и ветер с Гермионы сдувает,
В спальню ворвавшись, ее покрывало. И девочка в слезы,
330 Стала она кричать, к себе призывая служанок,
Плача пронзительно, так сквозь рыдания она говорила:
«Где моя мама? Куда она делась? Меня позабыла!
Вечером дом запирала она в моей спальне и вместе
Рядом на ложе одном уснули спокойно мы обе!»
335 Плача, она говорила, а с нею и прочие дети,
Тут и народ отовсюду собрался, топтался у двери,
Женщины стали пытаться унять Гермионины слезы:
«Детка, не надо, не плачь, ушла твоя мама — ну что же
Скоро вернется она! А ты вот от слез заболеешь.
340 Разве не видишь? И щечки от слез у тебя похудеют,
Глаз острота притупляется даже у плачущих часто!»
Вскоре уже Гермиона пошла к хороводу подружек,
Вдруг она сбилась с пути, постояла на месте в досаде, —
Вдруг она видит, что горная нимфа пред ней появилась,
345 Вышла на луг и уселась в росистую пышную траву.
Видно она, искупав свое тело в отцовских потоках,
Шла, но замешкалась здесь, на берегу потока Эвроты.
К ней обратилась тогда Гермиона, заплакавши горько:
«Знает гора, и потоки реки — они знают дорогу
350 К розе, на луг. И зачем это женщины все говорили?
Звезды ложатся спать и ночь в пещере проводят,
Звезды рождаются вновь, но она никогда не вернется,
Мать моя! Где ты? Скажи, на какой ты горе обитаешь?
Может быть, дикие звери в скитаньи тебя растерзали?»
355 Нет, не трогают звери потомков великого Зевса!
Может быть, ты с колесницы упала на спину во прахе,
Где-то лежит твое тело вдали меж дубов одиноких?
Я же бродила по чаще густой тенистого леса,
Все осмотрела, под низкие ветви деревьев глядела, —
360 Тело твое не нашла — не могу я на лес обижаться!
Может, плавала ты и на дно, утонув, опустилась,
Скрыл тебя плодородный Эврот под влажным теченьем?
Но ведь и в реках, и даже в морской соленой пучине
Нимфы Наяды живут, и всегда они женщин спасают!» —
365 Так говорила, стеноя, и вдруг склонила головку,
Сон налетел на нее, тот сон, что Смерти товарищ.

- Сну досталось в удел со Смертью общее дело,
 Службу такую же он отправляет, как брат его старший,
 Вот отчего и слетает Сон на скорбные очи
- 370 Жен, снедаемых горем, нередко, когда они плачут.
 Видя обманчивый сон, Гермiona и впрямь полагала,
 Будто бы мать перед ней, и радостный вопль испустила
 Девочка, вся в изумленьи, хоть только что наполнилась скорбью:
 «Только вчера я рыдала, что ты от меня убежала,
- 375 Спящую бросив меня на твоём, родительском ложе.
 Горы я все обошла! По каким не ходила дорогам!»
 Голос в ответ подавая, сказала тогда Тиндарида:
 «Бедная детка! Меня не вини в ужасных страданиях!
 Муж, что вчера приходил, меня обманом похитил.»
- 380 Молвила. Та, векочив, пред собой не увидев родимой,
 Стала рыдать еще пуще, и громко вопя, причитала:
 «Птицы небесные, вы, о прекрасное племя пернатых!
 Мчите на Крит, к Менелаю, скажите домой воротиться!
 Некий муж вероломный вчера к нам в Спарту явился
- 385 И похитил у нас всю радость нашего дома!»
 Так в слезах, к небесам обращаясь, дитя говорило,
 Тщилась мать обрести, бесплодно повсюду скитаясь.
 Вот для брака, по воле прекраснокудрявой Киприды,
 Чрез города Киконов и Геллы пролив Этолийский
- 390 В порт Дарданский жених свою привозит невесту,
 Тут с Акрополя высей пришелицу видит Кассандра,
 Пышные волосы рвет, на себе разрывает одежду,
 Троя же высокозданная, сняв на воротах запоры,
 Первопричину погибели в стены к себе принимает.

Примечания

¹ Ксанф — река в Троаде.

⁴ Ида — гора в Троаде.

⁵ Овцепас — Парис.

¹² Нимфа Аргивская — Елена.

¹⁴ Фалекра — вершина на Иде.

²³ Мелиссент — легендарный царь области горы Геликон.

²⁸ Кентавр Хирон обитал в пещере на Пелионе.

³⁰ Пейто — божество любовных уговоров, спутница Афродиты (Павсаний I.22.3).

⁵⁹ Эрида — богиня раздора, дочь Ночи (Гесиод, Теогония, 225).

⁶⁰ Яблоко — символ любви, и бросание яблока было равносильно объяснению в любви.

⁸² Киприда — Афродита.

¹¹⁹ Эхо — нимфа, безответно влюбленная в Пана.

¹³⁹ Сын Приама — Парис.

¹⁴⁴ Энио — богиня военной ярости (Гом. Ил. V.592).

¹⁶⁹ Пеннорожденная — Афродита.

- ¹⁷⁵ Хариты обычно считаются дочерьми Зевса и Эвриномы (Гесиод, Теогония, 907). В именах их родителей существуют варианты. Здесь их мать — Гера.
- ¹⁸² Афина вышла на свет из головы Зевса, который проглотил ее мать, богиню Метиду, а Гефест или Прометей ударили его по голове.
- ¹⁹⁵ Атритона — Афина.
- ¹⁹⁷ Ферекл — строитель кораблей для Париса.
- ²⁰¹ Афина, покровительница кораблестроения, воздержалась от помощи Парису.
- ²¹² Место во Фракии между Маронеей и Стримой (Геродот, VII.109).
- ²¹⁴ Филлида — дочь царя Фракии. Когда сын Тезея Демофоонт возвращался из Трои в Афины, он на ней женился. Затем он уехал в Афины, но не вернулся.
- ²⁴⁷ Прекрасный юноша Гиакинф погиб, и из его крови вырос удивительный цветок (Овид. Мет. XIII.394).
- ³²⁸ Гермiona — дочь Елены и Менелая.

Н.Ю. Живлова

«БРИТТСКАЯ КНИГА»: НЕННИЙ В ИРЛАНДСКОМ ПЕРЕВОДЕ

«История бриттов» (*Historia Brittonum*), приписываемая Неннию, излагает мифическую историю Британии до англосаксонского завоевания включительно. Этот латинский текст был создан в Уэльсе около 829–830 года и пользовался большой популярностью не только в Британии, но и за ее пределами: именно поэтому он отличается исключительно сложной текстуальной историей и обилием вариантов¹. Насчитывается больше тридцати рукописей «Истории бриттов» и огромное количество фрагментов.

Д. Дамвилль в своих исследованиях «Истории» (начало которым положила его огромная диссертация, защищенная в 1975 г.)² выделил как минимум пять изводов текста. Среди них **H** (*Harleian*, по основной для этого варианта рукописи *Harley 3589*), **V** (*Vatican*, по рукописи *Reginensis lat. 1964, Bibliotheca Apostolica Vaticana*), **C** (по единственной и к несчастью, утраченной в 1944 году рукописи *Chartres MS 98*), **G** (*Gildasian*, названная так потому, что в этом варианте текст истории приписывается Гильде), и, наконец, **N** (*Nennian*).

Ирландский перевод «Истории бриттов», известный, как «Бриттская книга» (*Lebor Bretnach*) может считаться отдельным, независимым вариантом даже вне зависимости от дополнений, которые внес ирландский переводчик (о них см. ниже). Как показал Д. Дамвилль, перевод основан на утраченном варианте «Истории», который Дамвилль и выделил в группу **N**³. Единственный сохранившийся вариант с фрагментами оригинального текста этого извода — рукопись *Corpus Christi College, Cambridge MS 139*.

«Бриттская книга» (*Lebor Bretnach*) в колофоне рукописей **M** и **H** (см. о них ниже) приписана поэту и ученому Гилле Коэмайну (*Gilla Coemáin*, fl. 1072), автору нескольких исторических поэм, включенных в «Книгу Захватов Ирландии»⁴. Авторство Гиллы Ко-

¹ См. обзорную работу на эту тему: Малогин 2016. Русский перевод «Истории бриттов» выполнен А.С. Бобовичем (Ненний 1984).

² Dumville 1975.

³ Dumville 1976b.

⁴ Smith 2007.

эмайна ставится под сомнение, например, Т.О. Кленси⁵, который предположил, что перевод был выполнен в Шотландии, хотя он не отрицал, что поэт мог быть переписчиком или так или иначе играть роль в распространении текста.

«Бриттская книга» была создана в контексте активного интереса ирландцев в XI–XII вв. к своему прошлому и к мировой истории. В то же самое время возникает ирландский перевод «Церковной истории народа англвов» Беды⁶ и текст, известный как «Шесть веков мира», излагавший библейскую и античную историю⁷, появляются многие тексты, ставшие частью «Книги Захватов Ирландии». Эти исторические сочинения часто стояли рядом в рукописях — например, «Шесть веков мира» и «Бриттская книга» в «Книге Бурой коровы».

При этом интересно, что некоторым ирландцам сочинение Ненния было известно задолго до появления ирландского перевода. В Шартрской рукописи Ненния (C)⁸ содержится фраза: *et fregit bellum ante Cassabellaunum duobus vicibus super Gaium Cesarem, et in tercio bello occisus est a Cesare misso ab imperatore*. Буквально это означает «и сломалась битва перед Кассивеллауном два раза над Гаем Цезарем, и в третьей битве он был убит цезарем, посланным императором». Не касаясь исторической «подоплеки» этого эпизода⁹, можно констатировать вместе с Д. Дамвиллем, что это выражение является калькой с древнеирландского *maidid (praet. memaid) in cath re n-* (X) *for* (Y), стандартной формулы описания битвы — «битва сломалась перед (имя победителя X) над (имя побежденного Y)»¹⁰.

Ирландская «Бриттская книга», безусловно, не является буквальным переводом «Истории бриттов». Ирландским переводчиком были опущены некоторые неинтересные для его читателя сведения или подробности; добавлена информация, которой у Ненния не было. В «Книге Баллимота» фигурируют тексты о пиктах (§4, 6–7), которые не встречаются ни у Ненния, ни в других вариантах ирландского перевода¹¹. После рассказа о римских императорах и до рассказа о завоевании англосаксов в той же «Книге Баллимота» фигурирует эпизод об ирландском короле Муирхертахе мак Эрка и святом Кайрнехе, который в этом месте является анахронизмом (со-

⁵ Clancy 2000.

⁶ Ní Chatháin 1984.

⁷ The Irish Sex Aetates, 1983.

⁸ Она, видимо, являлась копией бретонской рукописи X в.

⁹ В ирландском варианте Ненния Кассивеллаун — современник Клавдия, см. ниже.

¹⁰ eDIL, s.v. *maidid* (Dumville 1976a).

¹¹ Dumville 1976b, 257.

гласно ирландским анналам, Муйрхертах жил в начале VI в.)¹². Как указывает Д. О Кронин, родословные ирландских святых, упоминающая о Кайрнехе, ссылаются на «Бриттскую книгу» и Гиллу Коэмайна: «так рассказал Гилла Коэмайн в историях бриттов»¹³. Можно думать, что, если Гилла Коэмайн и не был автором перевода, ему мог принадлежать ряд вставок и дополнений.

Текст ирландского перевода Ненния известен по пяти рукописям, которые при этом содержат шесть различных вариантов текста (в «Книге Лекана» имеется два варианта подряд)¹⁴.

«Книга Лекана» (также именуемая «Великой книгой Лекана»)¹⁵ была создана в XV в. и теперь хранится в Королевской ирландской академии (MS 23 P 2)¹⁶. Включенные в нее два варианта «Бриттской книги» были обозначены ван Хамелем как L¹ и L². Более того, после L² в тексте снова встречается заголовок произведения Ненния (этот отрывок обозначается как L³), но он фактически представляет собой начало варианта L², так что L² и L³ составляют один текст. Отрывок L³ содержит разделы 1–5, отрывок L² — последующие. Общий протограф L³ и L² ван Хамель пометил как Y.

«Книга Баллимота» (B) была создана в 1384–1406 г. и хранится в Ирландской королевской академии (MS 23 P 12). Писцом, непосредственно переписавшим «Бриттскую книгу», был Робертус Мак Шихи (Robeartus mac Sithigh)¹⁷. Кодекс H.3.17 (= 1336), хранящийся в Тринити-колледже, обозначен у ван Хамеля как D (фактически это не единая рукопись, а несколько тетрадей, объединенных единым каталожным номером). Скорее всего, все ее части возникли не позднее XV–XVI вв.: текст «Бриттской книги» мог быть переписан около 1500 г.¹⁸

«Книга Уи Майне» (H) не была доступна Д. Тодду (на тот момент она находилась в библиотеке герцога Бэкингемского), и он не использовал ее в своем издании «Бриттской книги»; позднее она поступила в библиотеку Ирландской королевской академии (MS D

¹² См. Wadden 2013.

¹³ The Irish sex aetates 1983, 50.

¹⁴ В дальнейшем изложении мы следуем А. ван Хамелю в обозначении разделов.

¹⁵ В отличие от так называемой «Желтой книги Лекана».

¹⁶ Отдельный фрагмент из «Книги Лекана» (9 листов), содержащий часть «Бриттской книги», сохранился в составе другой рукописи — H.2.17 (1319) в Тринити-колледже, Дублин.

¹⁷ Dumville 1976b, 257. Как указывает Д. Дамвилль, хранящаяся в Тринити-колледже рукопись H.2.4, представляющая собой копию «Книги Баллимота», переписанную в 1728 г., может помочь прочесть некоторые места, которые уже не читаются в оригинале из-за физических повреждений.

¹⁸ Dumville, 1976b, 263.

ii 1). Ее можно отнести ко второй половине XIV в.¹⁹ Значительная часть этой рукописи была написана под патронажем семейства О'Келли (Oa Ceallaigh) Фаэланом Мак-а-Габанном (Faelan Mac a' Gabann, ум. 1423). Собственно «Бриттская книга», видимо, переписана другим писцом. Отсутствующее в ней описание географии Британии фигурирует в качестве маргинальной глоссы.

«Книга Бурой коровы» (U) также содержит большой отрывок из «Бриттской книги»: начало текста утеряно из-за лакуны в манускрипте. Рукопись была создана в XI — начале XII в. и, таким образом, является древнейшим свидетельством существования текста. Текст переписан рукой первого писца (A)²⁰. «Книга Бурой коровы» также находится в библиотеке Ирландской королевской академии (23 E 25 = 1229).

Можно предполагать, что «Бриттская книга» целиком или отчасти содержалась и в других рукописях. Так, ученый XVII в. Джон Линч цитирует список пиктских королей из «ирландского варианта Ненния» (*Hibernica Ninnii versione*), однако такой вариант текста по другим источникам неизвестен. Есть основания предполагать, что фрагмент аналогичного королевского списка из рукописи Laud 610, за которым следует ирландский перевод Беды, также является частью утраченного варианта «Бриттской книги»²¹.

Для удобства читателя содержание «Бриттской книги», ее рукописи и издания могут быть представлены в форме таблицы следующим образом:

Разделы и параграфы по изданию А. ван Хамеля (1932)		Рукописи						Параграфы по изданию Дж.Х. Тодда (1848)
Раздел	Содержание раздела	L ¹	L ²⁻³	B	D	H	U	Дж.Х. Тодда (1848)
I	Введение (§ 1)		+	+	+	+		I
II	Географический раздел (§ 2-3)	+	+	+	+	+		II-III
III	Происхождение пиктов, первый вариант (§ 4)	+	+	+				Additional Notes, XX (p. xciii-xciv)
IV	Народы мира (§ 5)	+	+	+	+	+		IV

¹⁹ Dumville, 1976b, 261-263.

²⁰ Dumville 1976b, 255-257.

²¹ Dumville, 1976b, 263-264.

Разделы и параграфы по изданию А. ван Хамеля (1932)		Рукописи						Параграфы по изданию Дж.Х. Тодда (1848)
Раздел	Содержание раздела	L ¹	L ²⁻³	B	D	H	U	
V	Происхождение пиктов, второй вариант (§§ 6-7)		+ ²²	+				XXVII-XXIX (§ 6), XXX (§ 7)
VI	Происхождение римлян; как бритты произошли от троянцев (§§ 8-10)	+	+	+	+	+		V (§ 8), VI (§ 9), VII (§ 10)
VII	Древние цари Лация и Рима (§ 11)	+	+	+	+	+		VIII
VIII	Книга захватов Ирландии (§§ 12-13)		+	+	+	+		IX-X
IX	Происхождение гойделов (§ 14)	+	+	+	+	+		XI
X	Римская Британия (§§ 15-23)	+	+ ²³	+	+	+		XII-XIV
XI	Муйрхертах мак Эрка и святой Кайрнех (§§ 24-25)			+				Приложение I (р. 178-193)
XII	Происхождение саксов (§ 26)	+		+	+	+		XV
XIII	Вторжение саксов и чудеса святого Германа (§§ 27-28)			+	+	+		XVI
XIV	Вторжение саксов: Вортигерн и Хенгест (§§ 29-32)		+	+	+	+		XVII
XV	Вторжение саксов: Дун Амбройе (§§ 33-38)		+	+	+	+	+	XVIII-XIX
XVI	Вторжение саксов: Вортимер и другие войны (§§ 39-41)		+	+	+	+	+	XX-XXII

²² В издании ван Хамеля в публикации стихотворения (§ 7) в конце отрывка из L ошибочно фигурирует ссылка на авторство поэта Маэл Муру (ум. 887): *Maelmuru* se [=cesinít], которое относится к следующему за ним в рукописи стихотворению *Can a mbunadas na nGaedel* (Dumville 1976b, 259).

²³ Пробел в тексте из-за утраты листа рукописи, текст обрывается в середине 22.

Разделы и параграфы по изданию А. ван Хамеля (1932)		Рукописи						Параграфы по изданию Дж.Х. Тодда (1848)
Раздел	Содержание раздела	L ¹	L ²⁻³	B	D	H	U	
XVII	Святой Патрик (§ 42)		+	+	+	+	+	XXIII
XVIII	Вторжение саксов: битвы Артура (§ 43)		+	+	+	+	+	XXIV
XIX	Чудеса Британии (§§ 44-45)		+		+	+		XXV
XX	Чудеса острова Мэн (§ 46)		+		+	+		XXVI
XXI	Пиктская хроника (§§ 47-53)				+	+		XXXI-XXXII
XXII	Из «Церковной истории народа англов» Беды (§§ 54-58)				+	+		XXXIII

Язык ирландского перевода ван Хамель определяет как ранний среднеирландский, указывая на то, что уже в древнейшем варианте текста — «Книге Бурой коровы» — содержится ряд среднеирландских форм. Основываясь на анализе вариантов текста, ван Хамель предложил выделить три извода текста «Бриттской книги»: 1) версия I (L¹); 2) версия II (D, H); версия III (Y=L²⁻³, B). В тексте U есть черты, общие для версий II и III.

В 1848 г. Дж.Х. Тодд выполнил издание текста для Ирландского археологического общества, используя все известные ему рукописи (кроме H); за основу издания была взята D. В издании Тодда трактаты о пиктской истории и история о святом Кайрнехе и Муйрхертах были изъяты из основного текста и перенесены в различные приложения²⁴.

В 1932 г. А.Г. ван Хамель подготовил новое издание текста на основе всех существующих рукописей²⁵. В издании ван Хамеля приводится латинский текст Ненния, который для удобства читателя разделен аналогичным ирландскому тексту образом на параграфы. На полях указаны параграфы по изданию Стивенсона²⁶. Кроме того, «Бриттская книга» была переведена на латинский язык Г. Циммером для MGH (в издании Ненния Т. Моммзена) под названием

²⁴ Leabhar Breathnach 1848.

²⁵ Lebor Bretnach 1932.

²⁶ Nennius 1838.

Nennius Interpretatus, где ее текст напечатан параллельно с текстом Ненния²⁷.

Данный перевод выполнен по изданию А. ван Хамеля и содержит параграфы с 1 по 23. Эта публикация является предварительной и представляет собой результат нашей работы на данный момент (ноябрь 2020). В ней опущены главы 4, 6–7, посвященные пиктам, которые, строго говоря, не являются переводом Ненния и ставят отдельные вопросы — как текстовые, так и содержательные, решать которые сейчас у нас нет возможности²⁸. В дальнейшем нам хотелось бы представить полный комментированный вариант перевода «Бриттской книги» с параллельным текстом Ненния.

Мы хотели бы выразить искреннюю благодарность участникам нашего семинара на историческом факультете МГУ: прежде всего хотелось бы упомянуть И.Б. Короткого, З.Ю. Метлицкую и В.И. Потопаеву. Работа над переводом Ненния (вынужденно, разумеется) проходила в основном онлайн, но не стала от этого менее плодотворной и интересной.

Это — «Бриттская книга»

Начинается о древности Британии, которую сочинил Немний. Отрок Коэмана²⁹ перевел ее на ирландский³⁰.

1. Я, Немн, ученик Эльводуга, озаботился написать некоторые отрывки — то есть я постарался написать кое-какие отрывки, я, Ненамний, ученик Элудага. Ибо в обычаях и знаниях народа Британии позабыты старина и происхождение первых людей³¹. Так что не было ничего написанного об этом в книгах. Я же собрал предания, которые нашел в анналах римлян и в хро-

²⁷ MGH AA 13, 143–218.

²⁸ На русском языке можно указать, например, на работу Фёдоров, Паламарчук 2014, где отчасти затрагивается проблема пиктов в «Бриттской книге» (с. 44 сл.).

²⁹ Переводчик буквально перевел свое имя — Gilla Caemáin, то есть «Отрок святого Коэмана», на латинский как Puer Caemain.

³⁰ Здесь и далее курсивом выделены фразы и отдельные слова на латинском.

³¹ *rodermaid bés ⁊ eagna in ceneoil Breatainia seancasa ⁊ bunada na cet-daíne*. Не совсем понятно, почему здесь Ненниевое «тупость британского племени» (*hebitudo (sic) gentis Britanniae*) переведено, как «обычай и знание» (*bes ⁊ eagna*). Может быть, переводчик прочел *hebitudo* ‘привычка’ вместо *hebetudo*; другой вариант — прочесть вместо *bés ⁊ eagna* — *báes ⁊ aenagna* ‘глупость и невежество’. См. разбор первых параграфов ирландского перевода у П.-И. Ламбера: Lambert 1994.

никах святых мудрецов, то есть Ассудира³², Кирина³³ и Евсевия, и в анналах саксов и гойделов, и то, что нашел в преданиях наших старцев³⁴.

2. *Остров Британия назван по Бритту, сыну Искона*, то есть от Британа, сына Искона (Britan mac Isicon)³⁵, назван остров Британия. Или же, как говорят другие, он назван от Бритта — то есть первого консула, что был у римлян. Первым же именем острова Британия было «Альбион». Восемьсот миль длина острова Британии. Двести миль — ее ширина.

Двадцать восемь главных городов в ней, и вот их имена³⁶: Каэр Гортигерн, Каэр Гуйтус, Каэр Менкест, Каэр Луилл, Каэр Медгуйд, Каэр Колун, Каэр Гусдинт, Каэр Аброг, Каэр Карадог, Каэр Брут, Каэр Маход, Каэр Лунайнд, Каэр Оэн, Каэр Ирангайн, Каэр Феус, Каэр Дон, Каэр Лонинопруйск, Каэр Груган, Каэр Сант, Каэр Легон, Каэр Гуйдинд, Каэр Бретан, Каэр Лейридойн, Каэр Пендса, Каэр Друтголгод, Каэр Луиткойт, Каэр Урнохт, Каэр Эйлимон³⁷. Много городов и помимо этих. Были бесчисленны ее крепости и укрепленные замки.

3. Четыре народа обитали на острове Британия — гойделы и круитни, и саксы, и бритты.

Острова Гута³⁸ у нее с юга. Абония³⁹ — с запада, между ними и Ирландией (она же) Мананн, и острова Орк⁴⁰ — у нее с севера.

Ирландия простирается на большом расстоянии за пределы острова Британии на юго-запад. Остров Британия лежит на дальнем расстоянии к северо-востоку дальше Ирландии.

Бесчисленны ее острова и реки. На ней — две главных реки, то есть Тамус и Сабрайнд⁴¹. По ним плавают корабли и барки острова Британии. Сначала весь остров Британию заполняли своими родами бритты — от Моря Ихт⁴² до Моря Орк.

4. (...)

³² Assuidir — Исидор (имеется в виду Исидор Севильский).

³³ Cirine — ирландское имя святого Иеронима, eDIL s.v. Cirine.

³⁴ В конце первой главы НВ идет хронология шести эпох мира (от сотворения мира до Страшного суда), опущенная в ирландском переводе.

³⁵ НВ (§ 7) уточняет, что «Искокон» был сыном Алана из рода Иафета.

³⁶ В НВ перечень городов находится в конце текста, перед разделом о чудесах Британии.

³⁷ Анализ списка городов и предположительные идентификации см. в Breeze 2016.

³⁸ Indsi Guta, в НВ Insola Gueith — остров Уайт.

³⁹ Abonia (НВ Eubonia) — остров Мэн.

⁴⁰ Insi Orce — Оркнейские острова.

⁴¹ Темза и Северн.

⁴² Muir n-Icht — Ла-Манш; названия морей не упоминаются в НВ — там говорится «от моря до моря».

5. После потопа мир был разделен на три части между сыновьями Ноя — то есть Европа, Африка и Азия. Сим — в Азии, Хам — в Африке, Иафет — в Европе. Первый человек, который пришел в Европу из рода Иафета: Аланий со своими тремя сыновьями, т. е. Исиконом, Готом или Арменом и Негуа. Четыре сына у Исикона, то есть Франк, Роман, Брит и Албан. У Арменона — пять сыновей, то есть Гот, Велегот, Кебит, Бурганнд, Лонгбард. Негуа — три сына у него, то есть Вандал, Саксон и Боар. Сакс, сын Негуа — от него саксы. Бритт же — от него бритты, он сын Исикона, сына Алана, сына Фетура, сына Агномана, сына Тоя, сына Бодба, сына Семейба, сына Этата, сына Аота, сына Абара, сына Раа, сына Эра, сына Иавана, сына Иафета, сына Ноя, сына Ламеха. Вот так рассказывается в историях бриттов⁴³.

6-7. (...)

8. В анналах римлян: Эней, сын Анхиса, пришел после завоевания Трои в Италию и взял дочь Латина, то есть Лавину, дочь Латина, сына Пуна, сына Пикка, сына Сатурна, после убийства Турна и после смерти царя Латина, сына Пуна⁴⁴. После этого Эней взял власть над латинами и крепость, то есть Альбалонга, была построена Асканом, сыном Энея, и он взял супругу, которая родила ему сына, то есть Сильвия. Сильвий после этого взял супругу, и она забеременела. И сказали Аскану, что жена его сына беременна, и он послал послов к своему сыну, чтобы его друиды посмотрели на его жену, чтобы узнать, мальчик или девочка родится. Друиды пошли, и, вернувшись от Аскана, сказали, что в ее чреве — мальчик, и сказали, что он будет сильным, и что он убьет своего отца и свою мать, и будет всем ненавистен. После этого его мать умерла от родов. И дали ему имя — Бритт, и вскормили его после этого.

9. Бритт же, сын Сильвия, сына Аскана, сына Энея, сына Анхиса, сына Капина, сына Асарига, сына Троица, сына Эрехтония, сына Дардана, сына Юпитера, сына Сатурна, сына Коэла, сына Паллоса⁴⁵, сына Зороастра, сына Мицраима, сына Хама Безумного, сына Ноя, сына Ламеха. Трос же был сыном Эрехтония, у него два сына — то есть Ил и Асарик. Ил — это он построил Илион, то есть Трою, и у него был сын Ламедон, отец Приама. Асарик же — отец Капина, Капин — отец Анхиса, Анхис — отец Энея, Эней — отец Аскана, Аскан — дед *Бритта Ненавистного (Elocossi)*, то есть Бри-

⁴³ О списке народов в «Бриттской книге» см. Wadden 2016.

⁴⁴ Ср. в «Хронике» Иеронима: ante Aeneam Janus, Saturnus, Picus, Faunus, Latinus regnaverunt (PL 27, 319–320).

⁴⁵ Г. Циммер предлагал интерпретировать этот фрагмент родословия олимпийских богов, как filii Celi (= Coeli), filii Telluris.

тана Ненавистного. Так поведал наш благородный старец, то есть Куану⁴⁶, родословную бриттов из хроник римлян.

10. Через много лет, согласно пророчеству друидов, случилось Бритту стрелять из лука в присутствии своего отца, т. е. Сильвия, так что стрела вошла во впадину на виске царя⁴⁷, и это не было нарочно. Так что его отец умер, и он был изгнан после этого из Италии на острова Тирренского моря, и греки изгнали его с этих островов из-за греха убийства Турна Энеем. И это была война греков и троянцев. После этого он пошел в (страну) франков, и им был основан Торинис. И там его не потерпели, и потом он пришел на остров Британия. Так что он захватил там царскую власть, и был от него назван остров, поскольку его заполнили его потомки, так что это он был первым поселенцем, согласно римлянам.

Это — о царях римлян

11. Янус, царь Гесперии — первый царь, который правил римлянами, и от него называется месяц январь. Потом Сатурн. Потом Юпитер. Потом Дардан, сын Юпитера. Потом Пикк, сын Юпитера. Фун, сын Пикка — тридцать лет. Латин, сын Фуна — пятьдесят лет. Эней — три года. Аскан — тридцать четыре. Сильвий — двенадцать, пока не убил его сын, как мы уже сказали. «Сильвием» же после этого именовали каждого царя до прихода Ромула: он был сыном Реи Сильвии, дочери Нумитора, сына Пика Сильва, сына Авентина Сильвия, сына Аремулия Сильвия, сына Агриппы Сильвия, сына Тиберина Сильвия, сына Альбана Сильвия, сына Аскана Сильвия, сына Постума⁴⁸, то есть это одно и то же имя — Аскан и Эней. Он брат Бритта — они сыновья Сильвия, сына Аскана.

Постум правил римлянами тридцать девять лет. Бритт правил островом Британией тридцать лет. Священник Илий правил сыновьями Израиля⁴⁹. От захвата (Британии) Бриттом до захвата круитни на островаХ? Орк — девятьсот лет, и они забрали треть севера острова Британия силой у бриттов, и обитают там и по сей день. После этого гойделы забрали такую же долю, что и круитни, и заключили союз с круитни против бриттов. После этого саксы

⁴⁶ Cuano (родительный падеж Cuanoch) был автором исторических сочинений, на которого неоднократно ссылались ирландские хронисты (чаще всего называется некая Liber Cuanoach). Судя по всему, он жил в VIII–IX в. О приписанном здесь Куану сюжете с происхождением Бритта от Хама см. Clarke 2014, 85–88.

⁴⁷ I toll arach ind ríg: эта подробность отсутствует в латинском тексте.

⁴⁸ Ср. PL 27, 194, 247–250.

⁴⁹ PL 27, 321–322 (Иероним синхронизирует деятельность Илия с правлением второго царя латинян).

захватили остров Британию во время царя Маркиана. Гортигерн был королем Британии: пришли люди в трех ладьях из Германии, два брата — то есть Орс и Эйгист. Они изгнали бриттов на края острова.

О захватах Ирландии, как рассказывает Ненний

12. Первый муж, что захватил Ирландию, — *Партолон и тысяча человек*⁵⁰, то есть тысяча мужчин и женщин, и они размножились в Ирландии тысячами, и они умерли в одну неделю от слабости. После этого ее захватил Немед, другой сын Атнамана. Его род поселился тут надолго, пока они не отправились в Испанию, поскольку бежали от морских жителей (*muiride*), то есть от фоморов. *Мужья мешков*, то есть Фир Болг после этого и *мужья оружия*, то есть Фир Галеойн, и *мужья господ*, то есть Фир Домнанн — они из рода Немед. После этого Ирландию захватили *племена богов* (*plebes Deorum*), то есть Племена Богини Дану. От них произошли первые умельцы, то есть Лухтене *ремесленник* (*artifex*), Кредене *горшечник* (*figulus sic!*), Диан *врач* (*meidicus sic!*), Эдан, *дочь его*, то есть приемная мать поэтов, Гойбненн *кузнец* (*faber*), Луг, сын Этне, у которого были все искусства, Дагда, сын Эладана, сына Дельбаэта, король, Огма — брат короля; это он составил буквы скоттов⁵¹.

Эти мужья сразились в великом сражении с морскими жителями, то есть с фоморами, и те бежали от них в башню — то есть в крепость, которую они укрепили на море. Мужья Ирландии пошли за ними к морю. Сразились с ними, и море покрыло их всех, кроме людей в одной ладье, так что они после этого взяли себе тот остров. Или же это потомки Немед в главе с Фергусом Летдергом, сыном Немед, завоевали ту башню, и т. д.

⁵⁰ Очерк истории Ирландии содержится в оригинальном тексте НВ и хронологически является одним из первых свидетельств традиции «захватов Ирландии», отразившейся потом в «Книге захватов». В НВ упомянуты Партолон (*Partholomus*), Немед (*Nimeth*) и сыновья Миля (*tres filii militis Hispaniae*). Там рассказывается о попытке сыновей Миля захватить «стеклянную башню» (*turgim vitream*) среди моря, но не говорится ни о фоморах, ни о племенах Богини Дану. См. о соотношении традиции НВ, «Бриттской книги» и «Книги захватов» Scowcroft 1988 и особенно Jaski 2003.

⁵¹ Божественные мастера — Кредне, Лухтайне и Гойбненн — часто упоминаются вместе и выступают в том числе как фиктивные авторы юридических текстов. В рукописях L и V профессии написаны по-ирландски — *sáer* вместо *artifex*, *cegd* вместо *figulus*, *liaig* вместо *medicus*, *goba* вместо *faber*. Понятие *cegd* означает чаще всего ремесленник вообще, а Кред(е)не характеризуют, как мастера, работающего с бронзой. Подробный разбор этого отрывка см. в Williams 2018, 171–174.

13. После этого пришел отряд из восьми со своими кораблями, и они поселились в Ирландии, и забрали большую ее часть. Фир Болг же взяли себе Мананн и другие острова, то есть Аран, Але и Раху. Потомки Галеоин во главе с сыном Геракла захватили острова Орк, то есть Исторет, сын Историна, сына Агина, сына Агафирса. Они рассеялись по островам Орк. Пришел Круитне, сын Ингу, сына Луйте, сына Пайрте, сына Исторета, сына Агномана, сына Буана, сына Мара, сына Файтехта, сына Иавада, сына Иафета, и взял север острова Британии, и разделил между своими семью сыновьями эту землю на семь частей, и имя каждого мужа из них (осталось) на этой земле. Семь сыновей Круитне — это Фиб, Фидах, Фотлад, Фортрен, Кат, Ке, Кириг, и взял Аэнбеган, сын Катта, сына Круитне, верховную власть над семью частями. Фианахта был королем Ирландии в то время. Он брал заложников у Круитне. Отправились пятеро из круитни с островов Орк, и пятеро братьев отца Круитне к франкам, и они построили там крепость, то есть Пикклат, или Инпикт, то есть название — от мотыг (?), и потом они отправились на остров, то есть в Ирландию. Когда они пробыли там уже долгое время, пришли Гойделы через море к их брату. Сыновья Лиатана, сына Геракла, захватили землю деметов, и Гвер, и Гуйделле, пока Кунедда (Cohenda) со своими сыновьями изгнал их из страны бриттов.

О странствиях гойделов

14. Вот так рассказывают премудрые люди гойделов о странствиях своих первых предков: был некий благородный муж в изгнании в Египте после того, как его изгнали из царства Скифии в то самое время, когда сыны Израиля перешли через Красное море (Muir Romair) и утонул фараон со своими войсками. А те войска, что не утонули, изгнали из Египта этого благородного изгнанника, ибо он был зятем фараона, который там утонул. Те скифы со своими детьми отправились в Африку, до Алтарей Филистимлян, до Колодцев Салмаров, между Ростекдой и Горами Астара, через реку Малб, морским путем до Колонн Геркулеса, и через пролив Гадетана в Испанию, и поселились после этого в Испании⁵². И пришли сыновья Миля Испанского в Ирландию с тридцатью киулами

⁵² Для реконструкции путешествия гойделов по северной Африке из Египта в Испанию использовано описание Орозия (I, 2, 83 ff.). Сначала упоминаются «алтари Филенов», служившие границей Киренаики и Триполитании, которые превратились у Ненния в «алтари филистимлян», Altoire na Feilistina (NB Aras Filistinorum, Oros. Arae Philaenorum). Затем идут «Соляное озеро», Cutib Salmarium (NB, Oros. lacum Salinarum), город Руеиккада — Rostedu (NB Rusicadam, Oros. Rusiccada), практически неизвестные по другим источникам горы — Slebe Astaré (NB Montes Azariae, Oros. Montes Uzarae) река Малга на гра-

и тридцатью парами в каждом киуле через тысячу два года после утопления фараона. Утонул тогда их король, то есть Донн у Тех Донн. Три богини тогда были во власти в Ирландии, то есть Фотла, Банба и Эриу. Они сразились в трех битвах с сыновьями Миля. После этого сыновья Миля захватили королевскую власть, и было великое состязание между ними, то есть между сыновьями Миля за королевскую власть, так что устроил между ними мир судья — то есть Амарген Глунгел, сын Миля, а он был филидом. Вот такой мир: раздел Ирландии на две части, и Эбер получил юг, и Эремон — север, и поселились их потомки с тех пор на острове.

15. Бритты же завоевали этот остров в третью эпоху мира. В четвертую гойделы захватили Ирландию. В то же самое время круитни захватили север Британии. В шестую эпоху пришли Дал Риада, и захватили землю круитни в то же самое время, что саксы захватили землю бриттов.

После многих эпох римляне захватили верховную власть мира и послали послов на остров Британия, чтобы потребовать заложников и поручителей, как они требовали с каждой другой страны. Послы вернулись недовольными, без заложников. Тогда царь, то есть Юлий Цезарь, разгневался на бриттов и пришел с шестьюдесятью кораблями к устью реки Темзы. Беллин же был королем Британии в то время. Пришел тогда Долебелл, проконсул короля бриттов к Юлию и убил воинов царя в той реке, а буря и непогода разбили их корабли, и царь вернулся без добычи в свою страну. После этого они снова пришли через три года с тремястами кораблями в то же устье. Тогда Долебелл воткнул железные колья в брод в реке перед началом битвы, так что из-за них римские воины упали, поскольку те были невидимы, то есть из-за «семян войны». Юлий устроил собрание и дал битву на земле, которая именуется Тринованни⁵³. Он одержал победу в этой битве и захватил королевскую власть на острове. Сорок семь лет до рождества Христова, пять тысяч тридцать два года от начала мира до этого времени.

16. Юлий Цезарь — первый римский король на острове Британия. Его убил собственная знать⁵⁴. В его честь римляне назвали месяц июль.

нище Тингитанской и Цезарейской Мавритании — Sruth Mailb (НВ, Oros. flumen Malvam), откуда гойделы попали к Геркулесовым Столпам — Colamna Hercuili (НВ Columnas Herculis) и перебрались через Гибралтарский пролив (Muincend Gadedan).

⁵³ О легендах, связанных с Триновантом, см. Clark 1981.

⁵⁴ Ирландское слово *airecht* 'суд, собрание', 'знать той или иной области' оказа-

Клавдий — второй король, который пришел на остров Британию после сорока четырех лет после рождества Христова. Он устроил великую резню бриттов и дошел до островов Орк ради отмщения за свою дружину после великого ее истребления вождем, которого звали Кассабелин. Он правил тридцать лет и восемь месяцев и умер в Магвантине в (стране) лангобардов, когда ехал в Рим с острова Британия. Через сто сорок семь лет после рождества Христова послали король и папа, т. е. Эвлетрий мудрецов от них с письмами к Луцию, королю бриттов, так что этот король крестился с прочими королями Бриттов⁵⁵.

17. Север — третий король, который пришел в (страну) бриттов. Он сделал ров саксов против варваров, то есть круитни. Две тысячи тридцать и сто шагов он в длину, и бритты называют этот вал «Гзавл»⁵⁶, и он приказал сделать другой вал против гойделов и круитни, то есть «Свиной вал», и после этого бритты разрушили его и его потом с его князьями убили бритты.

Каравсий после этого со своими героями прибыл, чтобы отомстить бриттам за Севера, и им были убиты короли бриттов, и он принял королевские одежды, несмотря на запрет императора. Его убил Аллект, римский герой, и забрал королевскую власть после этого на какое-то время⁵⁷.

18. Константин, сын Константина Великого, сына Елены, захватил остров Британия, и умер, и похоронен в Каэр Сегейнт⁵⁸, а другое имя этого города — Нимантия, и видны буквы с именем этого короля на камне, и с его погребальной песнью; и он оставил три семени на лугу⁵⁹ у этого города, чтобы не было бедных в городе⁶⁰.

лось для переводчика самым близким эквивалентом римскому «сенату» (eDIL, s.v. aigecht). В древне- и среднеирландском имеется и *senad*, но этот термин в основном означает «церковный синод» или «группу людей», и для обозначения римского сената употребляется редко (например, в ирландском переводе «Фарсалии» Лукана, см. eDIL, s.v. *senad*).

⁵⁵ Легенда о Луции специально рассмотрена в работе Smith 1979.

⁵⁶ Валлийское *gwawl* (GPC *gwawl*¹²), собственно, и означает «вал»: это, вероятно, не заимствование из латинского, а исконно кельтское слово, которым в валлийском преимущественно означался именно Адрианов вал.

⁵⁷ События узурпации Каравсия, относящиеся к 280–290-м гг., Ненний сдвинул к царствованию Севера. При этом он не упомянул его преемника Аллекта: эту информацию ирландский переводчик вставил от себя, видимо, основываясь на хронике Беды. О трактовке у Ненния этого эпизода см. Casey 2005, 162–164.

⁵⁸ Римский Сегонтий (Карнарвон).

⁵⁹ Древнеирландское *faithche* означает, собственно, «луг», «площадь»: это место, где разворачивается общественная деятельность перед воротами в резиденцию короля или в монастырь: eDIL, s.v. *faithche*.

⁶⁰ Ненний говорит о трех семенах — золотом, серебряном и медном (*auri, argenti, aetisque*).

Максим — шестой император, что завоевал бриттов. В то время началась у римлян власть консулов, и не выбирали Цезаря в короли с тех пор. Во времена Максима был благородный почтенный епископ, то есть святой Мартин.

19. Максимин захватил королевскую власть над бриттами и увел войско бриттов к римлянам, так что пал от его руки император Грациан, и он сам захватил верховную власть во всей Европе, и войскам, которые он взял с собой, не было позволено взять с собой своих детей и сыновей из своей земли, но он им дал многочисленные земли от озера, которое находится на вершине горы Юпитера, до Канхука на юге, и на запад — до Дума Охиден, где стоит прославленный крест, — и это бритты Леты⁶¹. Они навеки остались на юге, и из-за него чужеземные народы захватили землю бриттов, и убили бриттов на границах их земли.

20. Грациан со своим братом, т. е. Валентинианом, правили вместе шесть лет. В это время был благородный епископ в Медиолане, учитель католиков, то есть Амвросий⁶². Валентиниан и Феодосий правили совместно семь лет. В то время собрался сенат в Константинополе, то есть триста пятьдесят (человек), для опровержения македонской ереси, то есть отказа от Святого Духа, и в то время жил Кирине⁶³, благородный пресвитер в Вифлееме, католический переводчик. Этот самый Грациан, как мы уже сказали, и Валентиниан правили вместе, пока Максимиана не сделали королем его воины на острове Британия, и он не пришел через море в страну франков, и не одолел короля Грациана из-за хитрости военного министра — то есть Парасиса Мероблада⁶⁴, так что король бежал в Лугдон, и его поймали там и убили.

21. Максимин и его сын, то есть Виктор, правили вместе. В это время Мартин в Туре. Максимин же был лишен консулами царского платья, то есть Валентинианом и Феодосием на третьем камне от крепости Эйгилы⁶⁵ и был обезглавлен в этом месте. Потом пал его сын, то есть Виктор, в стране франков от рук комита, которого звали Аргуб⁶⁶. От этого до (начала) мира пять тысяч пятьсот девяносто лет.

⁶¹ Границы Бретани описаны здесь следующим образом: гора Юпитера (Мон-Сен-Мишель) — Кантгуйк (Condivicum, область Нанта) — Дума Охиден (Уэссан).

⁶² Ср. у Исихора: *Ambrosius Mediolanensis episcopus in catholicorum dogmate claruit.*

⁶³ Иероним.

⁶⁴ Эпизод, очевидно, заимствован из хроники Проспера. Имеется в виду Флавий Меробавд.

⁶⁵ Аквилея.

⁶⁶ Арбогаст.

Так рассказали старцы бриттов: семь верховных королей из римлян (правили) бриттами. Римляне же говорят, что девять человек из них правили бриттами: восьмым был второй Север, который скончался во время возвращения в Рим на острове Британия.

22. Константин шестнадцать лет правил островом Британия и умер. Четыреста девяносто лет бритты пробыли под игом римлян. После этого бритты изгнали римские войска, и не осталось у них ни дани, ни налога, и они убили всех римских военачальников, которые были на острове Британия. После этого поднялась мощь круитни и гойделов по всей Британии, и они изгнали их до реки, что зовется Дин⁶⁷. После этого послы бриттов пошли к римлянам с великой скорбью и печалью, с землей на головах и многочисленными сокровищами, чтобы не отомстили им за римских военачальников, которых они убили. После этого римские полководцы и консулы отправились с ними, и те дали клятву, что примут римское иго, каким бы оно ни было тяжелым. После этого прибыли римские воины и назначили князей и королей на остров Британия, и после этого воины вернулись по домам.

23. Тогда бриттов снова охватил гнев из-за того, что им было тяжело иго римлян, и они убили князей и королей римских, что были у них на острове Британия во второй раз. Поднялась сила круитни и гойделов по Британии снова, и была она тяжелее, чем римский налог, ибо круитни и гойделы желали прогнать их всех с их земли. После этого с унынием и печалью пошли бритты в собрание римлян. И так, говорят они шли: спиной вперед от стыда. И великое множество пришло с ними — то есть бесчисленное войско римлян, и снова поставили над ними королей и вождей. И опять была тяжкой для бриттов дань римлянам, и они убили своих королей и вождей в третий раз. После этого властители римлян пришли через море и разбили в великом сражении бриттов, и отомстили им за своих людей, и лишили остров Британия золота и серебра, и забрали с собой их бархат, китайские ткани и шелка⁶⁸, и их сосуды золотые и серебряные, и они вернулись по домам с победой и добычей⁶⁹.

⁶⁷ Река Дин / Тин (= Тайн) не упоминается у Ненния.

⁶⁸ A sroll ⁊ a siric ⁊ a sidae: передавая латинское «все ценные одежды» (omnis pretiosa veste), ирландский переводчик традиционно прибегает к перечислению разных видов драгоценных тканей — sróll ‘бархат, шелк’, siric (лат. sericum) ‘шелк’, síta (лат. seta) ‘вид шелка’.

⁶⁹ История об истреблении бриттами римских вождей и последующих обращениях к римлянам за помощью основана на «О погибели Британии» Гильды.

Литература

- Малюгин О.И.* «Historia Brittonum» Ненния: проблемы источниковедческого анализа // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навуковы зборнік. Выпуск 11 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2016. С. 45–55.
- Ненний.* История бриттов / Пер. А.С. Бобовича // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 171–193.
- Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А.* Средневековая Шотландия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
- Breeze A.* “Historia Brittonum” and Britain’s Twenty-Eight Cities // Journal of Literary Onomastics. 5:1. 2016. Available at: <http://digitalcommons.brockport.edu/jlo/vol5/iss1/1>.
- Clancy T.O.* Scotland, the ‘Nennian’ recension of Historia Brittonum, and the Lebor Bretnach // Kings, clerics and chronicles in Scotland, 500–1297: essays in honour of Marjorie Ogilvie Anderson on the occasion of her ninetieth birthday / Ed. S. Taylor. Dublin: Four Courts Press, 2000. P. 87–107.
- Clark J.* Trinovantum — the evolution of a legend // Journal of Medieval History. 7. 1981. P. 135–151.
- Clarke M.* The Extended Prologue of *Togail Troí*: From Adam to the Wars of Troy // *Ériu*. 64. 2014. P. 23–106.
- Dumville D.N.* The Textual history of the Welsh-Latin *Historia Brittonum*. Ph.D. diss. University of Edinburgh. 1975.
- Dumville D.N.* An Irish idiom latinised // *Éigse*. 16:3. 1976a. P. 183–186.
- Dumville D.N.* The textual history of Lebor Bretnach: a preliminary study // *Éigse*. 16:4. 1976b. P. 255–273.
- Jaski B.* ‘We are of the Greeks in our origin’: New perspectives in the Irish Origin Legend // Cambrian medieval Celtic studies. Winter 2003. Vol. 46. P. 1–53.
- Lambert P.-Y.* “Style de traduction”. Les traductions celtiques de textes historiques // *Revue d’histoire des textes*. Bulletin n°24. 1994. P. 375–391.
- Leabhar Breathnach anno sis: the Irish version of the Historia Brittonum of Nennius / Ed. J.H. Todd. Dublin: Irish Archaeological Society, 1848.
- Lebor Bretnach: the Irish version of the Historia Brittonum ascribed to Nennius / Ed. A.G. van Hamel. Dublin: Stationery Office, 1932.
- Nennius.* British History and the Welsh Annals / Ed. and transl. by J. Morris. London; Chichester: Phillimore, 1980.
- Nennius.* Nennii historia Britonum / Rec. J. Stevenson. Londini, 1838.
- Ní Chatháin P.* Bede’s Ecclesiastical History in Irish // *Peritia*. 3. 1984. P. 115–130.
- Orosius.* Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII / Rec. C. Zangemeister. Vindobonae, apud C. Geroldi, 1882.
- Scovcroft M.* Leabhar Gabhála Part II: The Growth of the Tradition // *Ériu*. 1988. 39. P. 1–66.
- Smith A.* Lucius of Britain: Alleged King and Church Founder // *Folklore*. 1979. Vol. 90. No 1. P. 29–36.

-
- Smith P.J.* Three Historical Poems Ascribed to Gilla Cóemáin: A Critical Edition of the Work of an Eleventh-Century Irish Scholar. Münster: Nodus Publikationen, 2007.
- The Irish Sex Aetates Mundi / Ed. by D. Ó Cróinín. Dublin: Dublin Institute for advanced studies, 1983.
- Wadden P.* Do feartaib Cairnich, Ireland and Scotland in the twelfth century // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. 33. 2014. P. 189–213.
- Wadden P.* The Frankish Table of Nations in Insular historiography // Cambrian Medieval Celtic Studies. 72. 2016. P. 1–31.
- Williams M.* Ireland's Immortals: A History of the Gods of Irish Myth. Princeton University Press, 2018.

И.В. Кувшинская

**ОПИСАНИЕ РИМА
ИЗ ТРАКТАТА ПОДЖО БРАЧЧОЛИНИ
«ИСТОРИИ О НЕПОСТОЯНСТВЕ ФОРТУНЫ»**

(Перевод с латинского языка)

Предисловие к переводу

Публикацию впервые переведенного на русский язык фрагмента с описанием Рима из трактата Поджо Браччолини «Истории о непостоянстве Фортуны» можно рассматривать как дополнение к переводу книги Флавио Бьондо «Воссозданный Рим» и собранным в этом издании материалам по топографии средневекового и ренессансного Рима¹.

Итальянских гуманистов Поджо Браччолини (1380–1459) и Флавио Бьондо (1392–1463) связывали многие годы дружеского общения и совместная работа в Апостольской курии папы Евгения IV². Браччолини писал трактат «О непостоянстве Фортуны» в 40-х годах XV в., в то же десятилетие, когда Бьондо создавал историческое сочинение «Декады истории начиная от упадка Римской империи» и книгу «Воссозданный Рим»³.

Трактат «О непостоянстве Фортуны» открывает пространный пролог с описанием памятников Рима⁴. Этот текст представляет собой отдельное рассуждение, облеченное в форму неторопливой беседы между Антонием Люском⁵ и Поджо Браччолини, происходившей

¹ Воссозданный Рим / Перевод, вступительная статья и комментарии И.В. Кувшинской. М., 2020.

² Понтификат 1431–1447.

³ Трактат Поджо Браччолини посвящен Папе Николаю V (понтификат 1447–1455), то есть завершен не ранее 1447 г. Книгу Флавио Бьондо «Воссозданный Рим», посвященную папе Евгению IV, датируют 1443–1446 гг.

⁴ Описание римских древностей составляет примерно шестую часть трактата Поджо Браччолини. В важнейшем собрании источников по топографии Рима этот отрывок издан как самостоятельный текст: Codex Urbis Romae topographicus / Ed. C.L. Urlichs. Wireceburgi, 1871. P. 235–243.

⁵ Антоний Люск (*лат.* Antonius Luscius, *итал.* Antonio Loschi, ок. 1368–1441), итальянский гуманист, поэт, автор книги комментариев к Цицерону, в 30-х годах XV в. был секретарем Апостольской курии при папе Мартине V.

в 1431 г., в последний год понтификата Мартина V⁶. Первые страницы текста — описание Капитолийского холма и открывшейся путникам бескрайней панорамы Рима — принадлежат к лучшим образцам ренессансной латинской прозы. Размышления о былом величии Рима предваряют первую книгу трактата, в которой собраны различные мнения античных философов, историков и поэтов о непостоянстве Фортуны, определяющей судьбы земных правителей. Браччолини вспоминает имена царей Креза и Кира, Митридата и Югурты, деяния Александра Великого и римских полководцев Мария, Суллы, Помпея и Цезаря, испытавших неожиданные повороты судьбы и после многих побед и триумфов снискавших горестный конец.

Далее, в последующих трех книгах трактата, Браччолини обращается к событиям Европейской истории, и, когда речь заходит о современной ему эпохе, восклицает, что необходим талант Тита Ливия, чтобы описать исторические коллизии и превратности людских судеб, в которых можно усмотреть все тот же произвол коварной и переменчивой Фортуны. Устами Антония Люска Поджо Браччолини излагает мысль о том, что руины Рима представляют собой один из самых печальных примеров бренности земной славы: «Некогда владыка, ныне же из-за враждебной Фортуны, ниспровергающей все сущее, этот город не только лишен власти и великолепия, но, обреченный на ничтожное рабство, бесформенный, расчлененный, является собой лишь руины прежнего достоинства и величия»⁷.

В сочинении Саллюстия, одного из любимейших авторов ренессансных гуманистов, есть примечательное рассуждение об исторической памяти, также зависящей от прихоти Фортуны, которая вольна сохранить или изгладить воспоминания о некогда произошедших событиях: «Но Фортуна властвует, конечно, во всяком деле; она не столько по справедливости, сколько по своему произволу все возвышает или оставляет в тени»⁸.

Одним из первых среди итальянских гуманистов Браччолини стал копировать и издавать латинские надписи, полагая, что только память, хранящая имена людей и примеры достойных деяний, может противостоять всеразрушающей силе Фортуны. Благодаря

⁶ Понтификат 1417–1431. Избрание на Констанцском соборе Мартина V, происшедшего из знатного римского рода Колонна, положило конец Великой схизме (1378–1417), однако папе потребовалось три года, чтобы вернуться в Рим вместе с Апостольской курией. В начале XV в. разоренный междоусобиями город переживал период глубокого упадка.

⁷ *Poggii Bracciolini Florentini Historiae de Varietate Fortunae libri quatuor*. Lutetiae Parisiorum, 1723. P. 7.

⁸ *Salust. Bell. Cat. 8, 1*. Цит. по изданию: *Гай Саллюстий Крисп. Сочинения* / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1981.

его неутомимым поискам вновь увидели свет многие памятники античной словесности.

В 1416 г. в собрании Санкт-Галленского монастыря Поджо нашел полный текст трактата Квинтилиана «Наставления оратору»; в 1417 г. во время своих разъездов по Европе он отыскивал рукопись поэмы Лукреция «О природе вещей» (единственный список, сохранившийся до XV в.), трактат о военном деле Вегеция, «Астрономику» Марка Манлия, списки речей Цицерона, рукопись эпической поэмы «Пуника» Силия Италика. В разные годы трудами Поджо были найдены сочинения Витрувия, Фронтиня, Тертуллиана, Стация, Аммиана Марцеллина, Аскония Педиана. Современники считали Поджо Браччолини крупнейшим и наиболее удачливым собирателем рукописей⁹.

В трактате «О непостоянстве Фортуны» Поджо цитирует тексты многих римских надписей, которые позволили ему вернуть из забвения имена достойных граждан античного Рима и сами названия архитектурных построек. Благодаря латинским надписям он дает памятникам Рима более точные атрибуции. Так, например, Поджо опровергает расхожее представление о том, что пирамида Гая Цестия Эпулона была гробницей Рема, мягко укоряя в невнимательности самого Франческо Петрарку, разделявшего это ошибочное мнение.

Увлечение археологией и исторической топографией было общим для Поджо Браччолини и Флавио Бьондо. Собирая материалы для своих книг, оба автора не только делали выписки из трудов римских историков, но считали необходимым подняться на римские холмы, осмотреть руины городских стен, пересчитать сохранившиеся башни и ворота, увидеть и описать недавно выкопанные из земли остатки античных колонн и статуй¹⁰. Для итальянских гуманистов памятники Рима были реальными свидетелями исторических событий, о которых рассказывали античные историки и поэты. Руины Форума напоминали о политической борьбе эпохи Республики, фундаменты дворцов на Палатине вызвали в памяти события истории Императорского Рима. Во время прогулок по городу Петрарка, Бьондо и Браччолини как бы перелистывали кни-

⁹ Поджо Браччолини был выдающимся каллиграфом, создавшим для копирования и дальнейшего издания найденных им рукописей образцы букв, которые затем, в типографском деле, стали основой для романского шрифта.

¹⁰ Пролог с описанием Рима составлен после завершения основной, историко-философской части трактата, в то самое время, когда Флавио Бьондо работал над рукописью книги «Воссозданный Рим». В примечаниях к переводу отмечен ряд сходных описаний и атрибуций памятников Рима, позволяющих говорить о том, что оба автора делились друг с другом своими наблюдениями и открытиями.

гу анналов римской истории, оживающей перед их глазами: «Это Священная дорога; это Эсквилинский холм, тут Виминал, там Квиринал; здесь Целиев холм, здесь Марсово поле... Это Яникул, то Авентин, там Священный холм, куда трижды уходил обиженный патрициями плебе... Здесь страж оружия Янус; здесь храм Юпитера Останавливающего, здесь — Приносящего добычу, здесь — Юпитера Капитолийского, место всех триумфов... Здесь торжествовал Цезарь, здесь он погиб. В этом храме Август видел толпу царей покоренного мира; здесь арка Помпея, здесь его портик, здесь арка Мария, память о победе над кимврами...»¹¹.

Убежденность в том, что прославленным деяниям древности могли соответствовать только значительные и совершенные здания, часто приводила к ошибкам в определении мест, где стояли древнейшие памятники Рима. Исходя из упоминаний у Ливия и Овидия о круглом храме Весты с горевшем в нем священным огнем, многие поколения исследователей давали это название храму Геркулеса на Вычьем форуме, а монументальную арку на Велабре именовали храмом двуликого Януса. Грандиозные руины базилики Константина и Максенция считали остатками храма Мира, который, согласно преданию, обрушился в день Рождества Христова.

Браччолини принимает постройку эпохи Адриана за храм Диоскуров, где в эпоху республики собирался Сенат и выступали знаменитые ораторы: при этом он руководствуется не архитектурными особенностями двойного храма, а связанными с ним литературными ассоциациями. В архитектурном убранстве христианских церквей использовались многочисленные споллии, снятые с античных памятников, в интерьерах храмов могли стоять мраморные колонны, созданные в разные эпохи: возможно, поэтому Поджо не смущали стилистические различия между двумя портиками на Римском форуме, которые он принял за остатки моста императора Калигулы, который, согласно Светонию, соединял Палатин и Капитолий. Пройдет немало десятилетий, пока подобные «литературные» атрибуции уступят место профессиональному взгляду архитектора, и антиквары XVI в. внесут коррективы в неверные именованья античных построек¹².

¹¹ *Франческо Петрарка*. Книга писем о делах повседневных. VI, 2. Письмо к Иоанну Колонне, монаху Ордена проповедников, написанное между 1337 и 1341 гг. / Пер. В.В. Библихина // *Петрарка Ф. Эстетические фрагменты*. М., 1982. С. 102.

¹² Следует особо отметить небольшое сочинение Помпонии Лето «О древностях Римского города» и достоверность многих его атрибуций, предвосхитивших изыскания антикваров XVI в. (*Pomponii Laeti de antiquitatibus urbis Romanae libellus* // *Opera Pomponii Laeti*. Romae, 1510). В трактате об архитектуре (*I quattro libri dell'architettura*. Venice, 1570) Андреа Палладио подвергает сомне-

Трактат «О непостоянстве Фортуны» рассматривает прежде всего этико-философские проблемы и не является трудом по топографии Рима. Однако сохранившиеся в нем описания римских памятников, несмотря на отдельные неточности и ошибки в названиях, чрезвычайно важны.

Перед нами одно из первых сочинений подобного жанра, к которому благодаря непререкаемому авторитету Поджо Браччолини продолжали обращаться исследователи римских древностей XV–XVI вв. — Помпонио Лето, Франческо Альбертини, Бартоломео Марлиани, Бернардо Гамуччи, причем каждый из перечисленных авторов вносил новые дополнения и уточнения в постепенно складывающуюся историю изучения топографии и архитектуры древнего Рима.

Перевод выполнен по изданию: *Poggii Bracciolini Florentini Historiae de Varietate Fortunae libri quatuor*. Lutetiae Parisiorum, 1723. P. 5–25.

Текст перевода иллюстрируют гравюры, созданные по рисункам Джованни Антонио Дозио для альбома «Собрание видов знаменитых построек Города, дошедших до наших дней», который был издан в Риме Джованни Баттиста ди Кавальери (1569).

Джованни Антонио Дозио (1533–1611), архитектор, скульптор и археолог, является создателем самых ранних иллюстративных циклов с изображениями памятников античного Рима¹³. В дальнейшем, в XVI–XVII вв., гравюры по рисункам Дозио постоянно иллюстрировали книги, посвященные римским древностям, и использовались при создании новых композиций с видами Рима¹⁴.

Литература о топографии Рима

Albertini F. Opusculum de mirabilibus novae et veteris urbis Romae. Lugdunum, 1520.

нию многие привычные названия и датировки памятников Рима, основываясь на стилистических различиях сооружений отдельных эпох и особенностях строительной техники I–III вв. н. э.

¹³ Гравюры по рисункам Дж. А. Дозио представлены в изданиях: *Gamucci B.* Libri Quattro dell'antichita della citta di Roma. Venedig, 1565; *Cavaleri G.B.* Urbis aedificiorum illustrium quae supersunt reliquiae summa. Roma, 1569.

¹⁴ Иллюстрации, копирующие гравюры Дж. А. Дозио, помещены в венецианском издании книги Бартоломео Марлиани «Urbis Romae topographia» (1588). В несколько измененном виде они присутствуют в фундаментальном труде римского антиквара XVII в. Алессандро Донати «Roma vetus ac recens, utriusque aedificiis ad eruditam cognitionem expositis» (1638).

- Atlante di Roma Antica. Biografia e ritratti della città 2 vol. / A cura di Carandini A., Carafa P. Milano, 2012.
- Blondi Flavii Forliviensis* Romae Instauratae libri tres. Basiliae, 1531.
- Burke P.* The Renaissance Sense of the Past. London, 1969.
- Codex Urbis Romae topographicus / Ed. C.L. Urlichs. Wirceburgi, 1871.
- Codice topografico della città di Roma. 4 vol. / A cura di Valentini R. e Zucetti G. Roma, 1940–1953.
- Donati A.* Roma vetus ac recens, utriusque aedificiis ad eruditam cognitionem expositis. Romae, 1638.
- Gamucci B.* Libri Quattro dell'antichità della città di Roma. Venedig, 1565.
- Garin E.* L'umanesimo italiano. Bari, 1952.
- Graf A.* Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo. Bologna, 1987.
- Jordan H.* Topographie der Stad Rom im Alterthum. Berlin, 1870–1885.
- Krautheimer R.* Rome: Profile of a City, 312–1308. Princeton, 2000.
- Lexicon topographicum Urbis Romae. 6 vol. / A cura di E.M. Steinby. Roma, 1993–2000.
- Marliani B.* Antiquae Romae topographia libri septem. Romae, 1534.
- Momigliano A.* Ancient history and the Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 13. No 3/4. 1950. P. 285–315.
- Platner S.B.* A Topographical Dictionary of Ancient Rome. Cambridge, 2015.
- Poggius Florentinus.* Leben und Werke. Leipzig; Berlin, 1914.
- Rossi V.* Il Quattrocento. Milano, 1938.
- Saitta G.* Il pensiero italiano nell'Umanesimo e nel Rinascimento. Bologna, 1949.

Поджо Браччолини. Истории о непостоянстве Фортуны

Книга I

В то время, когда понтифик Мартин¹⁵ незадолго до своей кончины удалился из Рима в поместье Тускуланум, чтобы набраться сил, мы — я и достойнейший муж Антоний Люск, — свободные от занятий и суеты Курии, часто посещали пустынные места города и, дивясь на громады разрушенных временем построек и гибель великой Империи, изумлялись и оплакивали непостоянство Фортуны. В один из дней мы поднялись на Капитолийский холм, и Антоний,

¹⁵ Понтификат Папы Мартина V — 1417–1431 гг. Открывающий книгу рассказ с описаниями памятников Рима относится к событиям 1431 г.

немного уставший от верховой езды, захотел отдохнуть, так что мы сошли с коней и сели среди руин Тарпейской крепости рядом с многочисленными обломками колонн и мраморной оградой каких-то ворот, принадлежавших, как я полагаю, храму, откуда открывался вид почти на весь город. Антоний, некоторое время осматриваясь, устремлял взор то в одну, то в другую сторону и затем, пораженный увиденным, сказал со вздохом: «Сколь сильно, Поджий, этот Капитолий не похож на тот, о котором пел наш Марон:

Блещет золотом там, где тогда лишь терновник кустился¹⁶.

Теперь он мог бы по праву изменить этот стих, сказав обратное: «Некогда золотой, ныне он покрыт лишь тернистыми зарослями».

Мне приходят на ум слова Мария, захватившего власть над Римом, но затем изгнанного из отечества, беглеца и нищего, нашедшего прибежище в Африке. Рассказывают, что сидя над руинами Карфагена, Марий удивлялся, насколько схожа судьба, постигшая его и этот город, и не мог решить, чья участь являет более наглядный пример всевластия судьбы¹⁷. Помимо Рима, я не могу вспомнить никакой другой город, который был бы разорен столь же чудовищно, ведь среди многих городов, уничтоженных стихией или сожженных рукою людей, его бедствия превзошли все другие.

Если ты переберешь в памяти все события истории, перечтешь все творения писателей, изучишь все анналы, где рассказано о славных деяниях древних, ты не найдешь примеров больших изменений, чем те, которые по воле Фортуны произошли с Римом, некогда прекраснейшим и величайшим из всех городов, когда-либо бывших и будущих. Не даром Лукиан, ученейший греческий автор, сообщая в письме к другу о своем желании увидеть Рим, назвал его не городом, но как бы частицей небес.

Как тяжело говорить мне и горько видеть, сколь сильно изменила его лик жестокосердная Фортуна, и ныне, лишенный всякого убранства, он лежит поверженный, как некий гигантский разложившийся труп, истерзанный со всех сторон. Достоин плача этот город, давший жизнь стольким блистательным мужам и императорам, взрастивший стольких полководцев и превосходных вождей, родитель стольких доблестей, творец стольких прекрасных уме-

¹⁶ Verg. Aen. VIII, 348. Пер. С.А. Ошерова. Цит. по изданию: *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 271.

¹⁷ Ср. Lucan II, 91-93: «...Тогда примирились с судьбою Марий и враг-Карфаген; одинаково лежа во прахе, Оба претили богам».

Пер. Л.Е. Остроумова. Цит. по изданию: *Марк Анней Лукан*. Фарсалия, или поэма о Гражданской войне. М., 1993. С. 30-31.

Рис. 1. Джованни Антонио Дозио. Руины на Палатинском холме. 1569

ний: благодаря ему стали известны военные искусства и строгость нравов, постановления законов, примеры доблести и рассуждения о достоинстве жизни. Этот город, некогда владыка, а ныне, из-за враждебной Фортуны, ниспровергающей все на свете, не только лишен власти и великолепия, но, обреченный на ничтожное рабство, бесформенный, расчлененный, являет собой лишь руины прежнего достоинства и величия. Не будем описывать погибшую Империю, потерянные царства, утраченные провинции, в которых властвует Фортуна, по своему праву даря их и отнимая.

Более всего следует скорбеть о том, сколь жестоко ее произвол свирепствовал в стенах города, до основания разрушая его и уничтожая. Если бы ожил кто-то из древних обитателей Рима, он подтвердил бы, что встретил в нем совсем других людей, ведь облик города и сама земля изменились здесь настолько, что тот человек не узнал бы почти ничего из ранее бывшего в Риме. По воле Фортуны меняются царства, рушатся империи, исчезают народы, переселяются люди (ведь разум человека, всегда стремящийся к новизне, переменчив), поэтому нет ничего странного в том, что все в мире повинуется ее власти. Так и постройки этого города, общественные и частные, которые, казалось, готовы были спорить с самим бессмертием, либо сожжены, либо обрушились и пали; остались лишь

немногие руины, которые хранят прежнее величие, как если бы Фортуна была не в силах их уничтожить.

Повергают в изумление могущество и непостоянство Фортуны, уничтожившей до основания даже сами громады зданий: их творцы считали, что эти постройки смогут выдержать удары судьбы — но от них остались лишь ничтожные руины. Мир не видел более величественных сооружений, чем стоявшие в городе здания, храмы, портики, термы, театры, акведуки, рукотворные гавани, дворцы, уничтоженные самой судьбой, — как много было здесь великолепных построек, от которых не осталось ни следа или сохранилась лишь ничтожная часть» (рис. 1).

«Ты по праву сетуешь, Поджий, — сказал я — на несправедливость Фортуны, которая бесчинствует в этом городе и приносит одни разрушения. Когда я осматриваю и изучаю памятники Рима, мне приходится не только восхищаться ими, но и скорбеть о том, как мало осталось зданий, прежде стоявших в этом великом городе, насколько они изуродованы и повреждены. Ведь от всех как общественных, так и частных построек некогда свободного города до наших дней сохранились лишь отдельные и редкие следы.

На Капитолии можно видеть два яруса аркад, ставших частью новых построек: в наше время здесь находятся общественные соляные склады. В них есть надпись, весьма древняя, к тому же разъеденная соляными парами: «Квинт Лутаций Катулл, консул, сын Квинта, внук Квинта, по решению Сената за строительством фундамента и табулария осуществлял надзор»: памятник этот достоин упоминания из-за своей древности¹⁸.

У Капитолия стоит гробница Гая Публиция, где погребен он сам и его потомки, воздвигнутая по решению Сената и по воле народа в знак доблести и чести¹⁹. Есть также мост через Тибр, ведущий к острову, весьма древняя постройка, которую, как свидетельствует надпись, воздвиг смотритель дорог Луций Фабриций, сын Гая, и одобрил консул [Марк Лоллий], сын Марка²⁰. Из другой надписи

¹⁸ Полный текст надписи Квинта Лутация Катулла (CIL 1².737): Q(uintus) Lutatius Q(uinti) f(ilius) Q(uinti) [n(emos)] Catullus co(n)sul / substructionem et tabularium / de s(enatus) sententia faciendum coeravit [ei]demque / pro[bavit]. Строительство Табулария, государственного архива, руины которого сохранились на склоне Капитолийского холма, относится к 78 г. до н. э.

¹⁹ Фрагмент гробницы Гая Публиция Бибула (конец III — начало II в. до н. э.) в настоящее время находится у подножия монумента короля Виктора Эммануила II в центре Рима. Текст надписи (CIL 1².834): C(aio) Policio L(ucii) f(ilio) Bibulo aed(ili) pleb(is) honoris / virtutisque caussa senatus consulto populique iusu locus / monumento quo ipse postereique / eius inferrentur publice datus est.

²⁰ Мост между левым берегом Тибра и островом Тибериной был построен Луцием Фабрицием в 62 г. до н. э. Текст надписей на мосту Фабриция (CIL

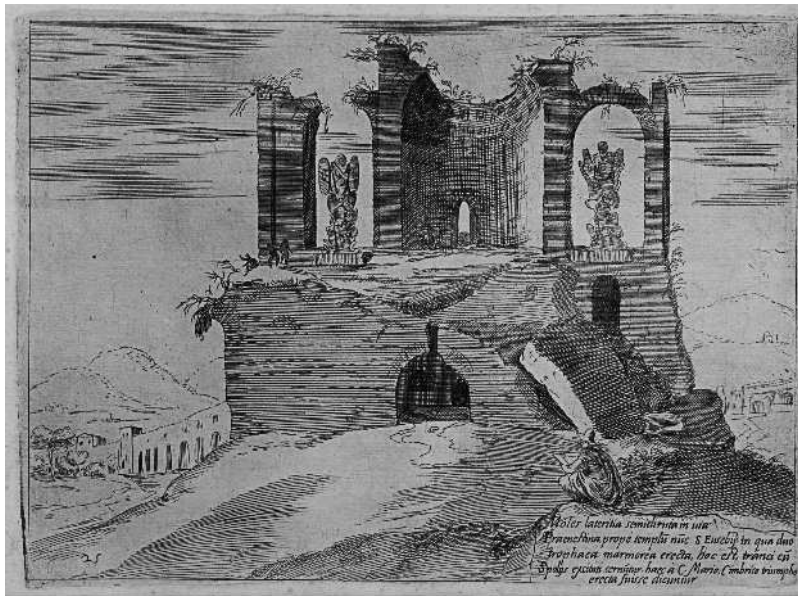

Рис. 2. Джованни Антонио Дозно. Трофей Мария. 1569

следует, что надзор за строительством арки из травертина, стоящей над дорогой между Авентином и берегом Тибра, по постановлению сената осуществляли и одобрили эту постройку консулы Публий Лентул Сципион и Тит Квинт Криспин.

Сохранился некий древний памятник, в наши дни называемый Кимброн, храм, построенный Марием на средства от военной добычи, захваченной у кимбров, где до сих пор можно видеть его трофей²¹ (рис. 2).

Частью городской стены близ Остийских ворот стала пирамида, благородная гробница Гая Цестия, септемвира эпулонов, строительство которой, согласно завещанию, было завершено за триста тридцать дней: об этом сообщает высеченная на пирамиде надпись²². Удивительно, что ученейший муж Франческо Петрарка в

VI.1305): L(ucius) Fabricius C(ai) f(ilius) cur(ator) viar(um) / faciendum coeravit / idemque / probavit // Q(uintus) Lepidus M(ani) f(ilius) M(arcus) Lollius M(arci) f(ilius) co(n)s(ules) ex s(enatus) c(onsulto) probaverun[t].

²¹ «Храм Мария» в средневековых текстах «Мирабилии Рима» называли нимфой на Эсквилинском холме, построенный при императоре Александре Севере (222–235 гг.). Гигантские скульптурные изображения трофеев в 1590 г. были перенесены на Капитолий и стали украшением ведущей на холм мраморной лестницы.

²² Пирамида, стоящая у Остийских ворот Аврелиановой стены, была воздвигнута

одном из своих посланий пишет, что это гробница Рема²³. Очевидно, следуя расхожим представлениям, он не изучил внимательно эту надпись, скрытую кустарником: те же, кто видел надпись после него, хотя и менее ученые, проявили большее усердие и ее прочитали» (рис. 3).

«Хвалю, — сказал Антоний, — твое усердие и внимание, Поджий, ведь эти надписи, как общественные, так и частные, найденные не только в городе, но и во многих местах за его стенами, ты собрал в небольшом томе и познакомил с ними тех, кто изучает науки».

«Что бы ни говорили другие, — ответил я, — ради общей пользы я старался дословно воспроизвести все, что сохранилось. Некоторые надписи, таившиеся среди зарослей кустарников и терна, я извлек из тьмы забвения, чтобы они стали известны другим, и даже если — как постоянно происходит — римляне уничтожат эти камни, память о начертанных на них строках не будет утрачена.

По несправедливости Фортуны до нашего времени сохранились лишь немногие из бесчисленных красот города, ныне повергнутого в рабство. Что сказать мне о величии построек более поздних времен, также претерпевших подобное бедствие? Можно вспомнить и другие замечательные сооружения, которые императоры и правители города по своему почину и с большими затратами воздвигли как для общественного, так и для частного пользования.

Божественного Августа прославляли за то, что, приняв город кирпичным, он оставил его мраморным²⁴. По совету Августа его зять Агриппа, а также Азиний Поллион, Планк, Корнелий Бальб и другие сподвижники императора украсили Рим многими зданиями, сам же он не добавил своего имени ни к одной из этих построек²⁵. Имя Августа высечено только на Пантеоне, выдающейся постройке Марка Агриппы (в его портике кровля, балки и брус были не деревянными, но бронзовыми), и на арках из травертина между Палатином и Тибром — другие надписи исчезли, уничтоженные жестокостью Фортуны.

между 18 и 12 гг. до н. э. как усыпальница Гая Цестия, римского магистрата и члена коллегии эпулонов, устроителей священных трапез (от *lat. epulae* — пир). Текст надписи (CIL VI.1375): C(aius) Cestius L(ucii) F(ilius) Pob(lilia) Epulo p(raetor) tr(ibunus) pl(ebis) / VII Vir Epulonum. // Opus absolutum ex testamenti diebus CCCXXX / arbitrato / Ponti P(ublii) F(ili) Cla(udia) Melae heredis et Potli l(iberti).

²³ *Франческа Петрарка*. Книга писем о делах повседневных. VI, 2. Письмо к Иоанну Колонне, монаху Ордена проповедников // Петрарка Ф. Эстетические фрагменты / Пер. В.В. Вибихина. М., 1982. С. 103.

²⁴ *Suet. Div. Aug.* 28, 3.

²⁵ *Ibid.* 29, 4.

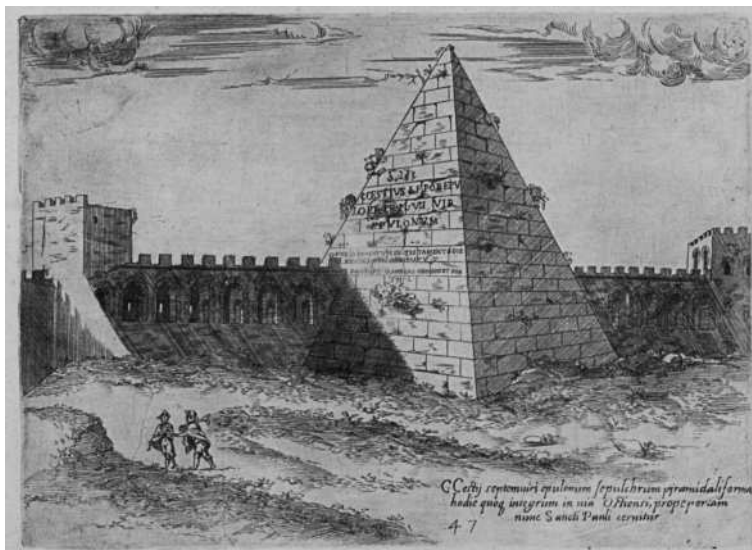

Рис. 3. Джованни Антонио Дозио. Пирамида Гая Цестия Эпулона. 1569

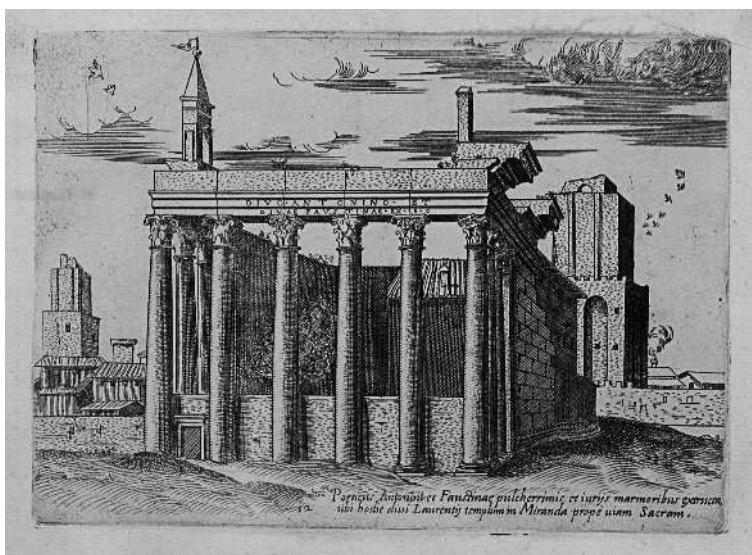

Рис. 4. Джованни Антонио Дозио. Храм Антонина и Фаустины на Римском форуме. 1569

Город был полон храмов, святилищ, алтарей богов и богинь, которых почитали его граждане, преданные ложным верованиям, — но лишь от малой части этих построек сохранились некие следы. Я видел дошедшие до наших дней три аркады храма Мира, который некогда воздвиг божественный Веспасиан: они возвышаются над огромными руинами других арок — всего же их было шесть²⁶. Из многих колонн удивительных размеров здесь стоит только одна мраморная колонна, другие колонны разбиты или погребены под руинами храма. Рядом с ним, против Капитолия, — храм Ромула, ныне освященный в честь Космы и Дамиана²⁷: часть его древней стены, построенной из каменных блоков, являет собой поразительное зрелище²⁸. Неподалеку стоит храм Антонина и божественной Фаустины, ныне посвященный святому Лаврентию — многие мраморные колонны его портика избежали гибели²⁹ (рис. 4). У Священной дороги на возвышенности находятся почти совсем разрушенные остатки двойного храма Кастора и Поллукса — один храм обращен на запад, другой на восток (теперь эту постройку называют Марией Новой)³⁰. Некогда в этом прославленном месте собирался Сенат. Признаюсь, я часто возвращался к этим руинам и, погруженный в задумчивость, мысленно представлял те времена, когда в храме оглашались постановления Сената или возносили молитвы Луций Крассе, Гортензий или Цицерон.

²⁶ Руинами храма Мира, по преданию, разрушенного в день Рождества Христова, называли остатки грандиозных конструкций базилики Константина и Максенция (308–312 гг.), самого большого здания из когда-либо воздвигнутых на Форуме.

²⁷ Храм Ромула в 307 г. построил император Максенций в честь своего сына Валерия Ромула. В 526–527 гг. император остготов Теодорих передал здание папе Феликсу IV, который освятил на Форуме первую христианскую церковь во имя святых Космы и Дамиана.

²⁸ В 1562 г. в ходе раскопок, предпринятых на территории храма Космы и Дамиана, было найдено более тысячи фрагментов Мраморного плана Рима, помещенного на этой стене в правление императора Септимия Севера. Часть этой находки принадлежала Джованни Антонио Дозио.

²⁹ Император Антонин Пий построил на Форуме храм в память о своей жене, императрице Фаустине, умершей в 141 г. После кончины Антонина Пия в 161 г., храм посвятили памяти обоих супругов. В VIII в. на его территории была освящена церковь Святого Лаврентия, получившая прозвание «ин Миранда» (итал. *San Lorenzo in Miranda*). В середине XV в. небольшая церковь примыкала к стене храма, десять коринфских колонн обрамляли пространство ее двора.

³⁰ Поджо Брачоллини принимает за храм Диоскуров руины храма Венеры и Ромы, построенного при императоре Адриане в 135 г. Храм имел две целлы, обращенные на запад и на восток, которые на гравюрах XVI в. именовали храмами Солнца и Луны. В 847–853 гг. Папа Лев IV освятил среди руин храма Венеры и Ромы Новую церковь Святой Марии (итал. *Santa Maria Nuova*).

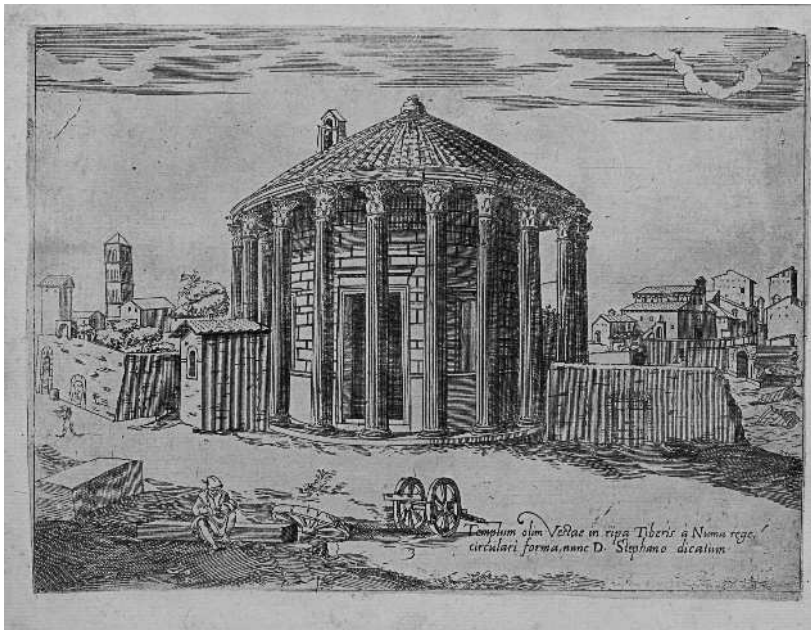

Рис. 5. Джованни Антонио Дозио. Храм Геркулеса на Бычьем форуме. 1569

У подножия холма Авентина на берегу Тибра сохранился круглый храм Весты, не имеющий стен, но опирающийся только на тесно стоящие колонны³¹ (рис. 5). Остатки храма Минервы можно видеть там, где ныне находится обитель проповедников, поэтому и само место носит имя Минервы³². Рядом с храмом я видел громадный засыпанный щебнем портик: ныне его раскапывают, чтобы отыскать и пережечь на известь камни, так что множество колонн лежит на земле. Неподалеку от портика есть возлежащая статуя — ее голова с неповрежденным лицом так велика, что превосходит в городе все подобные изображения³³. Некий человек выкопал эту статую, когда рыл яму для посадки деревьев, но поскольку мно-

³¹ Храмом Весты в XV–XVI вв. называли круглый храм Геркулеса на Бычьем форуме, построенный в конце II века до н. э.

³² Поджо Браччолини говорит о храме Минервы, стоявшем на Марсовом поле близ Пантеона, о котором упоминает Плиний Старший (*Plin. NH VII, 45–46*). В VIII в. среди его руин построили оракторий, освященный во имя Пречистой Девы Марии. В XIII в. на территории «у Минервы» был основан доминиканский монастырь. В 1280–1370 гг. в нем была воздвигнута базилика Святой Марии «над Минервой» (*ital. Santa Maria Sopra Minerva*), созданная по образцу доминиканской церкви Санта Мария Новелла во Флоренции.

³³ Рядом с храмом Минервы на Марсовом поле стояли храм Исиды и храм Сераписа, руины которых сохранялись до XVI в. Здесь были найдены египетские

гие люди день за днем приходили на нее посмотреть, хозяин сада, которому безмерно надоели шум и суэта, насыпал над ней земляной холм.

У самого Капитолия против Форума сохранился портик храма Конкордии, исключительно красивая постройка из мрамора³⁴. Впервые приехав в город, я видел ее почти сохраненной, но затем римляне разрушили весь храм и часть портика, а также разбили его колонны, чтобы добыть известь. Против него стоял храм Теллус, от которого не осталось никаких следов; неправильно произнося «Tellumen» вместо «Tellure», его называют: «Спаситель в Теллумине»³⁵.

Некоторые полагают, и это мнение недалеко от истины, что храм Сатурна был рядом с Форумом: его называют Этариум Приска, и ныне он посвящен понтифику Адриану³⁶. До сего дня там, где был рыбный рынок, стоит благородный портик храма Меркурия; согласно нашему обряду, этот храм был освящен в честь архангела Михаила³⁷. Храм Аполлона в Ватикане, стоящий рядом с базиликой Святого Петра, также превращен в место почитания Бога и хранит нашу веру³⁸. У отрогов Тарпейской крепости против Авентина можно видеть древнейший храм с необыкновенным сводом из травертина, который в наши дни называют храмом Николая в Статере³⁹. По сходству слов некоторые считают, что здесь стоял храм Юпитера Стато-

---

обелиски и колоссальные статуи — аллегории речных богов Нила (Ватиканские музеи) и Тибра (Лувр), об одной из которых рассказывает автор.

³⁴ В XV–XVI вв. храмом Конкордии называли руины храма Сатурна на Римском форуме. В IV в. при реставрации храма в его портике были поставлены колонны, перенесенные с форума Траяна. Надпись на архитраве гласит: «Сенат и Римский народ уничтоженное пожаром восстановил».

³⁵ Храм богини Теллус (*лат.* Tellus, *род. п.* Telluris) стоял в районе Карин у подножия Эсквилина. Название несохранившейся церкви Святого Спасителя (*лат.* Saluator in Tellude) упоминает Франческо Альбертини (Opusculum de Mirabilibus novae et veteris Urbis Romae. Romae, 1510, P. МПV).

³⁶ Церковь Святого Адриана на Римском форуме была освящена в 630 г. в здании Курии, постройке времени императора Диоклетиана (284–305), воздвигнутой на месте Древней Курии. Этариум Сатурна находился у подножия Капитолийского холма.

³⁷ Церковь Святого Ангела на Рыбном рынке (*итал.* Sant'Angelo in Pescheria), известная с VIII в., была построена в Портике Октавии.

³⁸ Храмом Аполлона в «Мирабилных Рима» именуют мавзолей императора Гонория в Ватикане, куда в 757 г. были перенесены мощи святой Петрониллы. Круглую постройку церкви Святой Петрониллы можно видеть на гравюрах с изображением собора Святого Петра.

³⁹ Поджо Браччолини говорит о церкви Святого Николая «в Туллиевой тюрьме» (*итал.* San Nicola in Carcere Tulliano), построенной в VI в. среди руин Овощного рынка, которые в Средние века ошибочно считали остатками тюрьмы цари Сервия Туллия.

ра, но это не соответствует истине. Ведь Ливий указывает, что храм Юпитера Статора по обету был заложен и построен у подножия Палатина⁴⁰. От храма Юноны Луцины не сохранилось ничего, кроме памяти о его названии: в наши дни на месте храма построена церковь мученика Лаврентия, носящая имя «Луцина»⁴¹.

Мы узнали, что в Риме было семь общественных бань («постройки общественных бань, подобные провинциям», как пишет Марцеллин⁴²). Ныне они лишены украшений и выглядят иначе: ничто больше не напоминает о том, что некогда бани были предназначены для отдыха. Громадные руины терм Диоклетиана и Антонина Севера, сохранившие до наших дней имена своих основателей, как и другие неразрушенные постройки терм, поражают своими размерами всех, кто их видит. Нас не может не удивлять, что для столь ничтожных целей строились подобные величественные здания, украшенные множеством колонн и поразительным убранством из многоцветного мрамора. Не менее великолепны остатки терм Константина на холме Квиринале. О том, что эта постройка принадлежала Константину, свидетельствует надпись, сообщающая, что термы отремонтировал Петроний Перенна, префект города.

Термы Домициана, от которых сохранились немногочисленные развалины, были построены в том районе города, где сейчас стоит церковь Сильвестра, о чем я нашел запись в «Жизнеописании понтификов». Тьма забвения не оставила никаких определенных следов от этого сооружения, и прошедшие века настолько стерли из памяти всякое упоминание об этих термах, что нам остается только гадать, где они могли находиться, хотя на их постройку было потрачено немало средств и материалов. Помню, я прочел в «Деяниях мучеников», что сто сорок тысяч христиан многие годы были принуждаемы трудиться как рабы на строительстве терм Диоклетиана, злейшего врага нашей веры.

Насколько мне известно, не сохранилось точных сведений о том, каково было число триумфальных арок; однако, зная, сколь

⁴⁰ *Liv.* I, 12, 5-6; *Ovid. Trist.* III, 1, 32; *Ovid. Fast.* VI, 794.

⁴¹ Церковь Сан Лоренцо ин Лучина (*итал.* San Lorenzo in Lucina) на месте дома римской матроны Луцины, где творил чудеса святой Лаврентий, была построена на рубеже IV-V вв. в районе Колонна (названному по колонне Марка Аврелия Антонина) неподалеку от Виа дель Корсо. Поджо Браччолини ошибочно связывает название церкви с эпитетом богини Юноны Луцины, храм которой, построенный в 375 г. до н. э., находился в священной роще (*лат.* lucus) на Эквилине (*Varro. De Lingua Latina.* V, 49-50; *Plin.* NH XVI, 235; *Ov. Fast.* II, 435-436; III, 245-246).

⁴² *Amm. Marc.* XVI, 10, 14.

многим императорам и другим римлянам воздавались почести, можно предположить, что подобных арок было немало⁴³. В наши дни в городе стоят арки, на которых сохранились имена Септимия Севера, Тита Веспасиана и Константина (рис. 6). Рядом с Комицием находится часть некой замечательной постройки Нервы Траяна, на которой вырезана надпись, гласящая, что это арка Траяна⁴⁴ (рис. 7). Две арки поставлены над Фламиниевой дорогой: надпись на одной из них почти уничтожена, на другой сильно повреждена. Стоящую рядом с церковью Лаврентия в Луцине первую арку, на которой много мраморных изображений, в память о победе над тремя городами (в прошлом, как сообщают, об этом свидетельствовала древняя надпись), в наши дни в просторечии называют «Триполи»⁴⁵. Название же другой арки, на которой уцелело совсем немного букв и сохранились древние мраморные рельефы, избежавшие, к моему изумлению, варварского уничтожения, полностью утрачено⁴⁶. Кроме того, на Номентанской дороге есть арка, посвященная принцепсу Галлиену, на что указывает надпись⁴⁷. Я читал также надпись на арке, которую язычники посвятили в Большом цирке Титу Веспасиану после его победы над иудеями и разрушения Иерусалима⁴⁸.

⁴³ Согласно «Хронографу 354 года», в середине IV в. в Риме стояло 36 мраморных триумфальных арок; в текстах «Мирабилий Рима» XII в. упомянуто 12 триумфальных арок.

⁴⁴ Фрагмент фасада храма с надписью времени императора Нервы Траяна изображен на гравюрах по рисункам Дж.А. Дозио (1565, 1569) и Этьена Дюперака (1575).

⁴⁵ Триумфальная арка II в. н. времени Антонинов, представленная на многих планах Рима XVI в., была разобрана в 1662 г. при реконструкции улицы Корсо. Флавио Бьондо принял изображения на мраморных рельефах этой арки (ныне хранящихся в собрании Капитолийских музеев) за сцены из жизни Домициана. По мнению Бьондо, название арки «Трифали» произошло от искаженного слова «триумфальная» (Воссозданный Рим. М., 2020. С. 186). В XVI–XVII вв. арку называли также Португальской, т. к. она находилась рядом с дворцом Претти-Фиано, резиденцией посла Португалии.

⁴⁶ Возможно, речь идет о разрушенной арке императора Клавдия, построенной над Виа Лата в честь победы над Британией в 51–52 гг. и ставшей частью акведука Девы.

⁴⁷ Арка императора Галлиена, ныне примыкающая к средневековой церкви Святого Вита, была построена в середине III в. на месте древних Эсквилинских ворот у рынка Ливии.

⁴⁸ В Большом цирке стояла арка Веспасиана и Тита, надпись на которой в IX в. скопировал составитель «Итинерария» из Эйнзидельне (Codex Urbis Romae topographicus. Wirceburgi, 1871. P. 63). Как и дошедшая до наших дней арка Тита на Римском форуме, она была поставлена в память о взятии Иерусалима в 70 г. и триумфе Веспасиана и Тита Флавиев.

Рис. 6. Джованни Антонио Дозио. Триумфальная арка императора Тита. 1569

Юлий Фронтин (книгу которого, забытую и утраченную, я недавно отыскал в монастыре Кассино⁴⁹) сообщает, что в городе было девять акведуков: Аппиев, Старый Аниен, Марциев, Тепула, акведук Юлия, акведук Девы, Алсиетина, акведук Клавдия, Новый Аниен: их строительство потребовало столь многих затрат и такого удивительного искусства, что Юлий, которого, по его словам, Нерва назначил смотрителем водопроводов, сравнивал их с египетскими пирамидами.

Новый Аниен, идущий от 62 мили, акведук Клавдия протяженностью в 44 мили, акведук Марция, начинающийся от 36 мили с помощью арочных конструкций были проведены в Рим над холмами: одни возвышенности срыли, в других прорубили каналы. В наши дни вода течет в город только по одному акведуку Девы, берущему начало от восьмой мили. Другие акведуки стали непригодными и обрушились; некоторые из них сравнились с землей и настолько утратили форму, что невозможно даже предположить, где они проходили. Сохранились остатки самого величественного из акведуков: проведенный в город божественным Клавдием до самого холма Целия, он получил название Целимонтанский. Также можно видеть акведук, который от основания восстановили Септимий Север и Марк Аврелий Антонин Пий, когда он обрушился от времени и получил многочисленные повреждения, о чем сообщает надпись, высеченная на мраморной таблице.

Мы нашли упоминания о театрах и амфитеатрах, созданных в городе для общественных игр. Прекраснейшим из всех считали амфитеатр, находившийся в центре Рима, — в просторечии его называли Колизеум. Его построил из травертина божественный Веспасиан, но большую часть этого амфитеатра римляне по невежеству пережгли на известь. Фрагмент другого театра, который, как сообщают, в древности задумал построить Гай Юлий Цезарь, сохранился между Тарпейским холмом и Тибром, где в наши дни находится рынок⁵⁰. Напротив, через улицу, стоят многочисленные мраморные колонны: предполагают, что это часть портика храма

⁴⁹ Среди латинских рукописей, найденных Поджо Браччолинии в библиотеке монастыря Монте-Кассино, был трактат Секста Юлия Фронтина (ок. 30–103) «О водопроводах города Рима».

⁵⁰ Строительство театра у Тарпейской скалы в 13 г. до н. э. завершил Октавиан Август. Он посвятил театр памяти своего рано умершего племянника Марцелла. В Средние века руины театра Марцелла были превращены в крепость. В начале XVI в. архитектор Вальдассаре Перуцци построил палаццо Савелли, фундамент которого утверждён над сценой и большей частью помещений античного театра.

Рис. 7. Джованни Антонио Дозио. Форум императора Нервы. 1569

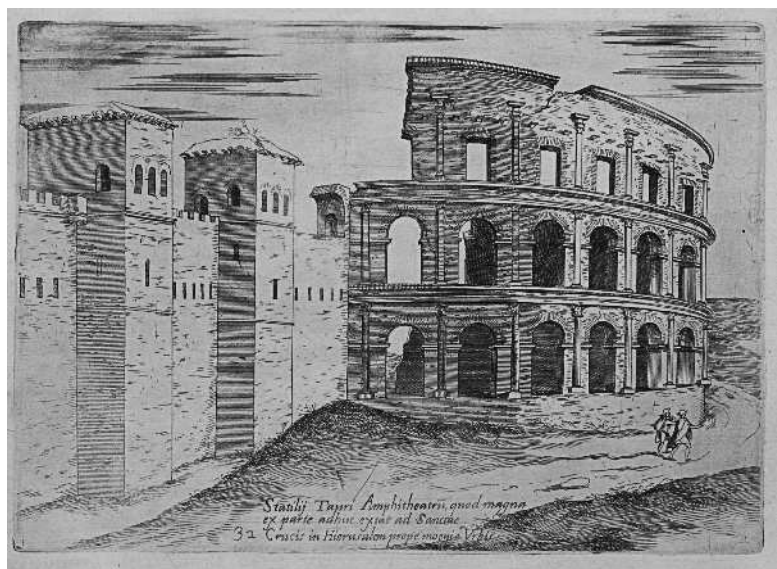

Рис. 8. Джованни Антонио Дозио. Руины амфитеатра у стены Аврелиана. 1569

Юпитера⁵¹. Фрагмент здания театра, имевшего круглую форму, занимают новые постройки, среди них разбиты сады. Третий амфитеатр, построенный из кирпича, находится у церкви, носящей имя «Иерусалим»: в позднейшие времена он был превращен в укрепление и стал частью городских стен⁵² (рис. 8). Есть также обширное пространство, вмещающее толпу (в наши дни его называют Агон), созданное для зрелищ и травли зверей, где и в наши дни римляне ежегодно устраивают игры, хотя и более примитивные⁵³. Место Большого цирка, в котором некогда устраивали великолепные зрелища, ныне отведено под огороды⁵⁴. Мы прочли, что здесь стояла триумфальная арка Тита Веспасиана, от которой мало что оставило время.

Фрагменты театра Помпея (их также занимают частные постройки) сохранились неподалеку от площади, которую называют Цветочным полем⁵⁵. На то, что именно здесь стоял театр, по моему мнению, указывают некие надписи, найденные в разрушенном портике среди колонн, недавно выкопанных из земли. Одна не полностью сохранившаяся надпись обращена к Гению театра, восстановленного неким префектом Города⁵⁶; другая надпись, составленная от имени префекта Города Симмаха, посвящена августу Гонорию. В прошлом это место называли театром Помпея, но невежество римлян, принимающих ложное за истинное, отвергает свидетельство этих слов.

⁵¹ Рядом с театром Марцелла стоял портик, носивший имя сестры Августа Октавии, воздвигнутый в 27–23 гг. до н. э.: в нем хранилось собрание рукописей и произведений искусства. Портик объединял два храма, Юпитера Статора и Юноны, построенные в 146 г. до н. э. (*Plin.* NH XXXVI, 42–43).

⁵² В первой четверти III в. при императорах из династии Северов на Эсквiline был создан архитектурный комплекс, получивший название Сессорий, и амфитеатр, позднее ставший частью укреплений стены Аврелиана. В XII в. в этом месте построили базилику Святого Креста в Иерусалиме (*итал.* Santa Croce in Gerusalemme), где хранятся реликвии, привезенные из Иерусалима святой Еленой.

⁵³ Современная площадь Навона, название которой восходит к древнегреческому слову *ἀγών* — состязание, сохранила очертания стадиона, построенного на Марсовом поле императором Домицианом.

⁵⁴ Большой цирк в долине между Палатинским холмом и Авентином, по преданию, построил царь Тарквиний Древний ок. 500 г. до н. э. (*Liv.* I, 35, 8).

⁵⁵ Театр Помпея, первый каменный римский театр, был построен в 55 г. до н. э. в том районе Марсова поля, где в Средние века возникла площадь Поле цветов (*итал.* Campo de' Fiori). Память о руинах театра хранят названия улицы «Расписных гротов» и церкви Святой Марии (*итал.* Santa Maria di Grotta Pinta).

⁵⁶ Флавио Бьондо сообщает, что эту надпись юрист Анджелико Понтано нашел в своих владениях при строительстве винного погреба (Воссозданный Рим. М., 2020. С. 242).

Рис. 9. Джованни Антонио Дозио. Колонна императора Траяна. 1569

Во многих исторических книгах упомянуты гробницы как простых граждан, так и императоров. Мавзолей, основанный божественным Августом и им же воздвигнутый между Фламиниевой дорогой и берегом Тибра, украшали два обелиска⁵⁷; громадная постройка божественного Адриана и божественной Сабины высилась за мостом, который Адриан также назвал своим именем⁵⁸. Первый мавзолей обращен в руины и засажен виноградниками, хотя этот памятник, построенный наподобие горы, сохранил имя своего основателя (ныне эту постройку называют «Августа»). Другой мавзолей обычно именуют замком Ангела, хотя над воротами есть полностью сохранившаяся надпись с названием этого памятника⁵⁹. Несправедливость римлян сильно разрушила эту постройку: они бы наверняка уничтожили ее до основания, и однажды постановили это сделать, но, хотя их руки пробили в стенах дыры и растащили глыбы камней, громада мавзолея сумела выстоять.

Поразительное зрелище являют созданные из мрамора грандиозные спиральные колонны Траяна и божественного Антонина Пия — удивительные гробницы, достигающие небес, на которых изваяны деяния их основателей⁶⁰. Первая из них отчасти сохранила надпись, на другой не осталось никаких букв (рис. 9).

Близ Аппиевой дороги у второго мильного камня я видел гробницу Квинта Цецилия Метелла⁶¹, выдающуюся постройку, не тронутую столькими веками: позднее большую часть ее пережгли на известь (рис. 10). На Остийской дороге, у второго мильного камня,

⁵⁷ *Suet. Div. Aug.* 100, 4. Мавзолей Августа, ставший усыпальницей рода Юлиев, был построен в 28 г. до н. э. в северной оконечности Марсова поля. Перед ним стояли два равнобедренных обелиска, позднее упавшие и занесенные землей. В 1527 г. обелиски были найдены: при Папе Сиксте V в 1587 г. один из них установили на площади за абсидой базилики Санта Мария Маджоре. В 1786 г. Папа Пий VI поставил второй обелиск перед Квиринальским дворцом между статуями Диоскуров.

⁵⁸ *Hist. Aug. Adrian.* XIX, 11. Строительство мавзолея на правом берегу Тибра было начато в 134 г. и завершено в 139 г., после смерти императора Адриана. Во II в. в мавзолее были похоронены императоры из династии Антонинов и члены их семей.

⁵⁹ Название «замок Святого Ангела» связано с событиями 590 г., когда, согласно преданию, во время церковной процессии, призванной остановить эпидемию чумы, папа Григорий Великий увидел на вершине мавзолея архангела Михаила, вкладывающего меч в ножны.

⁶⁰ Колонна Траяна поставлена в 113 г. в честь победы над даками. В юго-восточной стене пьедестала сохранился вход в прямоугольную камеру, где, возможно, находилась урна с прахом императора. Колонна Марка Аврелия Антонина была воздвигнута между 176 и 192 гг. в честь победы императора над германскими племенами маркоманов.

⁶¹ Гробница на Аппиевой дороге была построена ок. 50 г. до н. э. для Цецилии Метеллы, дочери консула Квинта Цецилия Метелла Кретика.

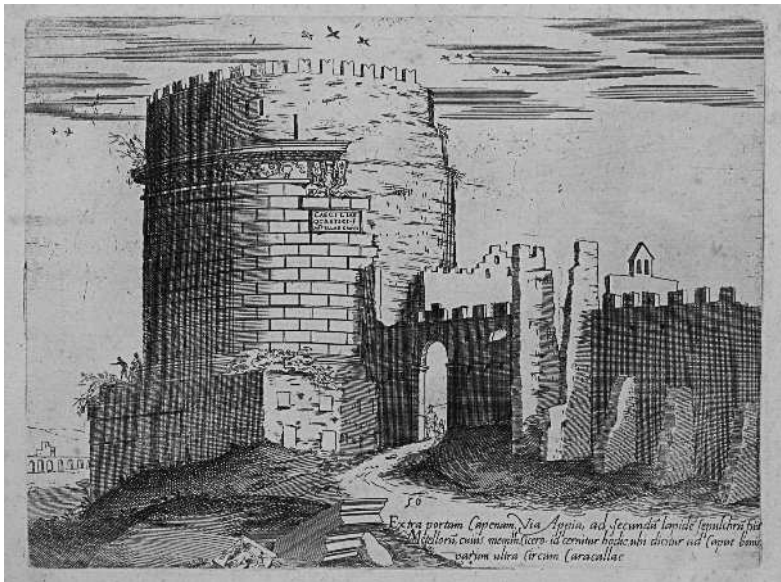

Рис. 10. Джованни Антонио Дозио. Мавзолей Цецилии Метеллы. 1569

рядом с Тибром до сих пор стоит неразрушенная гробница Марка Антония Люпа с примечательной надписью, посвященной его выдающимся деяниям: она составлена из трех положенных друг на друга громадных каменных плит⁶².

Кроме того, есть пирамида в Ватикане, подобное горе величественное сооружение, лишенное всяких украшений⁶³. Что сказать об обелисках, о которых упоминает Плиний, говоря, что они с великим трудом были привезены из Египта? Город сохранил один из них, стоящий в Ватикане: он воздвигнут Гаем Цезарем Калигулой и посвящен божественному Августу и божественному Тиберию⁶⁴ (рис. 11). Я видел и другой обелиск, немного меньше, покрытый изображениями разных зверей и птиц, которые древние египтяне использовали как буквы: расколотый на четыре части, он лежит на

⁶² СР VI 1343. Надпись на гробнице Марка Антония Люпа представлена на гравюре Антонио Лафрери (1551).

⁶³ Ватиканская пирамида, которую называли «гробницей Ромула», стояла у мавзолея Адриана и была разрушена в начале XVI в. при реконструкции района Борго.

⁶⁴ Плиний указывал, что в 37 г. н. э. по решению императора Калигулы в центре стадиона на Ватиканском холме был установлен обелиск, привезенный из Александрии (*Plin.* NH XXXVI, 69–70.). На миниатюрах и фресках XV в. он изображен стоящим слева от старого собора Святого Петра. В 1586 г. обелиск был перенесен и установлен в центре площади Святого Петра.

ишподроме у Аппиевой дороги⁶⁵. Существуют и другие фрагменты некогда поставленных в Городе обелисков, один на Капитолии⁶⁶, другой в том районе, который в наши дни именуют «Пиния»⁶⁷: остальные обелиски разбиты и полностью преданы забвению.

Хотя это может показаться менее важным, все же меня поражает то, о чем я хочу рассказать. Из почти неисчислимого ряда колоссов и статуй, как мраморных, так и бронзовых, созданных в честь выдающихся мужей (ведь то, что были расплавлены серебряные и золотые статуи, удивляет меньше), не говоря уже о различных памятниках, поставленных в общественных местах, чтобы наслаждаться красотой и мастерством исполнения этих статуй, до нас дошло только пять мраморных колоссов⁶⁸. Четыре колосса находятся в термах Константина: два — работы Фидия и Праксителя — стоят рядом с конями⁶⁹, два возлежат⁷⁰. Пятый колосс можно видеть на форуме Марса — эту статую в наши дни именуют «Марс форума»⁷¹. Сохранилась только одна бронзовая позолоченная статуя, стоящая у Латеранской базилики и посвященная Септимию Северу. Возможно, этот памятник был главным свидетелем происходивших в городе сражений, если кому-либо известно их число⁷².

⁶⁵ Цирк Максенция на Аппиевой дороге был построен в начале IV в.: его украшением стал псевдоегипетский обелиск, созданный в 80 г. по заказу императора Домициана для храма Исиды на Марсовом поле. В 1648–1649 гг. расколотый обелиск отреставрировали и водрузили на площади Навона в центре фонтана Четырех рек работы Джованни Лоренцо Бернини.

⁶⁶ Египетский обелиск, стоявший на Капитолии неподалеку от церкви Санта Мария ин Арачели, изображен на рисунках Мартена ван Хемскерка (1532–1535). В настоящее время фрагмент этого обелиска находится в саду виллы Челимонтана.

⁶⁷ В районе Пинии, названном по стоявшему у Пантеона античному фонтану в форме бронзовой сосновой шишки, в древности стояли египетские обелиски храмов Исиды и Сераписа. Один из них, найденный в 1373 г. у церкви Сан Макуто, в 1711 г. был установлен перед Пантеоном, став центром фонтана работы Джакомо дела Порта.

⁶⁸ Согласно перечню памятников Рима из «Хронографа 354 г.», в городе насчитывалось 80 золотых изображений богов, 77 статуй из слоновой кости, 22 конные статуи.

⁶⁹ Статуи укротителей коней Диоскуров в 1558 г. были перенесены на площадь Пьяцца дель Квиринале; на их постаменте до сих пор вырезаны надписи: «Opus Praxiteli» и «Opus Fidae».

⁷⁰ В 1517 г. мраморные статуи речных божеств перенесли на Капитолий и ок. 1552 г. установили перед Дворцом Сенаторов, который был построен по проекту Микеланджело.

⁷¹ Колосс Марфорно, аллегорическое изображение возлежащего морского бога, прозванное «Марсом с форума», находится в собрании Капитолийских музеев.

⁷² Поджо Браччолини говорит о конной статуе императора Марка Аврелия, которую в Средние века считали изображением императора Константина Великого. В 1538 г. статуя была перенесена на Капитолий, где стала центром ансамбля

Рис. 11. Джованни Антонио Дозио. Ватиканский обелиск на фоне строящегося собора Святого Петра. 1569

Тяжелее всего и не менее удивительно осматривать вот этот Капитолийский холм, некогда главу Римской империи⁷³: перед ним трепетали все цари и правители, на него восходили во время триумфа все императоры — украшенный дарами и трофеями стольких народов, некогда цветущий, зеркало всего мира, ныне он разрушен, опустошен и утратил свое предназначение: те места, где заседали сенаторы, оплетены виноградными лозами, и весь холм покрыт навозом и грязью⁷⁴.

Взгляни на Палатинский холм, посетуй на Фортуну и здесь. В том месте, где Нерон после пожара Города украсил свой дом военными трофеями, свезенными со всего мира, и произведениями искусства, захваченными благодаря могуществу империи, где леса, озеро, обелиски, портики, колоссы и театры из многоцветного мрамора вызывали восхищение всех, кто их видел, Фортуна разорила все настолько, что не оставила от этих сооружений никаких следов, и о них нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что здесь лежат пустынные руины⁷⁵.

Прославленный Форум, где свершалось правосудие и оглашались законы, куда народ собирался на совет, знаменитое место города, где перед Комицием избирали магистратов, по злобному умыслу Фортуны превращено в пустошь: тут — рынок, где торгуют свиньями и быками, там выращивают овощи⁷⁶. Сохранилась часть стен Комиция, примечательной постройки, на вершине которой до сих пор стоят два мраморных изображения мужей, облаченных в тоги.

Неподалеку от спиральной колонны Траяна есть не менее замечательные остатки стен (это место называют Святым Василием)⁷⁷. Я считаю, что здесь был форум Траяна, «единственная под небом постройка», как пишет Аммиан Марцеллин, отметивший, что на

Капитолийской площади, созданной по проекту Микеланджело. В настоящее время статуя хранится в Капитолийских музеях, на Капитолии установлена ее копия.

⁷³ Название Капитолийского холма античные авторы возводили к латинскому слову *caput* — голова (*Varro. De Lingua Latina. V, 7*).

⁷⁴ Ср. у Флавио Бондо: «Стыд и позор начинать наш рассказ с Капитолия и говорить, насколько он заброшен» (Воссозданный Рим. М., 2020. С. 151).

⁷⁵ Автор считает руины на Палатинском холме частью построек Золотого дома Нерона, построенного после Великого пожара Рима 64 г. (*Suet. Nero 31*), занимавших пространство между Палатином, Эсквилином, Квириналом и Целием.

⁷⁶ Бондо пишет о Римском форуме: «Как ни больно нам говорить об этом, в наши дни именно здесь, а не в каком-то другом месте по общественному установлению торгуют свиньями» (Воссозданный Рим. М., 2020. С. 213).

⁷⁷ Монастырь Святого Василия, основанный в IX в., стоял среди руин форума Августа, отделенного высокой стеной из травертиновых блоков от построек у подножия Эсквилина.

форуме, в центре внутреннего двора стоял бронзовый конь невероятной величины⁷⁸. И в наши дни величие этого пустынного места во многом превосходит все прочее: до сих пор здесь сохранились остатки благородного портика, который поддерживают громадные колонны⁷⁹.

Одним из наиболее известных памятников Города был мост, построенный Гаем Калигулой и соединивший Капитолий с Палатином. От него осталось только шесть мраморных колонн, три у подножия Капитолия, три — у Палатина⁸⁰. Хранит нашу веру постройка на Форуме, посвященная мученице Мартине: как свидетельствует высеченная в камне надпись, во времена Феодосия здесь находилось особое помещение для заседаний Сената — до сих пор его стены во многих местах украшают мраморные плиты с древними рельефами⁸¹.

Как не посетовать на то, что препятствует моим разысканиям: даже память о древних стенах города ныне полностью утрачена. Ведь стены Рима так сильно пострадали от многих бедствий и настолько разрушены до основания, что невозможно найти ни место, где они стояли, ни какие-то их руины. Те кирпичные стены, которые ты видишь, — это новые стены, построенные после восьмисотого года. Поскольку древние стены обрушились, первым строительство городских укреплений предпринял, но не закончил его, папа Адриан⁸², для этой цели собравший с жителей Этрурии сто фунтов золотом. Постройку стен завершили папа Григорий и дру-

⁷⁸ *Amm. Marc.* XVI, 10, 15.

⁷⁹ Колонны храма Марса Метителя на форуме Августа (2 г. до н. э.), сохранились до наших дней.

⁸⁰ Пождо Браччолини говорит о колоннах храма Диоскуров у Палатина и колоннах храма Веспасиана и Тита на Римском форуме. Это мнение, основанное на раскопке Светония о постройке императора Калигулы (*Suet. Cal.*, 22, 4), опровергает Андреа Палладио: «Были и такие, которые говорили, что эти колонны, вместе с колоннами, находящимися под Капитолием, составляли часть моста, который соорудил Калигула, чтобы проходить от Палатина на Капитолий; но это мнение оказывается весьма далеким от истины, ибо видно по украшениям, что эти колонны принадлежали двум различным зданиям» (*Палладио А. Четыре книги об архитектуре* / Пер. И.В. Жолтовского. М., 1938. Кн. IV. С. 68).

⁸¹ Базилика Святой Мартины на Римском форуме известна с VII в., на ее месте в 1635 г. была построена церковь Святых Луки и Мартины. Флавио Бьондо пишет: «Неподалеку от Святого Адриана есть церковь, которая в наши дни называется Святой Мартинелла: молва гласит, что она была построена в храме Марса... В той церкви есть высеченное в камне изображение отряда римских воинов, фигуры которых представлены в человеческий рост, а знаменосец держит как знак отличия императорское знамя» (*Воссозданный Рим*. М., 2020. С. 272).

⁸² Папа Адриан I (понтификат 772–792) предпринял масштабные работы по восстановлению стен Рима (791 г.).

гие понтифики, так что труд разных понтификов придал стенам различную форму.

Ливий сообщает, что после того как галлы сожгли город, были построены древние стены из квадратных каменных блоков⁸³. Дионисий Галикарнаский пишет, что протяженность стен составляла шестнадцать миль и вплотную к ним стояло так много частных построек, что лишь в редких местах можно было увидеть и рассмотреть сами укрепления. Ливий также указывает, что обычно частные дома тесно примыкали к городским стенам: поэтому не удивительно, что с разрушением зданий были уничтожены и укрепления. Из общей длины окружающих город стен я исключаю ту стену, которую понтифик Лев построил вокруг Ватикана⁸⁴. Общая протяженность городской стены составляла не менее десяти миль⁸⁵. Я тщательно измерил ее, пересчитал башни у каждых ворот и отметил расстояния между ними.

Число башен — 379. По свидетельству Плиния, ворот было 37, но в наши дни используют только 30, причем трое ворот — Портовые, Аврелия и Кассия — находятся в той части стены, которая стоит за Тибром. Трое ворот заложены и не используются, из них двое построены в древности. Одни находятся между Остийскими и так называемыми Аппиевыми воротами. По многим причинам я считаю, что некогда это были Капенские ворота, поскольку, как и на Остийских воротах, на них сохранилась надпись, свидетельствующая о том, что Аркадий и Гонорий восстановили стены, ворота и башни города⁸⁶. Другие ворота, стоящие между Латинскими и

⁸³ *Liv.* I, 44, 3. Традиция связывает постройку первых стен Рима с именем шестого царя Сервия Туллия (578–535/534 до н. э.). Стены Рима, отчасти сохранившиеся до наших дней, возведены императором Аврелианом в 271–275 гг. н. э. Как и Флавио Бьондо, в рассказе о стенах и воротах Рима Поджо Браччолини ошибочно связывает постройки времени Аврелиана с более ранними сведениями, заимствованными из книг римских историков.

⁸⁴ Папа Лев IV (понтификат 847–855) в 848–858 гг. окружил стеной территорию вокруг старого собора Святого Петра, незадолго до того разграбленного норманнами. По его имени стена получила имя Леонинской, и эту часть Рима стали называть Леонинским городом.

⁸⁵ Эта цифра несколько меньше той, которую приводит Флавио Бьондо. Он пишет: «Если мы захотим измерить границу города по обычаю нашего века, то ее протяженность вокруг всего Рима, а также районов Яникула и Ватикана, едва ли превысит четырнадцать миль». (Воссозданный Рим. М., 2020. С. 115).

⁸⁶ Древние Капенские ворота находились на Целии неподалеку от роши Камен. Их название носит современная площадь *Porta Capena* в Риме, рядом с которой в 1867 г. были обнаружены остатки Сервиевой стены. На гравюрах XVI–XVII вв., как и в книге Флавио Бьондо, Капенскими воротами названы Аппиевы ворота.

Ослиными воротами, утратили надпись⁸⁷. Третьи находятся между Тибуртинскими и Номентанскими воротами (которые в наши дни называют воротами Святой Агнессы). Неподалеку от них, против Номентанских ворот, стоят еще одни, четвертые ворота, соединенные с внешними укреплениями, благодаря которым длина стен возросла на 500 футов. Можно предположить, что даже после того как были разрушены древние стены, общая протяженность стены в этой части Города не стала меньше.

Трое древних ворот по эту сторону Тибра использовались с давних времен: Пренестинские, которые в просторечии зовутся Большими⁸⁸, Тибуртинские (ныне это ворота Святого Лаврентия)⁸⁹ и Номентанские ворота⁹⁰. Все другие ворота построены позже. Над Тибуртинскими воротами Август отремонтировал все акведуки; Марк Аврелий Антонин Пий восстановил акведук Марция, разрушив горы и пробив в них туннели; когда акведук Марция вышел из строя, его починил Веспасиан⁹¹. Над Пренестинскими воротами Тиберий Клавдий провел в город акведук Клавдия и Новый Аниен, позже Веспасиан, а затем Тит восстановили его, о чем напоминает высеченная на воротах надпись⁹².

Длина стены, идущей от Фламиниевых до так называемых Пинцианских ворот, составляет двадцать шесть футов. Эта стена, несомненно, построена в древности, но в более поздние времена утратила свои башни. Существуют очевидные доказательства того, что стены, которые стоят в наши дни, не являются древними: во многих

⁸⁷ Между Латинскими и Ослиными воротами стояли одни из малых ворот города, или потерна — ворота Метрония (*лат.* Porta Metronia), через которые не проходила ни одна из важных городских дорог. Они не имели укреплений и были заложены в 1122 г.

⁸⁸ Пренестинские ворота в Средние века получили название Больших (*итал.* Porta Maggiore) как ведущие к Великой базилике Святой Марии (*итал.* Santa Maria Maggiore).

⁸⁹ Тибуртинские, иначе, Эскивилинские или Бычьи ворота, стояли над Тибуртинской дорогой, ведущей в Тибур (совр. Тиволи). По именованию базилики Святого Лаврентия «за городскими стенами» (*итал.* San Lorenzo fuori le mura), построенной в VI в. на месте могилы мученика, они получили название ворота Святого Лаврентия.

⁹⁰ Номентанские ворота стояли над Номентанской дорогой, где в середине IV в. за городскими стенами была построена базилика Святой Агнессы (*итал.* Sant'Agnese fuori le mura), поэтому в дальнейшем их называли воротами Святой Агнессы.

⁹¹ Основой Тибуртинских ворот (*лат.* Porta Tiburtina) стала одна из монументальных арок акведука, воздвигнутая императором Августом в 5 г. до н. э. для трех акведуков, проходивших над Тибуртинской дорогой.

⁹² До строительства Аврелиановой стены две арки этих ворот были частью акведуков Aqua Claudia и Anio Novus, воздвигнутых в I в. н. э. императором Клавдием.

местах они включают в себя общественные и частные постройки и даже часовни, и на фундаментах древних руин воздвигнуты новые здания.

От Пренестинских ворот вместо стены на большое расстояние тянется акведук божественного Клавдия. Между Тибуртинскими и Номентанскими воротами стена на протяжении более чем мили обведена вокруг общественной постройки, площадь которой имеет форму квадрата (нынешние жители Рима называют ее «Писцина»⁹³); с трех сторон она отделана красивой черепицей, окрашенной в разные цвета.

У Фламиниевых ворот со стороны Тибра укрепления стали частью церкви⁹⁴; во многих местах можно видеть окошки и чиненые двери домов, которые заняли место прежних укреплений. Кроме того, есть стены хрупкие и непрочные — они могут упасть сами, даже если никто не станет их крушить, ибо основу этих стен составляют обломки мрамора и куски черепицы. Я видел часть обрушившейся стены, на постройку которой, как можно убедиться, пошли различные, отовсюду собранные камни и осколки мрамора, но для красоты внутри и снаружи эти стены были облицованы кирпичом, отполированным наподобие черепицы. Древние же укрепления возводились настолько прочными, что лишь с большим трудом их можно было разрушить силами людей.

Не существует единого способа постройки стен, но в разных местах есть множество различий, и все это ясно доказывает, что стены нынешнего Рима построены не в одно время и не одним и тем же архитектором. Вот что я могу сказать о городских стенах, хотя многие считают их более древними.

По недосмотру судьба сохранила также часть величественного портика между храмом Марка Агриппы и холмом Квириналом, но не известны ни его название, ни имя его строителя»⁹⁵ (рис. 12).

⁹³ Между Тибуртинской и Номентанской дорогами при императоре Тиберии в 23 г. был построен Преторианский лагерь (*лат.* Castra Praetoria), укрепления которого впоследствии стали частью Аврелиановой стены. Отрезок окружавшей лагерь стены с замурованными Преторианскими воротами (*лат.* Porta Praetoria) сохранился до наших дней. На планах Рима XVI в. рядом с Преторианским лагерем отмечено квадратное в плане пространство, носящее название Виварий (*лат.* Vivarium). Латинским словом piscina обычно называли большой резервуар для воды.

⁹⁴ В 1099 г. у Фламиниевых ворот была освящена церковь Санта Мария дель Пополо (*итал.* Santa Maria del Popolo), по которой они получили прозвание «Ворота Народа» (*лат.* Porta Populi).

⁹⁵ Очевидно, речь идет о колоннах храма Божественного Адриана, изображенных на гравюрах по рисункам Дж.А. Дозио (1565, 1569) и Этъена Дюперака (1575).

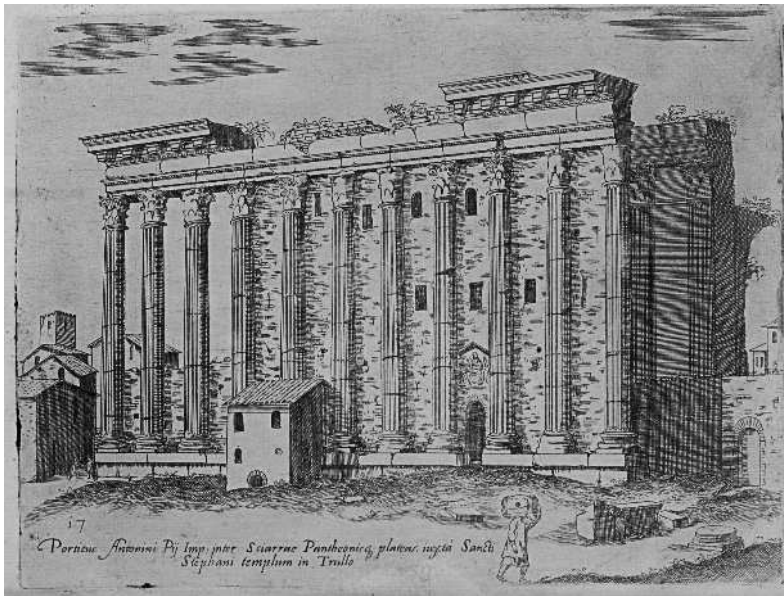

Рис. 12. Джованни Антонио Дозио. Колонны храма императора Адриана. 1569

«Также и я, — сказал Антоний, — когда начинаю сравнивать прежнее величие Римской империи с нынешним положением Рима и перебирать в памяти постигшие город междуусобия и невзгоды, не могу решить, погибшая ли империя или разрушенный город испытали более жестокие удары судьбы. Кажется, что, повсеместно оставив за собой руины, Фортуна со всей очевидностью доказала, что только она выносит окончательный приговор всему сущему и обладает правом по своей прихоти отнимать все свои дары».

Сохранились одиннадцать пятнадцатиметровых коринфских колонн: в 1878 г. они были встроены во внешнюю стену здания Биржи.

Рецензии

Рецензия на книгу: *Timotin A. La prière dans la tradition platonicienne, de Platon à Proclus. [Recherches sur les rhétoriques religieuses, 22].* Turnhout: Brepols, 2017. 296 p. ISBN 978-2-50357-482-0

Новая монография Андрея Тимотина, специалиста по античной философии, посвящена представлениям о молитве в античном платонизме. Тимотин известен как автор блестящей монографии о платоновской демонологии¹, вышедшей в 2012 г. В 2017 году вместе с Дж. Диллоном он издал сборник статей, посвященный молитве в платонической традиции². Книга состоит из 8 глав и заключения: введение, диалоги Платона, «Алкивиад II», Максим Тирский, Плотин, Порфирий, Ямвлих, Прокл³.

После краткого введения Тимотин обращается к текстам Платона. В начале он отмечает противоречие во взглядах Платона на молитву: публичные религиозные праздники одобряются, а частные прошения нет (р. 22). Основное внимание уделено 10 книге «Законов», где закон против нечестия обращен на следующие группы людей: 1) отрицающие существование богов; 2) отрицающие божественное провидение; 3) считающие, что на волю богов можно влиять жертвами и молитвами. Тимотин показывает, что последний пункт — это проявление эгоизма, по мнению Платона, который в «Законах» называется *πλεονεξία*, а у Аристотеля — *φιλαυτία*.

С молитвой также связана критика поэтов, предсказателей (*μάντιες*) и шарлатанов (*ἀγύρται*) (Leg. 10.885d). Все они относятся к третьей группе, так как утверждают, что жертвами, мольбами (критика Гомера в Resp. 2.364c–e; П. 9.497) можно повлиять на богов или очистить преступника при помощи заклинаний (*ἐλφθαί, ἐλαυθαί*) (Resp. 2.364e–365a; Leg. 10.906c). Тимотин показывает, что к «Законам» (Leg. 4.716d–717a) восходит популярная в платонизме идея: правильная молитва — это общение (*προσομίλια*) с божеством (pp. 34–37). Во втором разделе главы рассмотрена молитва к видимым богам (*θεοὶ ὁρατοί* — Tim. 40a–d, т. е. Луна, Солнце, звезды) как особая форма благочестия, отличающаяся от традиционных пред-

---

¹ Timotin 2012.

² Dillon, Timotin 2017.

³ См. также уже опубликованные рецензии: Pradeau 2018; Tissi 2018; Goeken 2020; Ramelli 2020.

ставлений, так как основана на астрономических знаниях. Также автор анализирует молитвы, встречающиеся в начале речи Тимея, аналогичные инвокации Музы в поэзии (например, Tim. 27b–c)⁴. Также Тимотин рассматривает предсмертную молитву Сократа в «Федоне» (pp. 49–51) и молитву к Пану в «Федре» (pp. 51–54).

Третья глава посвящена анализу псевдо-платоновского диалога «Алкивиад II», в котором речь идет о правильной молитве. В начале главы дается краткий обзор проблем, связанных с этим диалогом: датировка, отношение к другим сочинениям на тему молитвы, например, к несохранившемуся диалогу Аристотеля «Περὶ εὐχῆς» (cf. *Diog. Laert.* 6.18) (pp. 59–61). Тимотин показывает общие черты «Алкивиада II» и «Евтифрона», так как в обоих случаях речь идет о неправильном понимании религиозных понятий (благочестие и молитва). Большое внимание уделено молитве неизвестного поэта, которую как пример правильной молитвы приводит Сократ⁵ (pp. 68–72). Автор показывает, что молитву поэта характеризует σοφροσύνη, противопоставленная ἄνομοια. Та же самая добродетель отмечена в молитве спартанцев, которая выражена в их εὐφημία (p. 74). Эти наблюдения показывают, что диалог «Алкивиад II», хотя и не принадлежит Платону, был написан в рамках платонической традиции. Как пишет Тимотин, «благодаря этому диалогу можно проследить эволюцию размышления о молитве в Академии после смерти Платона, — размышления, которое остается верным учению основателя Академии» (p. 79).

Следующая глава посвящена 5-й речи Максима Тирского (εἰ δὲ εὐχεσθαι). Эта глава представляет собой доработанный вариант ста-

⁴ «Все, в ком есть хоть малая толика рассудительности, перед любым неважным или важным начинанием непременно призывают на помощь божество. Но ведь мы приступаем к рассуждениям о Вселенной, намереваясь выяснить, возникла ли она и каким именно образом; значит, нам просто необходимо, если только мы не впали в совершенное помрачение, воззвать к богам и богиням и испросить у них, чтобы речи наши были угодны им, а вместе с тем удовлетворяли бы нас самих. Таким да будет наше воззвание к богам! Но и к самим себе нам следует воззвать, дабы вы наилучшим образом меня понимали, а я возможно более правильным образом развивал свои мысли о предложенном предмете» (Tim. 27b–c; пер. С.С. Аверинцева).

⁵ «Представляется поэтому, Алкивиад, что разумен был тот поэт, который имел, по-видимому, неких неразумных друзей и видя, что они и поступают дурно, и молят богов о том, что не является лучшим, но лишь кажется таковым, вознес о них всех молитву богам примерно такую:

Зевс-поведитель, благо даруй нам — молящимся иль немольщим,
Жалкую ж долю отринь и для тех, кто о ней тебя просит.

Мне кажется, прекрасно и верно сказал поэт! Ты же, если у тебя есть против этого какие-то возражения, не молчи» (Alc. II. 142d–143a; пер. С.Я. Шейнман-Топштейн).

ть, опубликованной в сборнике «Maxime de Tury, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère»⁶. Эта речь в контексте изучения молитвы очень важна, что объясняет интерес, проявленный к ней со стороны исследователей⁷. Как и в «Алкивиаде II», критика молитвы-прошения начинается у Максима с мифа. Если в псевдо-платоновском диалоге использовался миф об Эдипе, то Максим рассказывает историю Мидаса, превращавшего всё в золото, и Креза, который надеялся получить благоприятное предсказание от Дельфийского оракула за счет щедрых даров, принесенных в святилище (ἐθεράλευεν χρυσῶ πολλῶ τὸν θεόν, ὄσπερ δωροδόκων δυνάστην 5.2). Тимотин показывает, что в отличие от Платона в «Законах», где речь идет о неправильной молитве поэтов (см. выше), Максим говорит, что молитва-прошение как таковая не имеет смысла, так как она ни на что не может повлиять (р. 86). Согласно Максиму, человек получает то, чего заслуживает и без молитвы, а если он чего-то не заслуживает, то молитва ему не поможет⁸. Дальше Тимотин рассматривает главы 4–7 речи, где приводится критика молитвы на основании четырех причин, объясняющих все происходящее в мире: божественный промысел (πρόνοια), судьба (εἰσαρμένη), случай (τύχη) и искусство (τέχνη). Автор очень подробно анализирует все параллели, которые в изобилии встречаются в античной литературе («О судьбе» псевдо-Плутарха, «Платон и его учение» Апулея, Эпиктет, Марк Аврелий, комментарий Халкидия к «Тимею»), показывая релевантный контекст речи Максима (pp. 87–90). Особого внимания заслуживает сравнение Максима и Оригена в вопросе о соотношении свободы человека и божественного промысла (pp. 91–92). Так как в книге нет глав, посвященных христианскому учению о молитве, такого рода сравнения помогают понять, как одну и ту же проблему рассматривают язычник и христианин.

Важно наблюдение Тимотина, связанное с определением молитвы философа как единственно правильной. Автор показывает, что Максим, цитируя платоновское определение молитвы, использует также современные ему стоические идеи (ἀλλὰ σὺ μὲν ἡγεῖ τὴν τοῦ φιλοσόφου εὐχὴν αἰτήσιον εἶναι τῶν οὐ παρόντων, ἐγὼ δὲ ὀμνίαν

⁶ Timotin 2016, 163–182.

⁷ Комментированный перевод этой речи опубликовал Ван дер Хорст (Van der Horst 1996, 323–338), также этой речи посвящена глава в монографии Г. Сури (Soury 1942, 15–38). Это одна из немногих речей Максима, переведенных на русский (Ковалева 1990, 196–204). В 2019 г. комментированное издание этой речи вышло в серии SAPERE (Hirsch-Luipold, Trapp, 2019).

⁸ Καὶ γὰρ ἦτοι ὁ εὐχόμενος ἄξιος τυχεῖν ὃν ἤβησται, ἢ οὐκ ἄξιος· εἰ μὲν οὖν ἄξιος, τεύξεται καὶ μὴ εὐξάμενος· εἰ δὲ οὐκ ἄξιος, οὐ τεύξεται οὐδὲ εὐξάμενος (5.3).

καὶ διάλεκτον πρὸς τοὺς θεοὺς περὶ τῶν παρόντων καὶ ἐπίδειξιν τῆς ἀρετῆς — 5.8)⁹.

Если определение молитвы, как просьба о том, чего не достает, восходит к платоновскому «Пиру» (ἐπιθυμία τοῦ μὴ παρόντος — Symp. 200e), то дальнейшие слова отсылают к стоическим источникам. Тимотин, приводя параллели из Марка Аврелия (8.36; 7.27; 7.8) и Эпиктета (3.24.17; 4.1.174–175; 4.1.84), убедительно доказывает, что τὰ παρόντα в приведенной цитате служит отсылкой к стоическому определению мудреца, который довольствуется тем, что есть.

В этой главе есть лишь один недочет, а именно, опечатка в номере рукописи Максима. Должно быть Parisinus Graecus 1962, а не 1662 (р. 88).

Следующая глава посвящена Плотину. Тимотин выделяет три основных вопроса, связанных с молитвой: 1) как и Максим Тирский, Плотин рассматривает соотношение между молитвой, провидением и личной ответственностью; 2) Плотин, следуя традиции, восходящей к диалогам Платона, отвергает идею, что на волю богов можно повлиять молитвами или жертвоприношениями; 3) Плотин, опровергнув традиционные представления о молитве как просьбе, предлагает философскую молитву.

В трактатах III.2 и III.3 Плотин говорит, что божественное провидение существует, оно не ограничивается только подлунным миром, но мир в целом прекрасен и совершенен. Зло, происходящее в нем, связано со свободным выбором. В отрывке III.2.9.10–15, где критикуется представление о провидении, охватывающем мельчайшие детали нашей жизни, не оставляя место для свободы выбора, по мнению Тимотина, критика направлена на стоиков и астрологов (pp. 109–110).

Следующий вопрос, который рассматривает автор, — отношение Плотина к вопросу о влиянии звезд на человека. Учение Плотина о высшей части души, пребывающей в умопостигаемом мире, позволяет ответить на этот вопрос. Звезды влияют только на нижнюю часть души, пребывающую в теле, а не на высшую, тем самым звезды не нарушают свободу воли человека (IV.4.35.37–43).

Далее рассматривается критика тех, кто практикует магию (γοητεῖν). Согласно Тимотину, речь идет о гностиках, которые пытаются повлиять на богов через молитвы и заклинания (ἐλαοδαί, λόγοι, γοητεῖα, θέλξεις, λείσεις II.9.14.2–9). Действенность этих молитв объясняется через «магию» языка, которая подобна магии поэзии, риторики и музыки. Они могут влиять лишь на неразум-

⁹ «Но ты-то полагаешь, что философ в молитве просит о том, чего ему недостает, а я считаю, что он беседует и разговаривает с богами о том, что у него есть, и являет свою добродетель» (пер. И.И. Ковалевой).

ную часть души, находящуюся в теле, поэтому боги и мудрецы (σπουδαῖοι) не подвластны их действию.

Последний большой раздел главы посвящен правильной молитве философа. Если большинство людей (οἱ πολλοί), ведущее деятельную жизнь, нуждается в традиционных религиозных практиках, то философы, посвятившие себя созерцательной жизни, находятся в постоянной связи с божественным миром. Их религия и молитва — это созерцание Единого высшей частью души. Эта молитва не нуждается в словах. В этом разделе Тимотин приводит параллели из Филона Александрийского (De gig. 52) и Плутарха (De gen. Socr. 588D–E), где также присутствует идея бессловесного общения богов и избранных людей¹⁰.

Глава 6-я посвящена сочинениям Порфирия. Сначала идет речь о Комментарий к «Тимею», который дошел в виде цитат из Прокла. В нем Порфирий выделяет 3 вида противников молитвы: атеисты, не признающие богов; те, кто признает богов, но отрицает провидение; и те, кто признает богов и провидение, но отрицает молитву. Так как аналогичное деление можно найти в трактате Оригена «О молитве», Тимотин подробно анализирует оба текста (pp. 137–140). В «Письме к Анебону» Порфирий в духе платонической традиции отвергает идею того, что молитва влияет на волю богов. Он рассматривает соотношение необходимости (ἀνάγκη), убеждения (πειθῶ) и подверженности страстям (λαθεῖν).

Тимотин подробно рассматривает трактат «О воздержании от животной пищи», в котором Порфирий говорит о допустимых молитвах и жертвах. Тимотин, изложив материал, сводит учение Порфирия в удобную таблицу (p. 160):

высшее божество — νοερά θυσία — θεωρία (διὰ συῆς);
 умопостигаемые боги — ὕμνος (ἐκ τοῦ λόγου ὕμνοδία);
 боги города — ὑλική θυσία κατὰ τὰ λάτρια (бескровные жертвы);
 злые демоны — ὑλική θυσία (кровавые жертвоприношения) — λτα-
 νεῖα, ἰκετεῖα.

В трактате «О возвращении души» критикуется также теургическая молитва, которая очищает только неразумную часть души, а не ум (fr. 2 Bidez [*Aug. De civ.* 10.9.2]). Учение о правильной молитве, которую способен возносить только мудрец, дается в «Письме к Марцелле» (Mag. 16).

Глава, посвященная Ямвлиху, начинается с рассмотрения трактата «О мистериях», в котором критикуется учение Порфирия. Ям-

¹⁰ Проблемы, связанные с текстами Плутарха и Филона, рассматриваются в статье: Великов 2014, 32–39.

влих предлагает свое решение проблемы, связанной с волей богов и молитвой. Для него очень важно понятие ἔλλαμψις в полемике с Порфирием. Согласно Ямвлиху, боги и демоны подвержены страстям. При этом боги через молитвы не принуждаются к действию, так как их действия абсолютно добровольны. Не боги спускаются в мир, но душа просителя возносится к богам. В результате, не боги становятся страстными, но молящиеся (Ямвлих говорит о θεουργός или ἱερεὺς) становятся бесстрастными (De myst. 1.12). Также в этой главе подробно рассматривается иерархия молитвы: συνήθεια, συνέρχεια, ἡ ἀρρητος ἔνωσις (pp. 185–194).

В объемной главе, посвященной Проклу, рассматривается небольшой отрывок из «Комментария к Тимею» (1.26–214). Автор, давая подробное введение в тексты Прокла, выделяет три основных вопроса, связанных с молитвой: какова ее сущность (οὐσία), ее совершенство (τελειότης) и как она связана с душами людей (λόθεν ἐνδίδοται ταῖς ψυχαῖς).

Последняя глава книги представляет собой краткое заключение, где автор не только резюмирует отдельные главы, но и показывает, как непрерывная традиция изучения молитвы развивалась от Платона до Прокла.

В заключение можно сказать, что эта книга — огромный вклад в изучение платонизма и античной философии. Как и монография о демонологии, она охватывает все этапы античного платонизма и демонстрирует, какие изменения претерпевали отдельные пункты теологии (демонология или учение о молитве). Следует отметить способность автора ясно и структурированно излагать обширный материал. Например, учение Плотина о молитве не излагается в одном трактате, поэтому требуется рассмотрение всего корпуса сочинений. Учение о молитве у Порфирия и Ямвлиха связано с их представлениями о демонологии, поэтому эта тема требует отдельного экскурса. В каждой главе монографии Тимотину удалось не только дать исчерпывающий материал по поставленному вопросу, но также сделать необходимое введение, помогающее неспециалисту понять релевантный контекст. По широте материала эти книги сопоставимы с грандиозным проектом «Der Platonismus in der Antike. Grundlagen — System — Entwicklung»¹¹, над которым много лет работает группа ученых. Новая книга Тимотина, без сомнения, будет полезна филологам, философам и религиоведам¹².

¹¹ Dörrie, Baltes, Pietsch 1987–2008.

¹² Автор благодарит Андрея Тимотина, который прислал свою книгу для рецензии.

Литература

- Великов Г.С.* К вопросу об источниках *Plut. de gen. socr.* 20; 588c-589f // Индо-европейское языкознание и классическая филология. 18. 2014. С. 32–39.
- Ковалева И.И. (пер.)* Максим Тирский. О том, следует ли молиться // Античность в контексте современности. М. 1990. С. 196–204.
- Dillon J., Timotin A. (eds.)*. *Platonic Theories of Prayer*. Leiden; Boston, 2016.
- Dörrie H., Baltes M., Pietsch Chr.* *Der Platonismus in der Antike. Grundlagen — System — Entwicklung. Begründet von Heinrich Dörrie; fortgeführt von Matthias Baltes und Christian Pietsch. Bd. 1-7.1.* Stuttgart; Bad Cannstatt, 1987–2008.
- Fauquier F., Pérez-Jean B. (eds.)*. *Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère*. Montpellier, 2016.
- Goeken J., Timotin A.* La prière... // *Revue de l'histoire des religions*. 237. 2020/2021. P. 134–136.
- Hirsch-Luipold R., Trapp M. (Hrsg.)*. *Ist Beten sinnvoll? Die 5. Rede von Maximus von Tyros eingeleitet, übersetzt und mit interpretierenden Essays versehen von Barbara E. Borg, Franco Ferrari, Alfons Fürst, Rainer Hirsch-Luipold, Michael Trapp, Vincenzo Vitiello, herausgegeben von Rainer Hirsch-Luipold und Michael Trapp*. Tübingen, 2019.
- Pradeau J.-F., Timotin A.* La prière... // *Études platoniciennes*. 14. 2018 (URL: <http://journals.openedition.org/etudesplatoniciennes/1398>).
- Ramelli I., Timotin A.* La prière... // *Bryn Mawr Classical Review* 2020.04.32 (URL: <https://bmcr.brynmawr.edu/2020/2020.04.32>).
- Soury G.* *Aperçus de philosophie religieuse chez Maxime de Tyr, platonicien éclectique. La prière, la divination, le problème du mal*. Paris, 1942.
- Timotin A.* *La démonologie platonicienne. Histoire de la notion de daimōn de Platon aux derniers néoplatoniciens*. Leiden; Boston, 2012.
- Timotin A.* Le discours de Maxime de Tyr sur la prière (*Dissertatio V*) dans la tradition platonicienne // *F. Fauquier, B. Pérez-Jean (eds.)*. *Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère*. Montpellier, 2016. P. 163–182.
- Tissi L.M., Timotin A.* La prière... // *ASDIWAL. Revue genevoise d'anthropologie et d'histoire des religions*. 13. 2018. P. 223–226.
- Van der Horst P.W.* *Maximus of Tyre on prayer: an annotated translation of Εἰ δεῖ εὐχεσθαι (Dissertatio 5)* // *H. Cancik, H. Lichtenberger, P. Schäfer (Hrsg.)*. *Geschichte — Tradition — Reflexion: Festschrift für Martin Hengel zum 70. Geburtstag. Bd. 2. Griechische und römische Religion*. Tübingen, 1996. S. 323–338.

И.Ю. Шабага

ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА «АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*для студентов исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

1. Цель реализации программы

- расширить культурный кругозор студентов-историков
- познакомить с этапами развития античной литературы
- познакомить с наиболее выдающимися писателями и поэтами античности и их произведениями
- показать вклад античной литературы в общемировую.

2. Совершенствуемые компетенции

- повышение культурного уровня
- развитие навыков работы с литературными источниками
- овладение анализом историко-литературного процесса
- умение исследовать разножанровые литературные произведения

3. Содержание программы

Категория слушателей: бакалавры, магистры и аспиранты исторического факультета МГУ.

Срок обучения: осенний семестр, 66 часов, из них 28 аудиторных (лекционных) часов, 38 часов на самостоятельную работу.

Форма обучения — очная.

Учебный план

№ п/п	Наименование разделов	Всего часов	В том числе		
			Лекции	Практические занятия	Самостоятельная работа
1. <i>Шабага</i>	Введение	4	2		2
2. <i>Приходько</i>	Литература архаического периода (эпос)	4	2		3
3. <i>Беликов</i>	Литература архаического периода (лирика)	4	2		3
4. <i>Белоусов</i>	Литература архаического и классического периода (историческая проза)	4	2		3
5. <i>Парфёнова</i>	Литература архаического и классического периода (философская проза, эпиграмма, литературная басня)	4	2		3
6. <i>Белоусов</i>	Литература архаического и классического периода (красноречие)	4	2		3
7. <i>Беликов</i>	Литература классического периода (драма)	4	2		2
8. <i>Белоусов</i>	Литература эпохи эллинизма	4	2		3
9. <i>Корчагин</i>	Греческая литература римского периода	4	2		2
10. <i>Мосолкин</i>	Литература периода Республики (до Гракхов)	4	2		2
11. <i>Беликов</i>	Литература периода Республики (после Гракхов)	4	2		3
12. <i>Подосинов</i>	Литература периода ранней Империи (эпоха Августа)	6	2		3
13. <i>Шабага</i>	Литература периода ранней Империи (после Августа)	6	2		3
14. <i>Шабага</i>	Литература эпохи поздней Империи (конец III-V вв.)	6	2		3

Учебно-тематический план

1. Введение

Раскрытие термина «античная литература», ее хронологические рамки, этапы развития, место в общемировой литературе. До-литературный этап — устное народное творчество, или фольклор, его виды. Античная мифология и ее отражение в литературном творчестве. Сходство и различия древнегреческой и римской литератур; главные идеи той и другой литературы. История текста и рукописная традиция. Вклад античной литературы в общемировую.

Часть I. Древнегреческая литература.

2. Литература архаического периода (эпос)

Возникновение греческого героического эпоса. Поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Так называемый «Гомеровский вопрос». Киклические поэмы. Гомеровские гимны. Возникновение дидактического эпоса. Поэмы Гесиода «Труды и дни», «Теогония». Религиозно-философский эпос (Парменид, Эмпедокл).

3. Литература архаического периода (лирика)

Древнегреческая лирика: термин, виды лирики: декламационная — элегия и ямб (Архилох, Каллин, Тиртей, Мимнерм, Феогнид, Солон, Симонид, Гиппонакт) — и песенная (мелика): сольная (Сапфо, Алкей, Ивик, Анакреонт, сколии) и хоровая (Алкман, Стесихор, Симонид, Пиндар, Вакхилид, Коринна).

4. Литература архаического и классического периода (историческая проза)

Древнегреческая проза. Виды прозы (историческая, философская, риторическая). Особенности древнегреческой прозаической литературы. Историческая проза: логографы (Гекатей Милетский, Гелланик из Митилена); историки (Геродот, Фукидид, Ксенофонт). Их основные произведения, характеристика и значение их трудов.

5. Литература архаического и классического периода (философская проза, эпиграмма, литературная басня)

Философская проза: ионийская философия (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит). Пифагор и его школа. Парменид,

Эмпедокл, Демокрит, Анаксагор. Софисты. Сократ, Платон, Аристотель. Общая характеристика их творчества, их значение для мировой литературы и философии.

Древнейшие эпиграммы, посвятительные надписи, эпитафии, книжные эпиграммы. Литературная басня (Эзоп).

6. Литература архаического и классического периода (красноречие)

Понятия «ораторское искусство» и «риторика». Речи в поэзии. Риторическая проза: ее возникновение, общая характеристика, виды риторических произведений (речи торжественные, политические, судебные). Знаменитые логографы, софисты и риторы (Протагор, Горгий, Продик (старшая софистика); Лисий, Исократ, Аристотель, ранний Демосфен, Эсхин, Гиперид, Ликург). Знаменитые ораторы (Фемистокл, Перикл, Демосфен).

7. Литература классического периода (драма)

Древнегреческая драма. Виды драматического искусства: трагедия (происхождение и структура, афинский театр) и комедия (ее фольклорная основа, сицилийская, древняя аттическая, средняя комедия). Великие древнегреческие драматурги Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан.

8. Литература эпохи эллинизма

Важнейшие события эпохи — возникновение общегреческого языка (койнэ), новых культурных центров (Александрия, Пергам, Антиохия на Оронте). Особенность эллинистической литературы. Развитие поэзии (александрийская поэзия: Каллимах, Феокрит, Аполлоний Родосский), исторической (Полибий), философской (учение стоиков, скептиков, эпикурейцев), научной (Дионисий Фракиец) и риторической (Деметрий Фалерский) прозы.

Появление новых литературных жанров (эпиллий, идиллия, мимиямб, диатриба, новелла, эпиграмма, роман): их краткая характеристика и основные представители. Новоаттическая комедия (Менандр): ее особенность.

9. Греческая литература римского периода

Поэзия (Бабрий, Дионисий Периегет, Квинт Смирнский, Нонн). Проза (Плутарх, Аппиан, Иосиф Флавий). Вторая софистика (Дион Хризостом, Элий Аристид, Флавий Филострат). Лукиан. Поздняя

софистика (Юлиан Отступник, Либаний). Новый Завет и раннехристианская литература (мужи апостольские, апологеты, Климент Александрийский, Ориген, Афанасий Александрийский). Церковная историография (Евсевий Кесарийский, Зосим, Сократ Схоластик).

Часть II. Римская литература

10. Литература периода Республики (до Гракхов)

Общая характеристика римской литературы, ее особенности. История текста и рукописная традиция. Долитературные формы (ателлана, тогата). Зарождение римской литературы: переводы и переработки греческих произведений (Ливий Андроник, Плавт, Теренций Афр, Пакувий). Возникновение римского эпоса (поэты Гней Невий, Квинт Энний). Филэллины и «почвенники» — кружок Сципиона и литературная деятельность Катона Старшего. Возникновение оригинального римского жанра — сатур (Луцилий).

11. Литература периода Республики (после Гракхов)

Окончательное освоение греческой культуры. Литературная деятельность Цицерона, Цезаря, Саллюстия, Корнелия Непота: характеристика их творчества, основные произведения. Латинские риторы и грамматик (Риторика к Гереннию, Варрон). Лукреций и его поэма «О природе вещей». Творчество Катутлла.

12. Литература периода ранней Империи (эпоха Августа)

Культурная политика Августа. Кружок Мecenата. Творчество поэтов Вергилия, Горация. Римская элегия (Тибулл, Проперций). Творчество Овидия. «Деяния божественного Августа». Историческая проза (Азиний Поллион, Тит Ливий, Помпей Трог). Дидактическая поэзия (Манилий). Научная литература (Витрувий).

13. Литература эпохи ранней Империи (после Августа)

Особенности культурной политики. Эпическая поэзия (Лукан, Валерий Флакк, Стаций, Силий Италик). Дидактическая поэзия (Германик). Драма (Сенека). Басня (Федр). Сатира (Ювенал). Эпиграмма (Марциал). Историческая проза (Л. Анней Флор, Веллей Патеркул, Тацит). Исторический анекдот (Валерий Максим). Биографическая проза (Светоний). Естественнонаучная проза (Плиний

Старший). Риторическая и эпистолярная проза (Квинтилиан, Плиний Младший). Философская проза (Сенека, Марк Аврелий). Авл Геллий. Роман (Петроний, Апулей).

14. Литература эпохи поздней Империи (конец III–V вв.)

Особенность эпохи (параллельное существование языческой и христианской литературы). Роль риторской школы в сохранении языческой литературы. Языческая историография (Евтропий, Аврелий Виктор, Аммиан Марцеллин). Особенности позднеримского красноречия («Латинские панегирики», фигуративные речи, Симмах). Марциан Капелла. Макробий. Юридическая литература. Закат античной поэзии (Рутилий Намациан, Клавдий Клавдиан). Христианская поэзия (Авзоний, Сидоний Аполлинарий, Авиан, Пруденций) и проза (Тертуллиан, Минуций Феликс, Киприан, Новациан, Арнобий, Лактанций, Амвросий, Иероним, Августин, Бозций).

4. Материально-технические условия реализации программы

Минимально необходимый для реализации учебного плана программы перечень материально-технического обеспечения включает в себя:

- использование академической аудитории для проведения лекционных занятий
- наличие необходимых технических средств (компьютер, цифровой проектор, принтер).

5. Учебно-методическое обеспечение программы

По каждому разделу программы в произвольной форме приводятся сведения об используемых в учебном процессе:

- профильной литературе
- электронных ресурсах и т. д.

Рекомендованная литература

Общие работы

Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I–III / Пер. с немецкого А.И. Любжина. М., 2002–2004.

Диллите Д. Античная литература / Перевод с литовского Н.К. Малинаускаене. М., 2003.

- Дуров В.С.* История римской литературы. СПб., 2000.
- Зайцев А.И.* Греческая религия и мифология. СПб., 2005.
- История всемирной литературы. Т. I. / Под ред. И.С. Брагинского, Н.И. Балашова, М.Л. Гаспарова, П.А. Гринцера. М., 1983.
- История греческой литературы: в 3-х томах / Под ред. *С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского*. М.; Л., 1946–1960.
- Казанский Н.Н.* Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983.
- Лосев А.Ф.* Античная литература / Под ред. *А.А. Тахо-Годи*. Изд. 7-е. М., 2008.
- Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян. М., 1996.
- Радциг С.И.* История древнегреческой литературы. М., 2004.
- Тронский И.М.* История античной литературы. Изд. 8-е. М., 2010.
- Ярхо В.Н.* Обретенные страницы. История древнегреческой литературы в новых папирусных открытиях / Древнегреческая литература: Собрание трудов. М., 2001.
- Dover K.J.* The Evolution of Greek Prose Style. Oxford, 1997.
- Lesky A.* Geschichte der griechischen Literatur. 3 Aufl. München, 1999.
- Schanz M., Hosius C.* Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. Handbuch der Altertumswissenschaft, VIII. Abt., 4 Teile. München, 1966–1971.

Тема 2. Литература архаического периода (эпос)

- Бойра С.М.* Героическая поэзия / Пер. с англ. и вступительная статья Н.П. Гринцера и И.В. Ершовой. М., 2002.
- Гордезиани Р.В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.
- Лосев А.Ф.* Гомер. М., 1996.
- Чистякова Н.А.* История возникновения и развития древнегреческого эпоса: Курс лекций. СПб., 1999.
- Шталь И.В.* Художественный мир гомеровского эпоса. М., 1983.
- Ярхо В.Н.* Эпос. Ранняя лирика / Древнегреческая литература: Собрание трудов. М., 2001.
- A Commentary on Homer's Odyssey / Ed. by A. Heubeck et al. Vol. 1–3. Oxford, 1988–1992.
- Davies M.* Greek Epic Cycle. London, 1989.
- Page D.L.* History and the Homeric Iliad. Los Angeles; Berkeley, 1959.
- The Homeric Hymns: Interpretative Essays / Ed. by A. Faulkner. Oxford, 2011.

Тема 3. Литература архаического периода (лирика)

- Гаспаров М.Л.* Об античной поэзии. СПб., 2000.
- Гримбаум Н.С.* Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973.

Доватур А.И. Феогнид и его время. Л., 1989.

Зайцев А.И. Греческая метрика. СПб., 2010.

Ярхо В.Н. Эпос. Ранняя лирика / Древнегреческая литература: Собрание трудов. М., 2001.

Ярхо В.Н., Полонская К.П. Античная лирика: Ранняя греческая лирика. Эллинистическая лирика. Римская лирическая поэзия. М., 1967.

Barrett W.S. Greek Lyric, Tragedy, and Textual Criticism. Collected Papers / Ed. by M.L. West. Oxford, 2007.

West M.L. Studies in Greek Elegy and Iambus. Berlin; New York, 1974.

Тема 4. Литература архаического периода (драма)

Гусейнов Г.Ч. Аристофан. М., 1988.

Соболевский С.И. Аристофан и его время. М., 1957.

Ярхо В.Н. Греческая и греко-римская комедия / Древнегреческая литература: Собрание трудов. М., 2002.

Ярхо В.Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978.

Ярхо В.Н. Трагедия / Древнегреческая литература: Собрание трудов. М., 2000.

Ярхо В.Н. Софокл. Жизнь и творчество. М., 2005.

Kitto H.D.F. Greek Tragedy: A Literary Study. London, 1939.

Lesky A. Die tragische Dichtung der Hellenen. Göttingen, 1972.

Тема 5. Литература архаического и классического периода (проза)

Бузескул В.П. Лекции по истории Греции. Т. I. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. Изд. 3, перераб. СПб., 1915.

Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.

Клингер В.П. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903.

Лурье С.Я. Геродот. М.; Л., 1947.

Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М.; Л., 1947.

Суриков И.Е. Геродот. М., 2009.

A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. by J. Marincola. Vol. I-II. Malden; Oxford, 2007.

Тема 6. Литература архаического и классического периода (философия, эпиграмма, литературная басня)

Доватур А.И. Политика и политики Аристотеля. М.; Л., 1965.

Зубов В.П. Аристотель. М., 1963.

Иегер В. Пайдейя / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника, А.И. Любжина. Т. I–II. М., 1997–2001.

Чистякова Н.А. Греческая эпиграмма. VIII–III вв. до н. э. Л., 1983.
Archaic and Classical Greek Epigram / Ed. by M. Baumbach, A. Petrovic and I. Petrovic. Cambridge, 2010.

Day J.W. Archaic Greek Epigram and Dedication. Representation and Reperformance. Cambridge, 2010.

Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. Vol. I–VI. Cambridge, 1962–1981.

The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy / Ed. by A.A. Long. Cambridge, 1999.

Тема 7. Литература архаического и классического периода (красноречие)

Жебелев С.А. Демосфен. Берлин, 1922.

A Companion to Greek Rhetoric / Ed. by I. Worthington. Malden; Oxford, 2007.

Blass Fr. Die attische Beredsamkeit. 2. Aufl. Bd. 1–3. Leipzig, 1887–1898.

Jebb R.C. Attic Orators from Antiphon to Isaeos. Vol. I–II. London, 1876.

Тема 8. Литература эпохи эллинизма

Чистякова Н.А. Эллинистическая поэзия: Литература, традиции и фольклор. Л., 1988.

Ярхо В.Н. Менаандр. У истоков европейской комедии. М., 2004.

Ярхо В.Н., Полонская К.П. Античная лирика: Ранняя греческая лирика. Эллинистическая лирика. Римская лирическая поэзия. М., 1967.

A Companion to Hellenistic Literature / Ed. by J.J. Clauss, M. Cuypers. Malden; Oxford, 2010.

Ffntuzzi M., Hunter R.L. Tradition and Innovation in Hellenistic Poetry. Cambridge, 2004.

Hutchinson G.O. Hellenistic Poetry. Oxford, 1988.

Wilamowitz-Moelendorff U. von. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. Bd. 1–2. Berlin, 1924.

Тема 9. Греческая литература римского периода

Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973.

Античный роман. М., 1969.

Диллон Д. Средние платоники / Пер. с англ. Е.В. Афонасина. СПб., 2002.

Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя Церкви. М., 1994.

- Meuzer B.M.* Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение / Пер. с англ. Д. Гзгзяна. М., 1998.
- The Cambridge History of Early Christian Literature / Ed. by *F. Young, L. Ayres, A. Louth*. Cambridge, 2004.

Тема 11. Литература периода Республики

- Бобровникова Т.А.* Цицерон: интеллигент в дни революции. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 2006.
- Грималь П.* Цицерон. М., 1991.
- Дуров В.С.* Художественная историография Древнего Рима. СПб, 1993.
- Дуров В.С.* Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991.
- Цицерон. Сборник статей. / Отв. ред. Ф.А. Петровский. М., 1958.
- шталь и.в. Поэзия Гая Валерия Катулла: Типология художественного мышления и образ человека. М., 1977.
- Syue R.* Sallust. Univ. of California Press, 1964.

Тема 12. Литература периода ранней Империи (эпоха Августа)

- Борухович В.Г.* Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. Саратов, 1993.
- Вулик Н.В.* Овидий. М., 1996.
- Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984.
- Морева-Вулик Н.В.* Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация. СПб., 2000.
- Подосинов А.В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985.
- Полонская К.П.* Римские поэты эпохи принципата Августа. М., 1963.
- Ярго В.Н., Полонская К.П.* Античная лирика: Ранняя греческая лирика. Эллинистическая лирика. Римская лирическая поэзия. М., 1967.
- Augustan Poetry and the Roman Republic / Ed. by J. Farrell and D.P. Nelis. Oxford, 2012.
- The Cambridge Companion to the Age of Augustus. Cambridge, 2005.
- Farrell J.* The Augustan Period: 40 BC-AD 14 // A Companion to Latin Literature. Oxford, 2005. P. 44-57.
- Browne R.W.* A History of Roman Classical Literature. New York, 2019.

Тема 13. Литература эпохи ранней Империи (после Августа)

- Античный роман: Сб. статей / Под ред. Е.М. Грабарь-Пассек. М., 1969.

Кнабе Г.С. Корнелий Тацит (Время. Жизнь. Книги). Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1981.

Модестов В.И. Лекции по истории римской литературы: римская литература после эпохи Августа. Ч. 3. Изд. 2. М., 2015.

Полякова С.В. «Метаморфозы» или «Золотой осел» Апулея. М., 1988.

Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.

Соколов В.С. Плиний Младший: очерк истории римской культуры времен Империи. М., 1956.

Тема 14. Литература эпохи поздней Империи (III–V вв.)

Донченко А.И., Высокий М.Ф., Хорьков М.Л. Последние историки великой империи // Римские историки IV века. М., 1997.

Соколов В.С. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. 1959. № 4. С. 43–62.

Шабига И.Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997.

Шабига И.Ю. Латинские панегирики. М., 2016.

The Cambridge History of Early Christian Literature / Ed. by *F. Young, L. Ayres, A. Louth.* Cambridge, 2004.

P. Optatianus Porfyrius. Opera / Rec. L. Müller. Leipzig, 1877.

Интернет-ресурсы

AgoraClass:

<http://agoraclass.fltr.ucl.ac.be>

L'Année philologique:

<http://www.annee-philologique.com/aph>

Bryn Mawr Classical Review:

<http://bmcr.brynmawr.edu>

Corpus scriptorum Latinorum (a Digital Library of Latin Literature):

http://www.forumromanum.org/literature/authors_a.html

Gallica:

<http://gallica.bnf.fr>

Glossa:

<http://athirdway.com/glossa>

Glossary of Rhetorical Terms with Examples:

<http://www.uky.edu/AS/Classics/rhetoric.html>

Hyperboreus:

<http://bibliotheca-classica.org/hyperboreus>

Imagines Philologorum (von Alfred Gudeman):

<http://www.telemachos.hu-berlin.de/bilder/gudeman/gudeman.html>

Internet Archive:

<http://www.archive.org/details/texts>

Latin Library:

<http://www.thelatinlibrary.com>

Little Sailing (Ancient Greek Texts. An Electronic Library of Full Texts):

<http://www.mikrosapoplous.gr/en/texts1en.htm>

Museum Graeco-Latinum:

<http://www.mgl.ru/main>

Museum Helveticum:

<http://www.e-periodica.ch/digbib/volumes?UID=mhl-001>

Parker Library on the Web:

<http://parkerweb.stanford.edu>

Prosopographia Imperii Romani:

<http://www.bbaw.de/bbaw/Forschung/Forschungsprojekte/pir/de/Startseite>

PWRE:

https://de.wikisource.org/wiki/Paulys_Realencyclopädie_der_classischen_Altertumswissenschaft

Rheinisches Museum für Philologie:

<http://www.rhm.uni-koeln.de/>

Thesaurus Linguae Graecae:

<http://www.tlg.uci.edu>

6. Требования к результатам обучения

Зачет в устной форме. Оценка уровня освоения программы осуществляется аттестационной комиссией по пятибалльной системе.

Экзаменационные вопросы

1. Устное народное творчество: его виды и роль в формировании античной литературы. Раскрытие термина «античная литература», ее хронологические рамки.
2. Особенности древнегреческой и римской литературы; вклад античной литературы в общемировую.
3. Композиция «Илиады» и «Одиссеи».
4. «Илиада» и «Одиссея» как образцы героического эпоса.
5. Творчество Гесиода. Особенности дидактического эпоса на примере поэмы «Труды и дни».
6. Основные темы греческой лирики.

7. Общая характеристика хоровой лирики. Творчество Пиндара и Вакхилида.
8. Сольная лирика: Алкей, Сапфо, Анакреонт.
9. Рождение ионийской исторической прозы.
10. Структура «Муз» Геродота.
11. «Локальная» греческая историография: авторы, жанры, традиция.
12. Основные направления и представители досократовской философии.
13. Платон. Периодизация творчества. Основные проблемы и произведения. Художественные особенности произведений.
14. Аристотель. Периодизация творчества. Основные проблемы и произведения. Значение трактатов «Риторика» и «Поэтика» для европейской литературной и риторической теории.
15. Значение риторики для античной литературы: исторический контекст, понятие, влияние.
16. Рождение риторики: первые учителя риторики, первые жанры, техника.
17. Ораторская проза классических Афин: авторы, канон, техника, развитие.
18. Устройство греческого театра. Структура драмы и комедии.
19. «Орестея» Эсхила. Род Атридов в трагедиях Софокла и Еврипида (на выбор).
20. Политика и литература в комедиях Аристофана.
21. Особенности литературной жизни греческого мира эпохи эллинизма.
22. Александрийские поэты: авторы, жанры, литературная техника.
23. Развитие исторической литературы эллинистического периода.
24. Сатирические диалоги Лукиана. Их тематика и проблематика.
25. Плутарх и его «Сравнительные жизнеописания».
26. Иудейская война в изображении Иосифа Флавия.
27. Греческое влияние на становление римской литературы.
28. Становление римской исторической мысли: Невий, Энний, Пиктор.
29. Литературное наследие Цицерона: общая характеристика.
30. Образ Катилины в речах Цицерона и сочинении Саллюстия: художественные приемы.

31. Катулл. Характеристика творчества.
32. Поэт и власть: на примере взаимоотношений Августа с современными ему поэтами.
33. Римская поэзия как исторический источник (на примере Понтийских элегий Овидия).
34. «Деяния божественного Августа»: пропаганда, историческая справка, отчет?
35. Общая характеристика литературной эпохи после Августа; ее особенности и основные представители.
36. Римская историческая и биографическая проза эпохи после Августа (Веллей Патеркул, Валерий Максим, Корнелий Тацит, Светоний Транквилл).
37. Особенности развития литературного процесса в эпоху поздней Римской империи.
38. Виды и особенности позднеримского красноречия.
39. Языческая историография эпохи поздней Римской империи; ее особенности (Евтропий, Аврелий Виктор, Аммиан Марцеллин).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
- ВДИ — Вестник древней истории. Москва
- ГИМ — Государственный исторический музей. Москва
- ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы. Москва
- КСИ-ИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
- СА — Советская археология. Москва
- CIRB — Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Корпусе Восточных надписей. Москва; Ленинград
- CIQ — Classical Quarterly. Cambridge
- CIPh — Classical Philology. Cambridge
- DIR — De Imperatoribus Romanis. An Online Encyclopedia of Roman Rulers and their Families. <http://www.roman-emperors.org> (accessed 1 November 2020)
- eDIL — eDIL 2019. An Electronic Dictionary of the Irish Language, based on the Contributions to a Dictionary of the Irish Language (Dublin: Royal Irish Academy, 1913-1976). <http://www.dil.ie> (accessed 1 November 2020)
- FrGrH — Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Leiden
- GPC — Geiriadur Prifysgol Cymru Online. 2014. University of Wales Centre for Advanced Welsh & Celtic Studies, 2014. <http://www.geiriadur.ac.uk> (accessed 1 November 2020)
- HB — Historia Britonum¹
- Hermes — Hermes. Zeitschrift für classische Philologie. Berlin
- JHS — The Journal of Hellenic studies. London
- LGPN — A Lexicon of Greek Personal Names. Ed. by P.M. Flaser, E. Matthews. Oxford
- MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Manchester
- MGH AA — Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi / Ed. Th. Mommsen. Berlin

---

¹ Мы ссылаемся на латинский текст издания А. ван Хамеля, основанный на публикации варианта Harleian в MGH AA.

- PL — Patrologia Latina
RE — Au. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus,
K. Ziegler (Hrsgg.), Pauly's Real-Encyclopädie der
classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894–1980
REA — Revue des Études Anciennes. Bordeaux
REG — Revue des Études Grecques. Paris
TAM — Tituli Asiae Minoris. Wien

ОБ АВТОРАХ

БЕЛИКОВ Григорий Сергеевич, ассистент. Работает на кафедре с 2013 г.

БЕЛОУСОВ Алексей Владиславович, кандидат филологических наук, доцент. Работает на кафедре с 2009 г.

ЖИВЛОВА Нина Юрьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель. Работает на кафедре с 2002 г.

КОРЧАГИН Алексей Олегович, кандидат филологических наук, старший преподаватель. Работает на кафедре с 2014 г.

КРЮКОВ Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, старший преподаватель. Работает на кафедре с 1998 г.

КУВШИНСКАЯ Ирина Владимировна, старший преподаватель. Работает на кафедре с 1981 г.

МОСОЛКИН Алексей Владиславович, кандидат исторических наук, доцент. Работает на кафедре с 2009 г.

ПАРФЕНОВА Елизавета Глебовна, старший преподаватель. Работает на кафедре с 2012 г.

ПОДОСИНОВ Александр Васильевич, доктор исторических наук. Заведующий кафедрой с 2008 г.

ПРИХОДЬКО Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент. Работает на кафедре с 1991 г.

СМЫКА Ольга Викторовна, старший преподаватель. Работает на кафедре с 1972 г.

ШАБАГА Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент. Зам. заведующего кафедрой. Работает на кафедре с 1974 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Подосинов</i> Предисловие	5
--	---

Научные статьи

<i>А.О. Корчагин</i> Имя Бога Шаддай и его трактовка в Септуагинте	9
<i>Е.В. Приходько</i> Оракул Аполлона в Патарах и его изречение Сидимам	16
<i>А.В. Подосинов</i> Геракл Скифский и Геракл Кельтский: к истории одной генеалогической легенды	65
<i>Е.Г. Парфенова</i> Подлинность и текст трактата Аристотеля «Категории»: история вопроса и его современное состояние	109
<i>А.В. Белоусов</i> «Частные письма» и «заключения»: к проблеме «материи» и «формы»	121
<i>А.В. Мосолкин</i> Ромул и Рем, Марс, Рея Сильвия и волчица: персонажи в поисках друг друга (искусство Италии в VI-I вв. до н. э.)	140
<i>А.М. Крюков</i> Трактовка категории залога в грамматической традиции греческого Просвещения: истоки и развитие	175

Переводы, публикации, комментарии

<i>А.О. Корчагин</i> Переводы из Горация	196
<i>И.Ю. Шабига</i> Две речи Кв. Аврелия Симмаха к императорам Валентиниану I и Грациану	199
<i>О.В. Смька</i> Трифидор. «Взятие Илиона» — памятник позднего греческого эпоса	222

О.В. Смька

Памятник позднего эпоса — поэма Коллуфа «Похищение Елены» 239

Н.Ю. Живлова

«Бриттская книга»: Ненний в ирландском переводе 252

И.В. Кувшинская

Описание Рима из трактата Поджо Браччолини «Истории о непостоянстве Фортуны» 270

Рецензии

Г.С. Великов

Рецензия на книгу: *Timotin A. La prière dans la tradition platonicienne, de Platon à Proclus. [Recherches sur les rhétoriques religieuses, 22].* Turnhout: Brepols, 2017. 296 p. ISBN 978-2-50357-482-0. 302

Учебно-методические материалы

И.Ю. Шабага

Программа спецкурса «Античная литература» 309

Список сокращений 323

Об авторах 325

Научное издание

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

Выпуск VI

Ответственный редактор:

А.В. Подосинов

Редколлегия сборника:

Е.В. Приходько, И.Ю. Шабига

Корректор:

И.В. Подосинова

Оригинал-макет:

А.М. Крюков

Издательство «Индрик»

INDRIK publishers has the exceptional right
to sell this book outside Russia and CIS countries.

This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

e-mail: indric@mail.ru

or by tex./fax.: +7 495 938 57 15

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

ЛП № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

28,0 п. л. Тираж 300 экз. Заказ №